

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

4

2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.08.2023

Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Гугуев Д.К.* Цифровизация в современном городе: социологический анализ..... 4
- Заварзина Ю.В.* Роль дорожно-транспортной инфраструктуры в развитии региона: социальное моделирование и прогнозирование..... 14
- Кравченко А.И.* Социология повседневности..... 41

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ардашев Р.Г.* Представления россиян о снах и сновидениях..... 61
- Баев П.А.* Гражданская и национальная идентичность россиян..... 69
- Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Шантанов Р.В.* Социокультурные особенности развития сельских территорий как фактор изменения вектора взаимодействия населения в условиях смешанных этнопоселений..... 77
- Журавлев А.А.* Политика импортозамещения: конструирование общественного мнения через медиаресурсы..... 86
- Журавлева И.А.* Социальные эффекты цифровизации государственного управления... 93
- Люберцев П.П.* Изучение аспектов изменения жизненного пространства молодежи..... 110
- Мехришвили Л.Л., Шестаков С.А., Фарахутдинов Ш.Ф., Юдашкин А.В.* Семья в контексте социально-демографической политики региона..... 118
- Москвитина Н.В.* Гендерные аспекты региональной политики занятости: на примере Иркутской области..... 129
- Туркова В.Н.* Экспертный анализ коррупции в спорте..... 146

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Гаврилов П.С.* Формирование средовой идентичности учебных мигрантов в российских вузах..... 156

- Калинич В.С., Верпатова О.Ю.* Патриотизм в восприятии современной студенческой молодежи..... 165

- Коган Е.А.* Сравнение идеального и реального образов преподавателя технического вуза..... 175

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Потемкин В.К., Вельмисова Д.В., Михайлов С.Г.* Предметно-деятельные характеристики фактора перцепции в стратегии развития предприятий..... 181
- Игумнов О.А., Мусарский М.М.* Социальный капитал как фактор управления формированием организационных знаний: социоресурсный подход..... 188
- Рзаева А.Р.* Подходы к выбору методов обучения персонала в организациях сферы торговли..... 197
- Усов В.Н., Бурцев С.А., Миронов А.С.* Социальные последствия изменения досуговых предпочтений современной молодежи: от активных форм отдыха к онлайн-развлечениям..... 204
- Ушаков Е.В.* Проблема классификации видов данных в исследованиях публичного управления..... 212
- Федотова Т.В.* Основные направления совершенствования социальных технологий в системе управления образованием..... 218

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Викторов А.В.* Ценностные установки в философских исследованиях искусственного интеллекта..... 228

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Крюков В.В., Хаяров Д.Г.* Этимон цифры и числа..... 235
- Собин А.А., Латышева Н.А., Александрова И.Б., Семенова Н.В., Гусакова И.М.* Социальные аспекты внутриколлективных конфликтов в современных организациях: основные причины и пути решения..... 240

Цифровизация в современном городе: социологический анализ

Гугуев Даниил Константинович,

кафедра современной социологии, МГУ имени

М.В. Ломоносова

E-mail: daniilguguev@gmail.com

В центре внимания статьи находятся современные города, повседневная жизнь в которых трансформируется под воздействием процесса цифровизации. Выявляется эвристический потенциал понятия городских ритмов как инструмента социологического анализа городской повседневности в условиях цифровой реальности. Делается вывод о том, что цифровизация носит амбивалентный характер: упрощая решение различных повседневных задач, технологические новации создают социальные проблемы, масштаб которых зачастую может недооцениваться. Автором раскрываются социальные последствия, обусловленные физическим воздействием цифровой инфраструктуры города на окружающую среду, а также анализируется влияние цифровых технологий на социальные связи и отношения горожан.

Ключевые слова: цифровизация, город, повседневная жизнь, повседневные практики, городские ритмы, цифровые риски, городское сообщество, индивидуализация, платформенный урбанизм, платформенный капитализм.

Цифровизация является одним из ключевых социальных процессов, определяющих специфику современности. Социологическое осмысление цифровизации необходимо осуществлять в контексте городской среды, так как сегодня мировое сообщество является высокоурбанизированным. Согласно данным, приведенным в отчете ООН, в 2020 году более половины населения Земного шара (56,2%) проживало в городах, при этом прогнозируется, что число городских жителей будет расти и в 2030 году составит 60,4% от числа всех жителей планеты [1].

Цифровые технологии представляют собой часть материального мира, которая с каждым днем оказывает все большее воздействие на различные социальные явления и процессы. В силу данного обстоятельства современные общества рассматриваются под особым ракурсом, когда социологи приписывают значение предметной сфере как тому, что определяет специфику социальных взаимодействий. В частности, такое прочтение социальной реальности содержится в концепции гибридизации Дж. Урри, по мнению которого социология должна изучать мобильности не только людей, но также вещей, информации, отходов и т.д. [2]

Учет материального контекста важен и потому, что город, выступающий сегодня важнейшей формой социальной жизни, является физической сущностью, обладающей пространственно-архитектурными и временными особенностями. Цифровые технологии серьезным образом трансформируют пространственно-темпоральную структуру современных городов и тем самым оказывают воздействие на социальные связи и отношения горожан, что может быть прослежено на уровне городских ритмов.

Понятие городских ритмов получает серьезное осмысление задолго

до оформления процесса цифровизации в трудах А. Лефевра, который в XX столетии разработал метод под названием «ритманализ» для всестороннего изучения городской повседневности [3]. Определяя ритмы как «локализованное время» и «темпорализированное место», французский ученый демонстрирует взаимосвязь пространственных и временных координат городской жизни. По мысли А. Лефевра, ритмы, конституируемые в ходе множества повторяющихся изо дня в день социальных практик, упорядочивают повседневность города.

Определяемое таким образом понятие городских ритмов можно использовать в качестве инструмента социологического анализа современных городов в условиях цифровой реальности. Данный концепт учитывает физические и социальные аспекты в их тесной взаимосвязи и проливает свет на трансформационные процессы, происходящие в ходе цифровизации городской повседневности.

В сегодняшних городах многие ритмы обусловлены функционированием сложных социотехнических систем. Как отмечают К. Ратти и М. Клодел, повседневная жизнь в современном городе – это непрерывный поток огромных массивов данных, которые продуцируются сложной структурой аппаратного и программного обеспечения. Эта структура образуется повсюду установленными специальными сенсорами, фиксирующими состояние окружающей среды и перемещения как людей, так и объектов; устройствами, которые на базе цифрового программного управления способны реагировать на данные в режиме реального времени и воздействовать на физическую среду. Координируют взаимодействие сенсоров и устройств, выявляют паттерны поведения и прогнозируют возможные сценарии в будущем алгоритмы, обрабатывающие огромные массивы данных. Элементы городской инфраструктуры, снабженные цифровыми сенсорами и устройствами, обрабатывающими городские данные посредством алгоритмов, образуют Интернет вещей – геопространственную

сеть, в рамках которой посредством Интернета объединяются различные материальные объекты в единое целое [4, С. 51–53].

Цифровые технологии становятся обыденными, так как являются стратегически значимыми с точки зрения оптимизации множества городских процессов. В частности, сетевая архитектура Интернета вещей, технологии больших данных, алгоритмы искусственного интеллекта участвуют в регулировании транспортных потоков, благодаря чему конструируются новые городские ритмы, влияющие на повседневные практики горожан [5]. Такие новшества, как, например, бесконтактная оплата, электронная подача документов, запись на прием к врачу через Интернет, имеют в своей основе те же технологические моменты и тоже оказываются включенными в повседневность городских жителей [6, С. 75].

Несомненно, цифровые технологии сегодня играют важную роль, регулируя различные социальные процессы, протекающие в городской среде. Однако при оценке значимости этих технологий необходимо учитывать новизну и высокую скорость их распространения в повседневной жизни, что обуславливает потребность в научном прогнозировании и моделировании возможных сценариев развития социальных проблем, вызванных цифровизацией. Стремительное и всестороннее внедрение цифровых технологий в повседневность горожан во многом объясняет тот факт, что в современной социологии не сложилось единого мнения относительно вопросов о значении цифровизации и ее социальных последствиях. Обсуждение этих моментов зачастую носит дискуссионный характер и рождает многочисленные споры [7, С. 10].

Сегодня существует обширный блок социологических теорий, в которых цифровые устройства и их роль в повседневности подвергается критическому переосмыслению. Социологами совершается попытка продемонстрировать деструктивные последствия и риски, связанные с внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь.

Указанная теоретическая перспектива прослеживается, в частности, в трудах У. Бека, автора концепции «общества риска» [8]. Немецкий социолог в работе «Метаморфозы современного мира» [9] полагает, что распространение инновационных технологий в общественной жизни является эпохальным изменением и поэтому выступает в качестве метаморфозы, называемой ученым «цифровой метаморфозой». Современные технологии рождают «цифровые риски», которые, согласно У. Беку, носят скрытый и неочевидный характер. Хотя негативное влияние цифровых технологий часто может оставаться незамеченным, цифровые риски, как утверждает немецкий социолог, имеют чрезвычайно серьезные социальные последствия.

Так, концепция «умного» города предполагает цифровизацию городской инфраструктуры с целью повышения качества жизни горожан. Сторонники этой концепции считают, что цифровые устройства позволяют координировать различные городские процессы и оптимизировать расход ресурсов (вода, электричество и т.д.) путем автоматизированного анализа данных, продуцируемых специальными сенсорами и датчиками, фиксирующими состояние окружающей среды. Примером может служить система управления городским освещением, которая благодаря работе алгоритмов искусственного интеллекта регулирует количество света в зависимости от погодных условий, времени суток и т.д. Это позволяет более рационально использовать электроэнергию, что уменьшает экологический след городской повседневной жизни.

Тем не менее развитие «умного» города неизбежно ведет к росту энергопотребления. Какими бы энергоэффективными ни были «умные» технологии, они потребляют электричество, поэтому по мере расширения цифровой городской инфраструктуры будет возникать необходимость во все больших объемах энергии. Некоторые меры по улучшению экологической обстановки, предпринимаемые властями в различных городах мира, являются результативными лишь

отчасти. В частности, электрификация транспорта с целью решения проблемы загрязнения атмосферы проводится во многих странах параллельно с цифровым развитием общества, что сопряжено с ростом энергопотребления и, соответственно, с увеличением антропогенного воздействия на окружающую среду. Все это усугубляет проблемы согласования временных колебаний спроса и предложения в сфере энергетики и ставит под вопрос возможность непрерывного функционирования цифровых инфраструктур, обуславливающих ритмы повседневной жизни в современных городах [10].

Указанная проблема характерна и для концепции «умного» дома. «Умные» счетчики, термостаты, холодильники, пылесосы и т.п., с одной стороны, оптимизируют расход электроэнергии, полностью подстраиваясь под привычки людей и их распорядок дня. С другой стороны, все эти устройства, даже пребывая в «нерабочем» состоянии, продолжают потреблять электричество, поскольку постоянно находятся в режиме ожидания. По этой причине можно встретить утверждение, что технологии «умного» дома являются «энергетическими вампирами». В частности, специалист в области IT-технологий Н.С. Хьюз полагает, что объемы энергии, незаметно потребляемой цифровыми устройствами в «умном» доме, могут составлять до 20% ежемесячного счета за электроэнергию, что приводит не только к экономическим, но и экологическим издержкам. Регулярное отключение «энергетических вампиров» может снизить энергопотребление, однако не все готовы пойти на такие меры, так как в данном случае будет нарушаться непрерывность работы «умных» технологий вследствие их постоянных перезагрузок. Н.С. Хьюз обращает внимание на еще один важный момент: компании, преследуя экономические интересы, производят «умные» девайсы для дома, закладывая в последние небольшой срок службы, чтобы люди чаще обновляли их и тем самым обеспечивали возможность извлечения прибыли. Таким образом, судить

об энергоэффективности «умного» дома довольно сложно, особенно учитывая вышеотмеченные обстоятельства, свидетельствующие о серьезном экологическом следе, который создают «умные» технологии, используемые в быту [11].

Особое беспокойство у ученых вызывает производство криптовалют, которое связано с серьезными экологическими издержками. Следует отметить, что современные города играют ключевую роль в мировой экономике. Согласно С. Сассен, глобальная экономическая система образуется сложной сетью глобальных городов, являющихся площадками, где происходят различные экономические процессы [12]. Цифровые технологии активным образом внедряются в глобальную экономику, о чем свидетельствует широкое распространение криптовалют в рамках городских пространств. Сегодня многие глобальные города являются крупнейшими в мире криптохабами: в 2022 году в пятерку лидеров по использованию цифровых активов вошли Лондон, Дубай, Нью-Йорк, Сингапур, Лос-Анджелес [13]. Таким образом, криптовалюта становится важным финансовым инструментом для глобальных городов, выступающих узловыми элементами глобальной экономики.

Вместе с тем криптовалютные рынки наносят значительный экологический ущерб. В частности, наиболее распространенная цифровая платежная сеть Биткойн представляет собой чрезвычайно сложную систему, для функционирования которой необходимы энергоемкие вычислительные мощности. В 2020 году при производстве Биткойнов были использованы столь значительные объемы энергии, что они превысили объемы энергопотребления отдельно взятых государств (например, Австрии или Португалии). При этом по мере повышения биржевых цен на Биткойн растет потребление энергии. Так, с 2016 по 2021 годы экологический след производства Биткойна вырос в 126 раз. Биткойн по степени влияния на окружающую среду сопоставим с товарами, производство которых наносит существенный урон

экосистеме Земли (говядина, газовая электроэнергия, бензин). Исходя из этого, ученые, перефразируя Н. Поппера [14], пишут о том, что Биткойн является скорее «цифровой нефтью», нежели «цифровым золотом» [15].

Цифровые риски, связанные с экологическими издержками, обусловлены физическим воздействием цифровой инфраструктуры города на окружающую среду. Вместе с тем всестороннее проникновение цифровых технологий в городскую повседневность оказывает серьезное влияние на социальные связи и отношения.

Появление мобильных устройств (смартфонов, планшетов, «умных» часов и т.д.) упростило решение самых разных повседневных задач. Эти технологические новшества начали определять всю повседневную жизнь людей и их восприятие самих себя. Социологи в этой связи пишут о слиянии человека и техники, что является отсылкой к идеям Ф. Фукуямы о «постчеловеческом будущем» [16]. Как считают К. Ратти и М. Клодел, сегодня можно говорить о «постчеловеке», который во все большей степени полагается на мобильные цифровые технологии в рамках тех или иных вопросов. Многие мыслительные процессы человека передаются смартфонам, которые успешно справляются с запоминанием информации (список контактных номеров), ориентацией в городском пространстве (навигационные онлайн-карты) и т.д. [4, С. 101–102] Иными словами, функционал мобильных устройств становится основой для совершения различных повседневных практик, что является закономерным результатом цифровизации повседневной жизни.

Смартфоны и прочие мобильные технологии работают на базе цифровых платформ, которые представляют собой сложнейшим образом организованную технологическую инфраструктуру, обеспечивающую возможность персонализированного социального взаимодействия между людьми и социальными группами. Комплексность платформ объясняется тем, что они сочетают в себе различные цифровые технологии,

включая сети, большие данные, алгоритмы.

Проникновение платформ в общественную жизнь имеет серьезный социальный эффект. Платформы создают новые правила, задают социальные нормы и ценности, институционализируют модели поведения и, соответственно, конструируют повседневные практики. В последние годы ученые уделяют все большее внимание анализу влияния цифровых платформ на городскую повседневность. Платформы, получившие широкое распространение в контексте пандемии коронавируса, сегодня лежат в основе многих трудовых и досуговых практик городских жителей. Высокая роль цифровых платформ в современных городах позволяет ученым утверждать о формировании «платформенного урбанизма», при котором платформенные инфраструктуры вписываются в городское пространство, опосредуя социальные связи и отношения горожан [17, Р. 21].

Воздействие платформ на повседневность города прослеживается на уровне городских ритмов, так как платформенные инфраструктуры вносят существенные коррективы в пространственно-темпоральные параметры городской жизни. Цифровые платформы способствуют индивидуализации повседневного опыта городских жителей, продвигая идею о том, что время есть индивидуальный ресурс, который необходимо беречь и накапливать [18]. Маркет-плейсы, сервисы такси и доставки еды, цифровые карты и т.д. помогают каждому управлять своим временем, в чем-то упрощая перемещение по городскому пространству или вовсе избавляя от необходимости в лишнем передвижениях.

Все эти моменты становятся причиной серьезной трансформации городской повседневности. Как отмечает С. Маккуайр, раньше координация повседневных взаимодействий с точки зрения пространственно-временных координат городской жизни обеспечивались технологиями, которые носили обобществленный характер, поскольку

определяли повседневный опыт одновременно всех людей. Так, например, для представителя Чикагской школы Л. Вирта символическим проявлением технологически регулируемого социального порядка в городе первой половины XX века выступали часы и светофоры [19, Р. 16]. Сегодня же, согласно С. Маккуайру, мы имеем дело с персональными мобильными устройствами, которые увеличивают вариативность повседневных практик и обеспечивают горожанам новые возможности для построения индивидуальных траекторий [20, С. 169].

Персонификация городской повседневности благодаря мобильным технологиям, функционирующим на базе цифровых платформ, имеет значительные социальные последствия. Индивидуализация как один из ключевых социальных процессов современности стартовала не сегодня, а в XVIII веке и была обусловлена сложными социальными изменениями, происходившими в западной культуре в рамках развития европейских обществ модерна [21]. Тем не менее, как полагает С. Маккуайр, социальные тенденции, связанные с индивидуализацией повседневных практик горожан, сегодня не исчезают, а напротив, усиливаются благодаря совершенствованию цифровых технологий [20, С. 160].

С социологической точки зрения город представляет собой гетерогенное сообщество, в котором социальные взаимодействия осуществляются в условиях широкого разнообразия социальных групп [19, Р. 16–18]. Р. Сеннет полагает, что индивидуализация губительно сказывается на городской повседневности, поскольку города, по его мнению, изначально являются пространством социального, а не личного. Американский социолог пишет: «Город – это инструмент неличностной жизни, форма, в которой многообразии и сложности личностей, интересов и вкусов становятся доступными в качестве социального опыта. Страх перед имперсональным разрушает эту форму» [22, С. 393]. Продолжая рассуждения Р. Сеннета, С. Маккуайр указывает на то, что интенсификация процесса индивидуализации в резуль-

тате цифровизации оказывает деструктивное воздействие на городскую жизнь. Космополитическая сущность города нивелируется появлением индивидуальных сред обитания, которые благодаря персональным цифровым устройствам приспособлены к потребностям отдельных людей [20, С. 160].

Сегодня платформы являются цифровым пространством, в котором развиваются капиталистические отношения. Платформенные структуры движимы рыночными силами эффективности и стремлением постоянного извлечения прибыли [23]. Капитализм, функционирующий на базе цифровых платформ («платформенный капитализм»), может оказывать негативное влияние на повседневные практики горожан. Так, за стремлением городских платформ помочь людям эффективнее управлять своим временем скрываются сложные отношения власти в повседневном производстве городских ритмов, которое осуществляется на основе непрозрачной работы алгоритмов, следующих жесткой логике накопления [18]. В частности, в различных исследованиях делается вывод о том, что цифровые платформы контролируют деятельность водителей такси, заставляя последних работать дольше и быть в дороге в невыгодные часы для моментального удовлетворения запросов потребителей таксомоторных услуг [24, 25]. Таким образом, платформенные структуры крайне неоднозначно воздействуют на городское сообщество, удовлетворяя потребности одних горожан и создавая трудности для других.

В последние годы в центре внимания социологов оказывается проблема влияния платформенных структур на городские ритмы ночного города. Этому вопросу посвящаются научные конференции [26], в рамках которых различные ученые пытаются выявить социальные последствия «колонизации» ночного пространства платформенным капитализмом.

Так, активно обсуждается ситуация, при которой гиг-работники трудятся по ночам, обеспечивая круглосуточ-

ное предоставление тех или иных услуг. С биологической точки зрения человеческий организм должен отдыхать и набираться сил в ночное время суток, однако цифровые платформы, функционирующие в соответствии с логикой капитализма, игнорируют этот естественный принцип и ставят во главу угла извлечение как можно большей прибыли, институционализируя работу в ночное время, следствием чего может быть возникновение серьезных нарушений здоровья.

Интересно, что данная проблема была обозначена еще в 1930-е годы в творчестве А. Лефевра, осуществившего концептуализацию циклических и линейных ритмов, лежащих в основе городской повседневности. Циклические ритмы – это природные ритмы, обусловленные сменой дня и ночи, времен года, периодами покоя и активности живых организмов и т.д. Линейные ритмы – это ритмы труда и потребления, время капитализма. Согласно французскому мыслителю, по мере развития капиталистических отношений линейные ритмы вступают в противоречие с циклическими ритмами, в результате чего возникает аритмия, сказывающаяся негативным образом на организме человека [27, Р. 195–197]. Как видим, рассуждения А. Лефевра сегодня по-прежнему актуальны: проблема несоответствия циклических и линейных ритмов обостряется в контексте развития платформенного капитализма.

Иллюстрируя вышесказанное, укажем на следующее обстоятельство. С началом пандемии COVID-2019 широко распространение получили сервисы экспресс-доставки еды, которые функционируют на базе так называемых дарксторов – складов, где применяется автоматизированная система сборки заказов, обеспечивающая доставку продуктов в кратчайшие сроки – 15–30 минут. В этой сфере больших успехов достигла Москва, где, в частности, действует электронный сервис «Яндекс-лавка» [28], предоставляющий свои услуги в круглосуточном порядке. Очевидно, подобные цифровые новшества существенно упростили покупку про-

довольственных товаров. Однако тревожным является тот факт, что сервисы экспресс-доставки еды в нашей стране функционируют в режиме 24/7. Трудовая деятельность в ночное время наносит серьезный урон здоровью людей, поэтому, как представляется, «колонизация» ночного города платформенным капитализмом должна быть урегулирована на уровне трудового законодательства, нормирующего режим труда и отдыха работников.

Анализ проблемы несоответствия циклических и линейных ритмов подчеркивает амбивалентный характер цифровизации городской повседневности в целом. Выстраивание городской инфраструктуры на базе цифровых технологий дает возможность оптимизировать множество городских процессов (регулирование транспортных потоков, предоставление госуслуг в цифровом формате и т.д.), однако для нормального протекания повседневной жизни горожан важно непрерывное функционирование технологической основы города, что требует своевременного устранения возможных цифровых сбоев в круглосуточном режиме. Из этого следует, что повседневность в цифровом городе неизбежно предполагает ночную занятость, сказывающуюся негативным образом на здоровье городских жителей.

Таким образом, цифровизация в современных городах является социальным процессом, имеющим крайне противоречивую сущность. Цифровые технологии постоянно развиваются и усложняются, продолжая проникать в различные уголки повседневной жизни горожан. По этой причине цифровизация выходит за рамки существующего социологического знания, приобретая все новые формы. Тем не менее уже сегодня очевидно, что цифровые устройства могут оказывать деструктивное воздействие, рождая серьезные социальные проблемы. В контексте этого представляется важной предварительная оценка социальных рисков, связанных с конструированием городской среды на базе цифровых технологий, с учетом тех выводов, которые формулируются социологами.

Литература

1. World Cities Report 2022 // The United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat) URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2022/06/wcr_2022.pdf (дата обращения: 11.06.2023).
2. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
3. Lefebvre H. *Éléments de rythmanalyse: Introduction à la connaissance des rythmes* / H. Lefebvre. Paris: Éditions Syllepse, 1992. 116 p.
4. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня. Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / К. Ратти, М. Клодел; пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 248 с.
5. Coletta C., Kitchin R. *Algorhythmic governance: Regulating the 'heartbeat' of a city using the Internet of Things* // *Big Data & Society*. 2017. Vol. 4. No 2. P. 1–16.
6. Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К. Эволюция цифровых полей социальных трансформаций мегаполиса // *Экономика. Социология. Право*. 2021. № 4 (24). С. 73–85.
7. Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2022. Т. 28. № 3. С. 7–27.
8. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну* / У Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
9. Beck U. *The metamorphosis of the world: How climate change is transforming our concept of the world* / U. Beck. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2016. 223 p.
10. Monstadt J. *Urban and infrastructural rhythms and the politics of temporal alignment* // *Journal of Urban Technology*. 2022. Vol. 29. No 1. P. 69–77.

11. Hughes N.C. Energy-draining vampire devices: hidden dangers of your smart home // Cybernews. 2022. August 8th URL: <https://cybernews.com/security/energy-draining-vampire-devices-hidden-dangers-of-your-smart-home/> (дата обращения: 11.06.2023).
12. Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo* / S Sassen. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991. 397 p.
13. Howitt D. The rise of crypto hubs: which cities are leading the way in cryptocurrency adoption? // Recap. 2023. January 26th URL: <https://recap.io/en-US/blog/the-rise-of-crypto-hubs-which-cities-are-leading-the-way-in-cryptocurrency> (дата обращения: 11.06.2023).
14. Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна, или как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / Н. Поппер; пер. с англ. А.Ю. Барабаша. М.: Диалектика, 2017. 368 с.
15. Jones B.A., Goodkind A.L., Berrens R.P. Economic estimation of Bitcoin mining's climate damages demonstrates closer resemblance to digital crude than digital gold // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. No 14512 URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-022-18686-8> (дата обращения: 11.06.2023).
16. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. М.: Изд-во АСТ, 2008. 349 с.
17. Barns S. *Platform urbanism: Negotiating platform ecosystems in connected cities* / S. Barns. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 232 p.
18. Pantazidou M. Right here, right now: Rapid avocados, gig work and temporal justice // *The Sociological Review Online*. 2022. March 8th URL: <https://thesociologicalreview.org/magazine/march-2022/time/right-here-right-now/> (дата обращения: 11.06.2023).
19. Wirth L. *Urbanism as a way of life* // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. No 1. P. 1–24.
20. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / С. Маккуайр; пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Strelka Press, 2014. 389 с.
21. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна / Ю.А. Кимелев, Н.Л. Полякова. М.: ИИЦ «Праксис», 2017. 492 с.
22. Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет; пер. с англ. О. Исачевой и др. М.: Логос, 2002. 424 с.
23. Срничек Н. Капитализм платформ // *Экономическая социология*. 2019. Т. 20. № 1. С. 72–82.
24. Шевчук А.В., Чижова Д.А., Демина Д.Е., Чугункова В.А. Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 3. С. 356–381.
25. Schein R. From free time to idle time: Time, work-discipline, and the gig economy // *Research Handbook on Law and Marxism* / Ed. by P. O'Connell. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 400–420.
26. Call for Proposals – Augmented Cities Conference // NITE URL: <https://www.nightspace.net/migrant-bike-couriers-in-smart-city-at-night/berlin-conference/> (дата обращения: 11.06.2023).
27. Elden S. *Understanding Henri Lefebvre: Theory and the possible* / S. Elden. L., N.Y.: Continuum, 2004. 265 p.
28. Яндекс-лавка URL: <https://lavka.yandex.ru/> (дата обращения: 11.06.2023).

DIGITALIZATION IN THE MODERN CITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Guguev D.K.

Lomonosov Moscow State University

The article focuses on modern cities, where everyday life is transformed as a result of digitalization. The heuristic potential of the concept of urban rhythms as a tool for the sociological analysis of urban everyday life in the conditions of digital reality is revealed. It is concluded that digitalization has ambivalence: technological innovations not only simplify the solution of various everyday tasks, but also create social problems, the scale of which can often be underestimated. The author discovers the social consequences

caused by the physical impact of urban digital infrastructure on the environment, and also analyzes the influence of digital technologies on city residents' social connections and relationships.

Keywords: digitalization, city, everyday life, everyday practices, urban rhythms, digital risks, urban community, individualization, platform urbanism, platform capitalism.

References

- World Cities Report 2022 // The United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat) URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2022/06/wcr_2022.pdf (accessed: 11.06.2023).
- Urry J. *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2012. 336 p.
- Lefebvre H. *Eléments de rythmanalyse: Introduction à la connaissance des rythmes*. Paris: Éditions Syllepse, 1992. 116 p.
- Ratti C., Claudel M. *The city of tomorrow: Sensors, network, hackers, and the future of urban life*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 248 p.
- Coletta C., Kitchin R. *Algorithmic governance: Regulating the 'heart-beat' of a city using the Internet of Things // Big Data & Society*. 2017. Vol. 4. No 2. P. 1–16.
- Efimochkina N.B., Mamedov A.K. *Evolution of digital fields of social transformations of the megalopolis // Economy. Sociology. Law*. 2021. No 4 (24). P. 73–85.
- Osipova N.G. *Digitalization of social reality: key discussions // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2022. Vol. 28. No 3. P. 7–27.
- Beck U. *Risk society: Towards a new modernity*. Moscow: Progress-tradition, 2000. 381 p.
- Beck U. *The metamorphosis of the world: How climate change is transforming our concept of the world*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2016. 223 p.
- Monstadt J. *Urban and infrastructural rhythms and the politics of temporal alignment // Journal of Urban Technology*. 2022. Vol. 29. No 1. P. 69–77.
- Hughes N.C. *Energy-draining vampire devices: hidden dangers of your smart home / Cybernews*. 2022. August 8th URL: <https://cybernews.com/security/energy-draining-vampire-devices-hidden-dangers-of-your-smart-home/> (accessed: 11.06.2023).
- Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991. 397 p.
- Howitt D. *The rise of crypto hubs: which cities are leading the way in cryptocurrency adoption? // Recap*. 2023. January 26th URL: <https://recap.io/en-US/blog/the-rise-of-crypto-hubs-which-cities-are-leading-the-way-in-cryptocurrency> (accessed: 11.06.2023).
- Popper N. *Digital gold: The untold story of Bitcoin*. Moscow: Dialectics, 2017. 368 p.
- Jones B.A., Goodkind A.L., Berrens R.P. *Economic estimation of Bitcoin mining's climate damages demonstrates closer resemblance to digital crude than digital gold // Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. No 14512 URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-022-18686-8> (accessed: 11.06.2023).
- Fukuyama F. *Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution*. Moscow: AST Publishing House, 2008. 349 p.
- Barns S. *Platform urbanism: Negotiating platform ecosystems in connected cities*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 232 p.
- Pantazidou M. *Right here, right now: Rapid avocados, gig work and temporal justice // The Sociological Review Online*. 2022. March 8th URL: <https://thesociologicalreview.org/magazine/march-2022/time/right-here-right-now/> (accessed: 11.06.2023).
- Wirth L. *Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. No 1. P. 1–24.
- McQuire S. *The media city: Media, architecture and urban space*. Moscow: Strelka Press, 2014. 389 p.
- Kimelev J.A., Polyakova N.L. *Modernity and the process of individualization: the historical fate of the Modern individual*. Moscow: PRC "Praxis", 2017. 492 p.
- Sennett R. *The fall of public man*. Moscow: Logos, 2002. 424 p.
- Srnicek N. *Platform capitalism // Economic Sociology*. 2019. Vol. 20. No 1. P. 72–82.
- Shevchuk A.V., Chizhova D.A., Demina D.E., Chugunkova V.A. *The work of taxi drivers under algorithmic control // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021. No 3. P. 356–381.
- Schein R. *From free time to idle time: Time, work-discipline, and the gig economy // Research Handbook on Law and Marxism*.

- Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 400–420.
26. Call for Proposals – Augmented Cities Conference // NITE URL: <https://www.night-space.net/migrant-bike-couriers-in-smart-city-at-night/berlin-conference/> (accessed: 11.06.2023).
27. Elden S. Understanding Henri Lefebvre: Theory and the possible. L., N.Y.: Continuum, 2004. 265 p.
28. Yandex-shop URL: <https://lavka.yandex.ru/> (accessed: 11.06.2023).

Роль дорожно-транспортной инфраструктуры в развитии региона: социальное моделирование и прогнозирование

Заварзина Юлия Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье проводится анализ государственной политики и необходимых социальных мер по развитию дорожно-транспортной инфраструктуры современной России. Анализируется отечественный и зарубежный опыт по развитию дорожно-транспортной инфраструктуры, при помощи SWOT-анализа выделяются сильные и слабые факторы, приводятся результаты опроса общественного мнения о перспективах и основных задачах развития дорожно-транспортной инфраструктуры в современной Российской Федерации.

Ключевые слова: дорожно-транспортная инфраструктура, развитие региона, социальное моделирование, прогнозирование, социальный анализ.

Каждый человек ежедневно сталкивается с дорожно-транспортной инфраструктурой. Это может быть поездка на учебу или работу, транспортировка товаров с интернет-магазинов или грузов с промышленных предприятий. Можно быть пассажиром общественного транспорта или водителем грузовика, личного автомобиля, велосипеда. При строительстве улиц важно создавать безбарьерную среду, чтобы улицами могли пользоваться все категории маломобильных граждан, а это матери с колясками, пожилые, инвалиды, люди, использующие средства индивидуальной мобильности. От того, на сколько качественно спроектированы, построены дороги и эффективно работает транспорт зависит благосостояние россиян. Ежегодно наблюдается рост автомобилизации, появляется больше участников дорожного движения, поэтому важно создавать безопасную среду.

В России протяженность дорог общего пользования составляет 1566 тыс. км., в Иркутской области 31,6 тыс. км. Это могут быть дороги федерального, регионального, межмуниципального и местного значения. По ним передвигается грузовой, пассажирский и личный транспорт. Грузооборот автомобильным транспортом в Российской Федерации за 2022 год составил 290,6 млрд т-км (+1,8% от 2021 года), пассажирооборот автомобильным транспортом 12,9 млрд пасс.-км (на уровне 2021 года). Это огромные значения, которые ежегодно растут, поэтому важно повышать качество инфраструктуры и увеличивать плотность дорожной сети, чтобы добиться больших экономических результатов.

Вместе с развитием дорожно-транспортной инфраструктуры, которая положительно влияет на социальное и экономическое развитие государства, есть также негативные аспекты этого процесса. В 2022 году в ДТП погибло

14,9 тыс. человек, пострадало 167,9 тыс. человек. Экономические убытки от аварий, основывающиеся на прямых и косвенных потерях, составляют в среднем 2% от ВВП страны.

Дорожно-транспортная инфраструктура негативно влияет на экологию. Около 50% всех загрязняющих веществ выбрасываются в атмосферу и почву автомобильным транспортом. При строительстве дорог разрушаются места обитания диких животных, портится естественный рельеф при добычи необходимых строительных материалов. От этого страдают люди, флора и фауна.

Говорить об изменении социального пространства территорий, моделирования их развития можно через изменение государственного и муниципального управления, с опорой на интересы населения, существующие общественные стереотипы и установки (Р.Г. Ардашева [15–17], Ю.В. Завразиной [19–21], О.А. Полюшкевич [24–27]). В работе Е.С. Демахина, Н.С. Поготовкиной, Е.А. Никитина и В.А. Пархоменко отражены социально-экономические последствия аварийности на автомобильных дорогах в Российской Федерации [18], вопросы общественного мнения. Связанного с транспортом рассмотрены в работах А.В. Медведева и Р.А. Медведева [22,23].

Из вышеописанного следует, что необходимо развивать позитивные стороны при использовании дорожно-транспортной инфраструктуры и минимизировать негативные. В настоящее время в России эта отрасль все еще проходит процесс становления из-за того, что до 90-х годов отсутствовал бурный рост автомобилизации. В связи с этим возникают проблемы, которые необходимо решать инновационным способом или используя накопленный опыт стран, где уровень автомобилизации и безопасности выше.

Основные направления и принципы государственного регулирования дорожно-транспортной инфраструктуры

Дорожно-транспортная инфраструктура является сложной, многосоставной системой, которая регулируется большим

количеством юридических документов, таких как: международные договоры и соглашения, Конвенции, Конституция РФ, Федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, законами субъектов РФ и иными документами. Связано это с тем, что дороги и транспорт непосредственно влияют на удовлетворенность жизнью каждого человека, состояние экологии, а также экономическое развитие целого государства и мира. Поэтому данная система является одной из ключевых в развитии социальной, экологической и экономической сфер жизни.

Статья 2 Конституции РФ декларирует, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, поэтому важнейшим направлением государственной политики признается создание безопасной и качественной дорожно-транспортной инфраструктуры. Риски от пользования транспортным должны быть сведены к минимуму, качество жизни должно увеличиваться [1].

Дорожно-транспортная инфраструктура состоит из трёх взаимосвязанных элементов. Дорога представляет собой поверхность искусственно созданных сооружений или обустроенную полосу земли, предназначенную для передвижения транспортных средств и людей. Дорога – это не только проезжая часть, но и разделительные полосы, трамвайные пути, тротуары и обочины. Транспорт – это механизм, используемый для перевозки по дорогам людей, грузов и оборудования, которое непосредственно установлено на нем. Дорожное движение объединяет понятия дорога и транспорт в виде совокупности общественных отношений, которые возникают в момент перемещения грузов и людей при помощи транспорта или без него в пределах дорог [4].

При развитии дорожно-транспортной инфраструктуры Российская Федерация ставит перед собой цель: удовлетворить потребность в инновационном социально ориентированном развитии экономики и общества в качественных транспортных услугах, которые будут конкурентоспособны в сравнении с лучшими мировыми аналогами [9].

Столь грандиозная цель требует дополнительного уточнения и дробления. Поэтому предлагается проявить узконаправленные цели, которые помогут конкретизировать направления работы. Стратегия развития транспортной системы до 2030 года с прогнозом до 2035 года предлагает 4 цели. Каждая цель имеет свои задачи.

Цель 1: обеспечение территорий высокой связностью и транспортной доступностью. Выделяются следующие задачи:

- увеличение и развитие транспортной связности между регионами для грузопассажирских перевозок;
- повышение транспортной доступности территорий, которые находятся на удалении;
- развитие в городских агломерациях доступности транспорта и связности транспортных систем;
- увеличение и развитие транспортной доступности России для мирового рынка.
- доведение дорожно-транспортной инфраструктуры до нормативного состояния и создание условий для долговременной устойчивости, в том числе от воздействия изменяющегося климата.

Цель 2: движение в сторону повышения мобильности населения и развития отрасли внутреннего туризма. Выделяются следующие задачи:

- повышение уровня мобильности населения и развитие внутреннего туризма;
- уменьшение времени, которые провели пассажиры в пути «от двери до двери»;
- необходимость в удовлетворении пассажиров и туристов безбарьерной и комфортной средой на протяжении всей поездки;
- развитие и увеличение качества транспортно-пересадочных узлов для пассажиров и доведение объектов до пользовательского качества.

Цель 3: необходимость в сокращении времени доставки и увеличении объема грузов, в том числе транзитных, развитие логистических технологий, где ис-

пользуется различный транспорт и моста пересадки и сортировки. Выделяются следующие задачи:

- перевозки грузов, в том числе мультимодальные и транзитные должны быть обеспечены высоким уровнем надежности, полноты услуг и скоростью доставки;
- форсирование развития транспортных международных коридоров, которые пролегают по территории РФ.

Цель 4: перестроение отрасли в цифровую и низкоуглеродную, с ускорением внедрения новых технологий. Выделяются следующие задачи:

- внедрение цифровизации в перевозке пассажиров;
- внедрение цифровизации в перевозке грузов;
- внедрение цифровизации в отслеживание жизненного цикла дорожной инфраструктуры и транспортных средств;
- внедрение цифровизации в систему управления транспортным комплексом;
- поднятие общего уровня развития технологий и уменьшение выбросов углерода от транспорта.

Кроме специфических задач, можно выделить общие, которые также перманентно влияют на дорожно-транспортную инфраструктуру:

- реализация национальных интересов государства при осуществлении политики, целью которой является развитие транспортной отрасли;
- применяя принципы устойчивого развития, необходимо снижать негативное воздействие на экологию и климат;
- повышение безопасности;
- развитие внешней торговли, экспортных услуг и международного сотрудничества;
- привлечение и развитие специалистов, как элемента человеческого капитала;
- развитие обороноспособности России и подготовки транспортной системы к мобилизации.

Перечисленные задачи конкретно демонстрируют, в каких направлениях

будет реализована государственная политика. Чтобы различные органы исполнительной власти не шли вразнобой, законодательство предусматривает принципы организации работы с дорожно-транспортной инфраструктурой в России. Эти принципы приведены в следующем списке:

- при организации дорожного движения необходимо учитывать интересы отдельного гражданина, общества и государства;
- организация дорожного движения необходима для социально-экономического развития территорий России;
- при организации дорожного движения приоритет отдается безопасности, по отношению к потерям во времени при передвижении транспорта и (или) пешеходов;
- приоритет отдается развитию общественного транспорта, как социально важной структуре;
- необходимость создания инфраструктуры для движения пешеходов и велосипедистов (людей, использующих средства индивидуальной мобильности);
- обеспечение населения актуальной и достоверной информацией о планах и мероприятиях по организации дорожного движения, незамедлительность в публичном распространении;
- создание и обеспечение экологической безопасности [5].

Обеспечение безопасности дорожного движения сложный и комплексный процесс, поэтому на территории Российской Федерации устанавливаются следующие принципиальные положения:

- при организации дорожного движения приоритет отдается обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан над экономическими результатами хозяйственной деятельности;
- государство несет на себе приоритетную ответственность за обеспечение безопасности на дорогах перед гражданами, которые принимают участие в дорожном движении;
- при обеспечении безопасности необходимо обеспечивать соблюдение

интересов граждан, общества и государства;

- обеспечение безопасности дорожного движения базируется на программно-целевом подходе [4].

Вышеописанные цели и задачи помогают выстроить единую государственную политику в дорожно-транспортной отрасли. Россия имеет федеральное политико-территориальное устройство, широко развитую систему местного самоуправления и рыночное устройство экономики. Исходя из этого собственником, а значит и субъектом управления участка дорожной инфраструктуры может быть федерация, субъект федерации, муниципальное образование, физическое или юридическое лицо. В зависимости от собственника и значения автомобильные дороги подразделяются на:

- дороги федерального значения;
- дороги регионального и межмуниципального значения;
- дороги местного значения;
- дороги, которые принадлежат частному лицу.

Каждой автомобильной дороге присваивается свой класс, который определяется после оценки технического состояния технических сооружений. Критериями служат: общее число полос движения; ширина полос движения и обочины; наличия и ширины разделительной полосы; от типа пересечения с автодорогой и доступа к ней. Выделяют следующие категории:

- автомагистраль (IA);
- скоростная автодорога (IB);
- обычная автодорога (IV, II, III, IV, V).

Автомагистраль не может иметь в одном уровне пересечения с другими транспортными путями, имеет разделительную полосу, по которой нельзя передвигаться, остановки на проезжей части и обочине запрещены, поэтому оборудованы специальными местами для отдыха и ремонта. Каждая такая дорога обязана быть обозначена. Общая протяженность в России таких дорог не сильно большая, всего 1601,8 км.

Чаще встречаются скоростные автодороги, требования к которым проще, а строительство их не такое дорогосто-

ящее. Они имеют доступ с помощью транспортных развязок или регулируемых перекрестков, останавливаться на проезжей части запрещено, имеются специальные места для отдыха и ремонта.

Обычными автомобильными дорогами считаются все остальные. Они имеют пересечения в одном уровне, не требуется установка разделительных полос, могут иметь по одной полосе в каждую сторону движения.

Также автомобильные дороги могут быть платными и бесплатными, общего и необщего пользования, иметь статус оборонного значения.

Дорожная инфраструктура есть динамическая система, которая изменяется под влиянием климатических, экономических, социальных проявлений. Дороги теряет свои свойства и нормативное состояние, ломаются из-за неблагоприятных погодных условий, повышенной нагрузки, некачественных строительных материалов, человеческого фактора. Исходя из этого, дорожная деятельность имеет свою классификацию и этапы действий.

Дорожная деятельность в себя включает: планирование, проектирование, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, ремонт, содержание и т.д.

При реконструкции автодороги происходит изменение параметров дороги, что может повлечь за собой изменение класса и (или) категории дороги, изменяя границы полос отвода.

При капитальном ремонте, в отличие от обычного ремонта, в допустимых пределах затрагиваются конструктивные и иные характеристики надежности и безопасности автодороги, не изменяя границы полосы отвода автомобильной дороги.

Наиболее повседневная, но не менее важная дорожная деятельность – это содержание дороги, при которой ведется поддержание ее в нормативном состоянии, проводится оценка технического состояния, ведется работа по организации и обеспечению безопасности дорожного движения.

Как уже говорилось, основополагающий принцип, по которому следуют все исполнительные органы власти – это обеспечение безопасности дорожного движения. Дефиниция этого понятия звучит следующим образом: это состояние процесса дорожного движения, которое показывает степень защиты его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. Чем больше происходит дорожно-транспортных происшествий, тем меньше уровень безопасности.

Одним из основных органов государственной власти, который занимается обеспечением безопасности на дорогах, является Главное управление по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Штатная численность сотрудников ГИБДД находится в пределах 100 тыс. человек. Организация имеет свои службы и подразделения, каждая из которых оперирует набором своих функций, а именно:

- Дорожно-патрульная служба, которая организует дорожное движение, выявляет и предупреждает нарушения ПДД.
- Служба дорожной инспекции и организации движения, которая следит за правильным исполнением правил и предписаний.
- Служба технического контроля следит за соблюдением прохождения технического осмотра дорожных транспортных средств и выдает разрешения на эксплуатацию, лицензии.
- Регистрационно-экзаменационное подразделение проводит мероприятия по сдаче экзаменов на право управления ТС и выдает водительские удостоверения, регистрирует автомобильный транспорт и прицепы.
- Подразделение розыска автотранспорта проводит розыск угнанного, похищенного или скрывшегося с места ДТП транспорта.
- Служба пропаганды безопасности дорожного движения проводит агитацию безопасного поведения на дорогах, разъясняет сложные моменты,

повышает общую грамотность у населения.

- Подразделение ГАИ по исполнению административного законодательства.
- Подразделения, которые организуют работу по управлению и организации дорожного движения на особо важных магистралях.

По дорогам общего пользования передвигается большое количество различного транспорта. Большую часть техники необходимо регистрировать и получать специальные права на управление ею. Вся техника делится на две группы: механические и немеханические транспортные средства.

Немеханические транспортные средства приводятся в движение за счет мускульной энергии человека или животного, а также если есть мотор, который выдает не более 0,25 кВт или имеет объем не более 50 куб. см, разогнаться можно не более 50 км/ч. К этой группе относятся: велосипеды, средства индивидуальной мобильности, гужевые повозки.

Механические транспортные средства – это все остальные виды транспорта. Они бывают пассажирские, грузовые и специальные. Пассажирский транспорт представляет из себя легковые автомобили и автобусы. Грузовые машины предназначены для перевозки грузов. Специальный вид транспорта предназначен для работ различных служб, имеет на борту специфическое оборудование. Также бывают рельсовые и безрельсовые транспортные средства [11].

Подытоживая выше сказанное, можно сделать вывод, что дорожно-транспортная инфраструктура – это многогранная система, имеющая свои собственные ей принципы регулирования, цели и задачи. Просматривается классификация дорог и транспорта, необходимая для эффективного развития. Развитием дорог занимается Министерство транспорта, обеспечением безопасности и соблюдением правил – Государственная инспекция безопасности дорожного движения.

Отечественный и зарубежный опыт регулирования дорожно-транспортной инфраструктурой

Современная российская дорожно-транспортная инфраструктура берет свое начало из советского периода страны, когда основной целью перевозки грузов и пассажиров, передвижения автомобилей было выполнение хозяйственного плана, основанного на партийных директивах и осуществлении государственных интересов. Автомобилизация в те времена была существенно ниже общемировой, а реализация интересов экономически активных субъектов и населения не была первоочередной задачей. Наследуемая дорожно-транспортная система имеет громоздкий, неэффективный и отчасти неработоспособный вид, отстающая от лидирующих стран на десятки лет. В настоящее время российская дорожно-транспортная система испытывает перегрузки, которые сильнее всего ощущаются в больших городах, на подъездах к ним, а также возникают проблемы на удаленных территориях, к которым все еще сложно добраться. Поэтому важно изучить позитивный зарубежный опыт по комплексному и эффективному регулированию транспортной сферы, дорожного движения и хозяйства. Для этого рассмотрим устройство законодательства, разделение полномочий, процесс финансирования, формирования программ развития, меры по оптимизации дорожного движения.

В Европе существуют особенности по регулированию многих сфер, в том числе и дорожно-транспортной, которые связаны с наличием наднационального института в виде Европейского союза (далее – ЕС), роль которого заключается в частичной унификации законодательства и управленческих решений для упрощения взаимодействия стран-участниц союза. ЕС формирует общие направления развития дорожно-транспортной инфраструктуры на территории объединения, координирует усилия по развитию транспортных систем тех стран-участниц, которые в этом нуждаются.

Нормативное регулирование транспортной политики в ЕС начинается с 1996 года, когда Европейский парламент и Европейский совет по развитию трансъвропейской транспортной системы утвердили Руководящие указания. Реквизиты документа: Решение № 1692/96/ЕС от 23 июля 1996 г. (Community guidelines for the development of the trans-European transport network). Новая редакция была принята в 2010 году (Решение № 661/2010/EU от 7 июля 2010 г.). Руководящие указания выделяют приоритеты для каждой транспортной системы, т.е. для железнодорожной, речной и морской, автомобильной и воздушной.

Руководящие указания ЕС для дорожного сообщения приоритетом видят развитие старых и строительство новых скоростных автомагистралей и обходов городов, чтобы увеличить связность отдаленных территорий и агломераций, повысить экономическую эффективность территорий. Активно внедряются системы информирования водителей о ситуации на дорогах, управления потоками транспорта, а также взимание платы за проезд по платным участкам дороги. Приоритетом видится увеличение связности центров управления дорогами, которые находятся в разных странах-участницах.

Руководящие указания с помощью специальных процедур выявляют приоритетные области развития транспортной инфраструктуры, которые могут повлиять и на общее развитие государств-членов ЕС. Европейская комиссия аккумулирует программы и планы по развитию национальных транспортных систем, которые в обязательном порядке передают европейские страны. Европейская комиссия имеет право назначить Европейского координатора, который будет консультировать заинтересованные страны при ведении транспортных проектов, а те в свою очередь обязаны с ним сотрудничать.

Некоторые проекты по развитию автомобильного транспорта могут финансироваться за счет бюджета ЕС. Средства получают на основе конкурсного отбора.

Особое внимание в нормативных документах ЕС уделяется сохранению и защите окружающей среды при осуществлении всех видов дорожной деятельности. Также идет стимулирование принятия Планов по развитию городского транспорта на всех уровнях, которые будут развивать экологическую и социальную сторону вопроса.

Стоит также рассмотреть отдельно опыт ряда стран с развитой дорожно-транспортной системой. Германия, как и Россия, является государством с федеративным территориальным устройством и развитой системой местного самоуправления. Эта страна характеризуется наличием четкого разделения функций между ответственными органами исполнительной власти, крепкого их взаимодействия между собой, а также с общественностью. Программы по развитию БДД разрабатываются на федеральном уровне, исполняются им же, а также на уровне земель и местном самоуправлении для повышения эффективности.

Государственные органы исполнительной власти Германии, которые ответственны за развитие БДД:

- Федеральное министерство транспорта, строительства и жилищного хозяйства;
- Федеральное дорожное ведомство, состоящее в структуре министерства.

Федеральное дорожное ведомство имеет большие полномочия в сфере разработки норм и предложений во всех областях ДД, которое работает при взаимодействии с Советом по безопасности дорожного движения. В этот Совет входит Федеральное министерство, министерства транспорта федеральных земель, промышленники, автоконцерны и страховщики, которые разрабатывают и следят за реализацией программ по развитию БДД.

Германия имеет высокую плотность и протяженность автомобильной дорожной сети с большой долей автобанов и автомагистралей. Управление дорогами децентрализовано, поэтому содержанием и эксплуатацией автодорог занимаются Дорожные администрации

земель. При дорожном строительстве в компетенциях федерального центра находится владение и застройка дорог федерального значения и автобанов, в роль подрядчиков и административных управленцев выступают федеральные земли. Содержание и строительство дорог местного и регионального значения ведется за счет субъекта.

При строительстве скоростной дороги структура расходов выглядит следующим образом:

- расходы на строительство полотна дороги – 25%;
- сопутствующие мероприятия и инфраструктура – 19%;
- проектные работы и разрешительные мероприятия – 35%;
- другое – 21%.

Из статистики видно, что непосредственно на строительство дорожного полотна тратится только 25%, еще 19% на обеспечении сопутствующего оборудования дороги, которые создадут благоприятные условия для пользования ею. Наибольшая группа затрат представлена в виде проектных работ и разрешительных мероприятий, которые способствуют качественному, долговечному, эффективному строительству, что говорит о повышенном качестве готового объекта. Вышесказанное говорит о том, что дорога, это не просто полотно от внешних сторон обочин или тротуаров, но и сложная, дорогостоящая подготовительная работа, а также создание сопутствующей инфраструктуры. Нынешний опыт Германии при строительстве автомагистралей применяется повсеместно в ЕС.

Большие средства тратятся не только на строительство, но и на поддержании инфраструктуры в нормативном состоянии. Рассмотрим структуру затрат на содержание автодорог в Германии:

- работы по очистке дорожного полотна – 10%;
- техническое обслуживание оборудования – 14%;
- срочные мероприятия и нештатные ситуации – 8%;
- содержание дороги в зимний период – 13%;

- уход за зелеными насаждениями и экологические мероприятия – 22%;
- дополнительные работы – 15%.

Вниманию бросается тот факт, что наибольшая групп затрат – это уход за зелеными насаждениями и экологические мероприятия. Это говорит о том, что органы власти берут на себя и реализуют большую ответственность по поддержанию экологической обстановки в качественном состоянии, безопасном для человека и окружающей флоры и фауны.

В Германии дорожно-транспортная инфраструктура регулируется комплексом НПА, основой которой является концепция, детализируемая стратегическими планами на срок до десяти лет. Тактические планы составляют пятилетний горизонт планирования и в свою очередь разбиваются на оперативные планы продолжительностью до года. Каждый уровень управления при своей деятельности руководствуется стратегическими, тактическими и операционными планами.

Широкая автомобилизация в США началась еще в 20-е годы двадцатого века с изобретением Генри Фордом конвейерного производства автомобилей. Также в этой стране самая протяженная сеть автомобильных дорог в мире. В связи с этим, полезно изучить опыт регулирования дорожно-транспортной инфраструктуры в США.

США является федерацией, поэтому имеет три уровня власти: федеральную, штатов и местного самоуправления.

Министерство транспорта – федеральный орган исполнительной власти, который формирует политику и занимается координацией эффективной и рентабельной транспортной системы, отвечающей запросам безопасности и обороны страны. В структуру Министерства транспорта входит 13 подразделений, в полномочия которых входит издание НПА в своей сфере.

В Америке нет единого закона, который бы регулировал дорожно-транспортную сферу. Статьи 23 и 49 Свода законов США – это основные источники регулирования организации ДД. В этой стране применяются для планирования долгосрочные программы разви-

тия дорожного комплекса и инфраструктуры, функция которых в распределении финансирования, а регулируются они отдельным законом. Крайний такой закон имел аббревиатуру SAFETEA-LU.

Каждый субъект имеет свой Департамент Транспорта Штата (DOT). Каждый штат самостоятельно выстраивает структуру власти и МСУ, а также занимается нормотворчеством в сфере организации ДД. Рассмотрим пример Техаса. В этом регионе власть состоит из Департамента транспорта и комиссии в составе 5 членов, которых назначил губернатор. По должности они стоят выше Департамента, занимаются подготовкой предложений губернатору по развитию транспортной системы, а также занимается дорожным планированием. Комиссия в праве решать вопрос о включении той или иной дороги или ее участка в системы автодорог штата. Каждое предложение рассматривается Департаментом транспорта с экономической и управленческой точек зрения.

Дорожная деятельность на федеральном уровне финансируется за счет дорожных фондов. Работа ведется по строительству и ремонту дорог, а также проведению мероприятий по обеспечению БДД. Фонд формируется за счет акцизов на топливо, а также налогов на автомобили. Ежегодно фонд финансирует деятельности шести агентств Министерства транспорта.

Штаты самостоятельно занимаются финансированием дорожного хозяйства с возможностью получения федеральных субсидий, а также после распределения доходов между регионами и органами МСУ.

Департаменты транспорта штатов выступают в качестве заказчика при строительстве дорог, производят приемку работ, а также берут на себя всю полноту ответственности за эксплуатацию и ремонт полотна и инфраструктуры. Исходя из этого, DOT формирует серьезные критерии принятия дорог в эксплуатацию, а также проводит тесты на качество проделанной работы. Если подрядчик не может выполнить поставленные требования, он обязан пере-

делать работу и несет ответственность за нее. Если же подрядчик выполняет работы лучше положенных параметров, то его поощряют дополнительными процентами к прибыли.

Из названия Российской Федерация можно догадаться, о территориальном устройстве страны. Ответственность за дорожное хозяйство и развитие транспортной системы возложена на федеральные органы власти, органы власти субъектов федерации и местное самоуправление. Разграничение полномочий указаны в законах и нормативных правовых актах, а также описана процедура передачи полномочий от одного уровня – другому, включая финансовое обеспечение.

По данным Таблицы 1 с 2007 по 2021 год протяженность автомобильных дорог общего пользования увеличилась более чем в 2 раза. Это связано не со строительством новых дорог, а с получением в своё ведение уже имеющийся инфраструктуры. Можно заметить, что протяженность дорог федерального и регионального значения за 14 лет выросло не так сильно, а на 31,1% и 7,4% соответственно. По иному обстоят дела с инфраструктурой местного значения, которая увеличилась за этот же период более чем в 9 раз. Произошло это после принятия закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», из-за которого дороги передавались в ведение МСУ [2]. Также это может свидетельствовать о повышении плотности автомобильных дорог на 75,7%.

Автомобилизация в России растет с каждым годом и за 20 лет машин на дороге стало в 2,5 раза больше, чем было, исходя из Таблицы 2. Вместе с тем, можно заметить, что численность ДТП и количество пострадавших снижается, но все также остается на высоком уровне. Люди на дорогах с 2000 года стали погибать в 2 раза реже, не смотря на рост автомобилизации, однако за 2022 год погибло 14172 человека и это всё ещё очень плохой показатель. Работал Медведев А.В. и Медведев

дева Р.А. [22,23] показывается оценка россиян к автотранспорту и проблемам с ним связанным. Ежегодно от послед-

ствий автомобильных аварий государство несет убытки в размере 2% годового ВВП страны [10].

Таблица 1. Протяженность и плотность дорог общего пользования в РФ с 2007 по 2021 годы

Наименование показателя	Год						2021 к 2007, %
	2007	2012	2015	2018	2020	2021	
Общая протяженность автомобильных дорог общего пользования, тыс. км, всего из них:	747,3	1278,3	1480,5	1531,5	1553,6	1566,1	209,6
федерального значения	48,6	50,7	51,9	54,3	60,4	63,7	131,1
регионального и межмуниципального значения	468,6	504,0	515,8	510,4	505,4	503,4	107,4
местного значения	107,0	723,6	912,9	966,7	987,7	999,1	933,7
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, километров дорог на 1000 кв. км территории	37,0	54,1	61,0	62,9	64	65	175,7

Для улучшения дорожных условий принимаются стратегии – межотраслевые стратегические документы среднесрочного планирования, очерчивающие основные принципы и направления принятия политико-правовых решений. В дорожно-транспортной сфере действуют следующие стратегические документы:

– Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы, принятая распоряжением Правительства РФ от 8.01.2018 года [10];

– Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 года [9].

В разработке находится «Стратегия развития автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта Российской Федерации на период до 2030 года», которая должна уточнять и дополнять транспортную стратегию.

Таблица 2. Показатели безопасности дорожного движения в РФ с 2000 по 2021 годы

Наименование показателя	Год						2021 г. к 2000 г., %
	2000	2007	2011	2015	2019	2021	
Кол-во личных автомобилей на 1000 жителей	130,5	194,4	242,0	288,8	315,4	327,6	251
Численность ДТП с пострадавшими на 100тыс. жителей	107,5	163,7	139,8	125,7	112,0	91,4	85
Кол-во пострадавших на 100тыс. жителей	122,4	191,5	176,2	157,9	143,7	115,1	94
Кол-во погибших на 100тыс. жителей	20,2	23,3	19,6	15,8	11,6	10,2	50,5

Вышеописанные документы необходимы для выстраивания единой системы принятия решений, применяются при создании и корректировки государственных программ субъектов и органов местной власти, а также при разработке документов стратегического планирования.

Для достижения поставленных целей применяются такие программные документы, как национальные проекты (далее – НП) и входящие в них федеральные проекты (далее – ФП). Безопасные качественные дороги – это национальный проект, призванный создать благоприятную дорожно-транспортную инфраструктуру, обеспечить безопасность дорожного движения и повысить качество жизни населения.

В национальный проект входит 6 федеральных проектов. С 2019 года это такие проекты, как: «Региональная и местная дорожная сеть», «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства», «Безопасность дорожного движения», «Автомобильные дороги Минобороны России». С 2021 года добавлено еще два федеральных проекта: «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях» и т «Развитие федеральной магистральной сети» [18]. Исходя из паспорта НП, общая сумма бюджетных средств за 6 лет должна составить 3724 млрд рублей. Однако в реальности ежегодно идет корректировка бюджета и в 2023 и 2024 годах он тоже увеличится в объеме.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что Россия все еще находится в процессе выстраивания эффективной работы по созданию качественной и безопасной дорожно-транспортной инфраструктуры. Есть проблемы с коллизиями и неточностями в законах, которые предстоит исправлять и реформировать. РФ идет по пути создания комплекса законов и НПА, которые регламентируют дорожно-транспортную сферу, в отличие от Европейских стран, которые создают единый комплексный документ. В России пытаются решить проблемы с помощью нормативного подхода, а именно с попыткой зарегаменти-

ровать все стороны транспортного процесса. Европейские же страны пытаются решать проблемы с помощью целевых комплексных программ при использовании организационно-технических мер. Также Европейское законодательство отличается относительной стабильностью, ведь некоторые документы не претерпевают изменений 10–15 лет и не теряют актуальности. Стоит увеличить децентрализацию принятия решений из-за большой разницы в дорогах некоторых регионов и муниципалитетов, следовательно, необходимо оставлять больше средств в бюджетах этих урвней.

Социальное моделирование влияния дорожно-транспортной инфраструктуры на развитие региона (по материалам Иркутской области)

Для оценки влияния дорожно-транспортной инфраструктуры необходимо провести SWOT-анализ имеющейся системы. Этот метод поможет выявить сильные и слабые стороны, которые действуют изнутри, а также возможности и опасности, которые влияют на развитие снаружи. Каждый из параметров имеет 5 пунктов. Для решения проблем, а также минимизации влияния опасных сторон будут высказаны предложения по совершенствованию направлений развития дорожно-транспортной инфраструктуры Иркутской области (табл. 3).

Сильные стороны – Strengths (S)

1. Иркутская область занимает стратегическое экономико-географическое положение на пересечении автомобильных путей и выполняет грузоформирующую и транзитную функции

Через Иркутскую область проходят обширные транспортные потоки, формируемые логистическим коридором «Восток – Запад». Благодаря этому, через регион проходит не только национальный транспортный трафик, но и трансконтинентальный, представленный сообщением между странами Европы и Азиатско-Тихоокеанским регионом. ФКУ Упродор «Прибайкалье» обслуживает такие федеральные трассы, как: Р-255 Сибирь,

P-258 «Байкал», А-331 Вилюй. Общая протяженность этих дорог составляет 1681,6 км. Грузооборот по всем дорогам общего пользования автомобильным транспортом составляет 2455,9 млн тонно-км за 2021 год, что на 6,5% боль-

ше, чем в 2020 году. Стратегические документы предполагают строительство обходов города Иркутска, что позволит уменьшить транзит через населенный пункт и ускорит доставку грузов.

Таблица 3. SWOT-анализ развития дорожно-транспортной инфраструктуры Иркутской области

Сильные стороны Strengths (S)	Слабые стороны Weaknesses (W)
<ol style="list-style-type: none"> Иркутская область занимает стратегическое экономико-географическое положение на пересечении автомобильных путей и выполняет грузоформирующую и транзитную функции Наличие национального проекта «Безопасные качественные дороги» с качественными и количественными показателями Наличие природных ресурсов и строительных материалов для строительства дорожно-транспортной инфраструктуры Работа Министерства транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области по формированию транспортного каркаса и опорной сети дорог Иркутской области Наличие стратегий социально-экономического развития Иркутской области и города Иркутска 	<ol style="list-style-type: none"> Низкая протяженность дорог с асфальтовым покрытием, низкая плотность дорожной сети Недостаточный уровень безопасности, как по отношению к пассажирам, так и по отношению к внешней среде Отсутствие единой программы нулевой терпимости к смертям и травмам (Vizion zero) при принятии управленческих решений и проектировании инфраструктуры Недостаток квалифицированных кадров в исполнительных органах власти регионального и муниципального уровней Недостаточное финансирование дорожно-транспортной деятельности
Возможности Opportunities (O)	Угрозы Threats (T)
<ol style="list-style-type: none"> Использование цифровых технологий в развитии дорожной инфраструктуры и организации дорожного движения Привлечение ГЧП для развития дорожно-транспортной инфраструктуры Развитие гражданских институтов и независимых экспертов Создание стратегий и программ развития Иркутской агломерации Диверсификация использования транспорта, стимулирование пользования личным транспортом, развитие общественного транспорта и систем индивидуальной мобильности Участие в федеральном проекте «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях» 	<ol style="list-style-type: none"> Наличие вечной мерзлоты и неустойчивых грунтов на севере региона Высокий уровень износа основных фондов и устаревшая материально-техническая база Коррупция в дорожно-транспортной отрасли Развитие маятниковой миграции из-за низкой самостоятельности районов города и сопряженных территорий Увеличение стоимости строительства и развития дорожно-транспортной инфраструктуры

2. Наличие национального проекта «Безопасные качественные дороги» с качественными и количественными показателями

Иркутская область и город Иркутск принимают участие в национальном проекте «Безопасные качественные дороги», который продлили до 2030 года. В 2023 году в Иркутске отремонтируют 23 дорожных участка, общая протяженность которых составляет 22 км. Благодаря этому 50,6% дорог в городе будут приведены в нормативное состояние,

69,7% относящихся к Иркутской агломерации и уменьшится на 40% количество мест концентрации ДТП по отношению к 2019 году.

Всего в области в 2023 году отремонтируют 83 объекта на региональных и межмуниципальных трассах, а также дорогах муниципального значения. Общая протяженность работ составляет 354 км. На начало ремонтного периода в 2023 году 46% опорной сети находятся в нормативном состоянии, а к концу года показатель должен достичь

53%. По безопасности показатель должен равняться 10,29 человек погибших в ДТП на 100 тыс. населения.

3. Наличие природных ресурсов и строительных материалов для строительства дорожно-транспортной инфраструктуры

Иркутская область богата природными ресурсами, которые необходимы при строительстве дорог. В её расположении достаточно карьеров, которые получили лицензию на производство материалов, к ним относятся: песок, щебень, песчано-гравийная смесь, битум. В Приангарье в 2023 году откроются 53 асфальтобетонных завода, а также 30 дробильно-сортировочных комплексов в разных районах, которые будут производить инертные материалы. Часть дорог будут покрыты асфальтобетонным покрытием, другая часть останется грунтовой и её ждет выравнивание профиля, отсыпка дорожной одежды, укрепление полотна.

4. Работа Министерства транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области по формированию транспортного каркаса и опорной сети дорог Иркутской области

В Иркутской области разработана опорная сеть автомобильных дорог. В июне 2021 года на встрече губернатора Игоря Кобзева с главой Росавтодора Романом Новиковым был рассмотрен вариант, включающий 26 объектов, из них 14 дорог регионального и межмуниципального значения, 12 – федерального. Цель этой работы в том, чтобы достичь нормативные показатели программ, а также увеличить связность территорий. Опорная сеть должна быть катализатором развития тех мест, через которые проходит. С ее помощью должна развиваться промышленность, туризм, улучшаться качество жизни граждан. Также эта программа поможет привлекать дополнительные средства на развитие дорожно-транспортной инфраструктуры. Протяженность сети составляет 3887 км.

В октябре 2022 года утвержден транспортный каркас Иркутской области, состоящий из дорог местного зна-

чения, тех населенных пунктов, которые не участвуют в проекте «Безопасные качественные дороги». Средства на развитие инфраструктуры будут выделяться из регионального бюджета. В программу вошло 45 населенных пунктов. Работы начнутся с 2023 года. Общая протяженность транспортного каркаса муниципальных дорог составляет 1061 км.

5. Наличие стратегий социально-экономического развития Иркутской области и города Иркутска

Иркутская область и город Иркутск имеют принятые документы долгосрочного планирования до 2036 и 2030 года соответственно. Стратегии определяют направления, приоритеты, цели и задачи развития территорий. Региональный документ выделяет 4 приоритетных направления, это: накопление и развитие человеческого капитала; создание комфортного пространства для жизни; сохранение уникальной экосистемы региона; экономический рост и эффективное управление. Стратегия городского развития выделяет такие направления, как: развитый человеческий капитал; динамичное экономическое пространство; гармоничная городская среда; эффективное управление [20]. Уделяется внимание транспорту, безопасным и качественным автодорогам, ведению политики, направленной на решение экологических проблем, в том числе связанных с автомобилями.

Возможности – Opportunities (O)

1. Использование цифровых технологий в развитии дорожной инфраструктуры и организации дорожного движения

В период с 2022 по 2024 годы планируется внедрение цифровых информационных технологий в дорожно-транспортную инфраструктуру. Интеллектуальная транспортная система разрабатывается компанией «Интеллектуальные технические системы» за 572 млн рублей. В перечне работ планируется установка умных светофоров, которые смогу с помощью датчиков отслеживать трафик и самостоятельно подбирать фазы работы, метеорологи-

ческие станции, умные остановки, имеющие табло с информацией о подходящих автобусах и маршрутах, а также системы фото- видеofиксации нарушения ПДД [21]. Чтобы система работала отлажено, предусматривается разработка центра управления. Однако не понятно, как будут работать остановки, если совсем малая доля маршрутных автобусов отслеживается по GPS, а межмуниципальные маршруты вообще не обладают такой функцией. В целом, это малая часть работ, которые необходимо провести для внедрения эффективной интеллектуальной транспортной системы.

2. Привлечение ГЧП для развития дорожно-транспортной инфраструктуры

Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры невозможно только с использованием государственного бюджета. Для решения проблем финансового дефицита и неэффективного управления привлекается механизм государственно-частного партнерства (далее – ГЧП). Есть три основные формы ГЧП: в первом случае частный партнёр берет на себя полное финансирование проекта из-за его высокой рентабельности, во втором случае государство обеспечивает получение дохода частному лицу, который в свою очередь эффективно исполняет переданные ему обязанности по обслуживанию инфраструктуры и третий вариант, когда предприниматель получает доход от пользователей объекта и государство доплачивает в случае, если доход составил меньше порога, оговорённого при заключении договора [19]. Так в региональном проекте «Общественные меры развития дорожного хозяйства» показатель заключенных контрактов жизненного цикла в 2023 году должен составлять 20% от общего количества.

Данная мера поможет привлечь инвестиции на обновление городского эклектического транспорта при участии ВЭБ. РФ. Так в 2022 году этой мерой поддержки воспользовалось 6 городов, которые заключили концессионных соглашений на 124,5 млрд рублей, в том числе 86,9 млрд рублей от частных партнеров.

3. Развитие гражданских институтов и независимых экспертов

Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» в статье 8 описывает возможность общественных объединений принимать участие по внесению изменений в различные документы, проводить исследования по выявлению причин и обстоятельств ДТП, предлагать механизмы создания безопасного дорожного движения, а также проводить мероприятия, способствующие профилактике аварийности.

В Иркутске до февраля 2022 года работало отделение федеральной сети фонда «Городские проекты Максима Каца и Ильи Варламова». За период своей деятельности было подготовлено и реализовано несколько проектов по совершенствованию дорожной сети и безопасности дорожного движения. Основными стали такие проекты, как: установка светофора по улице Седова около музыкального театра им. Загурского, предложение и реализация проекта трамвайных платформ на улице Декабрьских Событий, распространение книг среди людей, принимающих решения в городе и регионе, а также исследование улиц, по которым планировались или уже прошли работы по национальному проекту БКД.

4. Создание стратегий и программ развития Иркутской агломерации

В декабре 2016 года была принята Государственная региональная программа Иркутской области «Программа комплексного развития транспортной инфраструктуры Иркутской агломерации» (далее – ПКРТИ), но уже через три месяца в марте 2017 года ее упразднили. Отсутствие этой программы не дает возможности для получения субсидий из федерации и участия в федеральном проекте «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях». Для обновления подвижного состава только Иркутску необходимо 15 млрд рублей без модернизации сетей и рельсового полотна. Из-за вышеперечисленного не может начаться реформа общественного транспорта.

Иркутской агломерации в том числе важно разработать некую стратегический документ пространственного и социально-экономического развития. Этот шаг необходим, для выработки направлений и принципов развития агломерации, а также уменьшит количество неэффективных решений, которые принимают муниципальные власти. В дальнейшем увеличится связность населенных пунктов, а также сделает их более самостоятельными.

5. Диверсификация использования транспорта, дестимулирование пользования личным транспортом, развитие общественного транспорта и систем индивидуальной мобильности

Автомобилизация в Иркутской области равна 267,7 автомобилей на 1000 жителей региона. Однако стоит заметить, что не все 100% автомобилей находятся одновременно в движении, а также в будние дни в среднем на единице личного транспорта передвигается 1,3 человека. И, несмотря на это, город и агломерация ежедневно страдают от заторов в утренние, дневные и вечерние часы пик. Поэтому в Иркутске в стратегии и программе транспортного развития говорится о строительстве сети велосипедных дорожек, увеличении плотности сети скоростного пассажирского транспорта, повышении качества транспортного обслуживания населения. Ставится цель сохранения пешеходного масштаба городской среды.

В настоящий момент в городе отсутствует единая сеть велосипедных дорожек, часто встречается либо полное отсутствие, либо плохое состояние пешеходной среды, а также в кризисном этапе находится общественный транспорт. Все это стимулирует людей пересаживаться на автомобиль, который является неэффективным в пределах города.

Слабые стороны – Weaknesses (W)

1. Низкая протяженность дорог с асфальтовым покрытием, низкая плотность дорожной сети

В Иркутской области плотность автомобильных дорог общего пользования равна 32 км/км², что в 2 раза меньше

общероссийской. Основные дороги сосредоточены в южных, западных и центральных районах, там, где выше плотность населения. Северные и восточные районы не имеют разветвленную сеть дорог с асфальтовым покрытием. Во многие из населенных пунктов можно добраться только по грунтовой дороге или зимнику. Во многом это мешает наладить постоянное автобусное сообщение с некоторыми населенными пунктами.

В Сибирском федеральном округе по протяженности дорог с усовершенствованным покрытием область занимает 4 место, но по удельному весу 9 из 10. Этот показатель равен 36,9% от общей протяженности дорожной сети.

2. Недостаточный уровень безопасности, как по отношению к пассажирам, так и по отношению к внешней среде

Ежегодно уровень безопасности на дорогах региона и города повышается. Заметна тенденция уменьшения количества погибших и пострадавших, при условии, что автомобилизация растет, а количество ДТП снижается. Однако в 2021 году на 100 тыс. населения погибло в ДТП 13,7 человек. Этот показатель выше общероссийского на 3,5 и это говорит о том, что ситуация остается проблемной. Если же сравнивать с городами Европы и Беларуси, то все становится еще более катастрофичным. Например, в Минске живет 1,9 млн человек и за 2022 год погиб 21 человек в ДТП, а в Иркутской области живет 2,3 млн человек и погибло 248 человек.

Автомобильный транспорт является одним из основных источников загрязнения экологии, на него приходится около 40% суммарных выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и порядка 10% выбросов парниковых газов [12].

3. Отсутствие единой программы нулевой терпимости к смертям и травмам (Vizion zero) при принятии управленческих решений и проектировании инфраструктуры

В программах и стратегиях указывается необходимость повышения безопасности дорожного движения. В основном планируется к применению админи-

стративные методы, пропаганда ПДД, повышение контроля при прохождении ТО, внедрение цифровых технологий, но почти не сказано о том, что необходимо принимать действия по безопасному проектированию улиц. Основной акцент должен быть на том, что даже если человек совершит ошибку, то она не должна стоить ему жизни. Для этого необходимо снижать общую скорость движения в населенных пунктах, поддерживать дороги в нормативном состоянии, проектировать среду с учетом современного опыта, давать приоритет пешеходу и велосипедисту. На трассах необходимо применять опыт, накопленный зарубежными странами, где обеспечивается максимальная безопасность на магистралях.

4. Недостаток квалифицированных кадров в исполнительных органах власти регионального и муниципального уровней

Согласно положению о Министерстве транспорта и дорожного хозяйства штатная численность составляет 57 человек из которых 1 лицо замещает государственную должность Иркутской области, 52 единицы ГГС и 4 единицы специалистов, не являющиеся ГГС. Однако этой численность недостаточно, чтобы комфортно распределить обязанности между работниками министерства. Планируется увеличение штатной численности сотрудников.

При создании МУП «Проектный офис дорожной деятельности» в городе Иркутске необходимо набрать штатную численность сотрудников, которые будут заниматься проектированием дорожной инфраструктуры.

Наибольшие проблемы испытывают районы области. Специалисты не хотят идти работать за небольшие деньги, но при этом имея большую нагрузку и ответственность за свою работу. Для решения проблемы необходимо поднимать заработные платы, менять подход в устройстве на работу и подготовке кадрового персонала.

5. Недостаточное финансирование дорожно-транспортной деятельности

Очень важной проблемой является недофинансирование дорожно-транспортной деятельности. Регион испытывает нехватку денежных средств, необходимых для финансирования нерентабельных межмуниципальных и муниципальных маршрутов регулярных перевозок

На содержание дорог регионального и межмуниципального значения выделяется 15% средств от норматива. 1 км дороги сейчас обеспечивается финансированием от 59 тыс. рублей до 765 тыс. рублей, при нормативе затрат 1200–2437 тыс. рублей.

17 мая на сессии Законодательного Собрания вице-мэр Дмитрий Ружников города Иркутска сообщил, что на обновление подвижного состава в целом по городу с заменой подстанций, трамвайных путей, опор и всего остального требуется порядка 15 миллиардов рублей. Это что касается только общественного транспорта, а городу еще нужно обслуживать иные коммуникации, проводить ремонт дорожного полотна и реконструкции сооружений.

Угрозы – Threats (Т)

1. Наличие вечной мерзлоты и слабых грунтов на севере и востоке региона

На севере и востоке Иркутской области присутствуют обширные территории, которым присуща вечная мерзлота и слабые грунты. Это условие дает понять, что строительство будет иметь повышенную стоимость, а проектирование требует использование научного сопровождения. Основной опасностью служит появление на дорожном полотне трещин и провалов, вызванные таянием вечной мерзлоты и непредсказуемым изменением, которое проходит в рыхлых породах и слабых грунтах. Для недопущения аварийных ситуаций, необходимо налаживать процесс мониторинга, который поможет предупредить и заранее устранить потенциальную проблему.

2. Высокий уровень износа основных фондов и устаревшая материально-техническая база

В городе Иркутске и в Иркутской области в целом наблюдается существен-

ный износ основных фондов, а также устаревшая материально-техническая база. Долгое время восстановление и развитие дорожно-транспортной инфраструктуры не поспевало за темпами износа автодорог и подвижного состава общественного транспорта. На 1 января 2021 года только 33% дорог регионально и межмуниципального значения и 45% дорог местного значения соответствовали нормативным требованиям. В 2020 году статистика имела показания в 30,4% и 43,2% соответственно. Это говорит о том, что больше половины дорог находятся в плохом состоянии и непригодны для работы регулярного автобусного сообщения.

Дела с мостами обстоят не так критично, но все же из 1185 мостов 66 находятся в аварийном и предаварийном состоянии и 253 – в неудовлетворительном, а в сумме это 26,8%, то есть четверть от общего количества.

Регион испытывает проблемы с подвижным составом, выполняющим регулярные межмуниципальные перевозки из-за его больше износа. В городе Иркутске статистика по износу муниципального транспорта выглядит следующим образом: автобусам и троллейбусам составляет 67%, по трамваям – 77%. 3. Коррупция в дорожно-транспортной отрасли

В 2020 году был разыгран контракт на разработку программы комплексного развития транспортной сети Иркутской области. Его выиграла краснодарская компания «Магистральсервис» и получила бюджет в сумме 39,7 миллиона рублей. В техническом задании на разработку ПКРТИ, КСОДД и КСОТ было выделено 10 дней.

В мае 2022 года компания «Магистральсервис» была внесена в реестр недобросовестных поставщиков, а в марте 2023 года арестовали главу Дирекции по строительству и эксплуатации автодорог Юлию Гордину по делу о превышении должностных полномочий. Следствие считает, что глава дирекции подписала с руководителем фирмы акт сдачи-приемки, которая якобы соответствовала требованиям контракта, при

этом фигуранты дела знали, что изготовленная подрядчиком программа «является неработоспособной и техническому заданию не соответствует».

4. Развитие маятниковой миграции из-за низкой самостоятельности районов города и сопряженных территорий

В Иркутскую агломерацию входят такие крупные города, как Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также близлежащие населенные пункты Иркутского и Шелеховского районов. Иркутск является «ядром агломерации» с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями. Ежедневные потоки маятниковой миграции в рамках проектируемой агломерации оцениваются на уровне более 10% трудоспособного населения. Общая маятниковая миграция по этим территориям составляет более 45 тыс. чел. в день, в т.ч. из населенных пунктов Иркутского района – более 15 тыс. чел. Об этом свидетельствует тот факт, что основные заторы в центре города и на выездах из него происходят в утренние и вечерние часы пик.

Если в дальнейшем не сдерживать процесс развития маятниковой миграции, то агломерацию и в первую очередь Иркутск, ждет транспортный коллапс. Необходимо развивать самостоятельность районов города и населенных пунктов, входящих в систему, а также общественный транспорт и перехватывающие парковки.

5. Увеличение стоимости строительства и развития дорожно-транспортной инфраструктуры

Ежегодно увеличивается стоимость строительства и развития дорожно-транспортной инфраструктуры. Так с 2020 по 2023 годы включительно размер выделяемых средства увеличился в 2 раза, но протяженность ремонтируемых дорог выросла не так существенно. Основные причины происходящего в следующем: подорожание строительных материалов и изменение подхода к ремонту дорог: сейчас ремонтируют не только верхний слой асфальта, но и основание дороги, плюс занимаются устройством ливневой канализации [35].

Проведение SWOT-анализа подразумевает поиск слабых сторон при развитии дорожно-транспортной инфраструктуры Иркутской области и выявление возможных внешних угроз. Исходя из исследования, выявляется следующий перечень проблем:

1. Отсутствие современного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения и транспортному планированию.
2. Сильное негативное влияние автомобильного транспорта на экологию и здоровье человека.
3. Недостаточная проработанность нормативной правовой базы по созданию и развитию Иркутской агломерации.
4. Низкое качество общественного транспорта и практически полное отсутствие сети выделенных дорог для передвижения на средствах индивидуальной мобильности.
5. Низкая протяженность дорог с асфальтовым покрытием, низкая плотность дорожной сети, высокое несоответствие дорожной инфраструктуры нормативным требованиям.

Проблемы имеют серьезное влияние на экономическую, социальную и экологическую сферы жизнедеятельности общества. Уже сегодня предпринимаются меры по решению возникших сложностей, однако эти шаги не всегда имеют высокую эффективность. Далее будут рассмотрены направления, которые позволят увеличить отдачу при принятии управленческих решений.

Проблема № 1: Отсутствие современного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения и транспортному планированию.

Безопасность дорожного движения в России обеспечивается с помощью законов, нормативных правовых актов, деятельности ГИБДД, использовании при строительстве дорог ГОСТов и СНиПов, а также иной технической документации. В стратегии социально-экономического развития Иркутской области для обеспечения БДД определяются такие действия, как:

- поддержание дорог в нормативном состоянии;
- внедрение интеллектуальной транспортной системы;
- предупреждение опасного поведения участников дорожного движения;
- пропаганда БДД.

Эти меры безусловно необходимо проводить, но невозможно воспитать каждого участника дорожного движения, а сотрудники ГИБДД не могут стоять на каждом перекрестке и пешеходном переходе. Многие ДТП происходят не умышленно, а из-за непреднамеренной ошибки, поэтому необходимо уделять пристальное внимание безопасному проектированию улиц и дорог, чтобы ошибка не была фатальной. Стоит следовать принципу, который применяется в авиации: минимизация влияния человеческого фактора. При крушении авиалайнера проводится детальный анализ произошедшего, исследуются причины и последствия аварии. Из этого получается, что системы безопасности в самолетах дублируются и обладают свойствами предохранителя, когда при совершении ошибки, не случается катастрофы.

Однако в Российской Федерации нет единого системного подхода по созданию безопасных трасс и улиц в городах. Такой вывод следует из исследовательской работы, который провели студенты Европейского университета в Санкт-Петербурге совместно с Яндексом.

Для исследования выбрали временной промежуток с 2017 по 2019 годы, а также 4 города, в которых за три года было отремонтировано более 100 объектов. Отбор прошли Ярославль, Барнаул, Кемерово и Ульяновск. Информацию брали с официального сайта национального проекта БКД, из базы данных «Карта ДТП» и карты OpenStreetMap.

После обработки массивов в специальных программах были получены графики и таблицы, из которых исследователи сделали выводы:

- Нет оснований полагать, что основным параметром эффективности национального проекта БКД слу-

жит создание безопасного дорожного движения.

- Нет оснований утверждать, что работы в рамках БКД значительно снижают риск ДТП с пострадавшими или погибшими [42].

В России необходимо централизованное внедрение аналога международной программы Vizion Zero, созданной для повышения безопасности дорожного движения и снижения смертности в дорожно-транспортных происшествиях. Концепция строится на принципе «нулевой терпимости» к смертности на автодорогах и предусматривает их проектирование с точки зрения безопасности движения. Подобная стратегия успешно применяется в Белоруссии.

В стратегии могут применяться следующие меры обеспечения безопасности на дорогах и транспорте [76]:

Дорожная диета, суть которой заключается в том, чтобы сократить ширину полос на проезжей части, чтобы водителю было некомфортно держать большую скорость, а освободившееся пространство пустить под строительство велосипедной инфраструктуры, выделенных полос общественного транспорта и разделительных полос. Также уменьшение общей площади асфальтового покрытия удешевляет содержание и уменьшает вред от нагрева полотна. Увеличение же количества и ширины полос ведет к спровоцированному спросу на передвижение на автомобиле от чего растет количество заторов и выбросов в атмосферу [24].

Общее снижение скорости в населенных пунктах до 50 км/ч. Сейчас в городе допускается скорость движения 40 км/ч и 60 км/ч, к которому прибавляется 19 км/ч не штрафуемого порога, значит водитель может ехать со скоростями 60 км/ч и 80 км/ч, что сильно влияет на безопасность дорожного движения.

Выстраивание приоритетов. Данная мера заключается в том, что сначала обеспечивается пешеходная доступность и отдается приоритет для общественного транспорта и систем индивидуальной мобильности. Например, на пешеходных переходах строят остров-

ки безопасности и поднимают уровень дороги. Общественный транспорт стараются максимально обособить от основной проезжей части, чтобы он не стоял в заторах и двигался по графику.

Однако в настоящее время приоритет отдан личному автотранспорту. Этот довод следует из того, что в ПКРТИ Иркутска методом повышения безопасности на дорогах является строительство надземных пешеходных переходов на улицах с высокой интенсивностью движения [16].

Проблема № 2: Сильное негативное влияние автомобильного транспорта на экологию и здоровье человека.

Автомобильный транспорт на данный момент входит в число лидеров источников выбросов вредных веществ в окружающую среду. Суммарный объем вредных выбросов составляет около 40% от общего количества, а также почти 10% выбросов парниковых газов [12]. Это цифры, которые показывают влияние непосредственно самих машины, но еще немалую долю составляет вред от строительства и обслуживания дорог. Строительная инфраструктура и дороги негативно влияют на природный ландшафт и ореол обитания животных. В городах повышается средняя температура, почва и растения страдают от реагентов, которые используются при борьбе с гололедом,

Проводились исследования, которые показывают рост заболеваемости людей, живущих рядом с проезжей частью или местах скопления автомобилей. В последние десятилетия наблюдается увеличение распространенности болезней отдельных нозологических форм, которое обусловлено загрязнением окружающей среды. К ним относятся сердечно-сосудистые, аллергические, желудочно-кишечные, онкологические заболевания, а также заболевания органов дыхания, эндокринной системы и рахит у детей [23]. Сильной угрозой для здоровья человека является шумовое загрязнение окружающей среды из-за чего ухудшается самочувствие, портится сон, повышается раздражительность, усложняет профессиональную деятель-

ность. Это в конечном итоге приводит к проблемам физиологического и психологического состояния [63].

Большой опасностью для здоровья человека являются ДТП. За 2022 год в Иркутской области пострадало больше 2500 человек и погибло 248. Каждое ДТП за собой несет прямые и косвенные потери. Ежегодно Российская Федерация теряет убытками примерно 2% ВВП [36]. Если экстраполировать эти данные на Иркутскую область, то за 2022 год убытки от аварий составили 40 млрд рублей при ВРП 2 трлн рублей. Эти средства потенциально могли пойти на решение существующих проблем. Описанные факты позволяют говорить, что сильно снижается качество жизни граждан, и процесс имеет негативное влияние на рост экономики.

Для уменьшения влияния дорог и транспорта на экологию и здоровье человека необходимо развивать следующие направления:

- При проектировании улиц в городе необходимо максимально уменьшать площадь асфальтового покрытия, больше использовать экологичные материалы, которые меньше нагреваются и не выделяют канцерогены, например, плитку [43].
- Увеличивать площадь озеленения в городе. По краям дорог необходимо высаживать деревья, которые будут создавать тень, уменьшать загрязняющее воздействие от автомобилей. Для разделения направлений движения и отделения дороги от тротуара стоит высаживать кустовые растения, которые собой будут создавать живую изгородь, а также уменьшать шумовое загрязнение.
- Развивать электрический транспорт. В Иркутской области дешевая электроэнергия, поэтому очень важно поддерживать и расширять сеть скоростного трамвая и троллейбусов. Трамваи сами по себе очень экологичный и долговечный транспорт, потому что отсутствуют ДВС и резиновые колеса, которые стираются и производят вредную пыль.

- При борьбе с гололёдом прибегать к использованию экологичных средств по типу гранитной крошки и уменьшать количество и частоту использования химических реагентов. После схода снега важно убирать насыпи с помощью специальной техники.

Проблема № 3: Недостаточная проработанность нормативной правовой базы по созданию и развитию Иркутской агломерации.

В настоящий момент отсутствует какая-либо документация, регулирующая развитие Иркутской агломерации. К декабрю 2023 года должна быть подготовлена документация по транспортному планированию агломерации, которая будет состоять из программы комплексного развития транспортной инфраструктуры, комплексной схемы организации дорожного движения и комплексной схемы организации транспортного обслуживания населения. После проделанной работы иркутская администрация сможет разработать новую маршрутную сеть, привлечь инвестиции для обновления общественного транспорта. Также высказана идея о создании управляющего органа на уровне агломерации, который сможет налаживать маршрутную связь как в агломерации, так и городах, входящих в нее [19].

Программы транспортного развития территории – это важны и полезный шаг, но недостаточный, чтобы подойти к вопросу комплексно. Дополнительно важно разработать стратегический документ социально-экономического развития, который определит общие направления, приоритеты и принципы существования территории, а также стоит обратить внимание на принятие мастер-плана, основанного на стандарте комплексного развития территории. Вышеописанные механизмы помогут предопределить концепцию будущего для жителей и стейкхолдеров [50]. Будет дан толчок для рекультивации используемых территорий, чтобы сократить разрастание населенных пунктов, поможет повысить концентрацию деловой и жилой застройки, уменьшит затраты на содержание го-

родской инфраструктуры. Важным будет уменьшение трудовой «маятниковой» миграции вследствие повышения самостоятельности отдельных территорий.

В том числе мастер-план будет полезно разработать и для Иркутска, потому что генплан не отвечает запросам современного динамичного развития города, а также в нем отсутствует теоретическое и практическое обоснование принятых решений. Документ поможет повысить самостоятельность всех районов города, уменьшит нагрузку на центральную часть Иркутска, что повысит общее качество жизни горожан [52].

Проблема № 4: Низкое качество общественного транспорта и практически полное отсутствие сети выделенных дорог для передвижения на средствах индивидуальной мобильности.

Как отмечает вице-мэр Дмитрий Ружников, в Иркутске на 2023 год уровень износа по автобусам и троллейбусам составляет 67%, по трамваям – 77%. Это данные по муниципальному транспорту, говорящие о том, что подавляющее большинство подвижного состава в городе находится в критическом состоянии, из-за чего повышается стоимость обслуживания, падает рентабельность. Большая часть транспорта представлена коммерческими организациями, автобусы которых не отвечают современным требованиям комфорта и безопасности. Маршруты работают по нерегулируемым тарифам, что позволяет собственникам самостоятельно устанавливать цену на проезд. Важно помнить, что необходимо удовлетворять потребность в транспортной доступности для всех слоев населения, а также повышать его общую привлекательность для использования.

Нами был проведен опрос среди 1110 человек в сети Интернет. В одном из вопросов предлагалось выбрать основные проблемы ОТ, которые беспокоят горожан. Следующие варианты выбрало более 45% респондентов: устаревший подвижной состав (79%); дискомфорт при передвижении на ОТ (манера вождения и прочее) (75%); несоблюдение графика движения ОТ (56%); отсутствие выде-

ленных полос для ОТ (52%); завышенная стоимость проезда, цена не соответствует качеству услуг ОТ (49%); постоянные проблемы с приложением по отслеживанию ОТ (45%). Из исследования можно сделать вывод, что подавляющее большинство иркутян испытывают проблемы при передвижении на общественном транспорте. При этом, был задан вопрос «Готовы ли пользоваться общественным транспортом, если он будет комфортный, безопасный, быстрый?» и 95% ответили положительно.

На май 2023 года в Иркутске количество велодорожек и велополос можно пересчитать по пальцам двух рук, к ним относятся инфраструктура на улицах Декабрьских событий, Фурье, Горная, а также в некотором количестве в парках, скверах и набережных. В проведенном опросе 72% готовы передвигаться на велосипеде и 28% не готовы. Основные причины отказа от велотранспорта: это удаленное место жительства, состояние здоровья и отсутствие велосипедных дорожек.

Основной проблемой является позиционирование велосипедного инфраструктуры как досугового элемента, а не конкретно как транспорта. Именно поэтому многие велодорожки стараются уместить в рекреационных зонах, а не на улицах. Этот факт можно подтвердить словами из транспортной программы Иркутска, которая указывает целью веломаршрутов развитие туристических направлений, а не стимулирование к разнообразию способов передвижения.

Для решения этой проблемы также необходимо на уровне агломерации разработать и на уровне города Иркутска модернизировать транспортные программы, такие как ПКРТИ, КСОДД и КСОТ. Этот шаг позволит участвовать администрации в проектах «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях» и «Чистый воздух» для обновления подвижного состава. В транспортной программе областного центра есть приоритет на развитие общественного транспорта, однако предпо-

лагаются, что это приведет к росту перевозок всего на 2% с 44% до 46%.

В Иркутске нет достаточного бюджета, чтобы сделать все маршруты муниципальными, поэтому необходимо разработать систему, когда владелец транспортной компании может начать оказывать услуги только в случае соответствия всем необходимым требованиям. Вице-мэр Дмитрий Ружников рассказал, что проводилась подготовительная работа для внедрения брутто-контрактов, но из-за недостатка финансирования идею отложили. Однако этот механизм решал бы возникающие проблемы с общественным транспортом в городе.

Для решения проблем с электрическим общественным транспортом возможно использование ГЧП. Для примера можно взять трамвайную сеть Санкт-Петербурга «Чижик». Город отдал под концессию развитие трамвайной инфраструктуры, которая соответствует европейским стандартам и несет на себе высокую социальную ответственность.

Проблема № 5: Низкая протяженность дорог с асфальтовым покрытием, низкая плотность дорожной сети, высокое несоответствие дорожной инфраструктуры нормативным требованиям.

На 1 января 2021 года только 33% дорог регионально и межмуниципального значения и 45% дорог местного значения соответствовали нормативным требованиям. В 2020 году статистика имела показания в 30,4% и 43,2% соответственно. Это говорит о том, что больше половины дорог находятся в плохом состоянии и непригодны для работы регулярного автобусного сообщения.

Дела с мостами обстоят не так критично, но все же из 1185 мостов 66 находятся в аварийном и предаварийном состоянии и 253 – в неудовлетворительном, а в сумме это 26,8%, то есть четверть от общего количества.

Плотность дорог в Иркутской области в два раза меньше средней плотности по России и чем дальше от южных районов, тем этот показатель имеет тенденцию снижаться.

В опросе предлагалось выбрать дорожные проблемы (можно было выбрать

несколько), которые волнуют иркутян и ими стали: заторы в час пик (90%); плохое качество дорожного полотна (84%); сложность с парковкой в центре города в будние дни (63%); плохо развитый общественный транспорт (57%); некачественная уборка улиц и дорожного полотна (51%); неудобные тротуары или их отсутствие (49%). Исследование показало, что 81% респондентов волнует тема заторов и 76% ситуация плохим качеством дорожного полотна.

Для решения проблемы региональными и местными властями принимаются такие меры, как создание транспортного каркаса и опорной сети автомобильных дорог Иркутской области, участие в национальном проекте «Безопасные качественные дороги», а также создания в Иркутске проектного офиса дорожной деятельности.

Иркутск нуждается в обходах, чтобы разгрузить дорожную сеть и уменьшить количество транзитного транспорта, проходящего через районы и центр города. В ПКРТИ областного центра отмечается необходимость в строительстве западного, северо-восточного и южного обходов. Предлагается обеспечить обходы скоростным электрическим транспортом, чтобы нивелировать возросший спрос на личный транспорт.

При строительстве обходов предлагается использование ГЧП. Этот механизм поможет провести более качественную подготовительную работу и строительство, потому что частный инвестор будет знать, что ответственным за содержание потом будет он. Государство и граждане получают качественную инфраструктуру, которая поднимет качество жизни.

При проведении опроса автором работы дополнительно была поставлена цель – узнать о мнении жителей Приангарья, какие инструменты помогут решить те или иные проблемы в дорожно-транспортной инфраструктуре.

На вопрос «Каким способом убрать заторы в городе?» были получены следующие данные:

1. Расширение дорог и увеличение полос для движения – 73%;

2. Развитие общественного транспорта, строительство выделенных полос – 71%;
3. Строительство дорожных развязок – 65%;
4. Строительство подземных и надземных пешеходных переходов – 64%;
5. Стимулирование людей жить и работать в одном районе – 25%;
6. Развитие сети велодорожек – 21%.

В ответах респондентов превалирует мнение, что необходимо создавать дополнительно автомобильную инфраструктуру за счёт расширения дорог и строительства дорожных развязок. Это мнение ошибочно, потому что данные методы вызовут «спровоцированный» спрос и заторы через время только увеличатся. Наиболее эффективны будут варианты 2, 5 и 6, которые решат проблему с разнообразием транспорта и уменьшат «маятниковую» миграцию. Участниками опроса была выявлена проблема большого количества ТС в плохом техническом состоянии.

На вопрос «Как сделать дороги безопаснее?» респонденты ответили следующим образом:

1. Строить надземные и подземные пешеходные переходы – 79%;
2. Применять безопасное проектирование дорог (островки безопасности или треугольники видимости на пешеходных переходах) – 67%;
3. Устанавливать дополнительное освещение на пешеходных переходах – 64%;
4. Развивать общественный транспорт – 49%;
5. Устанавливать камеры дорожного наблюдения – 49%;
6. Устанавливать заборы в местах, где пешеходы чаще всего нарушают – 35%;
7. Развивать сеть велодорожек – 19%;
8. Уменьшать допустимую скорость – 17%.

Интересен результат опроса, по которому больше всего голосов набрал ответ «Строить надземные и подземные пешеходные переходы». Здесь участники пользуются логикой, что нужно разводить транспортные и пешеходные пото-

ки, уменьшать количество потенциально конфликтных ситуаций, но это ошибочное мнение. Вариант же «Уменьшать допустимую скорость» будет намного эффективнее в создании безопасной среды, потому что кинетическая энергия пропорциональна половине квадрата скорости. Это значит, что при небольшом увеличении скорости идет значительное увеличение потенциальной энергии, вследствие чего ухудшаются последствия ДТП. Также респонденты предлагали повышать культуру вождения.

Вышеописанные опросы говорят о том, что у населения отсутствует понимание того, как сделать безопасную среду в городе. У людей сформированы неправильные стереотипы, поэтому государственная власть должна проводить просвещение в области обеспечения БДД. В таком случае граждане смогут сформировать качественный общественный заброс.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что при развитии дорожно-транспортной инфраструктуры возникают проблемы и сложности. Эти препоны решаются при использовании мирового опыта, привлечении научного сообщества, акцентировании внимания на потребностях граждан. Важно искать нестандартные решения и изучать накопившийся опыт.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 12.07.2023).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 10.05.2023, с изм. от 30.05.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ / (дата обращения 12.07.2023).

3. Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.11.2007 N257-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения 12.07.2023).
4. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 N196-ФЗ (последняя редакция) ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения 12.07.2023).
5. Федеральный закон «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2017 N443-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286793/ (дата обращения 13.07.2023).
6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 28.04.2023, с изм. от 17.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения 13.07.2023).
7. Постановление Правительства РФ от 28.09.2009 N767 (ред. от 11.06.2021) «О классификации автомобильных дорог в Российской Федерации» (вместе с «Правилами классификации автомобильных дорог в Российской Федерации и их отнесения к категориям автомобильных дорог») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92016/ (дата обращения 13.07.2023).
8. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N1090 (ред. от 24.10.2022) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения 13.07.2023).
9. Распоряжение Правительство Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства транспорта Российской Федерации: сайт – URL: <https://rosavtdor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda> (дата обращения 12.07.2023).
10. Распоряжение Правительство Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства транспорта Российской Федерации: сайт – URL: <http://static.government.ru/media/files/g6BXGgDI4fCEiD4xDdJUwIudPATBC12.pdf> (дата обращения 16.07.2023).
11. Распоряжение Минтранса России от 14.03.2008 N АМ-23-р (ред. от 30.09.2021) «О введении в действие методических рекомендаций «Нормы расхода топлив и смазочных материалов на автомобильном транспорте» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ (дата обращения 12.07.2023).
12. Закон Иркутской области от 10 января 2022 года N15-ОЗ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и норма-

- тивно- технических документов: сайт – URL: <https://docs.cntd.ru/document/578051226> (дата обращения 16.07.2023).
13. Распоряжение Губернатора Иркутской области от 13 октября 2022 года N309-р «О транспортном каркасе Иркутской области» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно- технических документов: сайт – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406526538> (дата обращения 16.07.2023).
 14. Распоряжение Правительства иркутской области от 26 декабря 2016 года n 808-рп «Об утверждении государственной региональной программы Иркутской области «Программа комплексного развития транспортной инфраструктуры Иркутской агломерации» » [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно- технических документов: сайт – URL: <https://docs.cntd.ru/document/445073696> (дата обращения 16.07.2023).
 15. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч.. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, 2021. С. 76–79.
 16. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
 17. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 125–128.
 18. Демахина Е.С., Погатовкина Н.С., Никитин Е.А., Пархоменко В.А. Социально-экономические последствия аварийности на автомобильных дорогах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Журнал Академия транспорта: сайт. – URL: // https://www.ql-journal.ru/articles/ru/2018/3/3_2018_sait_61-64.pdf (дата обращения: 23.07.2023).
 19. Заварзина Ю.В. Виртуальный имидж Иркутской области // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 69–75.
 20. Заварзина Ю.В. Особенности территориального развития Иркутской области // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, 2021. С. 103–110.
 21. Заварзина Ю.В. Социальное моделирование экономических процессов в целях развития социальной привлекательности территории // Социология. 2020. № 2. С. 241–252.
 22. Медведев А.В., Медведев Р.А. Безопасность в общественном транспорте как фактор привлекательности общественного мнения // Социология. 2022. № 6. С. 89–97.
 23. Медведев А.В., Медведев Р.А. Ограничение использования личного автотранспорта в пользу общественного: мнение россиян // Социология. 2022. № 4. С. 107–115.
 24. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 7.
 25. Полюшкевич О.А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
 26. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под

общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.

27. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 227–232.

THE ROLE OF ROAD TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION: SOCIAL MODELING AND FORECASTING

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the state policy and the necessary social measures for the development of the road transport infrastructure of modern Russia. Domestic and foreign experience in the development of road transport infrastructure is analyzed, strong and weak factors are identified using a SWOT analysis, and the results of a public opinion survey on the prospects and main tasks for the development of road transport infrastructure in the modern Russian Federation are given.

Keywords: road transport infrastructure, regional development, social modeling, forecasting, social analysis.

References

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // SPS ConsultantPlus (date of access 07/12/2023).
2. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on May 10, 2023, as amended on May 30, 2023) “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation” [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus: site – URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed 07/12/2023).
3. Federal Law “On highways and road activities in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” dated 08.11.2007 N257-FZ [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus: site – URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (Accessed 07/12/2023).
4. Federal Law “On Road Safety” dated 10.12.1995 N196-FZ (last edition) FZ [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus: website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (accessed 12.07.2023).
5. Federal Law “On the organization of traffic in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” dated December 29, 2017 N443-FZ (last edition) [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus: website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286793/ (accessed 07/13/2023).
6. “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” dated December 30, 2001 N195-FZ (as amended on April 28, 2023, as amended on May 17, 2023) [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus: website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (accessed 07/13/2023).
7. Decree of the Government of the Russian Federation of September 28, 2009 N767 (as amended on June 11, 2021) “On the classification of highways in the Russian Federation” (together with the “Rules for the classification of highways in the Russian Federation and their assignment to categories of roads”) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus: website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92016/ (accessed 07/13/2023).
8. Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 N1090 (as amended on October 24, 2022) “On the Rules of the Road” (together with the “Basic Provisions for the Admission of Vehicles to Operation and the Obligations of Officials to Ensure Road Safety”) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus: website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (accessed 07/13/2023).
9. Order of the Government of the Russian Federation dated November 27, 2021 No. 3363-r “Transport strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035” [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Transport of the Russian Federation: site – URL: <https://rosavtdor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda> (accessed 12.07.2023).
10. Order of the Government of the Russian Federation dated January 8, 2018 No. 1-r

- “Strategy for road safety in the Russian Federation for 2018–2024” [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Transport of the Russian Federation: site – URL: <http://static.government.ru/media/files/g6BXGgDI4fCEiD4xDdJUwIudPAT-BC12.pdf> (Accessed 07/16/2023).
11. Decree of the Ministry of Transport of Russia dated March 14, 2008 N AM-23-r (as amended on September 30, 2021) “On the implementation of the guidelines “Fuel and lubricant consumption standards in road transport” [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus: website – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ (accessed 07/12/2023).
 12. Law of the Irkutsk region dated January 10, 2022 N15-OZ “On approval of the strategy for the socio-economic development of the Irkutsk region for the period up to 2036” [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory and technical documents: site – URL: <https://docs.cntd.ru/document/578051226> (accessed 07/16/2023).
 13. Order of the Governor of the Irkutsk Region dated October 13, 2022 N309-r “On the transport framework of the Irkutsk Region” [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory and technical documents: website – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406526538> (accessed 07/16/2023).
 14. Decree of the Government of the Irkutsk region of December 26, 2016 n 808-rp “On approval of the state regional program of the Irkutsk region “Program for the integrated development of the transport infrastructure of the Irkutsk agglomeration”” [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory and technical documents: site – URL: <https://docs.cntd.ru/document/445073696> (accessed 07/16/2023).
 15. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, 2021, pp. 76–79.
 16. Ardashev R.G. Features of the development of the consciousness of citizens in a pandemic society // *Sociology*. 2022. No. 1. S. 79–86.
 17. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Third regional scientific-practical conference*. Irkutsk, 2021, pp. 125–128.
 18. Demakhina E.S., Pogotovkina N.S., Nikitin E.A., Parkhomenko V.A. Socio-economic consequences of accidents on highways in the Russian Federation [Electronic resource]: *Journal of the Academy of Transport: website*. – URL: https://www.qi-journal.ru/articles/ru/2018/3/3_2018_sait_61-64.pdf (date of access: 07/23/2023).
 19. Zavarzina Yu.V. Virtual image of the Irkutsk region // *Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International Scientific Conference*. Irkutsk, 2022, pp. 69–75.
 20. Zavarzina Yu.V. Features of the territorial development of the Irkutsk region // *Prospects for the study of social reality. Collection of scientific articles. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, O.A. Edelstein, G.V. Logunova*. Irkutsk, 2021, pp. 103–110.
 21. Zavarzina Yu.V. Social modeling of economic processes in order to develop the social attractiveness of the territory // *Sociology*. 2020. No. 2. S. 241–252.
 22. Medvedev A.V., Medvedev R.A. Security in public transport as a factor in the attractiveness of public opinion // *Sociology*. 2022. № 6. pp. 89–97.
 23. Medvedev A.V., Medvedev R.A. Limitation of the use of personal vehicles in favor of public: the opinion of Russians // *Sociology*. 2022. № 4. pp. 107–115.
 24. Polyushkevich O.A. The truth is modeled // *In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 7.
 25. Polyushkevich O.A. Psychogeographic dimension of the public space of the city // *City management: theory and practice*. 2022. No. 2 (44). pp. 31–35.
 26. Polyushkevich O.A. Social Modeling with Information and Analytical Data: Is the Truth in the Flow or in the Result? // *In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 343–345.
 27. Polyushkevich O.A. Social modeling: post-virtuality of urban space // *Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International Scientific Conference*. Irkutsk, 2022. S. 227–232.

Социология повседневности

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор,
заместитель главного редактора журнала
«Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Социология повседневности – самое непопулярное в академической науке понятие и название научной дисциплины, изучающей самое массовое, популярное и распространенное состояние социальной реальности. Ничто не кажется более очевидным, чем наша повседневная деятельность (our day-to-day activities). Все мы проводим свои дни, делая вещи, которые настолько рутинны и обыденны, что вряд ли стоит о них говорить – вставать, чистить зубы, принимать душ, готовить чашку чая или кофе, выгуливать собаку, отвозить детей в школу, здороваться с соседями, садиться в пригородный поезд, смотреть телевизор, собираться на работу и раздеваться на ночь, быстро пообедать, возвращаться домой, выпить стакан чая. И ничто не является менее очевидным, чем социология повседневности. И ничто не является более изученным и разработанным, чем социология повседневности.

Ключевые слова: повседневность, обыденность, повсеместность, разрыв повседневности, симулякр, микрособытия, история повседневности, онтология повседневности

Что такое повседневность

Социология повседневности – это *микросоциология*. Даже микро- микро- социология – описание того, что лежит под ногами, таких мелочей и деталей, на которые профессиональные социологи и внимания-то не обращают. Эта сфера лежит за горизонтом глобальных процессов, социальной структуры любого масштаба, а также вне сферы действия социальных институтов. У нее совсем особый предмет, отличный от общей социологии и не сводимый, вопреки некоторым авторам учебных пособий по социологии повседневности, к общей социологии. Это повседневность в зоне секундного взаимодействия, мгновенного и неустойчивого восприятия мира, текучих впечатлений, жидкой реальности, поступков, вещей, событий, жестов, кивков, приветствий, небольших диалогов. Иными словами – жизненный мир непросвещенного индивида, массовой культуры, низового бытия. Анализ малых жизненных миров включал повседневные взаимодействия и поступки горожан, системы ценностей и правил, формы и институты брака, жизнь семьи, отправление религиозных культов, быт, повседневное сознание и поведение.

Повседневность города – это не городское планирование, правила архитектурной застройки, транспортные маршруты или сети коммуникаций. Это практики, действия, эмоции, хозяйство семьи, распределение обязанностей между ее членами, содержание, воспитание и обучение детей, распорядок дня семьи, особенности домашнего досуга, роль чтения и других культурных занятий (музыка, живопись), межсемейное общение, народные знания, трудовой и праздничный календарь, домашние способы лечения людей и животных, совершенствование медицинской помощи, пища, утварь и одежда, чтение газет, походы в театр и кино, посещение общественных столовых, занятия в различных кружках, слушание радио и т.п. жилище,

улицу и досуговые заведения (театр, кинематограф, клуб и пр.).

Повседневность – это ежедневные события, событийность, непраздничность, частная жизнь, невыразительность, массовость, приватность, тривиальность, монотонность, проза жизни, обыденный мир, ежедневное существование, повторяющееся, устойчивое, ритмичное, малозаметное, невыдающееся, невыдающееся, мещанский быт. «Жизнь людей – это труд и отдых, будни и праздники, забота о хлебе насущном, свадьбы и похороны, рождение детей, их воспитание и образование, гражданские и церковные обряды» [1].

Время повседневности распределяется между сном, работой, просмотром телепередач, чатами в интернете, чтением, отправлением естественных надобностей, стиркой и глажкой, уборкой постели, едой и ее приготовлением, ни к чему не обязывающими разговорами, звонками по телефону. Повседневность – мельтешение, примелькавшееся, мелькание, перед глазами туда-сюда, будничность, хабитуализация, привыкание, повторяемость, однозначность.

Повседневная реальность подчинена привычному порядку повторяющихся изо дня в день событий. Повседневность разворачивается в небольшом регионе и в малом периоде времени чрез жизненные истории представителей разных возрастных, профессиональных и гендерных когорт, социальные сети взаимосвязей в домашней обстановке и на внедомовой территории. Следовательно, повседневность – это невыдающееся, незначительное, непримечательное. Корнем повседневного служит сама жизнь, ее процесс, ставные элементы и их конфигурация, повороты жизни, кризисные точки жизненного пути. Повседневность – одна социологическая категория. Жизнь – другая социологическая переменная. Они параллельны и лежат рядом, но имеют собственную сущность и природу.

Какие философские и социологические ассоциации вызывает у нас слово «повседневность»? – текущая современ-

ность, жизнь как поток, поверхность, поток жизни, водоворот событий, хаос повседневности, поток сознания, бурление жизни, безостановочное течение жизни, суэта сует, преходящее, все проходит – пройдет и это, за деревьями не видно леса, явления затмили сущность,

Повседневность – женского рода, и касается она в первую очередь женщины дома. Напротив, труд – мужского рода, им должен заниматься мужчина вне дома. «Слово «повседневность» обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [2].

Повседневная жизнь стимулировала многие социологические теории и сегодня является признанной отраслью дисциплины. Хотя повседневная жизнь всегда была предметом антропологии. В социологию она проникла в связи с постмодернистским поворотом [3, р. 714–732]. Одним из родоначальников социологии повседневности является М. Вебер. И понятие повседневности (Alltaglichkeit) восходит к его работам по социологии религии 1900-х гг., где повседневное поведение противопоставлено внеповседневному, т.е. экстремально-конфликтному либо трансцендентальному: религиозные секты, воинские братства, смерть на войне, праздники, ритуалы: «неповседневность присуща также святости харизмы и переживанию близости к Богу» [4].

Повседневность и неповседневность меняются циклически на протяжении всей жизни общества и отдельного человека – подобно волновому процессу: оповседневнивание (Veralltaglichung) у Вебера следует за любыми революционными преобразованиями не обязательно во всем обществе, но в какой-то отдельной сфере жизни. Мы можем привести массу современных примеров, когда уклад жизни, бытовые условия и образ жизни людей менялись – не обяза-

тельно сразу – вслед за появлением телевизора или интернета.

В повседневной жизни мы то и дело совершаем множество элементарных актов социального взаимодействия, даже не подозревая о том. Встречаясь, мы здороваемся за руку и говорим приветствие, входя в автобус, пропускаем вперед женщин, детей и пожилых людей. Все это – акты социального взаимодействия, или социального поведения. Можно ли в таком случае повседневность относить к сфере «коллективного бессознательного»? В повседневной жизни наши предпочтения называют также «вкусами». Предпочтение – положительно окрашенное отношение к чему-либо, психологическая избирательность.

По содержания межличностные отношения сложнее и вариативнее. Социальные отношения расписаны формальными требованиями и нормами, заданными обществом. Если это повседневные отношения, то за нарушением норм особенно никто и не следит. Что делает водителю, нагрубившему пассажиру, последний? Да ничего, посетует, выпьет валокордин, ругнется. Жаловаться бесполезно – все равно никто и глазом не моргнет. Но попробуйте нагрубить жене или соседу, если, конечно, они многое значат для вас.

Повседневность – это, прежде всего, выявление человекоразмерности общества, накрепко зацементированного неподвижными скрепами социальных институтов. С их величавой высоты мы, людишки, видимся хаотическим муравейником, отчаянно борющимся за резервы существования и выполнение социальных ролей. Там, наверху, облачные дали глобального. Здесь, внизу, дебри экзистенциального. Муравейники – это многолюдные мегаполисы. Муравьи – анонимные обитатели каменных небоскребов. Там, где крыши омывают дожди, социологу делать нечего. Ему лучше спуститься туда, где на тротуаре лицо несчастного окропляют слезы безысходности. Город – пространство жестокости и равнодушия к маленьким людям, потерявшимся в большом мире самодостаточных обывателей.

Повседневность лежит ниже ватерлинии общественного корабля. Он сколочен крепко – из социальной структуры людей-досок, укреплен столбами социальных институтов, разбит на сектора культуры, экономики, политики, религии и множество мелких кают внутри них. А где же повседневность – феноменология существования людей, проза жизни, деятельность по умолчанию? Можно ли ее встретить на высотах культуры, на рынке экономики, в религиозном храме или политическом лабиринте? Пожалуй, нет. Она скромна и незаметна, ее почти не замечают, когда через что-то перешагивают, что-то отодвигают или передвигают. Она повсюду как воздух. Она огромна как слон в комнате, которого никто не замечает. Все знают о существовании слона, но предпочитают молчать. Видят, знают, но молчат. А вот слепые мудрецы из древнеиндийской притчи никогда не видели слона и решили узнать, что он такое. Каждый мог дотянуться и пощупать только одну его часть. Что в итоге? В итоге – калейдоскоп невероятных и никак между собой не связанных догадок. Один сравнивал его с змеей, другой – с колонной, третий – со стеной и сколько бы ни было людей, столько и появлялось новых гипотез. В одном случае – слон в комнате – все знают и делают вид, что не замечают, в другом – никто не знает, и каждый утверждает ложь, абсурд, нелепость, заблуждение.

Мы говорим о повседневности как о монотонности серых будней, чередой серых будней, бытовой деятельности, потоке повторяющихся событий, пространстве не выделяющихся очевидностей, будничности, рутине, посюсторонности, обыденности, общепринятом и наиболее распространенном, повседневном бытии. Повседневность – мир, в котором человек живет ежедневно и ежедневно, здесь и теперь. Наши будни или городские будни – так еще можно назвать повседневность. Суета сует и томление духа – вот библейская формула социологии повседневности. Первая ее часть говорит о поведении, вторая – о сознании. Суета сует – мельтешение, беготня, за-

нятие мелочами. Томление духа – томление над этой суетой и тщетностью своих усилий перед взором вечности.

Н. Элиас доказывал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является составной частью структуры определенного социального слоя» [5]. Повседневность – не область реальности, а всего лишь ее свойство. И.Т. Касавин и С.П. Щавелев представляют повседневность как «баланс между рутинным благополучием и риском»: «В спутывании моментального состояния и длящейся жизненной формы, – пишут авторы, – состоит парадокс повседневности» [6].

Социология повседневной жизни работает на горизонтальных плоскостях и в небольших сегментах реальности. Напрямую она не зависит от властей и социальных структур, которые ограничивают свободу воли. Хотя полная и абсолютная свобода от общества – это иллюзия. Социолога можно встретить в самых обычных местах в самых прозаических и повседневных ситуациях, опрашивающих обывателей с такой же дотошностью, как звезд экрана или политических деятелей.

Внимание к обыденному в повседневной жизни вдохновило как качественные, так и количественные подходы к исследованиям. Качественные исследования в основном сосредоточены на процессе повседневности, демонстрирующие то, как организованы домашние хозяйства, как сбалансированы потребности дома и работы, как повседневная жизнь переплетается с потреблением. Среди количественных методов повседневности можно назвать бюджетные (денежные и временные) исследования. Дневники самоотчетов выявляют количество времени, которое горожане посвящают каждому типу поведения в определенный день (тайм-бюджеты), обеспечивая основу для понимания человеческого поведения. Бюджеты времени были основой для исследований безработных в Австрии и СССР в начале 1930-х годов. Они показывают то, как люди распределяют свое время между работой

и досугом, между оплачиваемой и неоплачиваемой работой, раскрывают экономикку домашнего хозяйства, туризм, развлечения и досуг, режим повседневности и качество жизни [3, р. 714–732].

Повседневие – это то, что не вызывает удивления, недоумения или сопротивления, что стало очень привычным и каждодневным. Повседневность не проблематизируема. Это обыденная онтология нашего существования. Мы живем в ней и ее не замечаем. Как только мы начали ее замечать, так сразу она перестала быть повседневностью, а стала чем-то другим – не обязательно праздничным, героическим, из ряда вон выходящим, выступающим или выдающимся. Просто стала отличным. Отличное – категория, выходящее и выводящее нас за формат повседневности. Куда? Никто не знает куда, но куда-то еще. Все, что часто происходит, включается в режим повседневности, типичности, регулярности. Лежащий на улице человек не вызывает у большинства людей никакой реакции – к этому привыкли. Хотя лежать на улице – девиантное поведение. Какие еще события и явления нашей жизни стали привычными?

Повседнев (от фр. *Quotidien* и англ. *quotidian*, нем. *Alltag, alltagsleben*) – направление в социолого-гуманитарных науках, специализирующееся на проблематике повседневной жизни людей, коллективном бессознательном, этнографической истории бытовых навыков и обыкновений. Традиция изучения повседневности восходит к Аристотелю, а новый импульс теория повседневности получила в работе Мишеля де Серто «Изобретение повседневности», где анализировались практики повседневной жизни. В Германии оно развивалось в рамках *Lebenswelt'a* – жизненного мира человеческого бытия, во Франции – Школы анналов, в работах М. Оже, Ж. Баландье, П. Бурдьё, Ж. Бодрийара.

В литературе высказана идея о необходимости создания особой научной дисциплины «коммансологии» или «повседневноведения», которая позволила бы рассмотреть феномен повседневности во всем его многообразии (Н.Н. Козло-

ва, В.Д. Лелеко). Рассматривая диалектику повседневности, С.Г. Кнабе [7] обращает внимание на предметы бытового обихода, эстетику костюма, жизненную среду, общение с искусством и др. На взгляд Е.Ю. Малова, предметом изучения повседневности являются различные её грани, такие как среда обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклады жизни, а также ментальность, образ мышления и образ жизни народа [8]. В диалектике А. Лефевра повседневная жизнь – это пересечение иллюзии и истины, власти и беспомощности [9]. Г. Гарфинкель намеревается показать, что изучение действий, основанных на здоровом смысле, имеет важное значение для социологии [10]. Он подчеркивал важность «проблематизации повседневности». Мир повседневности М. Хайдеггера требует неустанного повторения необходимых забот, подавляя креативность и творческие порывы личности [11]. Во Франции Анри Лефевр и Мишель де Серто анализировали повседневную жизнь через призму марксистской теории. Лефевр подходил к повседневной жизни как к городскому феномену, месту виктимизации людей при капитализме, реализации неизбежного отчуждения [3, р. 716].

«Оповседневнивание» – термин М. Вебера – описывает процесс обживания, включающий техники обучения, освоения традиций и закрепления норм. По мнению Б. Вальденфельса, оповседневнивание означает запоминание выражений языка, разучивание гамм и аккордов, обращение с приборами, ориентация в городских кварталах или на открытой местности. Б. Вальденфельс считал, что «обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания» (*Veralltaglichung*), которым противостоят процессы «преодоления повседневности» (*Entalltaglichung*). Он назвал повседневность плавильным тиглем рациональности. Повседневное – привычное, упорядоченное, близкое, а неповседневное – это непривычное, отстраненное и далёкое, результат процесса «преодолевания повседневности».

Повседневность у А. Шюца лежит совсем рядом – в пространстве спонтанной активности человека: «В каждый момент своей сознательной жизни я нахожусь в мире, и мое положение в нем – во времени, пространстве, природе и, как мы обсудим далее, как человека среди людей – то, каким оно мне представляется, – я называю моей ситуацией в мире. Следовательно, я всегда нахожусь, как любят выражаться французские экзистенциалисты, “в ситуации”» [12]. А. Шюц называл повседневность такую реальность, которая переживается взрослым человеком, человеком действующим. А. Шюц считает, что повседневное – это все то, что воспринимается как устойчивое, стабильное, постоянное, нормальное, что не только топологизировано в пространстве, но и типизировано в тематическом поле сознания. Повседневность – это уникальное под пологом универсального, некий гибрид особенного и общего, приватного и публичного. Одни словом, это всегда человек среди людей.

Свой труд, вышедший в 1980-х годах, французский социальный философ и культуролог Мишель де Серто назвал «Изобретением повседневности» [13]. Она посвящена обыденной жизни, всему тому, чем живет обычный человек, вынужденный подчиняться правилам и действовать в соответствии с навязанными схемами, человек, который обозначается автором как «пользователь» или «потребитель». У М. Фуко метафоры городской повседневности отражают существование технологий власти. Э. Фромм наблюдает повседневную жизнь на примерах беседы, памяти, власти, веры, любви и т.д.

Повседневность с точки зрения феноменологического подхода – не мир объектов, а мир ощущений и смыслов, пласт опыта, переживаемого субъектом повседневности. Феноменологом интересуется только мир, обозначаемый как мир здесь-и-сейчас, мир посюсторонний, мир, имеющий пространственно-временные границы. Повседневная жизнь у П. Бергер и Т. Лукмана не однородна, она разделена на два секто-

ра: привычное и проблематичное, освоенное и еще не освоенное. Первое уже присвоено человеком, второе нет. Отсюда и базовая переменная повседневности – *хабитуализация*, т.е. опривычивание, типизация, институционализация и легитимация [14]. Ее зачинщиком и демиургом служит механизм социального конструирования. И. Гофман представил повседневность через «фреймирование» реальности в терминах выдумки, состязания, церемониала, переналадки и рутинизации. Фрейм у Гофмана, как габитус у Бурдьё, – это структура знаний, некая рамка возможностей и матрица ролей. Одновременно это еще и «схема интерпретации», являющаяся частью любого восприятия. Рамка, схема, план, шаблон, сценарий, гештальт, прототип, парадигма (в языкознании), дисциплинарная матрица (в науковедении) – это лексические эквиваленты фрейма. И. Гофман предлагает всего пять основных «ключей» к первичным системам фреймов: выдумка, состязание, церемониал, техническая переналадка и пересадка. И. Гофман пишет, что «...рутинную деятельность надо воспринимать со всей серьезностью – как часть реальности, которая имеет первостепенное значение» [15]. У А. Шюца и И. Гофмана повседневность сведена до интеракции «лицом к лицу», презентации и репрезентации себя.

Н.А. Бердяев подчеркивал творческий характер повседневности. «Быт накапливается стихийным опытом людей, – отмечал Л.Д. Троицкий, – изменяется стихийно... и в итоге отражает гораздо больше прошлое человеческого общества, чем его настоящее». Он настаивал и на необходимости изучения быта как «обстановки и обихода жизни» рабочих: «Для того, чтобы подняться культурно на более высокую ступень, рабочему классу, прежде всего его авангарду, нужно продумать свой быт. А для этого нужно познать его» [16].

В последнюю четверть XX в. были опубликованы тысячи статей и монографий по различным аспектам повседневной истории как на общенациональном, региональном, этническом, так и ми-

кроисторическом материале [17]. Почти не преувеличивая ситуацию, П. Штомпка характеризует социологию как сумму комментариев к «здоровому смыслу». По его словам, «социология, в конце концов, не многим больше, чем концептуально и эмпирически обоснованный здравый смысл» [18, с. 7]. Организаторы всероссийской конференции по истории быта прямо заявили: они «убеждены, что изучение истории российского быта является одним из наиболее перспективных направлений в исторической науке» [19]. Повседневная жизнь разных времен и народов стала темой многих книг, чаще всего из популярной и научной популярной серии, с использованием результатов массовых спросов.

Сегодня входят в моду история повседневности, появились «гендерная повседневность», «революционная повседневность», «экономическая повседневность», «военная повседневность», «рабочая повседневность» и др. Вал работ по «истории повседневности», «повседневной истории» или какой-нибудь «советской повседневности» увеличился еще больше, приобретает междисциплинарный аспект¹ и массовый диссертационный формат в национальном и региональном масштабах². Изучение повседневности включает также социальную феноменологию П. Бергера и Т. Лукмана, драматургический подход Гофмана, этнометодологию, у истоков которого стоит Г. Гарфинкель.

Практика повседневной жизни (The Practice of Everyday Life) – уникальна своим акцентом на потребителя (пешеход,

¹ Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М.: Изд-во УРАО, 2001; Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002.

² Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: ИПЦ ТГТУ, 2010; Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 2003; Синанов Б.А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2010.

читатель, городской житель) и потребителем в производстве вместо производителя (писатель, ученый, градостроитель) и продукта (книга, дискурс, городские улицы) и, таким образом, знаменует собой новый старт для изучения культуры снизу вверх. Повседневность служит предметом для ряда дисциплин: социологии, психологии, психиатрии, лингвистики, теории искусства, теории литературы и философии.

Предмет и объект социологии повседневности

Объект социологии повседневности – наиболее типичные действия и мысли наиболее типичных представителей горожан наиболее типичное время суток в наиболее типичных местах. Для его выделения строим выборку, исключив, с одной стороны, всех богатых (5–7%) и всех представителей андеграунда (бомжей и нищих – 5–7%). Первые никакого участия в созидательном процессе города не участвуют, вторые – на городе только наживаются. Первые денег никаких не дают, а только берут, вторые – отдают много денег в виде налогов и благотворительности, но еще больше наживаются на преимуществах городской жизни. Они представляют не типаж, а эксклюзив. В зоне обследования остается преимущественно средний класс. Отдельно стоит вопрос о мигрантах – не понятно куда и как их включать.

Предмет социологии повседневности – все аспекты экономической, социальной, культурно-бытовой, экзистенциальной жизни горожан, не выходящие за рамки обыденности, повторяемости, общепринятости и традиционности. Повседневность невозможна там, где нет обычаев, общепринятых практик и действий, традиций. Повседневность – это привычность и привычки, рутина и ритуал, рутинность, типичность, повторяемость и воспроизводимость, автоматизм и безотчетность. Повседневность всегда с нами, в отличие от праздника и подвига, приключения или авантюры. Повседневность имеет такое же отношение к городу, как и к деревне. Это не специфически городской феномен, в отличие,

от рынка или театра. Сам термин «повседневность» был предложен А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот в феноменологии Э. Гуссерля.

Предмет «повседневности» главным образом изучался в рамках западноевропейской философской культуры, в трудах Пифагора, Платона, Аристотеля, Эпикура, А. Августина, М. Монтеня, И. Канта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, В. Дильтея, Ф. Броделя, А. Шюца, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, А. Сикурелла, А. Блюма, М. Поллинера, У. Джемса, Р. Барта, Ж. Делеза, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, Г. Риккерта, Э. Левинаса и др. [20].

В предметное поле данной отрасли социологии входит обыденное и массовое сознание, слухи, дефицит вещей и продуктов, очереди в магазинах, неустроенность быта, коммуналки, банальность, опрощение, упрощение, привыкание, повторение, рутина, хабиутализация, обычаи, традиции, коммунальный быт, верования, гадания, народные знания, предрассудки, здравый смысл, событийность, преходящее, мимолётность, фотографии, альбомы. Предметные области повседневной жизни – сфера текущих, рутинных ежедневных взаимодействий, неформальных отношений, конфликтов, компромиссов, т.е. сфера личных отношений на работе, дома, в больнице, школе и т.п. [21].

Характерная черта повседневности – *текущая современность*. Повседневность как очевидность и состояние здравого смысла, как скука, тишина и покой. Но для многих повседневность – не тихое болото, а борьба за выживание. Повседневность – время полное забот: где покакать или пописать, где пожрать, у кого перехватить деньжат до полочки, с кем переспать (перепихнуться), где и когда вздремнуть лишний часок, с кем потусоваться, на что выпить, во что одеться или что на себя надеть, как я выгляжу, почему заболел ребенок и куда обратиться, почему не едет «скорая», опять двойка, почему муж задержива-

ется на работе, носки потерялись, трусы грязные, в холодильнике пусто, кругом пыль, а убираться лень.

Предмет социологии повседневности – вся проза жизни, то, что лежит под ногами, что не замечают, на что не обращают внимание большинство горожан. Мы чаще обращаем внимание на поэзию, но не на прозу. Повседневность – череда житейских случаев, дела житейские, негероические будни, частные факты, частная жизнь. Повседневность – очевидность в голове и безденежье на руках. Повседневность чаще всего рассматривается как то, что ускользает от рефлексии. Рефлексии человека ординарного, но не научно подготовленного, не социолога, который умеет за явлением распознать сущность.

К методам ее исследования специалисты причисляют: 1) зонирование пространства обитания в быту (в квартире и ее комнатах, в деловых и «спальных» районах мегаполисов, в общественном и личном транспорте) и на работе; 2) бюджеты времени, т.е. хронометраж времени будничных и выходных дней, периодов труда и отпуска, времени досуга на основе самозаполнения специальных дневников; 3) описание распределения ролевых функций в разных бытовых контекстах, характеристик языкового поведения и социальных практик; 4) регистрация механизмов социализации разных городских групп (возрастных, гендерных, этнических, религиозных, потребительских и т.п.); 5) исследование форм и приемов питания; 6) выяснение ежедневных и праздничных ритуалов и правил этикета (повседневные разговоры и беседы, визиты гостей, походы в развлекательные заведения и др.), дресс-кода, униформы, моды, макияжа и т.д.

Повседневность – многомерное, сложносоставное и многоуровневое явление. Два главных ее аспекта – деление на материальное и духовное. Кроме того, в повседневность входят – предметы первой необходимости (продукты) и предметы широкого потребления (промышленные). Противоположность повседневности не праздник, а поворотный момент в жизни, экстремальная

ситуация, выбился из колеи, в поисках своего места, увольнение, безработица, война, ДТП. Зарубежная традиция считать повседневность разновидностью или основой микроистории («история снизу») напоминает мне методологическую парадигму Р. Миллса – рассматривать макросоциальные проблемы общества через призму личных микрозадач. У категории повседневность целый спектр смыслов, значений и *уровней операционализации*.

Повседневность – тягучее и текучее, ползущее и тянущееся, она не кристаллизуется в ясные или крупные формы. Это скорее стакан, чем графин или ваза. Муху надо смотреть в микроскоп, слона в телескоп. «Повседневно то, на чем не останавливается глаз. То есть дома, вещи, автомобили должны быть обжиты. Не может быть повседневности в доме, где нет, скажем, чашки с выщербленным краем, из которой пил, скажем, дедушка и которая дороже целого сервиза. Можно купить посуду Цептер, но повседневной жизни с ней не устроишь» [22].

Повседневность должна быть всегда актуальной и в нее должно входить только то, что тебя сейчас задевает, вызывает любопытство, тревожит, напрягает. Культурные памятники города, улицы, дома и тротуары не относятся к повседневности, к ним привыкли и они существуют по умолчанию. Но стоит улицам, домам или памятникам разрушиться, испортиться, как они моментально становятся в повестку дня населения. К ним пробуждается интерес, о них говорят, пишут, кричат, жалуются, призывают, защищают, протестуют. Они актуализировались до события. События – вот основная единица повседневности. Даже толпа зевак около сбитого машиной человека суть событие в жизни каждого из них – ведь не каждый день доведется такое увидеть, а то и вообще один раз в жизни. Для работников полиции и скорой помощи это не событие, а рутинная работа. ДТП для них только потому повседневность, что является их главным занятием на протяжении всего светового дня. Они и во сне могут видеть страшные картинки. Взрывы бомб мерещатся лю-

дям десятки лет спустя – настолько это яркие события. То, что тебя постоянно сопровождает, и есть часть повседневности, помимо ярких событий, захлестнувших тебя только на миг.

Одна из функций праздника, антипода повседневности, – разрыв повседневности. **Разрыв повседневности** бывает трех видов – позитивный, негативный и нейтральный. *Позитивный* разрыв – проявления творческого взлета, оригинальность, научные открытия, противоречащие здравому смыслу. *Негативный* – войны, кризис, паника, истерия. Паника – это не только массовая истерия, возбужденность, хаос, дезориентация, стресс и психоз, но также культурная травма и рациональное поведение тех, кто придерживает товары, взвинчивая цены, кто сеет фейки в СМИ с целью разжечь огонь, кто создает ее планомерно заранее как оружие против своего врага. *Нейтральный* – девиантное поведение, поскольку на социальных нормах держится порядок и спокойствие, отклонение от них – разрыв с повседневностью. Праздник – отдых от будней, наполняемый необычными видами деятельности. Значительная их часть – это праздничное потребление.

Повседневность – своего рода мыльная опера страстей и страстишек, где плачут над выдуманными сюжетами, нереальными трагедиями, вымученными чувствами, а также современная версия пещеры Платона, где наглухо закрытые от внешнего мира наблюдают и узнают о нет по теням на стене. Ведь мыльная опера – радио- или телесериал сериал, посвященный преимущественно бытовым ситуациям. Назовем этот феномен разрывом с действительностью.

Что такое «мыльная опера», знают даже дети – это телесериал, состоящий из огромного числа коротких фильмов, которые снимают и показывают изо дня в день, из года в год. Некоторые думаю, что мыльные оперы называются так, потому что сюжет из серии в серию будто бы «взбивается» как мыльная пена. С каждой новой серией – новые герои, которые как маленькие пузырьки образуют пену сюжета (из интернета).

Предметом исследования может стать любая бытовая мелочь, например, замок, если он выступает предметом массового использования. Ученый может интересоваться тем, какие социальные группы пользуются замками разной формы и предназначения в разных странах и в разные исторические эпохи; кто покушается на доступ к ним обманом, воровством ключей, взломом замка – от профессиональных похитителей до ближайших родственников; на что и по каким причинам люди вешают замки, какие секреты и сокровища хранят в тайне; каким образом забывают код или теряют ключ, сами выдают тайну и открывают недругам доступ; за какие вознаграждения и под угрозой чего они это делают; к каким последствиям приводит раскрытие тайны или взлом замка. Культурологи могут проследить вхождение замка и тайны в культурное поле – от метафор, притч, сказок, анекдотов и других нарративов до изобразительного искусства, поделок, скульптуры и архитектуры. Возможно даже формирование специального направления «социологии замка», которое тесно связано с уже существующими отраслями, как то социология секрета, социология тайны, либо оно может стать их частью.

Бытование повседневных мелочей в человеческой культуре – особая философия и феноменология, особая онтология и эпистемология. В мировой литературе об этом написаны горы трактатов, и трудно найти хотя бы одного крупного философа, не высказавшегося по их адресу глубокомысленными рассуждениями или хотя бы прозорливыми замечаниями. А число писателей и поэтов, поучаствовавших в раскрытии секретов бытовых вещей, и не перечислить.

Границы онтологии и сфера повседневности

Онтологию городской повседневности можно рассматривать под разными углами, в том числе материальным и нематериальным.

Материальный включает вещественный и предметный аспекты. Вещественный не от слова «вещь», а от слова

«вещество». Городские запахи (выхлопные газы автомобилей, дымящиеся трубы, запах канализации или парфюмерии), городские звуки (электрическая дрель в соседней квартире, автомобильные клаксоны, работающий телевизор, визг детей и ругань взрослых) – все это можно включить в вещественные признаки городской среды. Сама городская среда подразумевает архитектурное окружение горожанина и инженерную инфраструктуру. Предметная составляющая состоит из предметов и вещей повседневного пользования – столы, одежда, зубная щетка, инструменты, техника (включая движущуюся).

Нематериальный угол зрения на онтологию повседневности города подразумевает анализ культурно-символического окружения (от книг и памятников до смысла слов и значения музыки), визуальную (от жестов, мимики, танца до написанного текста и нарисованного клочка бумаги) и вербальную, которая в своей организованной форме представлена различными формами, видами и модусами человеческого языка. В данном случае речь идет о простонародном языке, или просторечье, жаргоне, сленге, высоком литературном и нормативном национальном языке.

Вещная, или вещественная среда повседневности состоит из: 1) предметов, готовых к повторному и многократному использованию; 2) вещей, бывших в употреблении; 3) вещей отремонтированных, заштопанных, исправленных, перекрашенных, переделанных, переработанных, перепригодных; 4) носившейся до тебя одежды и доставшейся тебе по наследству либо через магазин секонд-хенд; 5) вынутых из сундука, чердака.

Материально-вещественный срез понятия повседневности относится к области количественной методологии и задается перечислением либо наименованием вещей, которыми всегда и всюду пользуются люди. Задать данный параметр можно следующими способами:

1) **Наименование**, обозначение либо перечисление круга (ассортимента, списка, перечня, номенклатуры) исполь-

зуемых в быту предметов, скажем, пылесос, холодильник, утюг и т.д. Простое перечисление полезно в нескольких случаях: описать бытовой набор горожанина и сельчанина, турка и американца, в античности и современности, богатых и бедных, домах и квартирах, общежитиях и палатках и др. Наименование можно проводить по: историческим эпохам, социальным классам и слоям, месту жительства, разным культурам и т.д. Простое перечисление вещей, скажем, у горожан и сельчан, создает целостную сравнительную картину одной из сторон повседневности. Сравнение и сопоставление можно показывать перечислением и статистикой. Сколько автомобилей приходится на семью в разных странах, какова стоимость обеда или квартплата, полезная площадь жилища у разных слоев населения дает точную количественную меру повседневности с точки зрения выбранного ракурса. Даже не используя статистику, которую и получить трудно, и она не всегда точна, можно добиться конкретизации картины быта по срезам (эпохам, культурам, слоям, проживанию) за счет указания: 1) наиболее ярких, отличительных или типичных предметов в быту у купцов или мещан в XIX столетии в России, 2) полного перечня бытовых предметов по каждому срезу. Даже внутри пункта (1) есть различия: одно дело высветить наиболее яркие бытовые вещи, совсем другое – наиболее типичные, и третье – найти не самые яркие и не самые типичные, но отличительные предметы по каждому срезу. Пока еще не обнаружено научных статей, где сравнивались бы различные способы не статистического описания предметно-бытовой среды.

2) **Статистика** материально-вещной среды повседневного существования людей может проявлять себя разными способами: а) точное количество одного и того же предмета у разных социальных слоев, 2) количество всех предметов быта у разных слоев, 3) частота пользования вещами по срезам, 4) длительность их эксплуатации. Последний срез статистики часто употребляется для характеристики быстро преходящей моды на ве-

щи и одежду, выявления небрежного обращения с вещами у разных людей, качества изготовления и носкости вещей. Информации об этом, пожалуй, больше, чем о чем-то другом из повседневности.

3) **Характеристика жилья** по срезам общества и эпохам – у каких социальных слоев какое жилье по качеству, объему, комфортности проживания, бытовым удобствам, архитектурным особенностям, месту расположения, стоимости и др. Сюда же необходимо включить характеристики района проживания по: близости к центру, криминальности или безопасности, престижности, озеленению, даты застройки

4) **Инфраструктура.** Сфера быта и услуг включает магазины в сфере шаговой доступности, загородные молы, общерайонные супермаркеты, коммунальные службы, предприятия химчистки, пошивочные ателье, мастерские по ремонту и др. Подобные объекты включают в понятие городской или сервисно-бытовой инфраструктуры. Материальная среда, в которой существует население, называется социальной инфраструктурой. Обычно она подразделяется на виды по географическо-территориальному признаку: инфраструктура страны, региона, города, района. К социальной инфраструктуре относятся торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, система здравоохранения и народного образования, предприятия бытового обслуживания и другие отрасли нематериального производства, удовлетворяющие социальные, духовные и материальные потребности людей.

5) **Социально-демографическая структура** населения страны целиком и полностью не относится к повседневности, хотя в некоторых случаях или некоторыми своими параметрами может дополнить, уточнить, ярче высветить картину повседневности. Демография рисует картину жизни людей слишком крупными мазками – поверх их голов и приземленного быта.

Повседневность – концептуальный симулякр. Это то, что кажется существующим интеллектуалу, но что на самом

деле не существует. Повседневность в Африке и Америке разная, повседневность в одну историческую эпоху разная, повседневность одного американца или африканца радикально различается. Она есть повсюду и еще нигде нет, как воздух или атмосфера.

У повседневности три круга: ближний мир – знакомые, средний мир – полужакомые, дальний мир – незнакомые. По сути, только первый мир относится собственно к повседневности, ибо по всем дням мы взаимодействуем только с привычным и знакомым, потому они и стали таковыми. А малознакомые встречаются не каждый день, с незнакомыми мы знаем только косвенно. Ближний круг – круг значимых других – значимых других людей и значимых предметов. В повседневности мы существуем не толпой, а поодиночке, не статистической массой, а персональной уникальностью. Повседневность – это плоская онтология, без устремлений ввысь, приземленная, без торчащих над толпой личностей.

Многие социологи сегодня изучают, на первый взгляд тривиальные, явления повседневности. Массовые опросы постепенно уступают место глубинным интерпретациям, качественным процедурам, наблюдениям и визуальной социологии. По мнению П. Штомпки [18, с. 3–13], это явный признак парадигмального сдвига, призыв к изучению социальной экзистенции и ее проявления в событиях городской повседневности. «Социологи повседневности сделали чуть ли не впервые предметом социологического анализа повседневные ритуалы – приветствия, свадьбы, переговоры, семейные обеды и визиты гостей, домашние развлечения, встречи в местном кафе, на улице, а также уделили много внимания этикету и униформе (одежде, ее семантике, смене обстановки квартиры и пр.), также значимыми стали проблемы, связанные с бытовым использованием и функционированием техники, отношениями к кухонной и радиоэлектронной аппаратуре, телефонам, музыкальным инструментам и автомобилям» [21].

Повседневность – это среда обитания «маленького человека», когда он исключен из контура большого общества и «вынесен за скобки» исторического контекста. П. Бурдьё бросил фразу, ставшую популярным афоризмом: «Большие изменения входят в мир на лапках голубя». Как пишет М. де Серто, «чтобы читать и писать на языке обычной повседневной культуры, надо заново научиться обычным действиям и сделать собственный анализ вариантом его объекта» [23]. На языке, которым пользовался М. Зощенко, это прозвучало бы так: «Мудрость не в том, чтобы людей презирать, а в том, чтобы делать такие же пустяки, как и они: ходить к парикмахеру, суесться, целовать женщин, пить, покупать сахар. Вот мудрость!» [24]. Иначе говоря, повседневность – область малых конечных значений и конечных величин. Каждый имеет свою повседневность.

Уровень повседневности – это уровень явления, феноменов, феноменологии. Уровень социальных институтов и смежных категорий – это уровень сущности, ноуменов, того, что лежит в глубине явлений.

Повседневность и праздничность – антагонисты. Все желают превратить серые будни в праздник, рутинное сделать ярким и запоминающимся. Но такая трансформация невозможна в принципе: как только яркое повторяется каждый день, оно моментально становится серым и будничным. Праздник – еще и не-труд, отдых от работы, праздное безделье. Они не могут длиться каждый день. Будни должны быть трудовыми, наполненными усилием, терпением, привыканием, неярким. Праздник еще и стресс, пусть и позитивный. Так что остается только мечтать о буднях как о празднике.

Социология повседневности и экзистенциальная социология. Когда взрослые дети хоронят пожилых родителей, это драматическое для них событие, но естественный ход событий. Это демография. Но когда родители хоронят своего ребенка – это трагедия для них, нарушение общепринятого порядка событий в обществе. У них наступает не-

преходящая депрессия, утрата смысла жизни, они вступают в пограничную ситуацию. То же самое происходит, когда малыш теряет свою маму, и вся его жизнь катится под откос. И хотя таких событий много, они учитываются статистикой массовых случаев и даже становятся темой научных исследований, они относятся к сфере экзистенциальной социологии.

Повседневность – повсеместность

Главная черта повседневности – однородность происходящих событий и монотонность (рутинность) выполняемых действий как во времени, так и в пространстве.

Повсеместность – по всем местам. Но не во всех местах сразу, т.е. не на всей планете, а в каждом месте и по всем знакомым вам местам, которых может быть не так много и все они привычны. Обычно это дом-работа и маршрут между ними. У этих мест своя топология, карта и маршрут.

Повседневность – по всем дням, которые вы проживаете, т.е. происходящее с вами каждый день, каждодневно, ежедневно: вчера, сегодня, завтра. Именно так измеряется житейская повседневность. Не философскими категориями прошлое-настоящее-будущее, а каждым днем из вашей 70-летней жизни в течение жизненного цикла.

Неповседневное непривычно, повседневное привычно, а потому комфортно как свое и родное. Туристическая поездка в другой город или страну заставляет нас покидать границы привычного и повседневного, попадая в режим встречи с новым, неожиданным и удивительным, где есть культурные достопримечательности, незнакомые улицы и здания. Как долго вы протерпите в такой среде? Через неделю путешественника тянет на малую родину – к привычному и до боли знакомому.

Если повседневность – это обыденность, а она – то же самое, что рутинность, ничем не различающиеся друг от друга дни и повторяющиеся места посещения, словом, однообразная, ничем не примечательная, серая и скуч-

ная жизнь, то время городского существования представляет собой почти такой же гомогенный ряд событий, как физический пространственно-временной континуум. Обыденность – это изо дня в день одно и то же, одинаковые дни и ночи, она имеет несменяемую цикличность событий.

Обыденность сравнима с повторяющимся каждый день меню в столовой, где неприятные запахи отбивают всякий вкус к еде, где музыка нагоняет тоску заезженным репертуаром. Обыденность – привычный ход жизни, «суета и томление духа». Повседневность – это систематическое повторение одних и тех же событий, которые происходят каждый день по определенной схеме и создают тихий размеренный ритм городской жизни.

Обыденностью может быть один и тот же вид за окном, постоянный путь на работу, одна и та же пища и одежда, один и тот рутинный отдых. И все это рождает ощущение безысходности: горожанин уже ничего не ждет от завтрашнего дня, живет текущим моментом «здесь» и «сейчас». «Станционный смотритель» А.С. Пушкина – трагизм в повседневном однообразии – представлен как человеческая драма, неудовлетворенность жизнью, опустошенность. Главный герой – «маленький человек» Самсон Вырин. Он счастлив, но только до тех пор, пока рядом с ним его дочь Дуня. Как только она сбегает с Минским (по сути, от той же обыденности), жизнь для него теряет смысл.

Обыденное, пришедшее в русский язык еще в XII в., означает «происходящее за один день, нечто однодневное». С течением времени слово приобрело другое значение – «каждодневный» и «ничем не примечательный». Чувствуете, сходство двух слов – повседневность и обыденность? Оба определяют краткий отрезок земного существования человека, протекающего между восходом и заходом солнца. Смена времён года, утро и вечер, день и ночь – обыденные и повседневные события. Но смена вёрст, городов, стран и материков – события уже менее скучные и монотонные.

Повсеместность образует куст этимологически близких к нему понятий, образующих один из главных фрагментов социологии повседневности. Он связан с ключевым понятием «место», от которого образовано слово «мещанин».

Место – это точка на ландшафте или поверхности земле. Место работы (фабрика) и место жительства (дом) в городе разнесены территориально. Поднявшись по службе или перейдя на более доходное место, человек может сменить сначала место работы, а позже и место жительства. Местность может остаться той же самой, например, город Москва, но место работы и место жительства изменились. Иными словами, изменения вашей локации (адреса или географических координат) происходят в рамках большого фрагмента городского пространства – мегаполиса. *Местность* – это крупная морфологическая часть ландшафта и регион проживания этнически однородной группы населения. Местные и земляки формируют замкнутые социальные круги, где защищают и продвигают преимущественно «своих».

На такой основе возникает феномен «местничества». *Ме стничество* – 1) порядок распределения государственных должностей (мест), не по заслугам, способностям или возможностям, а лишь по родовитости и знатности семейства, т.е. «по своим», в период с конца XV по конец XVII веков; 2) соблюдение узкоместных интересов в ущерб общему делу; 3) деятельность, направленная на обеспечение целиком или по преимуществу локальных, местных интересов в ущерб более широкому (региональному, общегосударственному, общегражданскому). Его производное – *местечковость*, служит частным случаем местничества и характеризует провинциальный, культурно отсталый тип менталитета, а не только назначений на должности. Местечковым на Украине именовали либо села, в которых проживали евреи, либо место компактного проживания евреев практически в каждом украинском селе. Мещане берут свои исторические корни именно отсюда, и только позже

они превращаются в общегородской топоним во всей России.

Слово «мещане» произошло от слова *местные*. Местные – живущие на этом месте здесь и теперь. Это географический аналог малой родины. Местные – патриоты и защитники своих мест, своего места в жизни, своей территории, своей кормовой базы, своих гробов и домов, своей семьи. Место рождения – первая родина, место происхождения, местоимение. Известны еще три категории людей: не-местные (пришлые) и без-местные (без должности), а разноместные – это меняющие своё положение, не постоянные (перекати-поле).

Поместье – разновидность земельного владения, предоставлявшегося за воинскую или государственную службу в России в конце XV – начале XVIII веков – сродни скорее загородной даче, нежели этно-культурной местечковости, хотя корень у них общий, а именно «место». Поместье, особенно небольшое, иногда называли местечком, но чаще в ироническом смысле. *Поместное войско* – дворянская конница.

Как видим, повсеместность является не только вертикальным, а именно социально-стратификационным измерением, но и горизонтальным, историко-культурным и социально-этническим. Обыденность и повсеместность обозначают скучность и монотонность каждого отрезка вяло текущего времени человеческой жизни. Напротив, пространственные указатели – место, местечковость, местоположение, повсеместность – вскрывают разнообразие, неоднородность и даже неравенство территориальных единиц измерения.

История повседневности

Повседневность существует во всех странах и существовала во все времена – даже в те эпохи, когда еще не было государства как политической системы общества и культуры как фундамента высокой духовности. Многократно повторяющиеся изо дня в день рутинные действия, ставшие стабильными практиками по решению самых насущных задач и удовлетворению самых важных потреб-

ностей, есть у всех народов. Наиглавнейшие и крупнейшие из них запечатлены в культурных универсалиях Мёрдока.

История повседневности – это не реконструкция «жизни незамечательных людей», но скорее «жизни маленьких людей», день за днем, шаг за шагом творящих свою ежедневное существование, т.е. «истории частной жизни». Ее проблемное поле охватывает: 1) историко-демографические исследования (рождаемость, смертность, продолжительность жизни, здоровье, заболеваемость, состояние медицинского обслуживания и его доступность); 2) изучение семьи, брака, семейных и интимных отношений, в том числе добрачных и внебрачных, взаимоотношений поколений, воспитания детей в семье; 3) «жизненные условия» (жилье, питание, одежда, транспорт, коммуникации, состояние сферы услуг, обеспеченность бытовой техникой и проч.); 4) проблемы досуга, отдыха, занятий спортом, соблюдение праздничных обрядов [25].

История повседневности – область, которая недоступна для масштабных или локальных выборочных обследований, case studies, наблюдений и опросов, зато подвластна нарративным приемам, в том числе анализу «профаных» текстов, биографическому методу, анализу документов, сравнительному историческому исследованию. Если социологи могут опросить респондентов, попросив их написать социальную автобиографию, то историки идут другим путем. Источником для них служат истории «маленьких людей», людей незначительных, неважных, маргиналов, отщепенцев, неудачников, пограничные и экстремальные ситуации. Через жизнь маленьких людей историки открывали жизнь большого общества. Повседневность – философия малых дел, сфера частной обыденной жизни, непраздничной домашней жизни.

Базу источников истории повседневности составляют: сводки новостей, архивы делопроизводительных документов учреждений, церковные метрические записи, документы лечебных учреждений, брачные договоренности (контрак-

ты), материалы устных опросов, предметы повседневного быта, музейные экспонаты и материалы археологических раскопок. Для отечественной истории огромную ценность представляют обширные материалы земской статистики о потребностях в сфере образования, здравоохранения, грамотности населения, объёмах региональной промышленности и торговли, описание хозяйственного быта, бюджетные программы, подворные переписи селений, регистрация грамотности, батрачества, построек, способов обработки земли, сведения о почве, рельефе, распределении угодий и культур, посевах и урожае хлебов, разных сторонах хозяйственной техники, формах владения и пользования землей, промыслах, кредите, платежах, благотворительности и школьном деле. Достаточно сказать, что к началу 1894 г. были опубликованы результаты местной подворной переписи крестьянских хозяйств по 171 уезду 25 губерний.

История повседневности – это разновидность микроистории, концентрирующаяся на обыденности, но так или иначе сопряженная с изучением исторической антропологии и культурных локализмов, анализом бытовой рутинности и факторов отклоняющегося (девиантного) поведения. Ф. Бродель дал нам вполне разумные инструкции того, как нужно изучать историческую повседневность: «Материальная жизнь – это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи – пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов – словом, все, что служит человеку, – вот единственный способ ощутить его повседневное существование» [26]. В интернете широко цитируется и другая его мысль: «Повседневная жизнь – это обязательная школа цифр: словарь дебета и кредита, натурального обмена, цен, рынка, колеблющихся курсов денег захватывает и подчиняет любое мало-мальски развитое общество».

Отсюда вывод Ю.М. Лотмана: видеть историю в зеркале быта. Как и почему это надо делать? Он отвечает: «Быт – это обычное протекание жизни в ее

реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. Быт окружает нас как воздух, и, как воздух, он замечен нам только тогда, когда его не хватает или он портится. Мы замечаем особенности чужого быта, но свой быт для нас неувливаем – мы склонны его считать «просто жизнью», естественной нормой практического бытия. И так, быт всегда находится в сфере практики, это мир вещей прежде всего» [27]. Перспектива «история через призму быта» воплощается сегодня в многочисленных книгах, выходящих в сериях под общим названием «История в зеркале быта».

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [28]. «В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения» [28].

Историческая повседневность через культуру повседневности в нашей стране рассматривалась И.Е. Забелиным, Н.И. Костомаровым, А. Терещенко, С.В. Максимовым, Д.К. Зелениным, И.С. Шмелевым в конце XIX – начале XX века. Среди современных этнографических и антропологических исследований можно отметить работы Т.А. Бернштам, И.С. Кона, А.Л. Топоркова, С.В. Лурье, Н.Н. Козловой, Т.Б. Щепаньской и др. Л.Д. Гудков, В.Г. Рыженко, С.Г. Климова, Б.В. Марков, Л.Н. Насонова, С.Н. Тесля, В.Д. Лелеко, Л.Л. Шпак активно разрабатывают аспекты, связанные с изучением повседневности. Их труды характеризуют проблемы быта, семьи, здоровья населения страны, общественно-политические умонастроения различных социальных групп. Определенный интерес представляют работы Е.Ю. Зубковой [29]. Знакомство с письмами и воспоминаниями простых

граждан позволило увидеть советскую жизнь не только с внешней стороны, но и глазами самих людей того времени. М.М. Кром включил в «оповседневнивание» истории описание одежды, распорядка дня, способов проведения досуга, на которых строились жизненные планы и складывались быденные отношения, которые позволяли понять круг повседневных тревог и увидеть мир людей изнутри .

По мнению Ю.А. Полякова, «история повседневности – это сумма миллиардов судеб людей, живущих в далёком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями» [30]. История повседневности, согласно А. Людтке, это «детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, а также и надежд на будущее» [31].

«Энциклопедия банальностей» Н.Б. Лебиной – путеводитель по быту, практикам женской повседневности (ношение одежды, мода, проблемы интимности и сексуальности, использование бытовой химии) и девиантным практикам советской эпохи (пьянство, суицид, проституцию, криминал) [32]. Н.Б. Лебина исследует советскую городскую повседневность на примере г. Ленинграда. Особый акцент – на видах девиантного поведения, проблемах досуга, частной жизни и т.д. В частности, авторы книги «Обыватель и реформы...» размышляют о жизни обычных людей «обывателей» в условиях крупных реформ в годы НЭПа и хрущёвского десятилетия. Учёные анализируют проблемы коммунального жилья, одежды, питания и т.д.

Повседневность Петрограда и Москвы в 1917 г. отражена у В.Б. Аксенова, проблемы девиантной повседневности городов Пензенской губернии –

у С.Е. Панина, повседневная жизнь рабочих на предприятиях – В.С. Тяжелниковой, С.В. Журавлева, М. Мухина, А.М. Маркевича, А.К. Соколова, Т.В. Дорониной. На материалах Ярославской губернии по городской повседневности созданы работы О.В. Ольневой. Городская повседневность Петербурга – работа городского транспорта, функционирование рынков и магазинов, народные развлечения, религиозная жизнь – раскрывается у Д. Засосова и В. Пызина. Проблемы жилищной политики Советского государства и ее реализации в архитектурном проектировании разных лет посвящены книги М.Г. Мееровича .

Статья М.Г. Рабиновича и М.Н. Шмелевой «К этнографическому изучению города» содержит развернутую «Программу этнографического изучения городов», где есть специальный раздел «Домашний быт» [33]. Программа описывает домашнее хозяйство, распределение семейных обязанностей, воспитание и обучение детей, распорядок дня, домашний досуг, межсемейное общение, традиционные знания (полученные от прародителей), трудовой и праздничный календарь, домашние способы лечения людей и животных. И.П. Труфанов и З.А. Янкова, проанализировав значение бытовой сферы для удовлетворенности образом жизни, проанализировали особенности быта горожан, доказав роль женщины как главного его организатора [34]. И.Б. Орлов реконструировал советскую повседневность 1960-х гг. по таким направлениям, как бытовое обслуживание, досуг и активные формы отдыха, семейные стратегии и «бытовой этатизм», место и роль «ненавязчивого сервиса», специфика массового туризма [35].

Во многих вузах читается курс «История повседневности». Было опубликовано даже несколько учебников по курсу «Российская повседневность»³. Если почитать книги про повседневную жизнь русских городов – любого века и любой губернии, – то окажется, что сю-

³ См.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., Журнал «Нева», изд.-торговый дом «Летний сад», изд-во «Kikimora». 1999.

да включены и народные гуляния, и театры, и зрелища, хотя все они относятся к праздничной, а не каждодневной реальности. А ведь изначально все ученые мужи строят оппозиции повседневности/праздничности. И.Е. Забелин – видный историк русской повседневности, искусствовед, археолог, коллекционер, один из основателей Исторического музея⁴ (ныне Государственный Исторический музей – ГИМ), автор более 250 работ [36], посвященных средневеков. периоду русской истории, прежде всего истории Москвы [37]. Он подготовил двухтомное исследование «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», а затем изложил в доступной форме результаты своих трудов и работ многих других ученых в книге «История города Москвы».

Изучение истории городской повседневности приобретает региональный аспект. Вопрос повседневности советского сибирского города в годы Гражданской войны вызывает интерес у А.А. Семенова, З.С. Кочиной, Л.Н. Курцева, О.Н. Гончаровой, А.А. Гуменюк, Ю.М. Гончарова, проблемы городской повседневности на территории Западно-сибирского региона – у И.И. Кротта, И.В. Курышева, Т.В. Дорониной, Э.Е. Шумиловой и др. [38]. И.В. Нарский реконструирует историю повседневности уральских городов периода Гражданской войны и первых лет советской власти [39]. Среди работ, описывающих городскую повседневность XIX века, в частности, Томска XIX – первой трети XX века, можно отметить работу Н.М. Дмитриенко⁵, где показан слом социальной структуры общества, переход от сословной к классовой иерархии

⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920–1930-е гг. СПб.: Журнал Нева, 1999.; Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер: микроистория как метод изучения норм аномалий советской повседневности 20–30-х гг. // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России в 1920–1930-е гг. СПб.: Нева, 2000; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан. СПб, 2003.

⁵ При И.Е. Забелине фонды музея увеличились в 200 раз с 15 тысяч единиц хранения до нескольких сотен тысяч.

и влияние этого перехода на жизнь горожан. Е.Ю. Зубкова [40] изучает послевоенного советского общества (проанализировано только население крупных городов). Описанию взаимосвязи между разноуровневыми потребностями горожан и городской средой на материалах Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 года посвящена работа Е.И. Косяковой [41].

Литература

1. Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 287.
2. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. С. 291.
3. Kalekin-Fishman D. Sociology of everyday life // Current Sociology 2013, 61(5–6).
4. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994, с. 18.
5. Элиас Н. Понятие повседневного // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001. С. 24.
6. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 90.
7. Кнабе С.Г. Диалектика повседневности // Кнабе С.Г. Материалы и лекции по истории культуры и культуры античного Рима. М., 1994. С. 29–56.
8. Малова Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 7. С. 68–71.
9. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение, vol. 6, no. 3, 2007, pp. 33–36.
10. Гарфинкель Г. Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. Том 3. № 1. 2003.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006.
12. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся с смыслом. Раздел «Размышления

- о проблеме релевантности». Глава 7: Биографическая ситуация. М.: РОС-СПЭН, 2004.
13. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.
 14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
 15. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003, с. 677.
 16. Троицкий Л.[Д.] Чтобы перестроить быт, надо познать его // Троицкий Л.[Д.] Соч. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 21. С. 21.
 17. Керов В.В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «Городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестник Томского государственного университета. История, No. 48, 2017, Рр. 50–59.
 18. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования, 2009, № 8, с. 7.
 19. История российского быта: материалы XIV Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 1999, с. 4.
 20. Березовая А.Ю. Становление термина «Повседневность». Различные подходы к рассмотрению термина «Повседневность» учеными // Культура. Духовность. Общество, No. 1, 2012, Рр. 244–252.
 21. Мягченко Г.Ю. Предметные области повседневности // Аналитика культурологии, No. 13, 2009, с. 164–167.
 22. Ионин Л.Г. Повседневность как не-праздник и неидеал // Художественный журнал. 1997. № 17.
 23. De Certeau M. Art de Faire. Vol. 1. L'Invention du Quotidien. Paris, 1980, p. 7.
 24. Зоценко М. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 2. Л., 1986, с. 52.
 25. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее. Научный совет РАН // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. История России. 2003. № 2. С. 8.
 26. Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1986, с. 41.
 27. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994, с. 4.
 28. Пушкарева Н.Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014, с. 312.
 29. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.
 30. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125.
 31. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 77.
 32. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
 33. Рабинович М.Г., Шмелева М.Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. № 6. С. 15–17.
 34. Труфанов И.П. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973.
 35. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2009.
 36. Историк Москвы и русского быта – Иван Егорович Забелин [Текст]: библиографический указатель / сост. И.Е. Бакши. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: ГБУК г. Москвы «ЦБС ЗАО», 2020.
 37. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014; Костомаров Н.И. Быт и нравы русского народа. Смоленск: Русич, 2011.

38. Паликова Т.В., Красовская А.А. Повседневная жизнь советского сибирского города в 1917–1923 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии, no. 4, 2018, pp. 20–26.
39. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
40. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.
41. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. М., 2000.
42. Косякова Е.И. Новый быт сибирского Чикаго. Очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. Новосибирск, 2006.
2. Markov B.V. Temple and market. Man in the space of culture. SPb., 1999. P. 291.
3. Kalekin-Fishman D. Sociology of everyday life // *Current Sociology* 2013, 61(5–6).
4. Weber M. Favorites. Society image. M.: Lawyer, 1994, p.18.
5. Elias N. The concept of everyday // Elias N. On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. SPb., 2001. S. 24.
6. Kasavin I.T., Shchavelev S.P. Analysis of everyday life. M., 2004. P. 90.
7. Knabe S.G. Dialectics of everyday life // Knabe S.G. Materials and lectures on the history of culture and culture of ancient Rome. M., 1994. S. 29–56.
8. Malova E. Yu. Everyday life: essence and subject of study in the humanities // *Modern science-intensive technologies*. 2007. No. 7. P. 68–71.
9. Lefebvre A. Everyday and Everyday Life // *Sociological Review*, vol. 6, no. 3, 2007, pp. 33–36.
10. Garfinkel G. Ordinary knowledge of social structures: a documentary method of interpretation in professional and non-professional search for facts // *Sociological Review*. Volume 3. No. 1. 2003.
11. Heidegger M. Being and time. St. Petersburg: Nauka, 2006.
12. Schutz A. Favorites: The world, glowing with meaning. Section “Reflections on the Problem of Relevance”. Chapter 7: Biographical situation. M.: ROSSPEN, 2004.
13. Certo Michel de. The invention of everyday life. 1. The art of making. SPb., 2013.
14. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. M.: Medium, 1995.
15. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2003, p. 677.
16. Trotsky L. [D.] In order to rebuild life, one must know it // Trotsky L. [D.] Op. M.; L.: Gosizdat, 1927. T. 21. S. 21.
17. Kerov V.V. Yekaterinburg, Tomsk, and then everywhere: what is the Russian history of the “Urban everyday life” like, and why is it needed? // *Bulletin of the Tomsk State University*. History, no. 48, 2017, Pp. 50–59.
18. Shtompka P. Focus on everyday life. A new turn in sociology // *Sociological research*, 2009, No. 8, p.7.
19. History of Russian life: materials of the XIV All-Russian correspondence scientific conference. St. Petersburg: Nestor, 1999, p.4.
20. Berezovaya A. Yu. The formation of the term “everyday”. Different approaches to the con-

SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE

Kravchenko A.I.

Deputy Editor-in-Chief of the journal “Sociology”

Sociology of everyday life is the most unpopular concept in academic science and the name of the scientific discipline that studies the most mass, popular and widespread state of social reality. Nothing seems more obvious than our day-to-day activities. We all spend our days doing things that are so routine and ordinary that they are hardly worth talking about – getting up, brushing our teeth, taking a shower, making a cup of tea or coffee, walking the dog, taking the kids to school, saying hello to the neighbors, getting on the commuter train, watching TV, getting ready for work and undressing for the night, having a quick lunch, coming home, having a glass of tea. And nothing is less obvious than the sociology of everyday life. And nothing is more studied and developed than the sociology of everyday life.

Keywords: everydayness, everydayness, ubiquity, everydayness gap, simulacrum, microevents, history of everydayness, ontology of everydayness.

References

1. Zhuravlev S.V., Sokolov A.K. Everyday Life of Soviet People in the 1920s // *Social History: Yearbook*, 1997. Moscow: ROSSPEN, 1998. P. 287.

- sideration of the term “Everyday life” by scientists // Culture. Spirituality. Society, no. 1, 2012, Pp. 244–252.
21. Myagchenko G. Yu. Subject areas of everyday life // Analytics of Cultural Studies, no. 13, 2009, p. 164–167.
 22. Ionin L.G. Everyday life as non-holiday and non-ideal // Art magazine. 1997. No. 17.
 23. De Certeau M. Art de Faire. Vol. 1. L’Invention du Quotidien. Paris, 1980, p. 7.
 24. Zoshchenko M. Collected works in 3 volumes. T. 2. L., 1986, p. 52.
 25. Polyakov Yu.A., Zhyromskaya V.B. Man in everyday life: past and present. Scientific Council of the Russian Academy of Sciences // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Ser. Russian history. 2003. No. 2. S. 8.
 26. Braudel F. Structures of everyday life. Possible and impossible // Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries. M.: Progress, 1986, p.41.
 27. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). SPb., 1994, p.4.
 28. Pushkareva N.L. History of everyday life and microhistory // Theory and methodology of history: a textbook for universities / Ed. ed. V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. – Volgograd: Teacher, 2014, p.312.
 29. Zubkova E. Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953 M., 1999; Zubkova E. Yu. Society and reforms. 1945–1964. M., 1993.
 30. Polyakov Yu.A. Man in everyday life (historical aspects) // Domestic history. – 2000. – No. 3. – P. 125.
 31. Ludtke A. What is the history of everyday life? Her achievements and prospects in Germany // Social history. Yearbook. 1998/1999. M., 1999. S. 77.
 32. Leбина N.B. Encyclopedia of platitudes. Soviet everyday life: contours, symbols, signs. SPb., 2006.
 33. Rabinovich M.G., Shmeleva M.N. To the ethnographic study of the city // Soviet ethnography. 1981. No. 6. S. 15–17.
 34. Trufanov I.P. Problems of everyday life of the urban population of the USSR. L., 1973.
 35. Orlov I.B. Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation. M., 2009.
 36. Historian of Moscow and Russian life – Ivan Egorovich Zabelin [Text]: bibliographic index / comp. I.E. Bakshi. – ed. 2nd, rev. and additional – Moscow: GBUK of Moscow “TsBS ZAO”, 2020.
 37. Zabelin I.E. Home life of Russian queens in the 16th and 17th centuries. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014; Kostomarov N.I. Life and customs of the Russian people. Smolensk: Rusich, 2011.
 38. Palikova T.V., Krasovskaya A.A. Everyday life of a Soviet Siberian city in 1917–1923. // Bulletin of the Buryat State University. Humanities Studies of Inner Asia, no. 4, 2018, pp. 20–26.
 39. Narsky I.V. Life in disaster. Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922. M., 2001.
 40. Dmitrienko N.M. The Siberian city of Tomsk in the 19th – the first third of the 20th century: management, economy, population. Tomsk, 2000.
 41. Zubkova E. Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life 1945–1953. M., 2000.
 42. Kosyakova E.I. New life of Siberian Chicago. Essays on urban everyday life in Novosibirsk between the wars. Novosibirsk, 2006.

Представления россиян о снах и сновидениях

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье представлен анализ данных о проведенном инициативном исследовании о снах и сновидениях современных россиян. Выявлены гендерные и возрастные отличия в восприятии сна и сновидений. Обозначена зависимость от информационных потоков на качество сна и смысловую нагрузку сновидений. Исследованы три уровня смолообразования сновидений: социокультурный, социально-исторический и личностно-смысловой, обозначены их сферы, механизмы и инструменты воздействия на общественное сознание через символические смыслы снов, отраженные в коллективном бессознательном.

Ключевые слова: сны, сновидения, представления, россияне, социальные оценки, общественное сознание.

Треть жизни людей проходит во сне. Несмотря на то, что продолжительность сна в целом у людей уменьшилась с 8 до 6 часов начиная с XX века, из-за научного прогресса, увеличения информационных потоков и в целом отошел от естественных циклов сна и бодрствования – сон остается сферой внимания как для ученых, так и для обывателей.

При этом он продолжает оставаться мало изученной сферой жизни людей, поэтому продолжает обростать разными домыслами и нереальными объяснениями того, что происходит с человеком во время сна. Сновидения как часть сна и тем более их интерпретация наполнены еще большим субъективным, иррациональным смыслом.

Сновидения важны для психологического и психического здоровья. Во сне перерабатываются большие объемы информации, приходит вдохновение, гармонизируется эмоциональный фон. Слишком короткая фаза быстрого сна или отсутствие сновидений могут привести к умственному переутомлению и раздражительности.

Если не включать в анализ публикации о снах персонажей художественных произведений или их авторов (сны Раскольникова, сны Достоевского, сны Тютчева, «тяжелые сны» Сологуба и т.д.), то можно выделить несколько векторов публикаций о снах: философские основания снов и их интерпретации (В.С. Гурьев [4], В.К. Кантор [7]); антропологические, культурологические и эстетические образы снов в культуре народов (Л.Л. Ивашнеева [5], Н.Х. Исмаилова [6]); социально-политический дискурс снов и сновидений через лингвистический анализ (А.Д. Беляев [3], З.К. Темиргазина [19]), использование снов в криминалистике и расследовании преступлений (Р.Г. Ардашев [1,2], Е.А. Корабельникова, В.Н. Касаткин, В.Н. Китаева, Н.Н. Китаев [8–15]), сон как показатель здоровья отражен в трудах О.А. Полюшкевич [16–18] и др.

Особенности исследования

По данным ВЦИОМ, около 23% россиян заявили, что видят сны каждую ночь, всего о наличии сновидений рассказали 69% опрошенных россиян, следует из данных опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения¹. Сновидения видят 69% россиян, 64% в той или иной степени их запоминают. Каждому четвертому сны снятся часто – каждую ночь или несколько раз в неделю (23% и 25%).

Эти данные побудили нас к собственному инициативному исследованию в сфере изучения сна и сновидений россиян. Для этого мы опросили 1200 россиян проживающих в разных регионах РФ через онлайн платформу опросов www.google.com. Среди участников было 56% женщин и 44% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет; имеют среднее образование – 8%, средне-специальное – 22%, высшее – 57%, ученую степень – 13%.

Анализ результатов исследования

Среди молодежи и людей среднего возраста наблюдается так называемое явление «давление сна», когда человек готов уснуть при первой возможности (в автобусе, на лекции, за рабочим столом, в парке и т.д.). Это следствие того, что мозгу не дает человек отдохнуть ночью, например играя в компьютерные игры или общаясь с кем-то, смотря фильмы или спортивные соревнования. И когда это входит в привычку – становится

обычным «давление сна» в течение дня. А это увеличивает рассеянность, невнимательность, апатичность и в целом снижает продуктивность во время работы или учебы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Количество часов сна ночью в разные возраста (в %)

Количество часов сна ночью	18–35 лет	36–55 лет	56 лет и старше
Я ночью сплю более 8 часов	22	8	10
Я ночью сплю 6–8 часов	31	35	25
Я ночью сплю 4–6 часов	27	25	45
Я ночью сплю менее 4 часов	20	32	20

Как видно из таблицы, на сон у россиян все меньше времени и как следствие большая апатия или раздражительность (индивидуальная реакция) во время бодрствования. Страдает не только качество сна, но и качество проживания жизни в целом.

Женщины видят сны чаще чем мужчины, также их лучше запоминают (среди женщин 72%, среди мужчин 49%). При возрастном анализе, молодые люди видят чаще сны, чем пожилые и они же их лучше запоминают (83% молодые люди и только 17% пожилые) (см. таблицу 2).

Таблица 2. Кто видит чаще сны (в %)

Количество снов	18–35 лет		36–55 лет		56 лет и старше	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Каждую ночь	3	8	4	9	3	10
Несколько раз в неделю	22	28	30	35	18	22
Несколько раз в месяц	19	20	24	22	21	20
Несколько раз в год	30	19	12	10	28	16
Не вижу снов	27	25	30	24	33	32

Мы просили респондентов продолжить фразу: сновидение – это ... и в ре-

¹ Опрос ВЦИОМ показал, как часто россияне видят сны – РИА Новости, 14.03.2022 (ria.ru)

зультате получили несколько смыслов, отраженных в таблице 3.

Как видно из таблицы, для старшего поколения, сновидения в большей ча-

сти – это работа интуиции и знак на то, на что стоит обратить внимание, для среднего и младшего поколений сновидение это переработка информации, полученной днем. Для мужчин сновидения чаще непонятный набор смыслов или возможность доработать то, что накопилось. Для женщин сны имеют большее иррациональное значение и позволяют лучше чувствовать себя, качественнее понимать ситуацию, больше вовлекаться в процессы и события жизни, погружаясь в них с головой или наоборот уходя (в случае негативного токования сновидения). Т.е. для женщин, сновидение чаще становится источником информации, на основе которого можно принимать решения, которые будут менять жизнь в корне, чем для мужчин.

Таблица 3. Сновидение это ... (в %)

Блоки определений сновидения	18-35 лет	36-55 лет	56 лет и старше
Переработка информации, полученной днем	28	35	18
Интуиция показывает на что надо обратить внимание	21	24	30
Работа правого полушария мозга	24	22	25
Непонятный набор смыслов	20	11	22
Другое	7	8	5

Общей позицией является то, что чем занимается человек за четыре часа до сна – то и влияет на его сон. И негативным выводом из этого становится то, что на качество сна и особенности сновидений влияют информационные потоки, которые для старшего поколения распространяется через ТВ, для среднего и младшего через Интернет и различные гаджеты (телефоны, смартфоны, планшеты) или работу с информационными потоками по учебе или рабочим процессам (рабочего времени не хватает). Только 6% россиян гуляют (и то не каждый день) перед сном, а остальные смотрят социальные сети, сюжеты че-

рез ю-туб или телевизионные передачи. См. таблицу 4.

Таблица 4. Что вы делаете за 4 часа до сна (в %)

Количество часов сна ночью	18-35 лет	36-55 лет	56 лет и старше
Работаю с информацией по работе или учебе	17	11	2
Смотрю социальные сети	46	29	11
Смотрю ТВ	5	12	62
Смотрю ю-туб каналы	28	43	21
Гуляю	2	2	2
Другое	2	3	2

Результатом этого становится повышенная активность мозга, которая мешает расслабиться и переключиться с режима бодрствования на режим сна. И как итог – перевозбудимость мозга, которая влечет за собой неадекватное поведение во время бодрствования, сложности с концентрацией внимания, запоминанием и воспроизводством информации и проч.

Еще одним следствием информационного воздействия на сознание человека становится затяжной психологический кризис, который приводит к тому, что все чаще люди видят ужасы (но не личных смыслов, а тех «страшных» образов, что они увидели на экранах ТВ или сети Интернет). Например, зомби, вампиры и прочие «ужастики», которые еще 30 лет назад были скорее исключением во снах россиян, то сегодня каждое четвертое обращение к психологу связано с кошмарами во сне подобного рода.

На то, что россияне переживают психологический кризис, указывает там символика, что отражается в их снах. К. Юнг указывал на то, что при проживании кризиса у человека во снах присутствуют потери, опасности, борьба, рождение нового, встреча с чем-то иным, депersonализация, изменения своего «я»,

некая трансформация и т.д. – таким образом подсознание пытается справиться с незнакомыми, пугающими обстоятельствами, пробует осмыслить их и принять. Те же, кто выходит или преодолевает личностный кризис чаще видят символы другого порядка: гармоничные сады или красивые дома, чаши, лестницы – т.е. все то, что можно было бы обозначить как символы перехода.

Таблица 5. Символы последних сновидений россиян (в %)

Символы	18-35 лет	36-55 лет	56 лет и старше
Убийства / похищения	17	17	13
Умершие родственники / мёртвые люди / зомби	16	15	17
Замкнутое пространство / невозможность выбраться из замкнутого пространства	15	12	13
Убегаю от кого-то / кто-то гонится за мной	13	10	12
Густой лес / потерялся в густом лесу	8	13	15
Пустой или разрушенный дом	8	12	13
Красивые места / природа	5	5	5
Движение вперед / лестница	6	4	4
Доделывание рабочих моментов	5	8	3
Другое	6	4	5

В нашем исследовании мы попросили написать в виде открытого вопроса «Какие символы последних сновидений вам запомнились», ответы показывают, что большая часть респондентов находится в жизненном кризисе. Информационные потоки с транслируемыми ценностями массового общества усиливают это состояние критичности и тревожности, что отражается в беспокойных снах. Причем тревожность присутствует в разных поколениях и у мужчин и женщин – есть уникальные черты, но в большей

степени универсальные страхи и тревоги, вызванные внешними событиями (экономический кризис, СВО, экологические катастрофы и т.д.). См. таблицу 5.

Сны – показатель психической активности людей, те кто не помнит свои сны менее психически активны во время сна, кто запоминает – более вовлечены в процесс (но этому способствует активность той или иной части головного мозга, поэтому, однозначно утверждать, что сны помогают перерабатывать и усваивать информацию не возьмемся).

Но то, что в сновидениях нет ничего случайного – это однозначно. Вопрос в том, через какую мировоззренческую парадигму мы будем анализировать значение снов. Во сне концентрируется важная для нас информация, и как мы сможем ее понять и проинтерпретировать – определяет то, как в целом будем относиться ко сну, да и к самому себе.

К толкователям снов обращается 35% опрошенных. Среди них (40% молодых людей, 52% представителей среднего возраста и 25% представителей старшего возраста). Толкователи снов в 75% случаев смотрят в сети Интернет, в 15% есть домашний толкователь снов, 10% россиян обращаются к специалистам для толкования снов (тарологи, психологи, гадалки и т.д.). Иными словами, то, что публикуется в сети Интернет – влияет на интерпретацию смыслов тех, кто видел те или иные сны.

О таком явлении как «Осознанные сны» – слышала треть опрошенных (33%), сами занимались осознанными снами или йогой сновидений 5%. На вопрос о том, нужно ли управлять снами также треть (32%) ответила положительно, другая треть (33%) ответила отрицательно и 35% затруднились с ответом. Причем женщины в 65% случаев готовы изучать и управлять своими снами, среди мужчин таковых только 35%.

Управлять снами нужно затем, чтобы, используя пространство своего сновидения, прорабатывать проблемы, иногда неразрешимые в реальности без участия психолога. Но понимают это далеко не все. Во снах человек взаимодействует с самим собой, и никто кроме его

самого ему не даст наиболее полных и развернутых ответов. В сновидениях мы можем совершенствовать свои навыки и умения – разрешать себе большее, а затем в реальности более легко и уверенно достигать этого.

На 43% опрошенных сон влияет на жизнь – меняя их поведение (56%) и эмоции (44%). Для 35% остается только неприятный осадок, который со временем рассеивается. Для 22% сновидение не оставляет своих последствий в реальной жизни.

На восприятие сна может влиять несколько пластов информации. Они все влияют равнозначно и определяют условия понимания себя и тех условий, в которых проживает человек, сообщество, народ, граждане страны и т.д.

Первый – социокультурный (33%), он отражает культурные, национальные, религиозные ценности и представления человека, увидевшего сон – его личные смыслы переплелись с его системой ценностей. Сюда относятся народные приметы, заложенные культурно символы. Например, аисты или рыба для женщины – к беременности, выпавший зуб – к болезни.

Второй – исторический (33%), он отражает те социально-исторические моменты, в которых живет человек. Они могут быть связаны с общими процессами – военной операцией, экологическими катастрофами или же личными сценариями – миграцией и адаптацией в новой стране или городе, новой работой и проч. Например, выживание себя и близких при лесном пожаре или наводнении или выживание при обстреле города (этот пример чаще повелили жители западных регионов России).

Третий – личностно-смысловой (34%), он отражает мировоззренческие и философские контексты развития личности конкретного человека, его опыт социализации и реализации в социуме, насколько его жизненные взгляды и установки согласуются с общими ценностями и представлениями, насколько он попадает в общие тенденции трансформации или не попадает и вынужден быть аутсайдером. Например, достиже-

ние желанной цели (победа в соревнованиях, защита диплома, переезд в другой город) и т.д. Или же – сакральные смыслы – личного оберега (увидеть или самому сделать во сне, а потом желание повторить наяву, чтение нужной книги или встреча с важным человеком и проч.).

Эти пласты информации позволяют опираться на универсальные символы, отражающиеся во снах людей, проживающих на определенной территории, в определенное время. Это своего рода ключ доступа к анализу коллективных снов (переживаний и проживаний противоречий и трудностей современной ситуации в стране), который помогает не только понимать, но и управлять обществом, через раскрытие символики и ее целенаправленное конструирование на уровне сознания россиян не только через сны, но и через реальные действия, направленные на укрепление рационального позиционирования и действий граждан в конкретных условиях.

Сны и сновидения – безусловно, связаны с внешними социальными процессами, в которые вовлечен человек и его личной позицией в отношении всего что происходит в его жизни и обществе в целом. Помимо этого, физиологические особенности работы мозга также будут влиять на качество сна и смыслы сновидений (но это направление исследований стоит развивать в дальнейших исследованиях).

Поэтому, изучать сны россиян – означает на иррациональном, символическом уровне – анализировать смещение смыслов и значений в общественном сознании наших сограждан. Эта информация позволит помимо социального самочувствия отслеживать страхи, тревоги россиян, выделять коллективные образы трансформации ситуаций (выхода из кризиса), что в последующем может помочь психологам в индивидуальной работе, врачам в терапии, политологам в анализе политических событий, социологам в интерпретации социальных явлений понимать более глубинные смыслы и значения социально-символического взаимодействия.

Таким образом, представленное исследование показало всю неоднозначность восприятия снов и сновидений в российском социуме. Неоспоримым является тот факт, что сны и сновидения становятся сферой моделирования общественных настроений, социальных позиций и установок, которые могут изменить равновесие социальных, политических, экономических сил. Поэтому, толкование сновидений необходимо использовать как инструмент моделирования общественных настроений и вывода их в новый контекст и условия социального развития.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Сновидения как инструмент раскрытия преступления // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 апреля 2023 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 14–17.
2. Ардашев Р.Г. О возможности применения сновидений в криминалистике // Актуальные проблемы юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник международной научно-практической конференции. Пенза, МЦНС Наука и Просвещение, 2021. С. 130–132.
3. Беляев А.Д. Снятся ли коррупционерам сны о коммунизме? // Теория государства и права. 2021. № 3 (24). С. 17–30.
4. Гурьев В.С. «Вещие» сны и оценка гипотез, объясняющих их происхождение // Сознание и физическая реальность. 2003. Т. 8. № 2. С. 43–51.
5. Ивашнева Л.Л. Сны и видения в народном творчестве: итоги и проблемы изучения // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. 2006. № 8 (21). С. 32–37.
6. Исмаилова Н.Х. Сны в эстетике XIX века // Сцена. 2019. № 3 (119). С. 10–12.
7. Кантор В.К. Какие сны приснятся в смертном сне, или жизнь в смерти // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 65–72.
8. Касаткин В.Н., Китаев Н.Н. О диагностическом значении сновидений убийц, осужденных к смертной казни (по материалам исследования) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2005. № 21. С. 69.
9. Касаткин В.Н., Китаев Н.Н. Сновидения лиц, совершивших убийство, как источник криминалистически значимой информации (материалы опроса осужденных к смертной казни) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2006. Т. 19. № 2 (58). С. 144–147.
10. Китаев Н.Н. О криминалистическом значении сновидений убийц // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 139–144.
11. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Проблемные вопросы явки с повинной неразоблаченных убийц. Использование сновидений в криминалистике // Закон и право. 2019. № 4. С. 143–145.
12. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Сновидения убийц как повод для явки с повинной // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2017. Иркутск, Восточно-Сибирский институт МВД, С. 378–380.
13. Китаев Н.Н., Китаева В.Н., Ардашев Р.Г. Юриспруденция и мистика // Закон и право. 2019. № 1. С. 147–149.
14. Корабельникова Е.А., Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. Возможности использования анализа сновидений в расследовании и профилактике преступлений // Галерея сновидений. Международный культурно-образовательный проект: тезисы докладов 2-й международной конференции. Российское общество исследователей сновидений; Международная ассоциация

- по исследованию сновидений; Ассоциация междисциплинарной медицины. М.: РОИС, 2019. С. 33–35.
15. Корабельникова Е.А., Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. Роль анализа сновидений в расследовании и профилактике преступлений // Актуальные проблемы сомнологии. 2014. С. 54–55.
 16. Полюшкевич О.А. Миры здоровья в современном обществе: представления о здоровье и лечении // Инновационные технологии в фармации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Л.А. Усова. Иркутский государственный медицинский университет; Под общей редакцией Е.Г. Приваловой. Иркутск, 2020. С. 363–367.
 17. Полюшкевич О.А. Особенности сознания: субъективное восприятие здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 60–64.
 18. Полюшкевич О.А. Измененные состояния сознания: мифы и реальность в представлениях россиян // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 60–69.
 19. Темиргазина З.К. «Сны разума» в казахстанском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 68–74.

RUSSIAN IDEAS ABOUT SLEEP AND DREAMS

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents an analysis of data on the conducted initiative research on dreams and dreams of modern Russians. Gender and age differences in the perception of sleep and dreams were revealed. The dependence on information flows on the quality of sleep and the semantic load of dreams is indicated. Three levels of dream resin formation have been studied: socio-cultural, socio-historical, and personal-semantic, their spheres, mechanisms and tools

of influencing the public consciousness through the symbolic meanings of dreams, reflected in the collective unconscious, are indicated.

Keywords: dreams, dreams, representations, Russians, social assessments, public consciousness.

References

1. Ardashev R.G. Dreams as a tool for solving a crime // Social institutions in the legal dimension: theory and practice: materials of the V International scientific and practical conference. Irkutsk, April 20, 2023 / ISU; under total ed. M.G. Tirsikh, G.V. Druzhinina. Irkutsk: IGU Publishing House, 2023. P. 14–17.
2. Ardashev R.G. On the possibility of using dreams in criminalistics // Actual problems of legal science: questions of theory and practice. Collection of international scientific-practical conference. Penza, MCNS Science and Education, 2021, pp. 130–132.
3. Belyaev A.D. Do corrupt officials dream about communism? // Theory of Government and Rights. 2021. No. 3 (24). pp. 17–30.
4. Guryev V.S. “Prophetic” dreams and evaluation of hypotheses explaining their origin // Consciousness and physical reality. 2003. V. 8. No. 2. S. 43–51.
5. Ivashneva L.L. Dreams and visions in folk art: results and problems of study // South Russian Bulletin of Geology, Geography and Global Energy. 2006. No. 8 (21). pp. 32–37.
6. Ismailova N. Kh. Dreams in the aesthetics of the 19th century // Stage. 2019. No. 3 (119). pp. 10–12.
7. Kantor V.K. What dreams will be dreamed in a death dream, or life in death // Questions of Philosophy. 2014. No. 5. S. 65–72.
8. Kasatkin V.N., Kitaev N.N. On the Diagnostic Significance of Dreams of Murderers Condemned to Death (Based on Research Materials) // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2005. No. 21. P. 69.
9. Kasatkin V.N., Kitaev N.N. Dreams of persons who committed the murder as a source of forensically significant information (materials of a survey of those sentenced to death) // Uchenye zapiski Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series: Legal Sciences. 2006. V. 19. No. 2 (58). pp. 144–147.
10. Kitaev N.N. On the forensic significance of murderers' dreams // Siberian Criminal Pro-

- cedure and Forensic Readings. 2015. No. 2 (8). pp. 139–144.
11. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Problematic issues of surrender of unrevealed murderers. The use of dreams in criminalistics // Law and law. 2019. No. 4. S. 143–145.
 12. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Dreams of killers as a reason to turn themselves in confession // Activity of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXII international scientific-practical conference: in 2 volumes. 2017. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs, pp. 378–380.
 13. Kitaev N.N., Kitaeva V.N., Ardashv R.G. Jurisprudence and mysticism // Law and law. 2019. No. 1. S. 147–149.
 14. Korabelnikova E.A., Kitaev N.N., Ardashv R.G. Possibilities of using the analysis of dreams in the investigation and prevention of crimes // Dream Gallery. International cultural and educational project: abstracts of the 2nd international conference. Russian Society of Dream Researchers; International Association for the Study of Dreams; Association for Interdisciplinary Medicine. M.: ROIS, 2019. S. 33–35.
 15. Korabelnikova E.A., Kitaev N.N., Ardashv R.G. The role of dream analysis in the investigation and prevention of crimes // Actual problems of somnology. 2014. S. 54–55.
 16. Polyushkevich O.A. Worlds of health in modern society: ideas about health and treatment // Innovative technologies in pharmacy. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor L.A. Usova. Irkutsk State Medical University; Under the general editorship of E.G. Privalova. Irkutsk, 2020. S. 363–367.
 17. Polyushkevich O.A. Features of consciousness: subjective perception of health // Philosophy of health: integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. S. 60–64.
 18. Polyushkevich O.A. Altered States of Consciousness: Myths and Reality in the Views of Russians // Philosophy of Health: an Integral Approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019. S. 60–69.
 19. Temirgazina Z.K. “Dreams of the mind” in the Kazakh political media discourse // Political Linguistics. 2016. No. 4 (58). pp. 68–74.

Гражданская и национальная идентичность россиян

Баев Павел Анатольевич,

кандидат социологических наук, доцент,
Байкальский государственный университет
экономики и права
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье раскрываются особенности, инструменты и задачи развития гражданской и национальной идентичности россиян. Выделяются три условия конструирования национальной и гражданской идентичности, опирающиеся на общее прошлое, актуальное настоящее и ориентиры формирования будущего. Приводятся результаты исследования современной гражданской и национальной идентичности граждан России в 2023 году, выделяются уникальные черты и строятся прогнозы развития уровня патриотизма и гражданственности среди наших соотечественников.

Ключевые слова: гражданская идентичность, национальная идентичность, россияне, патриотизм, гражданственность, идеология.

Современные условия общественно-го развития порождают множество противоречий, так как влияние экономических санкций, военной операции формирует общие условия неопределенности и тревоги, то в обычной повседневной жизни разрушаются устойчивые формы и критерии идентичности и конструируются новые формы и условия социального моделирования гражданственности и национальной идентичности современных россиян. Существующая система представлений рушится и необходимо формировать новые формы консолидации граждан, основой социальной солидарности выступают новые стратегии развития гражданской и национальной идентичности россиян.

Стоит начать с уточнения понятий. Идентичность – самовосприятие человека, отождествление самого себя с определенной группой, обладающей уникальными чертами, ценностями, мировоззрением, мышлением и проч. Нация – этническая общность людей, возникшая через пересечение социокультурных, исторических, экономических, политических, религиозных и прочих условий жизни на определенной территории, обладающая общим языком и менталитетом, объединённым общим национальным самосознанием. Для национальной идентичности именно последнее (национальное самосознание) выступает основой развития и моделирования общественного воспроизводства.

Гражданственность – ощущение себя гражданами конкретной страны, несущими ответственность за то, что происходит вокруг. Гражданская идентичность не эквивалентна национальной идентичности, так как опирается на ореолы, условия и формы государства, а национальная идентичность опирается на ментальные и социокультурные коды граждан той или иной страны. Гражданская и национальная идентичность дополняют друг друга и формируют образ гражданина и патриота своей страны.

Вопросами развития гражданственности и патриотизма наполнены работы Р.В. Иванов [6–13]а, идеи морального и духовного возрождения в современных фильмах рассмотрены в исследованиях О.А. Полюшкевич [15–18], особенности развития сознания и иррациональных форм общественного воспроизводства в кризисные периоды социального развития рассмотрены в проектах Р.Г. Ардашева [1–5] и О.А. Кармадонова [14], в работах В.А. Скуденкова поднимаются идеи экономического патриотизма [19,20], в исследованиях Ш.Ф. Фарахутдинова и В.П. Ключевой [21–23] раскрываются вопросы национальной и этнической идентичности жителей современной России. Это позволяет говорить об изученности вопросов гражданской и национальной идентичности с разных сторон. Но современные события подчеркивают значимость и неоднозначность современных условий и активизации особых механизмов, влияющих на социальное воспроизводство и процессы социальной интеграции через гражданскую и национальную идентичность.

Чтобы говорить о единстве гражданской и национальной идентичности, необходимо говорить о прошлом, настоящем и будущем.

1) Общем прошлом (которое консолидирует население через позитивные или негативные события (победы или проигрыши в войнах, спортивных и научных соревнованиях и т.д.). История – это не столь набор фактов о прошлом (реальных фактов), а скорее то, во что хотелось бы верить. Историческая память укрепляет национальную и гражданскую идентичность при условии оправдания нынешнего положения вещей (благополучия, господства) или будущих притязаний (на освоение или завоевание территорий).

2) Совместно переживаемых трудностях и радостях настоящего (проживать это помогают общие ценности, убеждения и представления, разделяемые большинством). Ценности на этом уровне максимально общие, позволяющие максимально эффективно выжить в трудных

условиях. Эти ценности привычны и обыденны и воспринимаются как безусловное благо на подсознательном уровне. Пересмотр их может быть лишь в том случае, когда происходят события, выступающие таким вызовом, на который они не могут ответить, тогда возникает потребность в поиске новых духовных и мировоззренческих ориентиров.

3) Совместное конструирование будущего (светлого будущего страны, которое поддерживается всеми гражданами). Самая устойчивая категория. Она либо есть, либо ее нет (если ее нет, то и национальной идентичности нет, если она есть – то ее форма зависит от уровня и масштабов принятия национальной и гражданской идентичности разными социальными группами, представляющими конкретное общество).

Благодаря национальной идентичности, несколько народов, проживающих на одной территории, могут сформировать нацию. Путем создания общего социокультурного, мировоззренческого пространства, общей парадигмы мышления, единых ценностей и норм, позволяющих создать неразрывную связь между государством и обществом. Остальные институты гражданского общества будут эффективны лишь при опоре и использовании установок национальной и гражданской идентичностей.

Единство гражданской и национальной идентичности будет срабатывать если выделенные условия будут работать системно, а не разрозненно – будут встраиваться в общую государственную идеологию, направленную на развитие патриотизма и государственности. Отсутствие или слабая реализация любой из этих составляющих фиксирует размывание и ослабление значимости и воздействия государственной и национальной идентичности представителей той или иной социальной группы и в конечном счете разрушению государства изнутри, затяжному государственному и национальному кризису, а то и буквальному распаду государства (как это уже было в нашей стране в 90-е годы XX века). Соединение же этих трех основ государственной и национальной иден-

точности приводит к стабильному развитию любого государства, так как они помогают поддерживать внутреннюю целостность и солидарности общества.

Особенности исследования

В ходе исследования, проведенного в 2023 году (n=1450), в разных регионах РФ, через онлайн платформу www.google.com, в котором приняло участие 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет мы смогли установить современные условия и механизмы работы и развития национальной и государственной идентичности.

Квотами для отбора участников, помимо пола, возраста и региона проживания были вопросы о том, знают ли респонденты, что такое национальная и гражданская идентичность. Из всех опрошенных 350 человек не смогли ответить на этот вопрос и были изначально отсечены от основной выборки (это составило практически треть от тех, кто хоть как-то смог ответить на эти два вопроса).

Анализ результатов исследования

Среди ответивших на вопрос о том, что такое национальная и гражданская идентичность было несколько типов ответов.

Первый опирался на общие представления согласованности – жителей страны и граждан, представителей определенной нации и национальности – 52%. Например: *если мы живем в России – мы россияне; в России живут русские; я русский по происхождению, значит я русский по национальности.*

Второй – сознательный выбор принадлежности к определенной нации – 27%. Например: *я могу быть любой национальности, но если живу в России, говорю на русском языке, то я русский; моя национальность не штампом в паспорте определяется, как в СССР, а моими убеждениями – я русский, и не важно, что в корнях у меня и татары, и белорусы, и армяне, и буряты;*

Третий – фиксация исторической обусловленности и принадлежности к определенной нации в результате сложившихся внешних обстоятельств – 21%.

Например: *я родился в СССР – и там моя национальность значилась как русский, хотя отец грузин, а мать украинка и я чувствую себя русским, так как всю жизнь прожил в России; я родился в России, хотя в моих корнях кого только не намешано – это был результат государственной политики и личного выбора моих предков, но это не мешает мене себя считать русским.*

Отвечая на вопрос – зачем развиваться в рамках нашего государства – одни говорят о неизбежности (47%), другие о перспективах и возможностях, которые есть у нас (53%). О неизбежности говорят скорее в пессимистическом ключе: *кому мы нужны в других странах; если не в России, то в других странах мы никому не будем нужны. А если о перспективах – то формируются общие установки на новые возможности и реализацию: у нас гораздо больше шансов жить счастливо, нежели чем в Европе, где полно мигрантов из арабского мира, другой культуры и ценностей или США, где демократия становится сплошь фальшивой и применяющей политику двойных, а то и тройных стандартов.*

На вопрос о том, зачем соблюдать установленные законы – одни говорят о том, что если этого не делать, то будет наказание (страх наказания) – 46%, другие – законы определяют рамки и правила, создают порядок и безопасность (41%), третьи, что соблюдение законов – это дань традиции, так принято, если живешь в обществе – 13%.

Закон и необходимость его соблюдения из-за страха в основном прослеживается у представителей старшего поколения (56 и старше – более 53%, 35–55 лет – 27%, 18–34 года – 20%). Мотивируют представители этой группы это тем, что *если не будет страшно за возможное наказание, то никто не будет бояться и будут нарушать закон* (т.е. соблюдать закон можно только из-за страха наказания и чем более жесткое или жестокое оно – тем больше шанс на то, что его будут соблюдать).

Для тех, для кого законы создают безопасность и стабильность, а это люди среднего возраста, кому есть что терять,

в случае революций, разрушения существующего порядка и наром (36–55 лет – 57%, 18–35 лет – 33%, 56 лет и старше – 10%). Они говорят: *нам нужны гарантии стабильности и безопасности, я не хочу все потерять, как это было у моих родителей, мне нужна стабильная и безопасная для меня и моих детей жизнь.*

Для тех, для кого законы это дань традиции, привычка – они как правило аполитичны и не вовлечены в социальные катаклизмы и трансформации, для них важна личная реализация, а внешние социально-политические условия вторичны. Среди этой группы доминируют представители молодежи: 18–35 лет – 60%, 36–55 лет – 28%, 56 и старше – 12%). Они указывают на то, что *важно быть собой, жить в согласии с внутренним миром, а внешние жесткие условия являются данью истории и привычкам тех, кто нами правит, но это удел не многих.* Это частично позиция инфантильности и безответственности, не желания и не готовности проявлять осознанность и ответственность за себя, свою семью, свою страну. И это, увы, черта определенной группы молодых людей, которая в будущем может стать фатальной для вопросов конструирования и развития гражданской и национальной идентичности.

Интересны варианты ответа на вопрос о том, зачем давать отпор в случае военных действий.

Это в интересах страны (задача обороны интересов нашего государства любыми способами) – идеолого-политический ответ – 42%. В комментариях писали следующее: *если государство не может защитить свои границы, то и граждане этого государства всегда под угрозой, на военные действия надо отвечать так же.* Это способ защиты власти, режима и самого социально-политического устройства в жестких агрессивных условиях. Этот вариант в основном поддерживают мужчины всех возрастов (мужчины – 62%, женщины – 38%).

Второй вариант – национально-выживательный, способный обеспечить выживание нации в любых условиях – 34%. Если не создать условия для со-

блюдения безопасности и выживания того или иного народа или нации, то они станут гражданами другого государства. *Мы наблюдаем, когда сирийцы, алжирцы и другие граждане разных стран, пострадавшие в ходе военных действий бегут в другие страны и оседают там, меняя жизнь той страны, но теряя грани своей культуры, своей нации, так как вынуждены адаптироваться к жизни в новых условиях. Это может стать и нашим уделом, если не ответим на внешнюю агрессию.* Этот вариант поддерживают также мужчины (58% и 42% женщин), но также в основном представители среднего возраста (36–55 лет – 60%, 18–35 лет – 25%, 56 и старше – 15%).

Третий вариант – показать то, что мы из себя представляем, нашу силу и дух – опора на внутренний стержень и менталитет (то есть – внешняя угроза выступает поводом чтобы поверить в себя, раскрыть свои возможности и начать их реализовывать; реализация через кнут) – 24%. *Военные действия – это как сигнал престать преклоняться на колени, встряхнуть головой и начать делать то, что мы можем и умеем – отстаивать свои интересы, опираться на свою силу, быть независимыми, умными, ловкими, смелыми; знать свой внутренний стержень и опору, которой пользовались наши предки в других войнах.* Внешняя угроза выступает как спусковой крючок – веры в себя и опоры на самих себя и как следствие – социального сплочения, укрепления национальной идентичности и социального единства всех социальных групп. Примерно одинаково выбирают и мужчины, и женщины (52% и 48% соответственно), но в основном представители старшего поколения (56 лет и старше – 58%, 36–55 лет – 26%, 18–35 лет – 16%).

Национальная идентичность в критических условиях для страны может стать основой и условием выживания, а гражданская идентичность формой проявления своих предстателей и взглядов в конкретных действиях – пойти добровольцем для участия в военной операции или стать волонтером, помогающим при центре поддержки той или иной группы или сообщества.

Слабое влияние национальной идентичности на современный социум отмечает 71% респондентов. Они оперируют тем, что коррупция в органах власти разрушает основы национального единства (33%), представители власти на местах поддерживают политику временщиков («после меня хоть потоп») – 42%, граждане страны мечтают о миграции в другие страны – 25%.

Также респонденты указывали на набирающие все большую актуальность другие формы идентичности: клановые (18%), религиозные (32%), семейные (20%) или этнические (30%). Результатом этого становится подрыв гражданской идентичности и как следствие разрушение основ суверенитета страны.

Благодаря национальной идентичности, можно укрепить гражданскую идентичность и заложить основы для стабильного развития государства. Другие идентичности не могут служить объединяющим началом для россиян, так как слишком много культур, религий пере-

мешано в нашей стране и результатом этого становится достаточно большое разнообразие ценностей и мировоззрений, которые не консолидируют, а дезорганизуют социальные связи и ценности. Принадлежность гражданина к нации определяется не фактом рождения, а готовностью принимать и отстаивать на уровне убеждений и конкретных поведенческих реакций трех составляющих идентичности, указанных выше.

Национальная идентичность не монолитна, она изменчива и многолика, позволяет достаточно гибко подходить к механизмам конструирования общего социального единства, гражданского взаимодействия. В кризисные моменты общественного развития происходит моделирование разнообразных условий социального взаимодействия. Факторный анализ результатов исследования позволяет выделить несколько условий развития гражданской и национальной идентичности, при описании 75% общей дисперсии (табл. 1).

Таблица 1. Факторный анализ развития государственной и национальной идентичности

Фактор	Переменные	Кoeffициент
Социокультурный Вес фактора – 15,5. Объяснительная дисперсия – 22,2%	Исторический опыт нашей страны – это основа духовности, единства и солидарности нашего народа	0,765
	Культура и религия определили наше прошлое и сформировали настоящее в особом срезе ментального единства	0,751
	Духовные ориентиры опираются на социокультурные основания развития единства нашего государства и народа	0,687
Социально-психологический Вес фактора – 12,6. Объяснительная дисперсия – 20,4%	Зная опыт прошлого, мы выбираем свое настоящее и будущее, это всегда осознанный выбор себя, своей Родины, долга и чести	0,725
	За кого мы воюем и как живем – определяет сам человек, заставить никого нельзя, но можно самому выбрать сторону	0,709
	Неся ответственность за себя, свою жизнь – ты несешь ответственность за свою Родину	0,687
Социально-образовательный Вес фактора – 10,8. Объяснительная дисперсия – 18,1%	Знания ничто, если не находишь возможность ими пользоваться	0,665
	Умение учиться – дает возможности для реализации себя в любых социально-исторических условиях	0,623
	По-настоящему жить можно только развиваясь, поэтому, образование позволяет знать и ценить ресурсы своей Родины, своей страны, своих сограждан	0,569
Идеологический Вес фактора – 8,5. Объяснительная дисперсия – 14,3%	Политика государства определяет то, чему и кого мы учим, какие технологии используем и куда развиваемся	0,595
	Если мы хотим иметь патриотов – нам необходима идеология, которая способна сплотить общества и определить идентичность тех, кто вокруг нас	0,565
	Нация дает возможность для объединения людей, а государственность формализует эти связи для реализации государственной или национальной идеологии	0,512

Социокультурный фактор затрагивает первый уровень (прошлое), то, что уже сложилось и что развивалось как взаимосвязанная система, где смешаны разные нации, но они консолидируются в общую единую систему, определяют перспективы социального развития через призму государственной и национальной идентичности.

Социально-психологический фактор – опирается на личную переоценку прошлого (прошлого своей семьи, своего народа) и личный опыт в настоящем (соединение прошлого и настоящего) – участие каких-то акциях, процессах, событиях, что позволяют выработать определенную позицию в том или ином вопросе и ее проявление во внешних действиях приводит к формированию позиции и убеждений в отношении государственной и национальной идентичности.

Социально-образовательный фактор – фиксирует внимание на знаниях, фактах и умениях их анализировать, сопоставлять и делать соответствующие выводы. Это воздействие внешней среды (государственная политика в сфере образования, нынешний уход от болонской системы, возврат к пятилетнему обучению; внедрение новых предметов по российской государственности показывают трансформации в этом аспекте и усиливают его значимость). Это момент настоящего и ориентир на будущее.

Идеологический фактор зависит от позиции и политики власти в отношении прошлого страны (коллективного опыта, исторического опыта), настоящего (в каких процессах участвует наша страна – войны, санкции и проч.), ориентиры на будущее (что нас ждет, если мы будем делать и реализовывать одни программы, и что, если другие). Соединение всех трех аспектов, о которых говорили ранее – прошлого, настоящего и будущего.

Таким образом, гражданская и национальная идентичность в данный момент общественного развития Российской Федерации находится на стадии формирования новых условий и форм реализации. Понимая не простой этап

ее становления, необходимо создавать различные стратегии поддержки как на уровне государства, так и на уровне обывателя. Идентичность – это не теория, это конкретная практическая составляющая наполненности жизни и смысла жизни любого гражданина нашей страны. И наша задача состоит в том, чтобы эту осмысленность жизни расширять и наполнять новыми знаками и символами, способными воспитать и укрепить настоящего патриота своей страны.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М.: РГСУ, 2021. 184 с.
2. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
3. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
4. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
5. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
6. Иванов Р.В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
7. Иванов Р.В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21–26.
8. Иванов Р.В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
9. Иванов Р.В., Полюшкович О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.

10. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. 2023. № 3. С. 17–27.
11. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28.
12. Иванов Р.В. Трансформация идентичности в процессе социализации молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 38–42.
13. Иванов Р.В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
14. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.
15. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
16. Полюшкевич О.А. Духовная безопасность или провокация: анализ современных патриотических фильмов // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. Иркутск, ИГУ, 2015. С. 259–266.
17. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, ХГУКИ, 2020. С. 1037–1044.
18. Полюшкевич О.А. Экономический патриотизм в процессах социокультурной солидарности жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 112–114.
19. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84.
20. Скуденков В.А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 48–53.
21. Фарахутдинов Ш.Ф. Региональная и этническая идентичность студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 2. С. 86–93.
22. Фарахутдинов Ш.Ф., Ключева В.П. Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 3 (21). С. 92–106.
23. Фарахутдинов Ш.Ф., Ключева В.П. Этническая идентичность населения Тюменской области // Социология. 2022. № 1. С. 163–172.

CIVIL AND NATIONAL IDENTITY OF RUSSIANS

Baev P.A.

Baikal State University of Economics and Law

The article reveals the features, tools and tasks of developing the civil and national identity of Russians. There are three conditions for the construction of national and civic identity, based on a common past, the current present and guidelines for the formation of the future. The results of a study of the modern civil and national identity of Russian citizens in 2023 are given, unique features are highlighted and forecasts are made for the development of the level of patriotism and citizenship among our compatriots.

Keywords: civic identity, national identity, Russians, patriotism, citizenship, ideology.

References

1. Ardashev R.G. The irrationality of the public consciousness of Russians. Monograph. M.: RGSU, 2021. 184 p.
2. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving

- the Future // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 60–67.
3. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
 4. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // *The problem of the correlation between the natural and the social in society and man*. 2021. No. 12. S. 85–90.
 5. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // *Sociology*. 2021. No. 3. S. 53–61.
 6. Ivanov R.V. Changing the meanings of patriotism in the youth environment (2010 and 2017) // *Sociology*. 2018. No. 2. S. 108–112.
 7. Ivanov R.V. The quality of patriotism in modern Russia // *Sociology*. 2019. No. 4. S. 21–26.
 8. Ivanov R.V. Tolerance, patriotism and social inequality // *Sociology*. 2018. No. 4. S. 20–22.
 9. Ivanov R.V., Polyushkevich O.A. Patriotism and identity in modern Russian films // *Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2016. V. 18. S. 44–55.
 10. Ivanov R.V. Fundamentals and grounds for the transformation of modern patriotism // *Sociology*. 2023. No. 3. S. 17–27.
 11. Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth // *Sociology*. 2023. No. 1. S. 21–28.
 12. Ivanov R.V. Transformation of identity in the process of socialization of youth // *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2022. No. 8. S. 38–42.
 13. Ivanov R.V. Conditions for countering extremism in the youth environment: results of a regional study // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 301–311.
 14. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.
 15. Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // *Humanitarian vector*. 2022. Vol. 17. No. 2. pp. 192–202.
 16. Polyushkevich O.A. Spiritual security or provocation: analysis of modern patriotic films // *Social problems and security of Russian regions. Materials of the second Baikal scientific sociological symposium*. Irkutsk, IGU, 2015. S. 259–266.
 17. Polyushkevich O.A. Patriotism as a form of prosocial behavior // *Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions*. Khabarovsk, KhGUKI, 2020. S. 1037–1044.
 18. Polyushkevich O.A. Economic patriotism in the processes of sociocultural solidarity of the inhabitants of the Irkutsk region // *Sociocultural dynamics of the Irkutsk region in the XX – early XXI century. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Irkutsk, IGU, 2017, pp. 112–114.
 19. Skudenkov V.A. Economic claims in the structure of student youth patriotism // *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2018. No. 2. S. 82–84.
 20. Skudenkov V.A. Economic patriotism and social claims of youth // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. materials of the IV All-Russian scientific-practical conference*. Irkutsk, IGU, 2018, pp. 48–53.
 21. Farakhutdinov Sh.F. Regional and ethnic identity of student youth // *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*. 2022. No. 2. S. 86–93.
 22. Farakhutdinov Sh.F., Klyueva V.P. Group identity of the population of the West Siberian region of Russia: ethnocultural and regional aspects // *Siberian Socium*. 2022. V. 6. No. 3 (21). pp. 92–106.
 23. Farakhutdinov Sh.F., Klyueva V.P. Ethnic identity of the population of the Tyumen region // *Sociology*. 2022. No. 1. S. 163–172.

Социокультурные особенности развития сельских территорий как фактор изменения вектора взаимодействия населения в условиях смешанных этнопоселений

Гуринович Людмила Анатольевна,

ст. преподаватель Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна,

кандидат философских наук, доцент Института
социальных наук Иркутского государственного
университета
E-mail: eresh80@mail.ru

Шантанов Родион Викторович,

председатель Иркутской областной общественной
организации «Центр бурятской культуры»
E-mail: takhtinbek@gmail.com

Статья направлена на изучение особенностей развития населения в отдаленных территориях. В рамках исследования проведен анализ данных, полученных при проведении опросов населения в отношении условий проживания и развития на территории сельских поселений. Наиболее интересными являются данные о социальных настроениях населения. Авторами предложены рекомендации, направленные на снижение проблем построения социальных отношений на сельских территориях.

Ключевые слова: сельская молодежь, сельское население, социальные отношения селян, миграционные намерения.

Развитие территорий российской провинции является важным вопросом по нескольким причинам. Во-первых, в малых городах и сельских поселениях происходит отток молодого населения в связи с обучением, поиском работы и более комфортных условий проживания, чему способствуют процессы урбанизации и глобализации. Во-вторых, возможности личного развития проживающих на таких территориях ограничены в следствие минимальной наполненной социальной сферы, когда развитию способствуют только учреждения образования и культуры, и инфраструктура обновляется небольшими частями ресурсов. В-третьих, креативность как аспект развития уменьшен из-за отсутствия кадров и низкого интереса властей и большинства населения в развитии благоприятной среды.

Вопросы развития сельских поселений являются предметом многих исследований. При анализе научной литературы было выявлено, что развитие таких территорий с точки зрения формирования новых социальных пространств связано с необходимостью сочетать развитие культуры и технологий, сохранять традиции и развивать благоустройство поселений. Участники научного сообщества, проводя исследования, показывают острые проблемные точки, от увеличения числа поселений, где снизилось количество жителей либо вовсе население покинуло место своего проживания до изменения условий труда и быта, являющихся основой воспроизводства и проецирования ценностей и установок в процессе социального взаимодействия [4].

Исследование развития сельских поселений изучали в различных аспектах, например, естественное ресурсное обеспечение, например, исходя из на-

личествующих природных ресурсов (Оборин М.С.) [3], социальное самочувствие жителей и миграционное поведение (Попова М.В. [6–7], Сергиенко А.М. и др. [10]), формирование креативной среды для личностного роста (Алексашин М.Н. [1]). О разнородности социального, этнического, возрастного, гендерного и по уровню занятости говорит анализ вторичных данных в последнее десятилетие проведенных несколько исследований (Ж.Т. Тощенко [11], М.В. Попова [6–8] и др.). Проблема отсутствия кадров, в первую очередь, для развития социальной сферы и инфраструктуры становится острой и нарастающей в геометрической прогрессии, поскольку является маркером сочетания других проблем: жилищных, оплаты труда, продуманности управленческих решений в отношении изменения статуса территории и др.

Интересные выводы по проблематике сельских территорий приводит М.Н. Алексашин, упоминая дауншифтинг как мотивацию процесса переселения, что, по мнению авторов, практически неприемлемо и не будет представлено в Иркутской области [1].

М.В. Попова исследует социальное самочувствие как маркер развития любых территорий, что применимо и к муниципальным образованиям [9, 11].

По мнению исследовательской части аудитории и собственно населения сельский образ жизни отличается от городского своими близкими соседскими, дальними родственными взаимоотношениями и открытостью личной жизни вообще, а также укоренившимися нормами, правилами и традициями взаимодействия [2, с. 184]. Это и составляет особенность сельской местности, а с другой стороны данная особенность может стать фактором вовлечения в группы асоциального поведения. Также необходимо понимать, что сельская местность по образу жизни существенно отличается от городского (например, продолжительностью освещаемого временного интервала), менталитет коренных сельчан и коренных горожан практически не имеет сходств,

у каждой категории населения свои мотивы на миграцию и другие жизненные ценности.

Миграция сельского населения авторы изучали в 2021 году при опросе молодежи Усть-Ордынского бурятского округа методом анкетирования с применением гнездовой выборки, в нём приняли участие 208 человек. Представители этой социально-демографической группы демонстрируют готовность к участию в исследованиях охотнее других. В числе опрошенных мужчины составляют 36,5%, женщины – 54,3%, не указали свой пол 9,2%. По территории проживания опрошенные разделились так: 69% респондентов на момент исследования проживали в сельской местности, а 31% родились в сельской местности и проживали городской местности. По уровню занятости распределение следующее: доля обучающихся из общего числа респондентов составила 65%, другие респонденты относились к категории работающей молодежи, учащимся в средних общеобразовательных учреждениях или безработным.

Возвращение молодежи после студенческой жизни в сельскую местность многими респондентами считается невозможным. Так, всего 8% убеждены в возвращении молодежи на село (выбрали ответ «да, вполне»), 23% – склоняются к этому (выбрали ответ «скорее да, чем нет»), а убежденных в том, что молодежь не возвратится – 5% (выбрали ответ «совсем нет»), склоняющихся к такому ответу – большинство – 64% (выбрали ответ «скорее нет, чем да»). Причинами невозвращения молодежи выступают различные условия. Наиболее популярной причиной из предложенных является причина «отсутствия возможностей для самореализации, личностного и карьерного роста» (26%); на втором месте указана причина «отсутствия необходимых вакансий на профессии, которые предпочитают респонденты» (20,3%); на третьем месте указана причина «низкий уровень развития социальной инфраструктуры» (19,9%). Плохая организация культурно-досуговой деятельности также имеет особое ме-

сто в определении места жительства (11,4%).

В декабре 2022 года участники исследовательского коллектива университета провели исследование, включившее одной из задач выявление основных проблем, по мнению жителей одного из районов Иркутской области, относящегося к этнически смешанному, в котором проживают русские и буряты, татары и белорусы. Исследование своей целью обозначило исследование социальных практик, осуществляемых при работе с населением в одном из районов Усть-Ордынского бурятского округа в Иркутской области, а также основных форм взаимодействия для повышения уровня благополучия, как субъективного, так и социального. В исследовании проведен опрос методом анкетирования, в котором приняли участие 100 жителей. Среди опрошенных женщины составля-

ют 77% от общего числа респондентов, мужчины – 23%.

Респонденты были разделены на возрастные группы категорий молодежь (возраст от 18 до 35 лет), взрослые люди в возрасте от 36 до 55 лет; пожилые граждане в возрасте от 56 до 70 лет. Также программа исследования предполагала опрос стариков в возрасте 71 год и более, однако в аудитории опрошенных таких респондентов не оказалось. Число респондентов из числа молодежи составило 39%, из числа взрослых – 41%; из числа пожилых – 20%.

Оценка круга проблем, которые в настоящее время сопровождают жизнь населения, проводилась через выявление таковых в отдельном вопросе. Ответы жителей показали, что каждый десятый опрошенный назвал материальные проблемы, вопросы трудоустройства, медицинские и бытовые (табл. 1).

Таблица 1. Какие, на взгляд жителей, проблемы семей наиболее остро проявляются в настоящее время

№ п/п	Варианты ответа	Доля ответов, в %	Доля респондентов, в %
1.	материальные (не хватает денежных средств на жизнь)	26,7%	76,0%
2.	вопросы трудоустройства (мало рабочих мест, работодатели требуют опыт и стаж работы и т.п.)	21,8%	62,0%
3.	медицинские (не хватает врачей узкой специализации, большие очереди ко всем специалистам, нет диагностического оборудования и прочее)	15,4%	44,0%
4.	бытовые (не хватает времени и рук на ежедневные бытовые дела, сложно со снабжением водой и дровами и т.п.)	11,2%	32,0%
5.	психологические (сложности во взаимоотношениях с окружающими)	7,7%	22,0%
6.	транспортные (высокая стоимость проезда, недостаточно общественного транспорта, использовать личный транспорт дорого)	6,7%	19,0%
7.	коммуникационные (все заняты, нет возможности общаться)	5,3%	15,0%
8.	взаимодействие с окружающими (с целью передачи опыта, воспитания, построения диалога поколений)	4,6%	13,0%
9.	другое (а именно: «алкоголь»)	0,4%	1,0%
10.	затрудняюсь ответить	0,4%	1,0%
	Всего	100,0%	285,0%

* Респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответа

Анализ полученных результатов выявил важность построения коммуника-

ции и наличие психологических сложностей, на которые, возможно, меньше

обращает внимание население среднего и старшего возраста, но весьма важно для молодежи и стариков.

Вопрос проблем, которые присутствуют в сельской местности, в про-

цессе подготовки инструментария были трансформированы в оценку, кому именно наиболее тяжело жить, и эти селяне находятся в трудной жизненной ситуации (табл. 2).

Таблица 2. Кто, по мнению респондентов, в настоящее время находится в трудной жизненной ситуации в наибольшей степени

№ п/п	Варианты ответа	Доля ответов, в%	Доля респондентов, в%
1.	одиноко проживающие пожилые граждане	22,2%	61,0%
2.	неполные семьи (отсутствие одного из родителей)	18,9%	52,0%
3.	семьи, где есть инвалиды	17,5%	48,0%
4.	семьи с детьми (независимо от количества детей)	13,8%	38,0%
5.	неработающие пенсионеры	11,6%	32,0%
6.	молодые семьи	8,0%	22,0%
7.	семьи, где есть опекаемые (дети или лица преклонного возраста)	5,8%	16,0%
8.	другое (а именно: «семьи с низким доходом»; «семьи, где родители употребляют алкоголь»; «неработающие молодые семьи»)	1,1%	3,0%
9.	затрудняюсь ответить	1,1%	3,0%
	Всего	100,0%	275,0%

* Респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответа

Полученные результаты продемонстрировали две группы, если условно объединить названные категории, это старики и семьи различного состава и уровня жизни. Фактически, косвенно видны основания снижения активного демографического поведения со стороны сельских жителей, то есть тех, кто всегда более оптимистично участвовал в процессах деторождения и ухода за стариками.

Для выявления уровня удовлетворенности отдельными сторонами жизни жителям было предложено оценить таковые (табл. 3).

Полученные в ходе опроса результаты показывают, что большинство респондентов достаточно оптимистично оценивают состояние своего здоровья: оно удовлетворяет 57% и частично удовлетворяет 29% респондентов. Одновременно был задан вопрос о восстановлении жизненных сил, что требует соблюдать режим дня и отдыха. Эти ответы продемонстрировали менее оптимистич-

ный настрой, хотя в совокупности позитивных ответов более половины аудитории считают этот факт имеющим место: удовлетворяет эта сторона жизни 38% опрошенных, частично удовлетворяет 30%. Не удовлетворены возможностью отдыхать и восстанавливать жизненные силы 16% респондентов, частично удовлетворены 9%. Оценивая отношения с окружающими, опрошенные жители в большинстве своем удовлетворены таковыми.

Также авторами было проведен опрос экспертов методом неструктурированного интервью, участниками которых стали руководители и работники социальной сферы небольших сельских поселений. Общее число опрошенных составило 15 человек. Основная задача состояла в оценке возможностей, предоставляемых населению. Так, руководитель муниципального образования одного из поселков на вопрос о возможных причинах миграции, в том числе маятниковой, говорит: «Сегодня много про-

блем не только в селе, с которыми сталкивается молодежь, но и в городе достаточно много. Кто-то едет помочь своим пожилым родителям, кто-то не может найти работу в городе и едет в деревню, у кого-то нет жилья в городе, и ему приходится вернуться на Родину и т.д. Ну а может, что кто-то и вовсе патриот

своей Родины (*гордо улыбается*), и просто едет на свою малую Родину, чтобы сделать все возможное для её развития. И, может, кто-то хочет открыть свое КФХ (*крестьянско-фермерское хозяйство – прим. авторов*) или хочет стать учителем, культработником. Причин и мотивов также много, как и людей».

Таблица 3. Оценка респондентами того, насколько их удовлетворяет:

Варианты ответа	Удовлетворяет		Частично удовлетворяет		Частично не удовлетворяет		Не удовлетворяет		Затрудняюсь ответить		Всего	
	Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%
состояние своего здоровья	57	57,0%	29	29,0%	8	8,0%	3	3,0%	3	3,0%	100	100,0%
отношения с родственниками	82	82,0%	15	15,0%	1	1,0%	1	1,0%	1	1,0%	100	100,0%
отношения с друзьями	81	81,0%	13	13,0%	3	3,0%	1	1,0%	2	2,0%	100	100,0%
отношения с детьми	87	87,0%	9	9,0%	0	,0%	1	1,0%	3	3,0%	100	100,0%
отношения с соседями	74	74,0%	20	20,0%	2	2,0%	3	3,0%	1	1,0%	100	100,0%
отношения с представителями органов власти	69	69,0%	18	18,0%	3	3,0%	3	3,0%	7	7,0%	100	100,0%
отношения со школьными учителями (если дети там обучаются)	71	71,0%	15	15,0%	5	5,0%	2	2,0%	7	7,0%	100	100,0%
результаты обучения детей	65	65,0%	20	20,0%	3	3,0%	4	4,0%	8	8,0%	100	100,0%
возможность отдыхать и восстанавливать жизненные силы	38	38,0%	30	30,0%	9	9,0%	16	16,0%	7	7,0%	100	100,0%

* Респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответа

Эксперты обратили внимание на три основные проблемы мела – кадровый голод, отсутствие ресурсов и снижение социальной активности. Так, работник учреждения культуры с более чем 25-летним стажем работы, обращает внимание на сложности с ресурсами: «В первую очередь, проблема финансирования. Например, я вот вижу прекрасную девушку, с прекрасными внешними и артистическими данными, которая может любой конкурс красоты разнести и взять Гран-при. Но, как назло, нет денег. Муниципалитеты говорят, что они не смо-

гут финансировать ее расходы на участие, а родители этой девочки зачастую не имеют такого большого бюджета, чтобы понести все расходы. Поэтому приходится искать уже готовые костюмы, наряды, искать спонсоров и т.д. В другом случае, есть все: красивый парень, муниципалитет, готовый финансировать, но родители являются преградой, так как они выпивают и, как результат, закрывают творческий путь самореализации ребенка. Это, к сожалению реалии сельской жизни. Приходится с этим бороться». Ещё одним интересным признанием

эксперта авторы готовы поделиться как иллюстрацией снижения активности жителей и представителей власти. Руководитель учреждения культуры выступил с предложением проекта по снижению уровня потребления алкоголя, что стало проблемой населения номер один, поделился своим разочарованием: «Я столкнулся с тем, что это вообще мало кого интересует. Только единицы, даже на одной руке можно посчитать. При том, что у нас умирают люди. У нас преступления в округе только по пьяни, убийства только по пьяни. Все происходит по пьяни, но пьянку мы не считаем таким чем-то страшным. Я это пытаюсь доказать уже битый седьмой год. Никакой реальной помощи я не дождался ни со стороны власти, ни со стороны других каких-либо структур. Поэтому тихим ходом мы работаем сами по себе. Да, конечно, школы дают нам добро: «да, приходи, проводи с детьми занятия». Но, я повторюсь, государство ответственно за весь этот бардак. И пока оно не делает реальных шагов, <...> то эта проблемы не решиться в полном объеме».

Представители органов власти невозможно назвать бездействующими, нужно продемонстрировать, что решение проблем жителей с их стороны нужно встраивать в многоаспектное взаимодействие всех уровней власти с участием собственно населения.

Вот что услышали мы от одного из экспертов, руководителя муниципального образования: «Подвоз воды сейчас организовали. Наконец-то выбили необходимые средства сверху, несколько раз подавали документы, постоянно приходили отказы. Сейчас же вроде все работает хорошо. Детскую площадку также поставили, тоже из-за наводнения в Тулуне были проблемы. Территории ЧС в министерствах были в приоритете, поэтому вместо положенного одного месяца мы ждали полгода. Много проблем. Их всех не решить. Мы не имеем больших полномочий и всегда в основном решаем своими силами. Вы сами, наверное, знаете, какой это труд – собирать все документы на строительство какого-либо социального объекта, сколько времени

на это уходит и сколько средств. А еще и не знаешь, поставят ли вообще в рейтинг (на очередь – примечание авторов) или нет. Это довольно трудная работа. Но когда все-таки получаем средства по каким-либо проектам, то эти средства покрывают только 98% расходов, а 2% оплачиваем мы – органы местного самоуправления. Иногда очень тяжело находить свои собственные средства, так как строительство этих социальных объектов довольно затратное дело. Только на одну экспертизу, формирование ПСД (проектно-сметной документации) и подготовку всех необходимых документов на строительство только одного объекта затрачиваем пятую часть нашего годового бюджета. А представьте, сколько всего надо построить. И такая проблема у всех сельских поселений». Необходимо обратить внимание, что вопросы предварительного обоснования проекта отнимает много ресурсов, об этом говорят представители многих социальных сфер и общественных организаций, являющихся участниками каких-либо конкурсов на предоставление средств, эту задачу нужно решать в последующих исследованиях.

Фактором изменения отношения к развитию сельских поселений становится принятие программы «Комплексное развитие сельских территорий», созданной по поручению Президента РФ и утвержденной Правительством РФ в 2019 году. К основным целям реализации относится сохранение числа сельского народонаселения на уровне четверти от общего количества жителей страны и повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 50% [9]. Предлагаемые меры выглядят современно и демонстрируют внимание управленцев к селу, если будут учтены те барьерные факторы, что присутствуют в настоящее время. В случае отсутствия корреляции с реальностью реализация программы может быть затруднена.

Особую роль в организации социального взаимодействия населения Усть-Ордынского бурятского округа (далее

по тексту – УОБО) играют различные общественные организации, созданные в целях возрождения и трансляции культуры разных народов, населяющих округ. В УОБО действует Общественный совет «Возрождение», который в своей работе нацелен именно на повышение активности населения, в первую очередь молодежи, снижения невозвратных миграционных потоков, рост патриотического настроения и раскрашивание будней селян. Усилиями каждого члена совета организовано множество различных мероприятий для населения Усть-Ордынского бурятского округа. Последним ярким событием, организованным «Возрождением», является «Сагаан һарын арадай нааданууд» («Народные игры Белого месяца»). Данное мероприятие призвано возродить в молодежной среде бурятского народа народные спортивные игры, о которых уже на протяжении нескольких десятилетий знали лишь из литературных и газетных источников.

В данном мероприятии приняло участие свыше 200 человек, гостями и зрителями данного мероприятия стали жители Усть-Ордынского бурятского округа, г. Иркутска, Республики Бурятия, Забайкальского края и Ольхонского района Иркутской области. В рамках данных народных игр были организованы состязания по «нээр шаалган» («разбивание хребтовой кости крупного рогатого скота»), «шагай наадан» («игра в бараньи ладышки»), «баабха» («сбивание костей»), «мушхуурга» («перетягивание палки»), «Туулган тобшо» («зоски» – набивание свинцовой монеты на внутренней части стопы), «Мори буляалдан» («Бой подушками»), конкурс урезлов (благопожеланий) и фестиваль скоростного поедания бууз. Все состязания были распределены на 2 дня. По отзывам местного населения в социальных сетях, было принято сделать данные игры ежегодными. Это одно из немногих мероприятий на территории Усть-Ордынского бурятского округа, в котором могут принять участие все желающие, а регистрации на любое состязание начиналось перед самым его началом. Следовательно, бурятской молодежи

и другим социально-демографическим и этническим группам была доступна возможность войти в азарт народных игр бурятского народа. Примечателен тот факт, что данное мероприятие было реализовано не из средств гранта и не из бюджета государства, а усилиями местных жителей и коммерческих организаций, которые стали спонсорами.

Такой формат организации культурно-досуговой деятельности молодежной группы и зрелого населения является существенным вкладом в профилактику девиаций народонаселения и их личностного роста, так как если представители разных социально-демографических групп заняты различными видами традиционного досуга и при подготовке и после завершения всегда старается улучшить свои навыки для достижения более высоких результатов.

Выводы

Население провинциальных территорий подвержено влиянию миграционного поведения, присущего молодым и взрослым участникам жизни сел и малых городов. Этот процесс сопровождается снижением имиджа села как малой Родины живущих. Над повышением привлекательности необходимо работать сообща, что потребует заинтересованности и жителей, и органов власти, и представителей бизнес-сообществ.

Социальные настроения жителей отличаются определенной ригидностью, на что указывают оценки удовлетворенности различными сторонами жизни и взаимодействия. Этому способствуют коммуникационные взаимодействия, которые нужно продолжать, используя все доступные источники, чтобы оценочные представления формировались не на слухах, а на конкретных фактах.

Для повышения активности нужно комплексное взаимодействие с общественными структурами, где будут представлены советы ветеранов, волонтерские организации, общественные представительства. Целью такого взаимодействия станет локальная работа по повышению социального оптимизма сельского населения.

Литература

1. Алексашин М.Н. Как с помощью театра решаются социальные проблемы села: кейс проекта «Театр – сердце возрождения деревни» // Управление культурой. 2023. № 2 (6). С. 40–48 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_54236615_48915994.pdf (дата обращения: 03.08.2023)
2. Бояк Т.Н. Особенности культуры современной сельской молодежи / Т.Н. Бояк // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 180–186.
3. Оборин М.С. Природные условия как фактор роста сельского хозяйства региона // Вестник Забайкальского университета. 2019. Т. 25. № 6. С. 29–39 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_40804033_59211556.pdf (дата обращения: 30.07.2023)
4. Обсуждение социальных проблем российского села // Социологические исследования. 2015. № 12 С. 142–143 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25246572_54395425.pdf (дата обращения: 03.08.2023).
5. Попова М.В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–260.
6. Попова М.В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
7. Попова М.В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–158.
8. Попова М.В. Современные российские миграции из города в село // Социология. 2021. № 2. С. 68–74.
9. Правительство России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/36905/> (дата обращения: 01.08.2023)
10. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26732808_18044412.pdf (дата обращения: 01.08.2023)

11. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

SOCIOCULTURAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES AS A FACTOR IN CHANGING THE VECTOR OF POPULATION INTERACTION IN CONDITIONS OF MIXED ETHNIC SETTLEMENTS

Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Shantanov R.V.

Irkutsk State University; Irkutsk Regional Public Organization “Center of Buryat Culture”

The article is aimed at studying the features of the development of the population in remote areas. As part of the study, an analysis was made of the data obtained during the surveys of the population regarding the living conditions and development in the territory of rural settlements. The most interesting are the data on the social moods of the population. The authors propose recommendations aimed at reducing the problems of building social relations in rural areas.

Keywords: rural youth, rural population, social relations of the villagers, migration intentions.

References

1. Aleksashin M.N. How the social problems of the village are solved with the help of the theater: the case of the project “Theater is the heart of the revival of the village” // Management of culture. 2023. No. 2 (6). pp. 40–48 [Electronic resource]. Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_54236615_48915994.pdf (date of access: 08/03/2023)
2. Boyak T.N. Features of the culture of modern rural youth / T.N. Boyak // Humanitarian vector. 2012. No. 3. S. 180–186.
3. Oborin M.S. Natural conditions as a factor in the growth of agriculture in the region // Bulletin of the Trans-Baikal University. 2019. T.25. No. 6. S. 29–39 [Electronic resource]. Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_40804033_59211556.pdf (date of access: 07/30/2023)
4. Discussion of the social problems of the Russian village // Sociological research.

2015. No. 12 P. 142–143 [Electronic resource]. Access mode: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25246572_54395425.pdf (date of access: 08/03/2023).
5. Popova M.V. Communicative space of rural youth // *Sociology*. 2019. No. 2. S. 257–260.
 6. Popova M.V. Mechanisms for the development of the attractiveness of rural areas in the Irkutsk region // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 317–327.
 7. Popova M.V. The attractiveness of rural areas for modern youth // *Sociology*. 2019. No. 1. S. 153–158.
 8. Popova M.V. Modern Russian migrations from city to village // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 68–74.
 9. Government of Russia [Electronic resource]. Access mode: <http://government.ru/docs/36905/> (date of access: 08/01/2023)
 10. Sergienko A.M., Ivanova O.A. Migration of rural youth as an indicator of the well-being of the village [Electronic resource]. Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_26732808_18044412.pdf (date of access: 08/01/2023)
 11. Meanings of rural life (Experience of sociological analysis) / Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2016. 368 p.

Политика импортозамещения: конструирование общественного мнения через медиаресурсы

Журавлев Артем Андреевич,

аспирант 2 Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье проводится анализ формирования общественного мнения (на основе данных исследования ВЦИОМ) о политике импортозамещения. Рассматривается медиасреда как форма, инструмент и механизм формирования социальных представлений об импортозамещении через разнообразные типы публикаций: идеолого-патриотический, экономико-стратегический, управленческий, личный пример, экспертная оценка, а также выделяются методы трансляции указанных образов и символов политики импортозамещения: внушение, заражение, подражание и убеждение. Анализируются как позитивные стратегии восприятия политики импортозамещения, так и негативные формы интерпретации данного явления.

Ключевые слова: политика импортозамещения, общественное мнение, медиаресурсы, контент-анализ, медиасреда

Политика импортозамещения началась в 2014 году и первые плоды в виде установок общественного мнения уже сформировались за неполные десять лет. Перестроился формат и условия восприятия социальных и экономических процессов населением России. Информационные сообщения о импортозамещении становятся все более обыденной и повседневной информацией в разных информационных средах (от теле- до печатной аудитории, посетителей социальных сетей и других виртуальных информационных площадок). Современное медиaprостранство наполнено множеством смыслов и позволяет выявлять ключевые составляющие конструирования символического образа политики импортозамещения в информационной среде России.

По данным ВЦИОМ, россияне в подавляющем большинстве полагают, что российские производители скорее смогут заменить зарубежные фирмы в сегментах производства продуктов питания (94%), предметов гигиены (91%), бытовой химии (90%), строительных и отделочных материалов (86%). Чуть реже выражали мнение о возможности импортозамещения в производстве медикаментов и лекарств (смогут 69% vs не смогут 24%), в авиационной отрасли (66% vs 22%), изготовлении промышленного оборудования (63% vs 29%) [6].

Примерно половина граждан считают, что отечественные производители скорее смогут заместить иностранное медицинское оборудование (55%), треть считают, что это скорее невозможно (34%). Мнение о возможности успешного замещения иностранных брендов в производстве бытовой техники и электроники высказывают также половина опрошенных (54%), 37% считают, что заместить товары в этой категории российские компании скорее не смогут. В вопросе импортозамещения автомобилей

и автозапчастей мнения разделились: 50% считают, что российские компании скорее смогут заменить иностранные, 40% – скорее не смогут.

В случае выбора продуктов российского или зарубежного производства при условии равной цены граждане чаще ориентированы на выбор отечественного продукта (67%), скорее импортный товар выберут 18%. В вопросе качества российский производитель также выигрывает, по мнению 56%; каждый пятый считает импортные продукты более качественными (22%) [6].

Это данные масштабного исследования 2022 года. Как сформировались данные представления? Через какие механизмы и инструменты они регулируются? Кто, как и через какие механизмы регулирует социальные представления и установки, определяет модели и формы поведения и мышления россиян. Эти вопросы стояли перед нами, когда начинали свое исследование.

Поиск ответов показал, что в современной медиасреде находится множество знаковых форм и символов, фиксирующих в нужном ключе информацию, публичные персоны высказывают свои оценки и суждения, что формирует восприятие обывателя. На иррациональном уровне включается механизм доверия / недоверия получаемой информации (Р.Г. Ардашев [1–4]) и последующий выбор того или иного сценария развития. В последующем это приводит к формированию «своих» и «чужих» (О.А. Полюшкевич [5,7,8]) и последующему выбору жизненного сценария в условиях экономического кризиса, санкций, пандемии и проч. (В.А. Скуденков) [9–12].

Иными словами, представили разных научных направлений фиксируют изменения общественных настроений в отношении политики импортозамещения, объясняют это разнообразными условиями и процессами, происходящими внутри страны и за ее пределами, но все выделяют основные механизмы конструирования данного вектора трансформации социальных представлений россиян. Изучению этих механизмов и посвящено наше исследование.

Особенности исследования

В нашем анализе приняло участие 6508 публикаций с 2014 по 2022 годы, размещенных на разных ресурсах масс-медиа, как официальных страницах изданий печатных газет, так и в блогах, страницах социальных сетей и других источниках медиапространства. Поиск публикаций проходил через поисковую строку браузера www.google.com – в анализ включались первые 10 публикаций, попадающих под критерии поиска (оценка общественного мнения, политика импортозамещения, оценка разными социальными и профессиональными группами). Последующий анализ публикаций проводился при помощи программы Atlas.ti, а также использовался транссимволический анализ.

Результаты исследования

В результате анализа публикаций мы смогли выделить несколько их типов воздействия на общественное сознание: идеолого-патриотический, экономико-стратегический, управленческий, личный пример, экспертная оценка.

Идеолого-патриотический тип публикаций направлен на патриотическую риторику значимости производства отечественной продукции и важности поддержания отечественного производителя как государственная и/или национальная стратегия развития территории страны.

Политика импортозамещения позволит вернуть нашей стране независимость и самодостаточность на уровне производства и реализации продукции. Это выведет нас на новый уровень значимого социального развития. (АиФ, 2020).

Без политики импортозамещения мы не вернем былую самодостаточность. Во времена СССР на нас ровнялись – мы помогали тем, кто был нашим другом. Сегодня наше будущее также определяется тем уровнем независимости, который мы приобретем благодаря данному курсу. (Блогер, миллионник, 2014).

Экономико-стратегический тип публикаций направлен на формирование

новых сфер занятости и производства, развитие кластеров на разных территориях, организация производств и создания стратегических рабочих мест в тех районах страны, где ранее либо ничего не было, либо было производство до распада СССР, а потом сошло на нет.

Развитие нового производства – выведет многие регионы на новый уровень жизни. Развитие фармацевтического кластера в Иркутской области уже стало значимым моментом в стратегическом моделировании развития региона, будущее только учили эти тенденции. (учредитель крупного фармацевтического предприятия, АиФ, 2021).

Выводить экономику регионов на новый уровень возможно только при изменении государственной политики. Сейчас как раз тот случай, когда политика импортозамещения меняет акценты, смыслы деятельности и задачи предпринимателей – с заранее проигрышной конкуренции с западными компаниями, на стратегическую форму развития собственной стабильности и безопасности в настоящем и будущем. (мэр, Областная газета, 2015).

Управленческий тип публикаций направлен на формирование управленческих решений позволяющих прямо сейчас почувствовать перемены от внедрения политики импортозамещения и сформировать основу для будущего управления на новом уровне или вывести отрасль или территорию на новый уровень жизни. Также в этом типе акцентируется внимание на развитие человеческого капитала территории как основной задачей управления.

Брать инициативу на себя – выводить регион из кризиса, путем поддержки предпринимателей, участвующих в проектах импортозамещения – это приоритетная задача для представителя власти любого уровня. Задача моих подчиненных наладить механизм работы в этом направлении так, чтобы он работал как часы. (губернатор, Сайт Администрации области, 2022).

Уметь управлять предприятием в условиях, когда нет уверенности в завтрашнем дне – само по себе рискован-

но, политика импортозамещения активизирует новые стартовые возможности и как ими воспользоваться – зависит от желания и управленческих навыков руководителя. Быть патриотом недостаточно, надо уметь управлять людьми – а это могут не все, особенно в условиях сложных времен. (предприниматель, руководитель предприятия занятого в сфере импортозамещения, 2021).

Личный пример как тип публикаций рассматривает истории жизни предпринимателей начавших свое дело в рамках поддержки предприятий занимающихся в сфере импортозамещения и получивших поддержку от государства на развитие своего предприятия. Рассматриваются трудности, победы и перспективы развития импортозамещения через личные истории руководителей коллективов, работающих в сфере импортозамещения.

Я стал на ноги, благодаря тому что сразу стал работать в нише импортозамещения. Не скажу, что все сразу получилось. Но могу уверенно говорить, что перспективы роста, расширения объемов производства и последующей реализации растут – и это реальные стратегии развития. (предприниматель, руководитель предприятия занятого в сфере импортозамещения, 2018).

Пандемия, конечно, подкосила многих, но мое предприятие удержалось и то, что мы участвуем в государственном проекте по поддержке предприятий, занятых в сфере импортозамещения имело не последнее значение. (предприниматель, руководитель предприятия занятого в сфере импортозамещения, 2021).

Экспертная оценка как тип публикаций отражает позиции значимых на определенных территориях персон (губернаторы, мэры, директора и управляющие градообразующих предприятий и т.д.), где реализуется более успешно политика импортозамещения.

Вовлеченность в процесс импортозамещения не только оздоравливает нашу экономику, развивая отечественного производителя, но и помогает восстановить патриотическое сознание жителей регионов. Это медленный, но верный

процесс развития и реализации потенциала любой территории. (губернатор, Сайт Администрации, 2017).

Значимые переменные в социальной инфраструктуре региона происходят только после экономического подъема, направленного на повышение количества рабочих мест, уровня заработной платы жителей территории, перспективам повышения качества жизни. (пред-

приниматель, руководитель предприятия занятого в сфере импортозамещения, 2016).

В таблице 1 представлено распределение типов публикаций о политике импортозамещения и ее результатах по годам публикаций (в разные года общественное мнение конструировалось под влиянием разнообразных условий и механизмов общественного воздействия).

Таблица 1. Соотношение типов публикаций с 2022 по 2014 гг. (в %)

Тип	2022г	2021г	2020г	2019г	2018г	2017г	2016г	2015г	2014г
Идеолого-патриотический	24	22	21	24	30	40	50	50	60
Экономико-стратегический	17	20	21	19	25	31	30	35	29
Управленческий	19	20	23	22	20	14	10	7	5
Личный пример	22	20	18	15	10	5	3	3	1
Экспертная оценка	18	18	17	20	15	10	7	5	5

Как видно из таблицы, что с первых лет введения доминируют идеолого-патриотические и экономико-стратегические задачи, а чем ближе к настоящему времени, тем более разнообразны типы публикаций и более системно формируется отношение населения через управленческие решения, личные примеры и экспертные оценки, помимо первых типов публикаций, которые также остались в информационном поле.

Используя механизмы трансимволического анализа, мы выявили основные когнитивные (существительные), аффективные (прилагательные), деятельностные (глаголы) символы, позволяющие судить о символическом содержании медийной представленности информации в публикациях о политике импортозамещения. Результаты представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, информационная составляющая, отражающая те или иные контексты политики импортозамещения, содержит как позитивные, так и негативные коннотации. Позитивных в три раза больше, чем негативных (73% и 27% соответственно). По-

зитивные коннотации ориентированы в будущее и связаны с возможностями реализации и развития потенциала сейчас и потом, тогда как отрицательные несут отпечаток прошлой непродуктивной политики, разрушения достижения советского прошлого и непродуманной политики начала и середины девяностых годов XX века. Позитивные чаще слышны от представителей власти и рядовых граждан, мнения которых как-то отражены в информационном сообщении. Отрицательные возникают как результат неудовлетворенности эффектом реализации у предпринимателей или экспертов вовлеченных в оценку этих процессов.

При этом методами трансляции указанных выше символов были достаточно очевидные приемы: внушение, заражение, подражание и убеждение.

Внушение (18%) – когда читатель или зритель безусловно с доверием воспринимает получаемую информацию. Тут важно чтобы доверие было к тому, кто ее доносит и как, какие примеры или данные использует. Часто данный метод используется представителями власти, транслирующими новые условия и ме-

ханизмы реализации политики импортозамещения.

Таблица 2. Медийная представленность информации в публикациях о политике импортозамещения (в %)

Смыслы	Положительные коннотации	Отрицательные коннотации
Когнитивные	прорыв (76) развитие (74) ресурс (73)	ограниченность (24) бедность (26) разорение (27)
Аффективные	длительный (75) постепенное (74) мощный (73)	технологическая (25) повсеместная (26) тотальное (27)
Деятельностные	меняет (74) трансформирует (72) усиливает (70)	останавливает (26) тормозит (28) опустошает (30)

Заражение (23%) – когда читатель эмоционально вовлекается в «беды региона» или «конкретного человека», который решил все изменить в регионе или личной жизни и начал проект реализации в рамках импортозамещения. Этот механизм чаще всего используется при описании жизненного пути и успехах конкретного предпринимателя и становления его импортозамещающего производства, которое положительно влияет и на экономику региона, и на его жителей, и на самого руководителя.

Подражание (27%) – когда читатель сравнивает успешный опыт реализации и работы компаний в рамках импортозамещения в других регионах и включает в поддержку создания производств в своем. Этот механизм часто используют представители власти и руководители бизнеса, который только начинается, зарождается в регионе для формирования возможных ориентиров изменения ситуации в этом регионе, по примеру других.

Убеждение (32%) – когда читатель последовательно (в серии статей или зритель в серии выпусков) получает разную информацию по задачам, возможностям, проблемам, рискам импортозамещения и его «подводят» к нужному решению этих непростых моментов – предлагая в конце тот или иной сценарий.

Таким образом, работа в информационном пространстве по популяризации проекта импортозамещения, а также формирования социальных представлений и поддержки данной политики в целом в разных отраслях и сферах жизни реализуется достаточно традиционными способами, опирается на авторитет публичных значимых персон для каждого региона в отдельности и страны в целом, опирается на традиционные способы воздействия на массовое сознание, социальные установки и стереотипы, позволяющие формировать оценку политики импортозамещения в нужном ключе. Единичные отзывы о негативных процессах и состояниях, вызванные политической импортозамещения скорее осуждаются в общественном мнении, чем возводятся в социально значимые величины, способные вызвать негативную волну отклика или интерпретаций в отрицательных критериях анализа последствий политики импортозамещения.

Выводы

Представленные данные говорят о существовании целенаправленной стратегии формирования общественного мнения в отношении политики импортозамещения. Эта стратегия задается представителями власти, поддерживается заинтересованным бизнесом и социально активной общественностью, так как акцент на общественное благо и социальную выгоду для всех участников взаимодействия транслируется во всех медийных пространствах. Все стороны участников формируют основные рамки развития представлений жителей России о политике импортозамещения, ее особенностях и ключевых характеристиках развития.

Информация о политике импортозамещения и конструировании общественных образов ее восприятия является искусственным продуктом необходимости одобрения решений власти и нахождения нужных точек воздействия на общественное мнение через выявленные типы и механизмы воздействия на социальные представления и коллективные переживания и последующие действия,

направленные на поддержание проектов и предприятий, занятых в сфере импортозамещения. Безусловно, для полноценного понимания особенностей ведения информационной политики по формированию общественного мнения необходимо проводить более масштабный мониторинг, привлекать разнообразные инструменты для анализа полученной информации. Но уже сейчас очевидны основные векторы идеологически наполненного формата медиасреды о политике импортозамещения в России.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ардашев Р.Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМОНОСОВ-2022. Материалы Международного молодежного научного форума. 2022.
3. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
4. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
5. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 94–100.
6. Мониторинг мнений (ВЦИОМ): май-июнь 2022 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 175–188.
7. Полюшкевич О.А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. 2011. № 5. С. 84–89.
8. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженикова. 2019. С. 171–174.
9. Скуденков В.А. Последствия экономического кризиса: анализ коллективных эмоций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 187–190.
10. Скуденков В.А. Роль экономических санкций против России в жизненных сценариях молодых людей // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. 2020. С. 254–257.
11. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
12. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 104–109.

IMPORT SUBSTITUTION POLICY: CONSTRUCTING PUBLIC OPINION THROUGH MEDIA RESOURCES

Zhuravlev A.A.
Irkutsk State University

The article analyzes the formation of public opinion (based on the data of the Public Opinion Poll (VCIOM) study) on the policy of import substitution. The media environment is considered as a form, tool and mechanism for the formation of

social ideas about import substitution through various types of publications: ideological and patriotic, economic and strategic, managerial, personal example, expert assessment, as well as methods for translating the indicated images and symbols of the import substitution policy are distinguished: suggestion, infection, imitation and persuasion. Both positive strategies for perceiving the import substitution policy and negative forms of interpretation of this phenomenon are analyzed.

Keywords: import substitution policy, public opinion, media resources, content analysis, media environment.

References

1. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // *Sociology*. 2021. No. 3. S. 53–61.
2. Ardashev R.G. Irrationalization of mass consciousness and the media // *LOMONOSOV-2022. Materials of the International Youth Scientific Forum*. 2022.
3. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving the Future // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 60–67.
4. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
5. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // *DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. collection of scientific papers*. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 94–100.
6. Monitoring of opinions (VTsIOM): May-June 2022 // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2022. No. 3. S. 175–188.
7. Polyushkevich O.A. “Friends” and “strangers”: sociocultural markers // *Discussion*. 2011. No. 5. S. 84–89.
8. Polyushkevich O.A. Public discontent in the urban space // *Actual problems of humanitarian and social research. Proceedings of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences*. Editorial board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakov. 2019. S. 171–174.
9. Skudenkov V.A. Consequences of the economic crisis: analysis of collective emotions // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2020. S. 187–190.
10. Skudenkov V.A. The role of economic sanctions against Russia in the life scenarios of young people // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference*. In 2 parts. 2020. S. 254–257.
11. Skudenkov V.A. Transformation of life goals of youth under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 341–344.
12. Skudenkov V.A. Economic claims: the effects of transformations in modern society // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 104–109.

Социальные эффекты цифровизации государственного управления

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, директор
Института социальных наук, заведующая
кафедрой государственного и муниципального
управления Института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассматриваются теоретические основы и практические механизмы социальных последствий цифровизации государственного управления, выявляются общественные и управленческие трансформации под влиянием цифровизации. Приводятся результаты качественного исследования о социальных изменениях в условиях цифровизации государственного управления.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, социальные эффекты, цифровая экономика.

В настоящее время как в мировом, так и в российском пространстве происходит внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Это в свою очередь приводит к развитию цифровой экономики, изменению структуры управления производством, финансами, банками, сокращению транзакционных издержек. Система государственного управления под влиянием цифровой экономики также неизбежно сталкивается с необходимостью цифровой трансформации всех процессов и процедур, выстраивания эффективной деятельности элементов системы, определяющих технологическое развитие страны. Цифровая трансформация государственного управления становится мировым трендом [7,9].

Однако, несмотря на то, что процесс цифровизации деятельности органов государственной власти осуществляется уже больше десяти лет, актуальными остаются вопросы, связанные с отсутствием законодательной базы, которая бы в полной мере регулировала отношения и деятельность государственных органов, организаций и граждан в цифровом пространстве; наличием высокого уровня киберпреступности и слабого уровня защищенности личности, общества и государства в цифровом пространстве; несогласованностью процессов цифровизации на федеральном, региональном и муниципальных уровнях, в том числе в так называемом «инновационном регионе»; неравносностью процесса цифровизации регионов страны, что противоречит одному из главенствующих положений Конституции Российской Федерации – равенство и др.

Способствовать решению данных проблем призван национальный проект «Цифровая экономика», который предполагает активный переход органов государственной власти в «цифру» для своевременного и качественного оказания услуг населению и принятия

управленческих решений. Однако есть некоторые проблемы в части эффективной реализации данного нацпроекта в стране, в частности в Иркутской области и в целом сам переход властей на цифровую систему [11]. Также присутствует риск того, что подобная цифровизация экономики и системы государственного управления станет лишь популистской идеей, а весь процесс цифровизации ограничится незначительной трансформацией отдельных процессов деятельности органов власти. Важно избежать данного риска, добиваясь того, чтобы связанные с цифровизацией изменения преобразили деятельность государственных органов власти и бизнеса в лучшую сторону.

Россия, как и все развитые страны, активно вступает в эпоху цифровой экономики и трансформации государственного управления. Это требует от государства проведения активной политики как в сфере цифровизации всего государственного управления, так и перехода всех оказываемых услуг населению в электронный и доступный вид.

Более 7 лет назад в Давосе на Всемирном экономическом форуме в 2016 году было заявлено о переходе в новую 4-ую промышленную революцию через цифровизацию и переход в глобальную сеть Интернет всех сфер жизни общества. Сейчас, с быстрым развитием технологий, в научном сообществе говорят о переходе к Индустрии 5:0 (пятой промышленной революции), которая позволит в будущем объединить потенциал искусственного интеллекта «цифры» и человека [2]. И важную роль в этом, конечно, играет государство, именно с цифровизацией государственного управления связывают перспективы повышения результативности и эффективности функционирования органов государственной власти.

Для определения нового направления развития государственного управления необходимо рассмотреть понятия «цифровизация» и «цифровая трансформация». Если говорить в общем, то термин «цифровизация» означает «внедрение современных информационно-

телекоммуникационных технологий и платформенных решений во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и в сферу государственного управления». Но все же, в официальных источниках отсутствует научно-закрепленное толкование указанного термина и научных сообществах нет его единого понимания [10].

Наравне с «цифровизацией» в научных кругах активно используется понятие «цифровой трансформации». Она нацелена не только на перевод информации с аналоговых носителей в цифровой формат, но и изначальное изготовление новой продукции в цифровой форме. По мнению ряда авторов, данное понятие представляет из себя процесс реформирования государственного управления и деятельности органов власти в части предоставления государственных услуг и исполнения возложенных на них функций и задач, посредством использования больших данных, внедрения и разработки информационных технологий и цифровых решений, направленных на повышение качества и удовлетворенности граждан государственными услугами, снижение издержек, устранение избыточной административной нагрузки, в рамках осуществления контрольно-надзорной деятельности, а также обеспечение уровня надежности и безопасности данных граждан, общества и государства при использовании цифровых технологий [9].

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» дает следующее определение цифровой трансформации: это проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов».

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

делают упор на основных этапах цифровой трансформации государственного управления:

1 этап – «первичная цифровизация» – происходит оцифровка основных процессов деятельности и управления органов власти;

2 этап – функционирование «электронного правительства» – внедряются цифровые технологии в деятельность государственных органов для более эффективной и качественной работы;

3 этап – действие «цифрового правительства» – учитываются предпочтения пользователей при создании услуг/ процедур, использование цифровых технологий последнего поколения [4].

Каждый этап меняет отношение к эффективности и результативности государственного управления». Так при реализации первого и второго этапов внедрения традиционных информационных технологий наиболее внимание уделяется вопросам эффективности и производительности в государственном секторе. Предоставление электронных услуг адаптируется к потребностям отдельных граждан (их групп). И на стадии функционирования «цифрового правительства» особое внимание уделяется уровню взаимодействия и доверия органам власти.

Помимо этого, цифровую трансформацию связывают и с применением французского понятия «уберизация». Это такой вид изменения и совершенствования отдельных секторов экономики, осуществляемый при помощи инновационной экономической модели, которая в свою очередь опирается на применение цифровых технологий. Однако, ее применение эффективно на массовом рынке с миллионным количеством товаров, их производителей и потребителей. Убер как цифровая платформа – координирует деятельность независимых агентов на определенных рынках в условиях реального времени, используя информационно-телекоммуникационные технологии. Уберизация, в свою очередь, – процесс внедрения данных «уберов» в различные сектора экономики. Преимущества

убера заключаются в том, что он позволяет напрямую соединить клиента и исполнителя с помощью убер-интерфейса. Это приводит к снижению транзакционных издержек и рисков с помощью определенных технологических цепочек.

Уберизация общества активно влияет на государственное управление. Тут также, как и при уберизации экономики: использование информации для анализа качества управления государственных ведомств снижает транзакционные издержки, повышает результативность, создает условия для составления планов, для преодоления рисков в принятии неэффективных решений. Несомненно, для таких целей необходима Единая цифровая платформа. Ее использование в стратегическом управлении помогает объединить, согласовать и обеспечить эффективную деятельность органов государственной власти.

К слову, о платформах. С 2017 года термин «государство-платформа» начал активно использоваться в научных публикациях и проектах. Данные платформы касаются различных видов социально-экономической активности самого населения, взаимодействия и сотрудничества бизнеса, создают возможности расширения знаний, общения и развлечения и другое.

Тут стоит упомянуть и модель «цифровой зрелости», предложенной еще в 2017 году компанией Gartner, предусматривающей прохождение пяти этапов зрелости (цифровой трансформации): 1. «электронное правительство», 2. «открытое правительство», 3. дата-центричное правительство, 4. полностью «цифровое правительство», 5. «умное правительство» (см. таб.1). Представленные стадии различаются по основным аспектам, каналам и технологиям предоставления госуслуг, а также по показателям реализации, на основе которых можно было бы измерить эффективность реализации каждого из этапов. В процессе перехода от стадии к стадии, в процессе цифровой трансформации, состав государственных услуг значительно изменяется, а количество видов предоставляемых услуг, в свою

очередь – снижается. Поэтому, идея «государство – платформа» потеряет актуальность на последних стадиях цифровой трансформации. В настоящее время, государственное управление в России соответствует второму уровню цифровой зрелости по данной классификации, в то время как западные страны находятся на этапах выше. Поэтому, России

в ближайшем будущем предстоит стать дата-центричным государством [3].

Проанализировав предлагаемые экспертами компании «Gartner» этапы зрелости цифрового государственного управления можно отметить то, что главным признаком цифровой трансформации является изменение способов и механизмов предоставления госуслуг, а также понимания их состава.

Таблица 1. Этапы «зрелости цифрового правительства» компании «Gartner»

Параметр	Электронное правительство	Открытое правительство	Датацентричное правительство	Цифровое правительство	Умное правительство
	Инициация	Развитие	Определение	Управление	Оптимизация
Приоритетные аспекты	Выполнение требований, эффективность	Прозрачность и открытость	Субъектная ценность	Трансформация	Устойчивость
Основной канал предоставления государственных услуг	Портал госуслуг	Госуправление как платформа	Негосударственные каналы	Использование различных каналов	Автоматизация заменяет порталы
Основные технологии	Сервис-ориентированная архитектура	Открытые данные / услуги	Открытие всех данных	Вещи как данные	Умные машины (роботизация)
Показатели реализации	Доля услуг, предоставляемых в режиме онлайн	Доля открытых данных в общем объеме данных	Количество услуг, предоставляемых на основе данных	Доля данных, получаемых на основе межмашинного взаимодействия	Степень сокращения (оптимизации) количества оказываемых услуг

Цифровизация государственного управления немислима без экономической составляющей. Поэтому, рассмотрим понятие «цифровая экономика». Под ней понимается такая экономическая система, при которой добавленная стоимость формируется на основе информационно-коммуникационных технологий, развития промышленности посредством технологического перевооружения с использованием современных ИТ-технологий в рамках «Индустрия 4.0». Становление данной экономики проходит в два этапа: 1. Применение ее в управлении технологическими записями, их обработка, хранение, воспроизводство в электронном виде; 2. Использование для исполнения контрольно-надзорных функций и защиты данных, пресечения создания «цифровых двойников».

Ядром цифровой экономики является сектор производства цифровых товаров и оказания услуг, связанных с цифровыми технологиями. Именно цифровые технологии обладают существенным потенциалом для ускорения развития инноваций, поэтому показатели инвестиций в развитие цифрового потенциала как организации, так и государства в целом, являются значимым фактором ее конкурентоспособности в современных условиях.

В России внедрение цифровых технологий в данный период находится на начальном этапе, особенно в государственном управлении. Однако можно встретить внедрение прорывных технологий, направленных на совершенствование и ускоренное предоставление государственных услуг населению, создания систем идентификации и защиты данных в рамках реализации деятельности

контрольно-надзорных органов и др. Ярким примером является создание и внедрение в 2009 году портала Государственных услуг страны (Госуслуги). В данном интернет-портале можно быстро получить доступ как юридических, так и физических лиц к информации о государственных и муниципальных услугах, подавать онлайн-обращения; заказывать и получать справки, заверенные электронной подписью должностного лица; оплачивать онлайн госпошлины, налоги, административные штрафы, услуги ЖКХ и совершать другие платежи [6,8].

Еще один пример – это утвержденное в 2022 году Правительством РФ положение о платформе «Гостех», на которую с 2023 года будут обязаны перейти госорганы. Данная система создается для сокращения сроков создания и развития государственных информационных систем (ГИС) и для поддержки отечественных IT-решений. Данные примеры доказывают, что Россия уверенно движется в сторону цифровизации государственного управления. Но все же, у страны возникают некоторые проблемы при переходе к цифровому государственному управлению. До сих пор большинство государственных услуг оказывается россиянам с большим числом бумажных носителей, которые предоставляют сами граждане.

Также стоит рассмотреть систему открытых данных. Без нее невозможно функционирование цифрового государственного управления. Концепция открытых данных (англ. open data) воплощает идею о свободно-доступных данных, которые отличаются тем, что каждый заинтересованный может легко, быстро и бесплатно получить доступ к таким данным и в дальнейшем повторно использовать их для публикации без ограничений авторского права, патентов и других механизмов контроля. Открытые государственные данные – политика, способствующая прозрачности и подотчетности органов власти населению. Отсюда вытекает эффективность деятельности органов власти, направленная на позитивное социально-

экономическое преобразование страны, что соответствует ожиданиям общества, становлению в России концепции «открытого правительства» и «электронной демократии». К сожалению, в этом плане Российская Федерация значительно отстает от многих стран мира. На данный момент порталы открытых данных существуют в 13 регионах страны. Данный факт показывает то, что уровень цифровизации у субъектов РФ сильно разнится. Это безусловно большая проблема для цифровой трансформации всего государственного аппарата нашей страны как открытого государства.

Потенциал использования в государственном секторе цифровых технологий заключается в следующем:

1. Внедрение современных цифровых технологий способствует сокращению числа государственных административных функций/ процедур, в ходе чего возможно снижение текущих расходов на содержание госаппаратов и уровень коррупционных рисков;

2. Эффективное использование цифровых технологий способствует сокращению вмешательства государства в экономико-социальные процессы, повышает эффективность государственного управления;

3. В целом, повышение внешней экономической конкурентоспособности страны в мировом пространстве [11].

В связи с этим, можно отметить то, что чем выше уровень цифровизации государственного управления, тем выше эффективность и результативность госуправления в целом или его отдельных его параметров. Это заключается в том, что разумное и качественное использование цифровых технологий может существенно изменить традиционные подходы к оценке эффективности государственного управления: более оперативно и точно выявлять, реагировать и решать проблемы государственного управления, своевременно их прогнозировать. Действие цифровой трансформации, по мнению исследователей, «может стать драйвером для внедрения новой модели государственного управления».

Опыт субъектов РФ по эффективной цифровизации государственного управления

«Пионером» в области цифровизации государственного управления традиционно считается город Москва. Столица Российской Федерации является одним из мировых лидеров по уровню развития информационных технологий. IT сегодня внедрены во все ключевые сферы столичной жизни: образование, здравоохранение, транспорт, ЖКХ, безопасность. В 2011 году в столице создается Портал государственных и муниципальных услуг города Москвы. С 1 февраля 2017 года весь функционал данного Портала интегрируется в официальный сайт Мэра и Правительства Москвы mos.ru. Сейчас в уже более 380 электронных услуг и сервисов можно получить в одном Портале не выходя из дома [3].

В настоящее время происходит реализация стратегии развития города Москвы – «Умный город – 2030». Умный город – концепция интеграции нескольких информационно-коммуникационных технологий, существующих ресурсов городских служб для управления городским имуществом. Основными направлениями развития цифровизации в рамках стратегии «Умный город» являются: внедрение цифровых технологий в человеческий и социальный капитал; внедрение цифровых технологий в городскую экономику; создание цифрового пространства; внедрение цифровых технологий в городскую среду [12]. В настоящее время в городе реализованы следующие функции:

- Городской Wi-Fi. В городе доступно множество точек доступа к бесплатному wifi, даже в общественном транспорте;
- Интеллектуальная транспортная система. В городе установлены более 2 тысяч камер, более 40 тысяч светофоров, данные с которых, отправляются в ситуационный центр. Полученная информация обрабатывается и на ее основе, принимают решения о перекрытиях улиц, установки запрещающих и иных знаков, и пр;

- Портал госуслуг для москвичей. Через портал mos.ru можно выполнить практически любое действие по оформлению документов, льгот и услуг, избавляя от необходимости посещать профильные ведомства;
 - Единая медицинская информационно-аналитическая система (ЕМИАС). Данная система позволила ликвидировать очереди в поликлиниках, пациенты заранее записываются на прием ко врачу. Также один из сервисов – электронная медицинская карта (ЭМК) с протоколами осмотров врачей, рецептами, результатами лабораторных исследований и прочей важной медицинской информацией;
 - «Московская электронная школа» (МЭШ). Эта школа является уникальной цифровой образовательной системой, которая не имеет аналогов в мире. В нее входит непосредственно электронная библиотека (включает сценарии уроков, виртуальные лаборатории, интерактивные образовательные приложения, задания), дневник МЭШ и многое другое;
 - Система видеоаналитики. В городе огромное количество камер, позволяющих следить за порядком, а также контролировать работу коммунальных служб. Все записи поступают в единый центр хранения и обработки данных. В случае ЧП каждый житель Москвы может зарезервировать архивную информацию с нужной камеры, получить номер заявки и с ним обратиться в правоохранительные органы по месту происшествия [13].
- К слову, для развития в регионах РФ смарт-технологий, в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика РФ» Минстрой РФ в 2018 году принял стандарт «Умный город». Его цель – создание эффективной системы управления городом, формирование комфортной и безопасной среды для жителей, а также повышение конкурентоспособности российских городов. Проект реализуется в пилотных городах, которые отобраны Минстроем России и подписавших соглашение по реализации пилотного проекта в рам-

ках ведомственного проекта. К 2022 году стандарт реализовывался уже в 237 городах страны. Для того, чтобы оценить эффективность работы технологий «умного города» Минстроем и МГУ был разработан интегральный индекс, который определяет и оценивает процесс внедрения и эффективность цифровой трансформации городов (IQ городов) по 47 различным показателям.

Поэтому, системы «умного города», с помощью лучших практик реализации, активно вводятся в регионах страны, что способствует развитию цифровизации в стране.

Интересен опыт Санкт-Петербурга. Регион один из первых, в 2021 году, запустил информационную систему «ГИС «Реестр государственных программ Санкт-Петербурга», которая автоматизирует процесс планирования развития городских отраслей, начиная с этапа определения необходимости мероприятий с учетом норм градостроительства

и заканчивая выделением бюджетных ассигнований на реализацию мероприятия. В рамках данной единой системы было оцифровано более 30 задач, что положительно сказывается на снижении административных барьеров и повышает прозрачность процесса принятия управленческих решений в части реализации государственных программ Санкт-Петербурга.

Но значение системы заключается не только в оцифровке действующих государственных программ. Она объединяет в себя цикл процессов: от принятия решений о реализации программных мероприятий – до контроля их реализации. Поэтому, в структуре ГИС РГП предусмотрены три взаимосвязанные подсистемы: «Объекты регионального значения», «Государственные программы» и «Расходы развития», охватывающие десятилетний горизонт скользящего планирования развития городских отраслей (рис. 1).

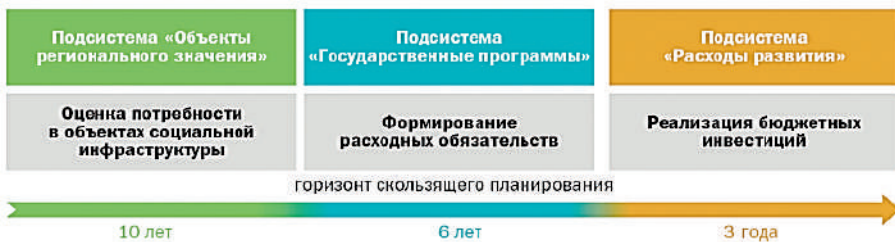

Рис. 1. Структурные элементы ГИС «Реестр государственных программ Санкт-Петербурга»

Преимущества применения данной информационной системы заключаются в том, что: во-первых – все данные реализации программ на каждом этапе аккумулируются в едином информационном поле, что облегчает контроль; во-вторых – формирование и мониторинг реализации госпрограмм происходит в цифровом формате, что способствует активному переходу к безбумажному документообороту; в-третьих – данные из системы можно оперативно предоставлять на цифровую панель губернатора Санкт-Петербурга и как открытые данные на информационный портал для граждан, что повышает прозрачность и открытость государ-

ственного управления. Как говорят разработчики ГИС РГП, для субъектов РФ, которые планируют цифровизацию с применением подобных информационных систем, период внедрения (от постановки задач до включения пользователей в работу) составляет порядка двух лет. Поэтому, можно сказать, что применение подобных систем в регионах способствует обеспечению мониторинга достижения показателей стратегических целей и задач в рамках Указов Президента РФ, региональных проектов через мероприятия госпрограмм.

2022 год был объявлен в Татарстане как «Год цифровизации». Субъект РФ

был призван лидером по цифровизации всех отраслей экономики и государственного управления. Так в рамках трансформации муниципального управления продолжается подключение IP-телефонии, ведется создание единого центра мониторинга. В начале 2023 года власти столицы Татарстана утвердили программу «Цифровая трансформация муниципального управления Казани на 2023–2025 годы». В рамках нее планируется совершенствование деятельности ИОГВ посредством использования современных информационно-коммуникационных технологий: от обновления компьютерной техники до обеспечения местных органов МСУ средствами защиты информации. Все эти действия осуществляются в рамках достижения целей «Стратегии социально-экономического развития Казани до 2030 года».

Интерес представляет и практика применения в некоторых регионах РФ (Татарстан, Башкортостан, Саратовская область, Алтайский край, Приморский край, и др.) сервиса «Инцидент Менеджмент», рассчитанного на мониторинг социальных сетей с целью выявления жалоб и предложений от жителей регионов. В настоящее время, в связи с введением во всех регионах Центров управления регионом (ЦУР) в 2020 году, «инцидент менеджмент» является главным инструментом работы Центров. Такие пункты являются центрами мониторинга, в который поступают и оперативно обрабатываются проблемные вопросы жителей районов области по всем направлениям, формируются аналитические материалы по социально-экономической ситуации, предлагаются предложения по оптимизации процесса обработки жалоб и разрабатываются дорожные карты по устранению проблем. Именно на основе обращения граждан, в дальнейшем, принимаются управленческие решения с учётом социального запроса.

В 2021 году Мурманская область отличилась созданием Единой цифровой платформы управления регионом (ЕЦПУР). Именно их практика названа одной из лучших в стране, повышаю-

щая эффективность работы отраслевых блоков ЦУР. Ее разработали в партнерстве с дочерней компанией «Росатома» – «Русатом Инфраструктурные решения». В это время по поручению президента Владимира Путина в стране как раз создавали Центры управления регионом (ЦУР). Но «Росатом» и Мурманская область смогли создать ЦУР с расширенным функционалом. Платформа призвана преодолеть феномен «лоскутной цифровизации», от которой исторически страдали российские регионы. Она воедино связывает новые и старые системы между собой и с инфраструктурой, обеспечивает их цифровизацию. Платформа автоматически собирает и анализирует данные, а вся информация представляется на дашбордах. Губернаторы и руководители региональных ведомств могут принимать решения на основе полученных статистических данных, контролировать статус выполнения работы и что самое главное, администрация в режиме реального времени может быстро получить обратную связь по поводу городских проблем [5]. В целом, внедрение этой платформы помогает в работе местных органов власти в сборе и анализе информации, взаимодействии с жителями и бизнесом, привлечении инвесторов и туристов (рис. 2).

В целях обеспечения информационной безопасности систем, персональных данных граждан РФ и важнейших объектов инфраструктуры в Ростовской области в 2020–2022 году созданы и начали функционировать региональная информационная система «Единая платформа официальных сайтов органов исполнительной власти Ростовской области» (для формирования единого подхода к размещению информации) и государственная облачная платформа Ростовской области (на основе локальной вычислительной сети Правительства Ростовской области).

К слову, в настоящее время, в стране действует единая облачная платформа «Гособлако» (ГЕОП). Использование данных систем направлено на повышение эффективности использования ИТ-систем, их информационной безопас-

ности, персональных данных граждан РФ и значимых объектов критической информационной инфраструктуры, преодоление цифрового неравенства между государственными органами, снижение стоимости владения инфраструктурой

госинформсистем страны на 20–30%. Однако пока что ей пользуются только федеральные органы исполнительной власти. В скором времени возможен и эксперимент по подключению регионов.

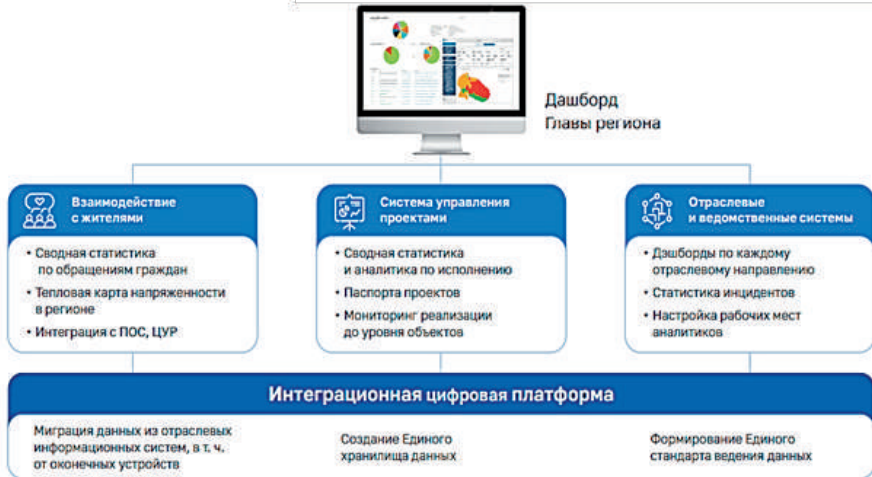

Рис. 2. Компоненты цифровой платформы управления регионом (на примере Мурманской области)

Создание и внедрение данных цифровых решений способствует формированию как в регионе, так и в стране единого комплекса оборудования, пространств, мощностей, которые требуются для хранения и обработки информации всех государственных органов, получаемую ими и создаваемую при реализации своих функций в качестве электронного правительства [11].

Происходящая в стране технологическая революция, переход к информационному обществу и цифровой экономике создают новые возможности для развития как страны, так ее регионов. Большинство цифровых проектов реализуются в рамках национального проекта «Цифровая экономика» и для этого созданы все необходимые условия в регионах страны.

Обращая внимание на приоритеты цифровизации регионов, можно отметить, что у каждого из них имеется свое направление развития, в рамках которого разрабатываются наиболее передовые решения. Все вышеперечисленные

регионы входят в число лидеров цифровизации (в т.ч. и по уровню «цифровой зрелости») в разные годы в стране, поэтому они и интересны, поскольку именно в них развиваются собственные уникальные проекты, внедряются платформенные решения, их передовой опыт затем прорабатывается Министерством цифрового развития РФ и адаптируется для применения по всей стране.

Поэтому, ученые прогнозируют то, что на фоне появления у отдельных регионов собственных цифровых проектов на их базе начнут свое становление региональные бизнес-платформы, которые будут упрощать, в том числе и предоставление госуслуг, развивать разнообразные сервисы уже, не связанные с государством. Но здесь важно отметить, чтобы такие системы, как и государственные, не противоречили риску возникновения проблем этического характера, связанные с обработкой, хранением и использованием данных граждан, дискриминации их системами, возникновения цифрового монополизма.

В Российской Федерации, в настоящее время, активно происходит внедрение цифровых технологий в рамках эффективной и качественной работы государственных органов. Происходит переосмысление многих понятий в системе технологического уклада страны и цифрового развития регионов. Достаточно обширна и нормативно-правовая база цифровой трансформации государственного управления, которая в части ее некоторых законодательных актов требует подхода в устранении проблем и недостатков. Имеет место и наличие рисков и уязвимостей, которые открываются при переходе экономики и системы государственного управления в цифру. Но несмотря на это, данный процесс при правильном и должном применении, регулировании способен повысить эффективность систем государственного и муниципального управления, снизить социальную напряженность в обществе, способствовать выравниванию социально-экономического развития больших городов и отстающих малых сельских поселений, а также способствовать развитию организаций общественного сектора.

Барьеры в реализации национального проекта «Цифровая экономика» и федерального проекта «Цифровое государственное управление» в Иркутской области

Реализация национальной программы «Цифровая экономика» предусматривает изменения в деятельности органов государственной власти, основанные на внедрении цифровых технологий, которые будут способствовать повышению результативности и эффективности государственного управления. Однако, при всех положительных моментах, касающихся становления и развития данного национального проекта, имеются барьеры и проблемы его реализации в регионах России и Иркутской области, в частности. Существуют проблемы и при внедрении цифровых технологий в систему государственного управления, которые до сих пор остаются актуальными, так

как требуют регламентации и принятия решений по их устранению.

Одна из проблем, которая в регионе стоит наиболее остро и находится под непосредственным контролем Губернатора Иркутской области – это отсутствие или слабая оснащённость малонаселенных пунктов районов области информационной и телекоммуникационной инфраструктурой. В регионе порядка 1400 населенных пунктов, из них сотовой связью обеспечено более 1 170. При этом 229 с населением от двух человек, а в общей сложности более 28 тысяч, не имеют доступа к мобильной связи, нет банкоматов и цифрового телевидения. Основная проблема заключается в том, что многие провайдеры мобильной связи и цифрового телевидения не торопятся обеспечивать покрытие мобильной связью и «цифрой» малозаселенные регионы, так как это является невыгодным для них. А отсутствие мобильной связи и сети «Интернет», делает установку банкоматов в таких населённых пунктах невозможным. Способствовать устранению цифрового неравенства призвана специальная программа, которую с 2014 года реализуют Минцифры России совместно с ПАО «Ростелеком». Также территории подключают к интернету в рамках федерального проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика». В декабре прошлого года жители региона могли проголосовать за проведение интернета в отдаленные поселения с населением от 100 до 500 человек посредством Госуслуг, письменного обращения по почте, либо через местную администрацию для передачи в адрес министерства цифрового развития и связи Иркутской области. Однако, этот процесс не быстрый и требует чёткого и слаженного взаимодействия как местной администрации поселения, так и самого провайдера. Также основные проблемы связаны с последующей эксплуатацией и своевременным ремонтом мобильных станций, низким уровнем интернет-соединения. Все это также требует постоянного контроля и приня-

тия своевременных мер для устранения неполадок.

Стоит также подробно рассмотреть и другие проблемы цифровизации региона. Так Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации в 2019 году провел опрос среди региональных органов исполнительной власти Российской Федерации (70 субъектов РФ), в котором были заданы вопросы о проблемах регионов в области цифровых технологий. Результаты

опроса оказались следующие: трудности в подготовке качественных и компетентных кадров (18,8%), проблемы с нормативно-правовым регулированием (17,3%), невысокая бюджетная обеспеченность региона (16,9%), низкая управленческая функция в сфере цифровых технологий (16,0%), информационные сложности (11,1%), проблемы с реализацией проекта с применением «сквозных» цифровых технологий (6,0%). (см. Рис. 3)

Рис. 3. Ключевые барьеры в развитии цифровой экономики регионов

Результаты опроса показали, что выявленные проблемы при развитии цифровой экономики схожи для большей части субъектов РФ, в том числе и Иркутской области и актуальны в наши дни.

Особенности исследования

Целью исследования стало выявление мнений и оценок экспертов по имеющимся в регионе проблемам реализации национальных проектов, по разработке и внедрению цифровых технологий, и в целом развитию цифровой экономики.

В опросе приняло участие 20 экспертов в сфере цифровизации, которые проживают в Иркутской области, пользовались государственными услугами через цифровые платформы в области и других регионах; имеют профессиональное или экспертное отношение к осуществлению государственных ус-

луг. Участниками экспертного опроса выступили лица, которые так или иначе связаны с цифровизацией экономики и системы государственного управления: представители ИОГВ региона (Министерство цифрового развития и связи Иркутской области, Министерство экономического развития и промышленности Иркутской области), специалисты АНО «Диалог Регионы» (ЦУР Иркутской области), представители местных органов власти, деятели науки и образования, администраторы госпабликов, IT-специалисты.

Им было задано 10 вопросов для оценки уровня влияния барьеров, которые препятствуют развитию цифровой экономики и цифровизации государственного управления. Возраст опрошенных составил от 30 до 55 лет, 80% мужчины и 20% женщины, все имеют

два высших образования, 50% ученую степень.

Респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 5, (где 5 наиболее острая проблема) влияние наиболее значимых, по их мнению, барьеров (факторов) на развитие цифровой экономики.

Опрос проводился по следующим 7 группам барьеров:

- Барьеры в подготовке кадров для цифровой экономики;
- Нормативно-правовые барьеры;
- Финансовые барьеры;
- Административно-управленческие барьеры;
- Информационные барьеры;
- Барьеры в развитии информационной инфраструктуры;
- Барьеры в реализации проектов на базе «сквозных» цифровых технологий.

Анализ результатов исследования

Лидирующими барьерами в регионе, по мнению экспертов, оказались финансовые, подготовка кадров для цифровой экономики и административно-управленческие барьеры (см.рис.4).

Далее экспертам предлагалось оценить каждую отдельно взятую проблему по ранжированию групп барьеров в развитии цифровой экономики в ре-

гионе с учетом их приоритетности. Также проводилось оценивание по шкале от 1 до 5. 1) *Проблему подготовки кадров* эксперты оценили в основном как нехватку квалифицированных преподавателей в данной области (3,6 среднее значение); трудности в трудоустройстве данных кадров в Иркутской области (3,4); отсутствие или нехватка цифровых платформ (программных сред) (3,2). Эксперты, говоря о данной проблеме, приводят ряд комментариев. Так по мнению, специалистов ЦУР Иркутской области, в региональных вузах практически нет дисциплин и направлений в области цифровизации (обучение либо в федеральном центре или онлайн курсы), происходит реструктуризация вузов в г. Иркутске, вследствие чего – отток профессорско-преподавательского состава. Также в регионе наблюдаются низкие заработные платы для таких специалистов, региональный уровень денежного содержания профильного специалиста значительно ниже предложений федерального центра/предложений по фрилансу, отсутствие понимания, что нужны отдельные позиции для цифровизации (не совмещение должностей, а выделение) вследствие чего и имеется высокий дефицит квалифицированных специалистов.

Рис. 4. Барьеры в развитии цифровой экономики и цифровизации государственного управления

К слову, в сфере подготовки кадров для цифровой экономики высши-

ми и средними учебными заведениями, основные проблемы возникают в части

нехватки данных кадров во всех областях, отсутствия закреплённого перечня компетенций в сфере цифровой экономики, малого количества реализуемых курсов повышения квалификации по цифровой экономике. В Иркутской области готовы кадры для цифровой экономики ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» в рамках программы «Приоритет 2030». Университетом разработана модель подготовки ИТ-специалистов под запрос различных отраслей экономики: энергетики, геологии, авиастроения. Совместно с вузами СФУ, БрГУ, ИГУ университет реализует образовательный проект «Академия ИТ», связанный с подготовкой квалифицированных ИТ-специалистов для металлургического и энергетического сектора компаний En+ Group и ОК «РУСАЛ». Однако и здесь, по словам ректора ИРНИТУ Михаила Корнякова «возникает проблема, что университеты не могут получить статус аккредитованной организации, которая осуществляет деятельность в области информационных технологий, и соответственно, на вузы не распространяются социальные, налоговые преференции как для ИТ – компаний, что приводит к оттоку специалистов из государственных образовательных учреждений».

2) *Нормативно-правовые барьеры* по мнению экспертов в основном заключаются в отсутствии законодательной базы, которая бы в полной мере регулировала отношения и деятельность государственных органов, организаций и граждан в цифровом пространстве (3,7); нормативно-правовое регулирование использования персональных данных, слабая защищённость данных (3,5); отсутствие целостной системы НПА по управлению проектами в регионе, связанные с регулированием процессов управления проектами и портфелями проектов (3,2). Эксперты говорят о том, что НПА в области цифровизации госуправления, в настоящее время, находятся в стадии разработки (что-то частично имеется, но не даёт полное представление), требуется совершенствова-

ние законодательной базы. Что касается защиты персональных данных, то здесь присутствуют правовые коллизии, законодательная деятельность не успевает за активным развитием цифровой сферы, имеются прецеденты распространения (разглашения) персональных данных граждан (общих, банковских, специальных и иных). НПА по управлению проектами в регионе требуют обновление до общепринятых международных стандартов, наравне с внедрением АИС «Управление проектной деятельностью» (сейчас такая работа ведётся).

3) *Среди административно-управленческих барьеров* эксперты особо выделили: слабый уровень владения цифровыми навыками управленцев старшего поколения (3,5); низкий уровень взаимодействия между ФОИВами и субъектами РФ по вопросу цифровизации экономики (3,4); отсутствие информационной системы управления проектами с единой базой проектов в регионе (3,3). Говоря о слабом уровне владения цифровыми навыками среди управленцев старшего поколения, эксперты говорят о существовании некой ригидности среди управленцев старшего поколения, хотя и имеется категории управленцев, которые учатся и развивают навыки. Низкий уровень взаимодействия ФОИВов и субъектов РФ заключается в наличии большого количества дублирующих запросов от контрольно-надзорных органов, получаемых руководителями региональных проектов, рассогласованность в периодичности предоставления информации, необходимостью для подготовки отчетов по выполнению региональных проектов и др.

4) *Финансовые барьеры*, по мнению опрошенных, заключаются в недостаточной бюджетной обеспеченности региона для реализации мероприятий в рамках нацпроекта «Цифровая экономика РФ» (3,6) и требуется отдельное финансирование на мероприятия по информационной безопасности (3,6). Проблема недостаточной обеспеченности региона для исполнения нацпроекта возникает как раз-таки из-за не учёта различных специфических характеристик

региона в рамках достижения показателей нацпроекта «Цифровая экономика РФ», несбалансированность бюджетов в большинстве регионов также осложняет реализацию мероприятий в рамках нацпроекта, т.к. регионы, в таком случае, направляют средства на финансирование более приоритетных для них задач.

5) *Проблема развития информационной инфраструктуры для цифровой экономики*, по мнению экспертов, заключается в неравном цифровом развитии районов Иркутской области, слабая оснащённость малонаселенных пунктов районов области мобильной связью и Интернетом (4,2); неинтегрированные между собой информационно-аналитические системы, что приводит к необходимости повторного ввода одних и тех же данных в различные системы (4); неудовлетворительный общий уровень технического оснащения и развития районов Иркутской области (3,9). Неравенство в цифровом развитии районов Иркутской области возникает вследствие нерентабельности строительства сетей связи в малонаселённых пунктах, а в тех районах, в которых мобильная связь имеется, зачастую присутствуют проблемы, связанные с последующей эксплуатацией и своевременным ремонтом мобильных станций, низким уровнем интернет-соединения. Разработка не интегрированных между собой информационно-аналитических систем возникает, по мнению специалистов ЦУРа, из-за несогласованности действий между ФОИВами. Сюда же можно отнести технические проблемы /сбои в функционировании электронных систем (Госуслуги, Электронный бюджет и др) возникающие из-за проблемы технического сопровождения ресурсов, отсутствия инфраструктуры сервиса. Часто данная функция отдается на аутсорсинг сторонним организациям. Так, например, портал Госуслуги обслуживается 10 разными организациями и сложно получить техническую поддержку.

6) *Говоря об информационных барьерах в развитии цифровой экономики*, эксперты выделяют проблему отсут-

ствия статистической и аналитической информации, характеризующей уровень цифровизации региона (3,3); проблему отсутствия единого информационного ресурса о реализации проектов в сфере цифровой экономики (3,2). Проблема отсутствия информации по уровню цифровизации региона, по мнению деятелей науки и образования действительно существует. В статистике показатели, характеризующие уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий, стали разрабатывать и вводиться с 2000-х годов. Также для того, чтобы проводить качественные исследования необходимо задействовать большой массив данных, которых недостаточно.

7) *Барьеры в реализации проектов на базе «сквозных» цифровых технологий (СЦТ) в регионе*, по мнению экспертов, заключаются в необходимости дорогостоящих инвестиционных вложений на развитие данных проектов (3,5); в отсутствии компаний, способных вести разработку и исследования в сфере СЦТ на уровне региона (3). Из-за этого возникают трудности при достижении показателей и выполнения мероприятий в рамках нацпроекта «Цифровая экономика».

На вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилось цифровое управление в регионе за последние 5 лет?» большинство экспертов (13 человек) ответили, что изменилось в лучшую сторону. Это определенно говорит о положительной тенденции в цифровом развитии Иркутской области. Тем не менее, в большинстве районов области достаточно низкие темпы цифрового развития, в том числе из-за наличия вышеперечисленных барьеров.

Последний вопрос был открытым, в рамках которого респонденты должны были прокомментировать, какие проблемы Иркутской области могли бы быть решены благодаря применению цифровых технологий. Здесь эксперты достаточно обширно высказались за следующие направления цифровизации в решении проблем.

Экономические – глубокое преобразование бизнес-процессов с широким

применением цифровых инструментов для исполнения процессов, повышение производительности труда с помощью цифровых технологий, использование цифровых технологий для управления знаниями в регионе.

Социальные – использование телемедицины для труднодоступных районов области; развитие сферы туризма в регионе; создание ЕГИС социального обеспечения, способствующей адресности начисления выплат социальной поддержки в электронном виде, контроля за данным процессом; использование технологий виртуальной и дополненной реальности для более эффективной организации образовательного процесса.

Управленческие – мониторинг наиболее актуальных проблем Иркутской области в режиме реального времени, прозрачность работы органов власти, развитие новых технологий цифрового взаимодействия; работа с обратной связью государство – население, диагностика информационных рисков, внедрение инструментов аналитики для эффективного применения в управлении. Отдельное большое направление – научно-исследовательское. Сейчас доступно создание цифровых моделей и формирование экосистемы интернета.

Таким образом, можно отметить, то в настоящее время в Иркутской области существует ряд проблем, которые препятствуют цифровому развитию региона. Проведённый экспертный опрос позволил выделить ряд основных барьеров, с которыми сталкиваются представители ИОГВ, местного самоуправления и IT-специалисты в рамках исполнения нацпроекта «Цифровая экономика». Здесь важно понимать, что решение каждой проблемы – сложная задача, возможная лишь при комплексном подходе, т.к. все они связаны с большим количеством нововведений.

Несомненно одно – требуется координация действий всех органов государственной власти, бизнеса и научных сообществ для содействия в повышении устойчивости региональной экономики в условиях кризиса, усиления инновационной направленности всех уровней

управления на основе применения цифровых технологий, принятие мер для снижения к минимуму основных барьеров в рамках цифровой трансформации Иркутской области. Данные меры способствуют повышению эффективности и результативности госуправления в регионе.

Литература

1. Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Аналитический центр при Правительстве РФ: сайт. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25838.pdf> (дата обращения 05.08.2023)
2. В 2022 году Иркутская область в рейтинге цифровой трансформации поднялась с 59 на 12 место в стране. [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области: сайт. – URL: <https://www.ogirk.ru/2023/02/09/v-2022-godu-irkutskaja-oblast-v-rejtinge-cifrovoj-transformacii-podnjalas-s-59-na-12-mesto-v-strane/> (дата обращения 05.08.2023)
3. В Иркутской области обсудили развитие цифровой экономики. [Электронный ресурс]: Интернет-портал «Российской газеты»: сайт. – URL: <https://rg.ru/2022/11/25/reg-sibfo/v-irkutskoj-oblasti-obsudili-razvitie-cifrovoj-ekonomiki.html> (дата обращения 05.08.2023)
4. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
5. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. материалы Все-

- российской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
6. Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И.А. Журавлевой, О.А. Полюшкевич, В.Ю. Митусова. 2020. С. 65–69.
 7. Москвитина Н.В. Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4. С. 114–128.
 8. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 420–422.
 9. Полюшкевич О.А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 141–143.
 10. Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
 11. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В., Москвитина Н.В. Основы цифровизации государственного и муниципального управления.

Учебное пособие. Иркутск, 2020. 163 с.

12. Журавлева И.А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–129.
13. Журавлева И.А. Программа «безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55–62.

SOCIAL EFFECTS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

The article discusses the theoretical foundations and practical mechanisms of the social consequences of the digitalization of public administration, identifies social and managerial transformations under the influence of digitalization. The results of a qualitative study on social changes in the context of digitalization of public administration are presented.

Keywords: digitalization, public administration, social effects, digital economy.

References

1. Barriers in the development of the digital economy in the constituent entities of the Russian Federation. [Electronic resource]: Analytical Center under the Government of the Russian Federation: website. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25838.pdf> (accessed 08/05/2023)
2. In 2022, the Irkutsk region in the digital transformation rating rose from 59th to 12th place in the country. [Electronic resource]: Official Internet portal of legal information of the Irkutsk region: site. – URL: <https://www.ogirk.ru/2023/02/09/v-2022-godu-irkutskaja-oblast-v-rejtinge-cifrovoj-transformacii-podnjalas-s-59-na-12-mesto-v-strane/> (accessed 08/05/2023)
3. The development of the digital economy was discussed in the Irkutsk region. [Electronic resource]: Internet portal of Rossiyskaya Gazeta: website. – URL: <https://rg.ru/2022/11/25/reg-sibfo/v-irkutskoj-oblasti-obsudili-razvitie-cifrovoj-ekonomiki.html> (accessed 08/05/2023)
4. Ardashev R.G. Security of the individual in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Materials of the international

- al scientific-practical conference. Managing editor A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. S. 8–11.
5. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and ecological resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among the youth. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2021, pp. 141–144.
 6. Gerasimova T.A., Moskvitina N.V. Implementation and development of the principles of the digital economy in the executive bodies of state power of the Irkutsk region // Transformation of state and municipal management in the digitalization paradigm. Materials of the International scientific-practical conference. Under the general editorship of I.A. Zhuravleva, O.A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusov. 2020. S. 65–69.
 7. Moskvitina N.V. Digital transformation of public administration // Sociology. 2021. No. 4. S. 114–128.
 8. Polyushkevich O.A. Prosocial Behavior in the Digital Age // Strategy and Tactics of Socio-Economic Reforms: National Priorities and Projects. Materials of the IX All-Russian scientific-practical conference with international participation. Vologda, 2021, pp. 420–422.
 9. Polyushkevich O.A. Prosocial technologies of digital interaction // Philosophy and culture of the information society. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020, pp. 141–143.
 10. Polyushkevich O.A. Social trust as a basis for pro-social practices: expert analysis // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023, pp. 126–129.
 11. Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V., Moskvitina N.V. Fundamentals of digitalization of state and municipal government. Tutorial. Irkutsk, 2020. 163 p.
 12. Zhuravleva I.A. “Smart cities”: expectations and fears of citizens // Sociology. 2019. No. 1. P. 124–129.
 13. Zhuravleva I.A. The program “safe city” in modern municipal management // Urbanistics. 2018. No. 4. S. 55–62.

Изучение аспектов изменения жизненного пространства молодежи

Люберцев Павел Павлович,

аспирант по направлению Социальная структура, социальные институты и процессы Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: 98lpp@mail.ru

Статья направлена на изучение аспектов жизнедеятельности работающей молодежи. В рамках исследования проведен вторичный анализ данных в отношении условий жизнедеятельности молодежи в Иркутской области. Наиболее интересными являются данные взаимосвязи интересов работающей молодежи Иркутской области с формированием представлений о жизненном пространстве как условия снижения миграционных потребностей. Автором предложены рекомендации, направленные на снижение проблем работающей молодежи в производственной среде.

Ключевые слова: молодежь, трудовая среда, работающая молодежь, молодое поколение, аспекты жизнедеятельности молодежи.

Представители молодого поколения для любого общества всегда будут относиться к категории особой социальной группы. В современных условиях наибольшую актуальность набирают исследования феномена социальной активности молодежи. Это связано с тем, что учеными доказано наличие взаимосвязи между человеческим капиталом и экономическим развитием как регионов, так и страны в целом. Решение задачи относительно повышения качества человеческого капитала является важной в контексте успешной модернизации и создания конкурентоспособных преимуществ регионов России. Изучение особенностей такой социальной группы как молодежь, является наиболее актуальным аспектом в процессе повышения качества человеческого капитала страны, так как именно эта демографическая группа в большинстве своем формирует человеческий капитал.

На сегодняшний день нет четкого определения такой категории граждан, как работающая молодежь. К представителям данной социальной группы целесообразно будет отнести молодое поколение в возрасте от 20 до 35 лет. В этот возрастной период человек становится крепким профессионалом в трудовой среде, у него формируются качественные преобразования жизненных устремлений, ценностей и идеалов. Молодежь в этом возрасте принимает активное участие в развитии гражданского общества, определяет вектор профессионального развития, находит себя как личность, формирует семью, приобретает движимое и недвижимое имущество. В этом возрасте молодое поколение развивается в профессиональной среде и большую часть усилий прилагает именно в трудовой стезе. Чаще всего, представители этого возрастного периода пропадают из поля зрения различных структур, занимающихся реализацией молодежной политики.

Однако, это является ключевой ошибкой государственных структур, так как именно в период с 23 до 35 лет молодежь является наиболее активной и уязвимой, в данный возрастной период у представителей молодого поколения происходит их основной этап взросления и развития. Молодежь в период с 23 до 35 лет нуждается в поддержке и более детальном изучении досуговой деятельности, так как этот возраст определяет их дальнейшее развитие и этапы становления личности в целом [3]. Поэтому, на наш взгляд, изучение группы работающей молодежи является одной из ключевых задач государственных структур и работа с ее представителей, так как выстраивания эффективной стратегии взаимодействия может привести к положительным результатам, направленным на улучшение экономических показателей.

В научном сообществе давно занимаются изучение такой социальной группы, как работающая молодежь. К наиболее известным ученым, занимающимися вопросами трудового потенциала работающей молодежи относятся: Ф. Зеер, В.Ю. Лушников, О.Б. Сладкова и др. Если говорить об ученых, которые в своих трудах рассматривают возможные варианты формирования стратегий работы как с работающей молодежью, так и с молодежью в целом, можно отметить работы Ю.А. Зубок, И.М. Ильинского, Д.Л. Константиновского, Вал. А. Лукова, Т.Э. Петровой, Г.Л. Чередниченко, В.И. Чупрова. Также весомую значимость для изучения темы работающей молодежи внесли такие зарубежные ученые как У. Бек, Н. Луман, М. Дуглас, М. Фуко, которые занимались исследованием факторов, влияющих на трансформацию поведения молодежи.

На региональном уровне вопроса построения молодежной политики как социальной сферы взаимодействия с молодежью, изучали Л.А. Гуринович, Р.Ю. Зуляев, Р.В. Иванов, А.Д. Карнышев, А.Е. Манзула, О.А. Полюшкевич, Е.В. Решетникова, М.М. Цыганова. Мы выявили, что в данных исследованиях мало уделяется внимания аспектам жизнедеятельности собственно работающей

молодежи: чем она занимается, какие интересы в её развитии преобладают, каковы наиболее актуальные ценности, в чем проявляются важные жизненные аспекты. На наш взгляд, данные аспекты оказывают непосредственное влияние и на экономические составляющие, поскольку, как уже было сказано ранее, экономический рост связан с человеческим капиталом, а сам по себе человеческий капитал формируется за счет уровня и качества жизни населения. Изучая аспекты жизнедеятельности работающей молодежи, мы сможем определять реальный уровень жизни населения и понять в чем заинтересовано население в целом.

В рамках данного исследования мы полагаем, что целесообразно будет рассматривать понятие жизненное пространство в контексте социологического витализма, так как данное социологическое направление определяет жизненное пространство человека как биopsихологического существа и субъекта общественных отношений [5]. Жизненные силы молодежи – это их возможность воспроизводить и совершенствовать собственную жизнь, осуществляя активные действия во всех сферах общественных отношений, а также обновление своих компетенций в общественно-государственных и личностных интересах. В то же время, жизненное пространство молодого поколения – это привычная среда обитания молодежи, обеспечивающая как необходимые средства, так и условия для воспроизводства и совершенствования жизни как биopsихологических существ. То есть теория социологического витализма позволяет нам изучать молодое поколение как в определенном временном, так и в социальном пространстве [7].

Говоря о теории социологического витализма важно отметить, что жизненные силы и жизненное пространство молодежи есть взаимосвязанные элементы. Их взаимосвязь проявляется в том, что уровень жизненных сил молодого поколения позволяет обеспечить масштабность воспроизводства и применения их жизненного пространства [8].

Взаимосвязь и взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства молодежи, вытекающие из теории социологического витализма, позволяет нам проанализировать процесс развития политических, экономических, духовных, культурных и социологических сил молодого поколения. Перечисленные сферы социологического развития входят в структуру социального потенциала молодого поколения и определяют его место и роль в современном обществе [9].

Изучение стратегий адаптации россиян в социологии началось в 90-х годах, это было обусловлено, в первую очередь, быстро изменяющимися политическими, экономическими и социальными институтами. В данный период более детально изучалось два аспекта: в целом адаптационные стратегии населения и адаптационные стратегии социально и экономически уязвимых групп населения, находящихся в трудных жизненных ситуациях [2].

Сегодня темпы изменений в пространстве общественных институтов стали значительно ниже, однако актуальность изучения стратегий адаптации по-прежнему имеет значение для социологов, так как исследования в этой области помогают определить уровень и качества жизни населения в целом, что влияет на рост или снижение миграционного настроения молодежи [10]. Именно поэтому нам видится необходимым изучить аспекты жизнедеятельности работающей молодежи.

Процессы развития и усовершенствования социологии способствовали использованию таких понятий как инициативность, активность и ответственность в контексте изучения жизненных стратегий молодого поколения. В целом же стоит отметить, что среда ориентации, в которой живет индивид, сама по себе направляет его на долгосрочные цели. Однако, сам человек проявляет себя как субъект ориентирования и конструирования своей личной жизни [5]. То есть на формирование жизненного пространства любого молодого человека влияет как его окружение и другие внешние аспекты, так и его внутренние установки,

сформированные в процессе социализации. Этапы формирования жизненного пространства включают в себя влияние субъективных и объективных аспектов жизнедеятельности, которые отвечают за обеспечение таких сфер и институтов социальной вовлеченности, как профессиональные и семейные группы, элементы инфраструктуры и культурные традиции [7].

Проводя анализ образа жизни молодежи, необходимо отметить, что представители молодого поколения имеют свои особенности, которые оказывают непосредственное влияние на процессы формирования образа жизни. К основным особенностям, присущим молодому поколению, можно отнести такие, как: неустойчивость, лабильность, переходность, кратковременное пребывание в определенном состоянии, что в свое время Вал. А. Луков определил как «мерцательное настроение». На наш взгляд, именно эти характеристики оказывают наибольшее влияние на сознание молодого поколения в контексте понимания смысла их жизни [5].

Поднимая вопрос о жизненных стратегиях молодого поколения, важно сказать и о том, что, если вопросами адаптационных стратегий россиян в социологии начали заниматься в 90-х годах, то изучение жизненных стратегий молодого поколения началось еще в 60-х годах [9]. Это связано с тем, что изучение вопросов, относительного молодого поколения было и остается актуальным для любого периода времени, так как молодежь – это двигатель прогресса и будущее любой страны, поэтому изучение данной демографической группы будет нести весомое значение вне зависимости от времени. Изучение образа жизни молодежи в 60-е годы подразумевало под собой, скорее, анализ жизненных сил молодого поколения, так как в тот период в социологической теории не использовалось понятие «жизненные стратегии».

Ранее нами было отмечено, что теория социологического витализма подразумевает реализацию жизненных сил молодежи в контексте уровня развито-

сти политической, экономической, духовной, социально-бытовой культуры [5]. Исходя из этого наблюдения мы полагаем, что процесс изучения жизненных сил молодого поколения необходимо изучать с точки зрения социологического витализма, так как данный подход позволит нам выявить основные взаимосвязи между уровнем развития общества и уровня и качества жизни населения в целом.

Рассматривать процессы формирования жизненной стратегии молодого поколения с точки зрения общественных изменений имеет свое определенное значение. Формируя жизненные стратегии, молодежь, являясь относительно независимой социальной группой, которая чаще всего находится в процессе фазы самоопределения и принятия себя, ориентируется на свои собственные представления о счастливой и успешной жизни.

Однако, в то же время, представители данной социально-демографической группы являются неотъемлемой частью общества и участвуют в многочисленных отношениях и, следовательно, испытывают влияние всех процессов и явлений, происходящих в этом обществе. Её представления, основанные на свободе слова и оптимистичном отношении к правам человека, составляют основу построения межпоколенческого диалога и включения в социальные взаимодействия [8].

Тем не менее, выбор жизненных стратегий молодого поколения, несмотря на их самостоятельность и независимость, подвержен влиянию внешних процессов, происходящих в социуме. Это неудивительно, ведь молодежь весьма уязвима и переменчива в силу своих возрастных особенностей и поэтому подвержена влиянию любых изменений из вне. Поэтому изучая аспекты жизни молодежи, важно проводить четкую параллель с теми процессами и изменениями, которыми происходят в обществе.

Для анализа жизненных стратегий молодого поколения, преимущественно работающего, в рамках исследования, нами был изучен государственный доклад «Молодежь Иркутской об-

ласти», опубликованный сотрудниками министерства по молодежной политике по результатам проведенного в 2021 году. На сегодняшний день это наиболее свежий доклад, в котором изучаются основные аспекты жизнедеятельности молодого поколения Иркутской области. Выявлено, что на 01 января 2021 года в области проживает 670 175 человек в возрасте от 14 до 35 лет, из них 340 121 человек мужского пола и 330 054 женщины [4]. По возрастным группам молодежь Иркутской области распределилась следующим образом: 1) подростки 14–18 лет – 136 547 человек, 2) собственно молодежь 19–24 лет – 144 357 человек и 3) зрелая молодежь в возрасте от 25 до 35 лет – 389 271 человек.

Необходимо пояснить, что на период сбора данных закон о молодежи не был принят, поэтому вторичный анализ данных указан только для этих групп. Как видим, наибольшее число представителей молодого поколения Иркутской области находится в возрасте от 25 до 35 лет, следовательно, данный возрастной интервал соответствует в целом возрасту работающей молодежи, можно делать выводы относительно основных жизненных ориентиров и аспектов жизни работающей молодежи Иркутской области [4]. Повышение утвержденного законом возрастного интервала группы «молодежь» увеличила группу до более чем 700 тыс. чел.

Исследование аспектов жизнедеятельности молодого поколения Иркутской области целесообразно начать через изучение результатов относительно формирования брачных союзов на территории региона среди молодежи. В 2021 году количество зарегистрированных браков среди молодежи в возрасте от 16 до 35 лет составило 16 890 актов [4]. Из них в брак вступили 16 316 женщин и 11 626 мужчин в возрасте от 16 до 35 лет [4]. Чаще всего представители молодого поколения выходили замуж в возрасте от 25 до 35 лет (8 103 мужчин и 6 919 женщин).

Как работники органов власти, так и научное сообщество отмечает рост числа разводов. Так, в Иркутской обла-

сти среди молодежи в возрасте от 16 до 35 лет достигло отметки в 11 883 развода, наиболее количество разводов отмечено среди возрастной группы от 25 до 35 лет (2 495 мужчин и 4 971 женщин) [4]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопросы формирования семейных уз имеют наибольшую актуальности среди молодого поколения в возрасте от 25 до 35 лет, формируя отношение к взаимодействию в личном пространстве в аспекте индивидуальных траекторий развития. Факт является тревожным и требует дополнительного анализа как фактор трудовой мотивации работающей молодежи.

Если говорить о рождаемости, то в 2021 году наблюдается спад, если в 2020 году число родившихся в Иркутской области было равно 26 948 детей, то в 2021 году данный показатель достиг отметки в 26 180 детей, то есть число родившихся снизилось на 768 человек [4]. Наибольшее количество новорожденных отмечается среди женщин в возрасте от 14 до 35 лет и доходит до отметки 21 405 человек, что составляет 79,43% от общего числа родившихся [4]. Данный показатель не удивителен, поскольку увеличение возрастного периода жизненного пути молодежи довольно высок.

Говоря о молодежи Иркутской области, важно также провести анализ миграционных показателей. Так, в 2021 году в Иркутскую область прибыло 49 305 человек, в то же время убыло 51 483 человека, то есть миграционная убыль в 2021 году составила 2 178 человек, однако, это в три раза меньше, чем в 2020 году, когда показатель миграционной убыли достиг 7 069 человек [4]. Важно, что в 2021 году миграционная убыль снизилась до минимального значения впервые за 5 лет, что мы объясняем пандемийными эффектами. Также говоря о миграции, необходимо сказать, что большая часть Иркутской области в 2020 году проживает на территории 5 крупных городов региона: Иркутск, Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское и Усть-Илимск [4].

Нами была проанализирована информация о количестве молодежи, за-

интересованной в получении высшего образования. В Иркутской области в 2021 году численность студентов образовательных организаций высшего образования составила – 77 634 человека, количество поступивших студентов в 2021 году достигло отметки в 15 937 поступивших [4]. Число выпускников высших образовательных учреждений в 2021 году составило 12 001 человек, в 2020 году этот показатель был равен 14 383 выпускников [4].

Также стоит отметить, что только 10 студентов защитили кандидатские диссертации и 0 человек защитили докторские диссертации, однако в 2020 году данные показатели составили 159 и 38 человек соответственно [4]. Как можно заметить, в 2021 году молодое поколение в меньшей степени, чем обычно заинтересовано в получении высшего образования и научных знаний, таким образом, мы можем говорить о том, что современное молодое поколение имеет негативное отношение к высшему образованию либо его необходимости и важности при построении жизненного пространства и получении жизненных благ.

Также изучая аспекты жизнедеятельности работающей молодежи Иркутской области, важно провести анализ трудовой деятельности молодого поколения в Иркутской области. Можно выявить в процессе анализа вторичных данных, что изменилась тактика трудоустройства. Кроме формального трудоустройства на основе рекомендаций вуза, приглашения со стороны работодателей и задействование социальных связей своего окружения, при построении векторов занятости молодежи региона обращается в органы власти. Так, за 2021 год 34 874 представителей молодого поколения обратились в органы занятости населения в Иркутской области в возрасте от 14 до 29 лет, в 2020 году данный показатель был равен 49 727 человек [4]. Среди обратившихся представителей молодого поколения 400 выпускников высших учебных заведений и 1 101 выпускников образовательных организаций профессионального образования [4].

Как мы можем заметить, чаще всего в центры занятости региона обращаются выпускники образовательных организаций профессионального образования. За 2021 год центры занятости Иркутской области трудоустроили 22 580 представителей работающей молодежи в возрасте от 14 до 29 лет, что составляет 65% от общего числа обратившихся молодых людей в центры занятости [4]. Тем не менее, органами молодежной политики увеличилось число и направленность мероприятий, формирующих компетентности по поиску работы, в том числе через участие в конкурсах «Моя карьера», сотрудничество для проведения совместных мероприятий с центром «Мой Бизнес» и т.п.

Исходя из результатов анализа данных, представленных в государственном докладе «Молодежь Иркутской области» за 2021 год, можно сделать выводы о том, что на сегодняшний день молодежь менее заинтересована в реализации себя в научной деятельности и редко обращается за помощью в центры занятости для поиска работы. Такие наблюдения позволяют нам сделать выводы о том, что современная работающая молодежь самостоятельно находит себе работу либо в большинстве своем уходит в сферу предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, сегодня молодежная политика, процессы которой начали свое формирование еще в 90-е годы, не в полной мере удовлетворяет интересы современной работающей российской молодежи. Конечно, молодежная политика имеет существенные достижения, однако, в то же время она имеет и определенные все еще нерешенные вопросы. Ключевой проблемой сегодня в деятельности органов молодежной политики является сложность оценки действиям государственных органов по осуществлению целевых программ и отсутствие заметных сдвигов в положении подавляющего большинства молодых людей [6].

Сегодня в процессах реализации проектов молодежной политики часто отмечает тенденция реализации на вы-

ходе определенных важных документов, но в то же время, молодежные программы не выходят за рамки организационных мероприятий. Исходя из современных реалий, деятельность молодежной политики должна быть сосредоточена на нескольких ключевых направлениях, а не охватывать сразу все стороны жизни молодежи [6].

На наш взгляд, на сегодняшний день деятельность молодежной политики должна первоначально быть направлена на поддержку работающей молодежи, так как сама по себе группа работающей молодежи создает определенные локальные объединения по интересам, которые являются важными субъектами молодежной политики. С помощью таких объединений работающая молодежь может создавать и реализовывать проекты в сфере производства, досуга, управления, в дальнейшем продвижения данные проектов может способствовать решению определенных проблем работающей молодежи [6].

Несомненно, многие проблемы работающая молодежь может решать самостоятельно, однако это зависит от уровня ее инициативности и активности. В целом, необходимо отметить, что анализ жизнедеятельности молодежи говорит о том, что современное поколение работающей молодежи не проявляет особо интереса к решению проблем предприятия и повышению своей собственной квалификации. Работающая молодежь на сегодняшний день имеет следующие характеристики: снижение уровня патриотизма и корпоративной культуры, правовая безграмотность, неумение проявить себя, низкий уровень общения молодых людей, нежелание работать по специальности [6].

Положение работающей молодежи говорит о том, что данная группа имеет проблемы в таких сферах как социально-экономическая, производственная и молодежный активизм. Нам видится, что одни из решений данной проблемы является формирования молодежной политики на предприятиях, которая будет направлена на привлечение, удержание и интеграцию молодых спе-

циалистов в рабочую среду. Реализация молодежной политики на предприятиях и в организациях позволит создать необходимые социальные и производственные условия для работы молодых специалистов, позволит им чувствовать себя более уверенно и комфортно, что позволит решать ряд проблем работающей молодежи и сформировать будущих профессионалов.

Литература

1. Андреева М.И. Организация досуга молодёжи в современных условиях: региональный аспект // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям. 2022. С. 366–370.
2. Балабанова Е.С., Эфендиев А.Г., Гоголева А.С. Российская работающая молодежь: стратегии достижения благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 33–52. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.103>
3. Войнов Д.И. Проблемы и перспективы работающей молодежи в Российской Федерации как субъекта гражданского общества // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 94–103.
4. Государственный доклад «Молодежь Иркутской области» 2021 год. Иркутск: ОГБУ «ЦСИУМ», 2022. 251 с.
5. Гуринович Л. А., Решетникова Е.В., Люберцев П.П. Жизненное пространство работающей молодежи // Социология. 2022. № 6. С. 48–65.
6. Халикова С.С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 117–124.
7. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Экспертная оценка социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи // Социология. 2022. № 5. С. 41–54.
8. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.

9. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
10. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.

STUDYING THE ASPECTS OF CHANGING THE LIVING SPACE OF YOUNG PEOPLE

Lyubertsev P.P.
Irkutsk State University

The article is aimed at studying aspects of the life of working youth. As part of the study, a secondary analysis of data on the living conditions of young people in the Irkutsk region was carried out. The most interesting are the data on the relationship between the interests of the working youth of the Irkutsk region and the formation of ideas about living space as a condition for reducing migration needs. The author proposes recommendations aimed at reducing the problems of working youth in the industrial environment.

Keywords: youth, working environment, working youth, young generation, aspects of youth life.

References

1. Andreeva M.I. Organization of youth leisure in modern conditions: a regional aspect // Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations. 2022, pp. 366–370.
2. Balabanova E.S., Efendiev A.G., Gogoleva A.S. Russian working youth: strategies for achieving well-being // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2021. Vol. 14. Issue. 1. S. 33–52. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.103>
3. Voinov D.I. Problems and prospects of working youth in the Russian Federation as a subject of civil society // Theories and problems of political research. 2022. Volume 11. No. 4A. pp. 94–103.
4. State report “Youth of the Irkutsk region” 2021. Irkutsk: OGBU “TSSIUM”, 2022. 251 p.
5. Gurinovich L. A., Reshetnikova E.V., Lyubertsev P.P. Living space of working youth // Sociology. 2022. no. 6. S. 48–65.

6. Khalikova S.S. Life strategies of the Far Eastern youth // Power and management in the East of Russia. 2022. no. 1 (98). pp. 117–124.
7. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V. Expert assessment of the social space of the life of working youth // Sociology. 2022. No. 5. S. 41–54.
8. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life guidelines and strategies of provincial youth // Sociology. 2020. No. 2. P. 117–127.
9. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Studying the life priorities of regional youth: a qualitative analysis // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2020. No. 4. S. 52–59.
10. Polyushkevich O.A. Moral and social identity in pro-social practices // Sociology. 2023. No. 1. S. 79–85.

Семья в контексте социально-демографической политики региона

Мехришвили Ламара Ленгизовна,

заведующий кафедрой Гуманитарных наук и технологий, доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет. Директор, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: mehrishivili@tyuiu.ru

Шестаков Сергей Александрович,

профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: shestakovsa@tyuiu.ru

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера, старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: fshamil@mail.ru

Юдашкин Андрей Валентинович,

аспирант, Тюменский индустриальный университет, младший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: ajelers@gmail.com

рекомендации, направленные на институционализацию репродуктивного поведения семьи, учитывающие как индивидуальные, так и общественные интересы.

Ключевые слова: семья, брак, репродуктивные установки, репродуктивное поведение, демографическая ситуация, социальная политика, регион.

Стремительные трансформации условий современных российских реалий находят отражение, в пересмотре семьями традиционных ценностных установок, изменении форматов жизнедеятельности, корректировке демографических установок и поведения. Это, с одной стороны, детерминирует проблемы неравенств региональных семей, с другой, актуализирует потребность в разработке и апробации новых исследовательских подходов, объясняющих влияние региональных факторов на жизнедеятельность семьи. Статья базируется на исследованиях авторов, методологическую базу которых составляет социокультурный подход к анализу демографических проблем, репродуктивных установок, потребностей и возможностей семей. Эмпирической основой работы служат результаты двух социологических исследований: «Формирование социального портрета семей Тюменской области» и «Факторы, влияющие на мотивацию женщин репродуктивного возраста иметь или не иметь детей», реализованных в 2021 и 2022 году. На основании полученных результатов сформулированы выводы и предложены

Введение

Будучи важнейшим социальным институтом, организующим жизнедеятельность социума, семья довольно чувствительна к изменениям, происходящим в окружающей её среде. Перманентно возникающие социально-экономические перипетии, внешне- и внутривластная неопределённость, а также чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера (пандемия, климатические изменения) формируют у семейного населения тревожность и неуверенность в завтрашнем дне. Реакция на возникающие вызовы и угрозы проявляется в пересмотре семьёй стратегий своего функционирования, ценностей и моделей поведения. Это проявляется, в том числе, в изменении репродуктивных установок [6].

Политика государства по отношению к семье направлена на минимизацию негативных последствий социальной нестабильности, и выстраивается с учётом широкого спектра интересов. Демографический аспект при этом является одним из ключевых. Комплексный государственный подход к решению демографических проблем отражен в ряде нормативных документов и программ, реализуемых в настоящее время в Российской Федерации. Ключевые направления семейно-демографической политики связаны с такими аспектами, как: поддержка молодых семей и семей с детьми, стимулирование рождаемости, сокращение смертности, регулирование миграционных процессов. Сегодня всё более актуализируется потребность в изучении влияния на демографические установки и поведение современных семей региональных факторов и возможности социальной политики отдельных субъектов РФ [12; 19; 25; 26].

Региональная демографическая специфика. Семейная и демографическая специфика Тюменской области характеризуется относительным благополучием, о чём свидетельствуют данные Тюменьстата [22]. За последние 10 лет в области количество семей с детьми увеличилось почти в 1,5 раза и сегодня в регионе их

более 255 тысяч. Сохраняется тенденция увеличения количества семей с 1 ребенком, но последние 3 года фиксируется процесс снижения количества семей с 2 детьми. При этом положительная динамика отмечается в группе многодетных семей (с 3 и более детьми), около 30 тысяч которых на сегодняшний день воспитывают более 107 тысяч детей.

Необходимость комплексного осмысления и решения социально-демографических проблем в Тюменской области способствовала разработке и апробации серии региональных нормативных документов, включающих как фундаментальные аспекты развития Социальной политики региона, реализации Национального проекта «Демография», так и планы мероприятий в рамках государственной стратегии действий в интересах женщин и детей. В дискурсе проблематики целесообразно акцентировать внимание и на «Комплексной программе формирования ценностей семейной жизни среди детей, подростков, молодежи и родительской общественности в Тюменской области» (с 2019 до 2025 года), а также распоряжении Правительства Тюменской области от 27.12.2019 № 1796-рп, включающий целый блок направлений: «Пропаганда семейных ценностей среди детей, подростков и молодежи», «Подготовка молодежи к созданию семьи», «Формирование ответственного родительства, родительской культуры и образования», «Укрепление и развитие семейных традиций. Возрождение национальных семейных традиций», «Повышение квалификации работников социальной сферы в вопросах семейного воспитания», «Пропаганда здорового образа жизни среди детей, молодежи и родителей», «Организация информационной кампании, направленной на укрепление престижа и роли семьи в обществе».

В регионе проводится работа по поддержке семей с детьми, количество выплат ежегодно увеличивается. Доступны более 20 мер социальной поддержки: восемь федеральных и 15 – регионального уровня. В регионе проживают 408 обладателей медали «Материнская слава»

и 106 обладателей медали «Отцовская доблесть». Орденами «Родительская слава» награждены 8 многодетных семей. Расширяется региональная составляющая видов поддержки семей. Так, например, в 2022 году: введено новое пособие детям от 8 до 17 лет; запущены новые меры поддержки для семей военнослужащих в СВО; введены единовременные выплаты семейным парам в связи с юбилейной датой супружеской жизни; реализуются губернаторские региональные выплаты. С целью обеспечения системности в решении вопросов социально-демографических трансформаций в области создана целостная организационная структура, интегрирующая деятельность базовых социальных сфер – здравоохранения, образования, труда и занятости, физической культуры и спорта.

Несмотря на предпринимаемые действия региональных властей, в позитивные тенденции демографической ситуации Тюменской области современные реалии, вносят свои коррективы. Фиксируемое (за последние 8 лет) уменьшение общего количества родившихся, в том числе, первых и вторых детей, имеет, на наш взгляд, как объективные, так и субъективные причины. К числу объективных можно отнести, во-первых, снижение в регионе числа женщин фертильного возраста от 20 до 29 лет. Во-вторых, перманентный экономический кризис, политическая нестабильность, экологические проблемы, социально-медицинские ограничения на фоне общественных эмоций и ожиданий, неуверенность в завтрашнем дне. Субъективные характеризуются трансформациями в репродуктивных установках; изменениями в репродуктивном поведении, а также преобразованиями в основных ценностях и смыслах жизнедеятельности семей.

И если факторы уменьшения числа родившихся мы тезисно обозначили, то причина увеличения числа умерших не требует особого разъяснения – это пандемийный и постпандемийный периоды. Вместе с тем обеспечение прироста сохраняется, но за счет механи-

ческого – миграционных процессов, активизированных в 2021 году. Согласно статистической информации, большинство граждан из других регионов страны, 730 граждан – из стран СНГ, еще 77 из дальнего зарубежья переехали в Тюменскую область.

Методологические основы исследования

Сегодня всё чаще критикуется патерналистский характер отечественной демографической политики, когда решение существующих проблем осуществляется при непосредственном влиянии государства. Жёсткое правовое регулирование, значительные финансовые вливания (зачастую неизбирательные), не позволяют в полной мере преодолевать имеющиеся проблемы [1; 4; 7; 8; 9; 14]. В этой связи сегодня формируется исследовательский интерес к другим факторам, влияющим на репродуктивное поведение семей (например мотивационным: потребности женщин в деторождении), способных дополнить существующую демографическую политику [5, С. 5, 21; 15; 29; 30].

Изучение социокультурных условий как детерминант поведения людей заметно усиливается в практике социального управления, при решении практико-ориентированных задач. Относительно их влияния на поведение и репродуктивные установки семей необходимо учитывать два значимых обстоятельства. Во-первых, важно учитывать региональный социокультурный контекст, в основе которого лежат традиции и нормы, обусловленные исторической, религиозной, социально-экономической и иной спецификой. Это позволяет не только осуществлять научную рефлексию, но и расширяет аналитические возможности изучения факторов влияния на жизнедеятельность семьи [17; 21; 27; 28; 31]. Во-вторых, количественная оценка установок индивидов, составляющих семейное население, даёт возможность осуществлять сравнительный анализ и выявлять закономерности их динамики в ретроспективе [2; 10; 20; 32].

В настоящей работе мы акцентируем внимание на втором аспекте, в связи с чем понятие «социокультурные условия» подразумевает включение как социальных, так и культурных условий функционирования семьи. Данный подход был предложен Н.И. Лапиным и основывается на понимании общества как совокупности культуры и социальности, образуемых деятельностью человека [16, С. 427].

Социокультурные условия функционирования семьи обуславливают особенности её структуры, уровень мобильности, экономическую активность и трудовую мотивацию, репродуктивные установки. Использование в рамках нашего исследования концепта «социокультурные условия» позволило не только оценить основные ценности и смыслы жизнедеятельности семейного населения в демографическом плане, но и выявить потребности семей в контексте разработки мер по развитию региональной семейной политики в целом.

Учитывая, что фокус нашего исследования связан с демографическими аспектами жизнедеятельности семьи, следует подчеркнуть некоторые различия, в понимании демографических установок среди демографов и социологов. В первом случае данное понятие трактуется как «внутренние регуляторы действий и поступков человека, которые на внешнем уровне проявляются в виде определенного поведения в сфере брака и семьи, деторождения, поддержания индивидуального здоровья» [4, С. 133–134]. Во втором – демографическая установка рассматривается через предрасположенность семьи к определенному репродуктивному поведению и характеризуется как процесс, включающий сложный комплекс факторов, влияние которых в конечном счёте приводит, либо не приводит к рождению детей [3; 11; 18; 22].

Методика исследования

Работа базируется на эмпирических данных двух исследований, реализованных при непосредственном участии авторов. Первое – «Формирование со-

циального портрета семей Тюменской области» проведено в 2020–2021 гг. Западно-Сибирским филиалом ФНИСЦ РАН и включало использование трёх методов: анкетного опроса (путём самозаполнения), экспертных интервью и нарративных интервью.

В массовом опросе приняли участие представители семейного населения, имеющие регистрацию на территории Тюменской области. Целевая выборка (N = 1200), была реализована на основе центр-периферийной модели региона и включала опрос в региональной столице – Тюмени (400 чел.), малых городах (200 чел.), а также сельских поселениях: центрального (400 чел.) и периферийного (200 чел.) типа. Отметим, что разработанная региональными исследователями центр-периферийная модель региона [24] позволила продемонстрировать влияние географических факторов на социокультурные условия и репродуктивные установки семей. Серия нарративных интервью с представителями семей (N = 15) дала возможность дополнить данные количественного типа качественными: понять смыслы, вклады, вносимые респондентами в ответы на вопросы анкеты. Определение уникальных и характерных кейсов способствовало выявлению специфики влияния социокультурных условий на установки семей. Экспертные интервью (N = 30) проводились среди представителей органов региональной и муниципальной власти, опытных специалистов в сфере социальной работы, образования, общественных организаций, духовенства, а также других экспертов, прямо взаимодействующих с семьями.

Второе исследование: «Факторы, влияющие на мотивацию женщин репродуктивного возраста иметь или не иметь детей» было проведено в 2021 году по заказу Департамента социального развития Тюменской области. В ходе его реализации было опрошено более 1000 респондентов. Отбор респондентов также осуществлялся на основе центр-периферийной модели, что позволило осуществить сравнительный анализ мнений представителей семей крупных,

средних городов и муниципальных образований Тюменского региона. Цель исследования – получение информации о репродуктивном поведении среди женщин, проживающих на территории Тюменской области. Объектом исследования выступили женщины репродуктивного возраста (18–45 лет), проживающие в Тюменской области. Среди опрошенных, в зависимости от возрастной структуры – от 55 до 65% женщин состоят в официально зарегистрированном браке. Представительниц «гражданского брака» оказалось около 10–12%.

Результаты и их обсуждение

Исходя из заложенных в инструментарию индикаторов и показателей, кратко охарактеризованных в методологическом разделе статьи, исследование демографических установок семей и социокультурных факторов влияния на них осуществлялось на основе отношения к браку, восприятия образа семьи, оценки собственных проблем и возможностей, а также оценки социально-экономических и социокультурных условий для полноценной жизнедеятельности семьи.

Ценности. Выбирая из предложенного списка ценностей, наиболее приоритетные для семей респондентов, оказалось, что традиционные ценности остаются первостепенными. Так, ценность родительства возглавляет рейтинг, она была отмечена 89% респондентов. Результаты других исследований подтверждают наши данные [13, 22]. Полученный результат оказался схожим практически во всех типах населённых пунктах, охваченных опросом. Исключение составили лишь отдалённые сёла. Если в областной столице, городах и сельских поселениях центрального типа различия составили лишь доли процентов, периферийные сёла отличились на несколько процентов (85%). Такие различия, которые в принципе, незначительны, можно объяснить возрастными характеристиками населения, проживающего на отдалённых территориях. Для респондентов старших возрастов, составляющих значительную часть периферии, ценность детей может быть менее актуальна.

Другие ценности, составившие десятку наиболее приоритетных следующие: Взаимопонимание (65,3%), Уважение (57,2%), Поддержка, забота (48,7%), Доверие (46,9%), Любовь (45,3%), Верность (35,0%), Честность (33,4%), Ответственность (32,8%). В опросе женщин, к наиболее значимым ценностям респонденты отнесли «счастливая и дружная семья», в которой преобладают не столько «любовь», сколько «уважение друг к другу».

В ходе нарративных интервью респонденты также отмечали высокую ценность детей: «семья не может считаться полноценной без детей», «дети закрепляют узы брака». Часть респондентов отмечала, что наиболее важными являются «гармоничные взаимоотношения, желание совместного времяпрепровождения». Приоритет экономических ценностей зачастую аргументировался через «необходимость зарабатывать средства для обеспечения семьи и детей». А в ряде случаев участники интервью указывали, что «карьера, личная независимость – ценности современных молодых семей», а «равноправие приобретает большое значение, как и самореализация».

Официально зарегистрированный брак, как институциональный способ упорядочивания отношений супругов и формальный механизм регламентации поведения людей в рамках семейных отношений сегодня теряет свою ценность. В рамках нашего исследования он замыкает десятку наиболее приоритетных ценностей и предшествует группе «эгалитарных» ценностей, характеризующих равноправие и приоритет прав личности в семье. Ценность брака была отмечена лишь каждым пятым опрошенным (22%). В исследовании женщин брак как обязательное условие для воспитания детей выделили в среднем только от 70 до 75% опрошенных женщин. Наименьшее его значение (мене 70%) было зафиксировано в ответах респондентов в возрасте от 41 до 45 лет.

Тенденция к снижению роли брака и распространение незарегистрированных отношений нашла отражение

и в оценках экспертов. К числу основных причин они относили отсутствие серьёзных барьеров для расторжения брака (как формальных, так и социально-нормативных) и высокую общественную лояльность к разводам. Также в ответах экспертов упоминался и индивидуализм, когда нежелание подчинять собственные интересы интересам партнёра (даже несмотря на наличие детей) воспринимается людьми как их неотъемлемое право. В числе других причин упоминались «экономическая независимость женщин», «увеличения возраста вступления в брак», «стремление к материальным ценностям, финансовой независимости и построению карьеры».

Количество детей. Значимость демографических установок по отношению к детям оценивалась в нашем исследовании, через показатели реального числа детей в семьях респондентов, планируемое число детей, а также представления об идеальном количестве детей, которое должно быть в семье. Исследование показало, что почти половина опрошенных семей (49%) воспитывает двух детей. Трое детей у 29% участников опроса, а один – у 22%. Большая часть семей (60%) считают достаточным количеством имеющихся детей и не планируют появления новых. Приблизительно равные доли ответивших полагаются на случай (15%) или планируют одного ребёнка (14%), а ориентируются на рождение двух и более детей чуть менее 4% респондентов. Остальные участники затруднились с ответом на этот вопрос.

Изучение таблиц сопряжённости показало, что появление новых детей не планируют семьи, в которых уже есть двое или трое. Семьи, где есть только один ребёнок, распределены следующим образом: планируют одного – 27%, полагаются на случай – 21%, а вовсе не планируют детей – 39%. Отдельно следует отметить, что трёхдетные семьи планируют рождение новых детей чаще, чем двухдетные.

Представления об идеальном количестве детей приблизительно в равной степени распределены между теми, кто считает, что их должно быть двое (38%)

и трое (41%). Четыре ребёнка в семье как идеал воспринимает 9% опрошенных – к ним чаще относятся жители периферийных сельских поселений. Количество тех, кто считает идеальной бездетную семью или семью с одним ребёнком в совокупности составляет менее 1%, а доля затруднившихся с ответом – 11%.

Комментируя сложившуюся ситуацию, связанную с мотивацией современных семей на деторождение, ряд экспертов отметили, что возникла противоречивая ситуация, когда рост уровня дохода и образования, не только не способствует увеличению численности семьи, но, наоборот, является фактором снижения. Обеспеченные и образованные супруги, несмотря на существующие возможности заводить и воспитывать детей предпочитают развивать карьеру и заниматься личностным ростом. Результаты нашего исследования подтверждают экспертную точку зрения и демонстрируют противоречия между декларируемыми ценностями и реальным поведением – фактически дети для всех самая главная ценность, но никто не спешит их заводить. Таким образом анализ полученных результатов отразил определенное противоречие между отношением к детям как к ценности и реализацией демографических установок семей.

Факторы планирования детей. Для оценки проблем, препятствующих рождению большего количества детей в семье, респондентам была дана возможность в анкете оценить каждый из 18 предложенных вариантов по четырёхбалльной шкале: от «не влияет» до «сильно влияет».

В блоке проблем, условно отнесённой к семейной сфере, сильное влияние чаще всего оказывали такие факторы, как состояние здоровья супруга/супруги (19%), а также отсутствие супруга/супруги (19%). Следующая тройка причин с примерно одинаковым рейтингом, связана с отсутствием уверенности в необходимости ещё одного ребенка (13%), неуверенностью в прочности брака (12,5%), а также желанием супруга подождать с заведением новых детей (12%).

Наименее значимые факторы в рассматриваемом блоке, это – маленький возраст имеющихся детей (7%), желание пожить для себя (7%) и отсутствие надежды на помощь родственников (5%).

В профессиональной сфере чаще всего упоминалась необходимость найти более высокооплачиваемую работу (15%), трудности совмещения работы с уходом за детьми (8%), стремление к карьере и нежелание оставлять работу (5%), а также необходимость закончить образование (6%). Наиболее часто отмечались проблемы в блоке, связанном с материальным положением: 23% указывали на сильное влияние отсутствия материальных возможностей, 21% на плохие жилищные условия, либо отсутствие жилья, а 20% на закредитованность. Реже всего респонденты указывали на значимость проблем, затрудняющих доступ к инфраструктуре (Плохие: транспорт, медицинское и бытовое обслуживание) (9,4%), а также сложности с устройством в детский сад (7,5%).

Рассуждая о реализации репродуктивных установок семей, эксперты отметили ещё одну важную тенденцию – снижение имиджа многодетной семьи. Отмечалось, что зачастую многодетные семьи ассоциируются с социальными проблемами, финансовым неблагополучием, дефицитом внимания к детям, невозможностью дать им хорошее образование. Такое неоднозначное отношение, как выяснилось, характерно не только для широких масс населения, но и представителей власти и социальных учреждений: образования, здравоохранения, соцзащиты. Часто их относят к «социальным иждивенцам», неспособным самостоятельно решать свои проблемы.

В другом опросе, объектом которого выступили женщины репродуктивного возраста, также был блок вопросов, посвящённый принятию решения о рождении ребенка. Здесь на первый план вышли материальная стабильность, доступность качественной медицинской помощи и фактор наличия брака и полной семьи. Вторую группу стимулов составили уверенность в завтрашнем дне, а также возможности обеспечить семью

жильём и детей качественным образованием. Таким образом можно констатировать весомость влияния социально-экономических факторов на принятие решения о рождении в семьях детей.

Выводы и рекомендации

Результаты проведённых нами исследований свидетельствуют о сформированности региональной системы поддержки семьи, однако принимаемые меры не способствуют реализации репродуктивного потенциала современных семей. Учитывая, что демографические установки реализуются не только под воздействием институциональных факторов, но и в следствии ситуативных практик, важна их наполненность субъективными значениями. Только в этом случае она может стать для семьи нормативной ценностью. В этой связи, семью следует рассматривать не только как актор, пассивно воспринимающий внешние влияния, но активно воздействующий на ситуацию, возникающие в окружающей среде. С учётом такого подхода репродуктивные установки семьи проявляются через трансляцию имеющихся возможностей на окружающую реальность. С учётом вышесказанного можно предложить следующие направления развития региональной семейной политики.

Во-первых, региональным органам власти, необходимо не только решать проблемы социально уязвимых категорий семей и тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации, но учитывать интересы полноценных семей, способных решать свои проблемы самостоятельно.

Во-вторых, для поддержания стабильности функционирования региональных семей целесообразна разработка регионального «индекса социального положения семьи», отражающего уровень её автономности при реализации своих основных функций. Каждой индексной группе при этом должен соответствовать определённый набор мероприятий социальной поддержки, учитывающий различные варианты кризисных ситуаций семей.

В-третьих, большое значение имеет информационная работа – расши-

рение публичного пространства семьи. Включённость семей во взаимодействие с властью, общественными организациями, СМИ и другими институтами будет способствовать трансляции и тиражированию важных для социума ценностей (в т.ч. демографических).

В-четвёртых, в контексте предыдущего пункта важно создавать и развивать форматы сетевой терапии посредством семейных советов, групп поддержки семьи с привлечением специалистов. Одним из акцентов работы таких сообществ должна стать реализация демографических установок семей.

В целом, исследование показало, что понимание качественного разнообразия путей формирования демографических установок и их социокультурных особенностей должно сочетать в себе два аспекта. Учёт ценностей современных семей, их мотивов и социально-ориентированной политики региональных властей. Такой подход, на наш взгляд, будет способствовать решению демографических проблем.

Литература

1. Аитова Ю.С. Анализ государственной политики России в сфере регулирования демографических процессов // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/26ECVN619.pdf>.
2. Актуализированные ценности современного российского общества: монография / отв. ред. И.А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.
3. Антонов А.И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи / отв. ред. А.И. Антонов. М.: ИС РАН, 1992. С. 11–27.
4. Антонов Г.В. Демографические установки населения и факторы их формирования // Научный диалог. 2013. № 1 (13): История. Социология. Экономика. С. 133–153.
5. Архангельский В.Н., Бардакова Л.И., Безвербный В.А., Воробьева О.Д., Доброхлеб В.Г., Иванова А.Е., Кучмаева О.В., Молодикова И.Н., Осадчая Г.И., Письменная Е.Е., Ростовская Т.К., Рязанцев С.В., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Храмова М.Н. Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад / В.Н. Архангельский, Л.И. Бардакова, В.А. Безвербный [и др.]; Под ред. С.В. Рязанцева; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД Перспектива, 2021. 200 с.
6. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: [монография] / В.К. Левашов [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.
7. Гладков А.В. Проблемы государственного регулирования социально-демографического развития регионов в РФ // Молодой ученый. 2018. № 47 (233). С. 222–225.
8. Гокова О.В. Пронаталистская политика с позиции политической социологии // Известия СПбГЭУ. 2017. № 6 (108). С. 140–144.
9. Гончарова Н.П. Демографическая политика в современной России: особенности реализации и методики оценки результативности: монография / Н.П. Гончарова, А.А. Еремин, Е.В. Тарасова. Москва; Берлин: ДиректМедиа, 2020. 135 с.
10. Готово ли российское общество к модернизации? под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. 2014. М.: Весь МИР. 344 с.
11. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
12. Калабаева Ж.А. Место социокультурных факторов в исследованиях демографических процессов // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16. С. 126–131.
13. Костина С.Н., Зайцева Е.В., Банных Г.А. Дети как ценность: современные подходы в фамилистике // ВЭПС. 2019. № 3. С. 117–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti>

- как-tsennost-sovremennye-podhodyv-familistike (дата обращения: 14.08.2023).
14. Кочубей З.К. Роль государства в области демографической политики: на примере Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2000. 26 с.
 15. Кузьмин А. И. Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 4. С. 62–69.
 16. Лапин Н.И. Социокультурный подход // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энц. словарь. М.: Республика, 2001. С. 427.
 17. Лебедева Н. М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Гос. ун-т – Высшая школа экономики. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
 18. Медкова Д.В. Семейные ценности как объект социологического анализа // Ломоносовские чтения. 2003. Т. 2. С. 110–115.
 19. Салимова А.Г. От человека к человечеству: демографический вызов традиционным семейным ценностям / А.Г. Салимова // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8 (110) Часть 3. С. 197–202.
 20. Смирнов Л.М. Эмпирическое изучение базовых ценностей. Мир России, 2010. 11 (1). С. 166–183.
 21. Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России. – Россия реформирующаяся: ежегодник (отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 12. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 110–126.
 22. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу <https://72.rosstat.gov.ru/>
 23. Черникова В. Е., Мазаева Н.И. Динамика семейных ценностей: от традиционных до постсовременных // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 267–275.
 24. Шелудков А.В. Сельские муниципалитеты Тюменской области: пространство, статистика, власть / А.В. Шелудков, С.В. Рассказов, Ш.Ф. Фарухудинов. М.: Страна ОЗ, 2016. 184 с.
 25. Якунин В.И. Роль государства в преодолении демографического кризиса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2008. № 5. С. 6–13.
 26. Ян Цзюньхун, Чжан Сяолин. К вопросу о реализации идеи создания города, благоприятного для жизни женщин (на примере Шанхая) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9. С. 81–85.
 27. Полюшкевич О.А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. 2019. С. 221–228.
 28. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
 29. Cherlin A. (1984). Family policy and family professionals. Journal of Family Issues, 5, 155–159.
 30. Demeny P. (2003). Population Policy: A Concise Summary. In P. Demeny, G. McNicoll (Eds.). International Encyclopedia of Population. New York: Macmillan Reference. Policy Research Division Working Papers, www.popcouncil.org/publications/wp/prd/rdwplist.html.
 31. Greif A. Cultural beliefs and the organization of society: A historical and theoretical reflection on collectivist and individualist societies // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102. No 5. P. 912–950.
 32. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does culture affect economic outcomes // Journal of prospective. 2006. Vol. 20. No 2. P. 23–48.

FAMILY IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY OF THE REGION

Mekhrishvili L.L., Shestakov S.A., Farakhutdinov Sh.F., Yudashkin A.V.

Tyumen Industrial University; Institute for the Development of the North

The rapid transformation of the conditions of modern Russian realities is reflected in the revision by families of traditional values, changing formats of life, adjusting demographic attitudes and behavior. This, on the one hand, determines the problems of inequality of regional families, on the other hand, actualizes the need for the development and testing of new research approaches that explain the influence of regional factors on the life of the family. The article is based on the research of the authors, the methodological basis of which is the socio-cultural approach to the analysis of demographic problems, reproductive attitudes, needs and opportunities of families. The empirical basis of the work is the results of two sociological studies: "The formation of a social portrait of families in the Tyumen region" and "Factors influencing the motivation of women of reproductive age to have or not to have children", implemented in 2021 and 2022. Based on the results obtained, conclusions are formulated and recommendations are proposed aimed at institutionalizing the reproductive behavior of the family, taking into account both individual and public interests.

Keywords: family, marriage, reproductive attitudes, reproductive behavior, demographic situation, social policy, region.

References

1. Aitova Yu.S. Analysis of the state policy of Russia in the sphere of regulation of demographic processes // *Bulletin of the Eurasian Science*. 2019. No. 6. Access mode: <https://esj.today/PDF/26ECVN619.pdf>.
2. Actualized values of modern Russian society: monograph / *otv. ed. I.A. Khaliy*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2015. 273 p.
3. Antonov A.I. The crisis of family and parenthood // *Problems of parenthood and family planning / otv. ed. A.I. Antonov*. M.: IS RAN, 1992. S. 11–27.
4. Antonov G.V. Demographic attitudes of the population and factors of their formation // *Scientific dialogue*. 2013. No. 1 (13): *History. Sociology. Economy*. pp. 133–153.
5. V. N. Arkhangelsky, L.I. Bardakova, V.A. Bezverbny, O.D. Vorobieva, V.G. Dobrokhleb, A.E. Ivanova, O.V. Kuchmaeva, and I.N. Molodikova, Osadchaya G.I., Pismennaya E.E., Rostovskaya T.K., Ryazantsev S.V., Sabgaida T.P., Semenova V.G., Khramova M.N. Demographic development of the post-Soviet countries (1991–2021): trends, demographic policy, prospects. Analytical report / V.N. Arkhangelsky, L.I. Bardakova, V.A. Bezverbny [and others]; Ed. S.V. Ryazantsev; FNISC RAS. M.: ITD Perspektiva, 2021. 200 p.
6. Challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021: [monograph] / V.K. Levashov [and others]; *resp. ed. V.K. Levashov, G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya*; FNISC RAS. M.: FNITS RAN, 2021. 558 p.
7. Gladkov A.V. Problems of state regulation of socio-demographic development of regions in the Russian Federation // *Young scientist*. 2018. No. 47 (233). pp. 222–225.
8. Gokova O.V. Pronatalist politics from the standpoint of political sociology // *Proceedings of St. Petersburg State University of Economics*. 2017. No. 6 (108). pp. 140–144.
9. Goncharova N.P. Demographic policy in modern Russia: features of implementation and methodology for assessing performance: monograph / N.P. Goncharova, A.A. Eremin, E.V. Tarasova. Moscow; Berlin: DirectMedia, 2020. 135 p.
10. Is Russian society ready for modernization? ed. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonova. 2014. M.: All MIR. 344 p.
11. Gurko T.A. Marriage and parenthood in Russia. M.: Institute of Sociology RAS, 2008. 325 p.
12. Kalabaeva Zh.A. The place of socio-cultural factors in the study of demographic processes // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2010. No. 16. P. 126–131.
13. Kostina S.N., Zaitseva E.V., Bannykh G.A. Children as a value: modern approaches in familistics // *VEPS*. 2019. № 3. pp. 117–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-kak-tsennost-sovremennyye-podhody-v-familistike> (date of access: 08/14/2023).
14. Kochubey Z.K. The role of the state in the field of demographic policy: on the example of the Russian Federation: abstract of dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2000. 26 p.

15. Kuzmin A.I. Socio-economic factors of fertility in the light of the concept of demographic transition. 2013. No. 4. P. 62–69.
16. Lapin N.I. Socio-cultural approach // Russian civilization: ethno-cultural and spiritual aspects: ents. dictionary. M.: Respublika, 2001. S. 427.
17. Lebedeva N. M., Tatarko A.N. Values of culture and the development of society. M.: State. un-t – Higher School of Economics. Ed. House of State University Higher School of Economics, 2007. 527 p.
18. Medkova DV Family values as an object of sociological analysis // Lomonosov Readings. 2003. V. 2. S. 110–115.
19. Salimova A.G. From man to mankind: a demographic challenge to traditional family values / A.G. Salimova // International Scientific Research Journal. 2021. No. 8 (110) Part 3. S. 197–202.
20. Smirnov L.M. Empirical study of basic values. World of Russia, 2010. 11 (1). pp. 166–183.
21. Tikhonova N.E. Social Modernization and Perspectives of Cultural Dynamics in Russia. – Russia in reform: yearbook (responsible editor M.K. Gorshkov. Issue 12. M.; St. Petersburg: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Nestor-Istoria, 2011. P. 110–126.
22. Office of the Federal State Statistics Service for the Tyumen Region, the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug <https://72.rosstat.gov.ru/>
23. Chernikova V. E., Mazaeva N.I. Dynamics of family values: from traditional to post-modern // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2019. Volume 8. No. 1A. pp. 267–275.
24. Sheludkov A.V. Rural municipalities of the Tyumen region: space, statistics, power / A.V. Sheludkov, S.V. Rasskazov, Sh.F. Farakhutdinov. M.: Strana OZ, 2016. 184 p.
25. Yakunin V.I. The role of the state in overcoming the demographic crisis // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2008. No. 5. pp. 6–13.
26. Yang Junhong, Zhang Xiaoling. To the question of the implementation of the idea of creating a city favorable for the life of women (on the example of Shanghai) // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. No. 9. S. 81–85.
27. Polyushkevich O.A. Family history and identity // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small motherland. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Managing editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. 2019. S. 221–228.
28. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // Sociology. 2019. No. 3. S. 88–92.
29. Cherlin A. (1984). Family policy and family professionals. Journal of Family Issues, 5, 155–159.
30. Demeny P. (2003). Population Policy: A Concise Summary. In P. Demeny, G. McNicoll (Eds.). International Encyclopedia of Population. New York: Macmillan Reference. Policy Research Division Working Papers, www.popcouncil.org/publications/wp/prd/rdwplist.html.
31. Greif A. Cultural beliefs and the organization of society: A historical and theoretical reflection on collectivist and individualist societies // Journal of Political Economy. 1994 Vol. 102. No 5. P. 912–950.
32. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does culture affect economic outcomes // Journal of prospective. 2006 Vol. 20. No. 2. P. 23–48.

Гендерные аспекты региональной политики занятости: на примере Иркутской области

Москвитина Наталья Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: nata.likm@mail.ru

В статье проводится анализ особенностей реализации гендерной политики занятости в России. Выделяются особенности гендерной политики занятости на региональном уровне, анализируются проблемы в Иркутской области. Представленный анализ выступает маркером социального моделирования гендерного мониторинга занятости и регулирования рынка занятости в региональном социуме.

Ключевые слова: гендер, занятость, политика занятости, региональная политика.

Для общества труд несёт главную функцию в сфере дальнейшего процесса развития на современном уровне, помимо этого оказывает большое влияние на степень прогресса в мировом обществе. Но процессу занятости противостоит процесс безработицы, который весьма отрицательно сказывается не только на обществе, но и на человеке, его семье, тем самым воздействуя на базовые потребности, не говоря уже о большем. В дальнейшем это ведёт к напряженности на рынке труда, соответственно уровень экономики стремится вниз.

В современном мире в попытке привести всё к глобализации вопрос занятости и безработицы стоит не на последнем месте для всего мира. Постоянно изменяющаяся экономика государства имеет большое значение для рынка труда, поэтому одной из задач государственной политики является регулирование занятости населения. Не будем забывать, что основой заработной платы является занятость населения, которая есть и будет первостепенным источником дохода, что в свою очередь ведёт к увеличению спроса товаров и услуг, а именно к повышению национального дохода.

Политика занятости должна работать со всеми слоями населения. Но особое внимание надлежит уделять гражданам, находящимся в группе риска, а именно инвалидам, сиротам и т.д., и отдельной категории – женщинам, неузвимость в получении ими дохода, притеснение по факту этих вопросов. Особую проблему вызывает дискриминация женщин по полу, возрасту, семейному положению, политическим взглядам. Для того чтобы этого избежать необходимо проводить политику занятости при взаимодействии с экономической и социальной сферой для достижения полной, объективной и свободной занятости.

Заметный интерес анализа занятости женщин на рынке труда был про-

явлен в XX столетии, а вызван он тем, что именно в XX веке женщины вышли за пределы семейной жизни и вполне успешно начали проявлять себя в трудовой и общественной жизни, тем самым достигнув для себя некой самостоятельности и независимости, изменив суть отношений «мужчина-женщина».

Проблемы для женской занятости возникали каждые десять лет XX века. Развал СССР, экономические ямы и те проблемы, которые возникали последние десять лет ушедшего столетия смогли повлиять на женскую занятость и тот прогресс которого добились ранее сменился на противоположную тенденцию, выявив сложность и неоднозначность данного процесса. Благодаря данному процессу смогли выявить, что без законодательной базы и развитой социальной сферы вопрос женской занятости не приведёт к повышению экономической активности женщин без конфликтов. Российское общество не стоит на месте развивая социальные процессы, тем самым обостряя социальные отношения между полами и между тем выступая детерминантом к гендерной проблематике.

Актуальность для Иркутской области вызвана тем, что существуют неравенства в средней заработной плате у мужчин и женщин, затруднение для поиска работы для женщин предпенсионного возраста, существуют несоответствие спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

Гендерные аспекты региональной политики занятости

Проблема занятости населения является одной из ключевых проблем экономического развития и отражает общее состояние экономической системы страны, в частности ее эффективность. Проблема занятости приводит к негативным социальным тенденциям, таким как:

- рост бедности;
- снижение социального обеспечения большинства населения.

Занятость – это трудовая деятельность, в которой трудится население страны, в том числе граждане, кото-

рые проходят службу в войсках, ведут домашнее хозяйство или ухаживают за престарелыми людьми и детьми.

Рассмотрим термин «занятость» в экономической и социальной сфере.

Занятость в экономике рассматривается как система показателей, показывающее:

- как активная часть населения вовлечена в общественное производство;
- баланс или дисбаланс предлагаемых рабочих мест и соответственно трудовые ресурсы;
- социально-экономические запросы населения растут соответственно занятость должна соразмерно соответствовать.

В контексте социально-экономического явления занятость является деятельностью приносящая доход (заработок) гражданам, тем самым в полной мере удовлетворяя потребности и запросы не только человека, но и общества в целом. [2]

В то же время понятие занятость носит социальный характер. Если рассматривать с точки зрения социологии, то занятость – это не только деятельность, приносящая доход, но она и помогает самовыражаться в обществе и при этом занятость должна удовлетворять потребность при социально-экономическом развитии. Потребность в оплате труда, приоритетные сферы общественной деятельности, мера трудоустройства, потребность в трудоустройстве, выбор профессий и мест работы, – всё это складывается как результат социальной ориентации человека в обществе.

Цели государственной политики в сфере труда и занятости:

- повышение уровня занятости;
- экономическое развитие населения за счет развития малого и среднего предпринимательства;
- сдерживать рост безработицы из-за негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса в социально-экономической сфере;
- содействовать продуктивной занятости молодёжи.

В соответствии с поставленными целями основные задачи в сфере занятости:

- повышение квалификации и конкуренции рабочей силы, организация подготовки профессий, соответствующих потребностям трудового рынка;
- установление баланса спроса на рабочую силу и предложения;
- дальнейшая инициатива по развитию предпринимательской деятельности, стимулирование создания новых рабочих мест;
- проведение мероприятий активной занятости рынка труда оказание поддержки частным организациям, оказывающим услуги по оказанию временного труда;
- содействие молодежи в занятости;
- обеспечение социальной гарантии гражданам, которые потеряли работу;
- эффективное расходование бюджетного финансирования, привлечение внебюджетных источников финансирования для реализации активных программ занятости.

Реализация политики занятости согласно поставленным целям и задачам позволит улучшить уровень зарегистрированной безработицы в социально приемлемом виде.

Различают пассивную и активную политику занятости.

В пассивной политике государство основную роль берёт на себя и согласует условия трудящегося и работодателя на рынке труда. В данной политике государство является гарантом минимального уровня существования посредством выплат пособия безработным.

Государство в активной политике играет роль лишь посредника, так как предоставляет для граждан все условия для занятости, посредством повышения конкурентоспособности путём обучения, повышения квалификации, содействия самозанятости и это для того, чтобы здоровый человек сам позаботился о обеспечении своей семьи, а также для своего личностного роста. В большей степени данная политика мотивирует граждан на поиски нового места работы и только после этого поддерживает людей, кото-

рые потеряли работу. Положительных сторон в активной политике государства несколько, это в первую очередь уменьшает затраты бюджета, ограничивает зависимость от выплат социальных пособий, снижает напряженность общества и повышает рабочую производительность.

В активную политику входят:

- помощь в поиске нового места работы;
- профориентацию;
- помощь в переподготовке;
- развитие самозанятости;
- организацию общественных работ;
- профессиональное консультирование и др.

Политика в сфере занятости населения:

- использование гибких форм занятости в государственных и неправительственных секторах и т. д.;
- для осуществления программ поддержки молодых работников (могут быть созданы специальные организации, привлекающие молодых специалистов на работу);
- формирование самозанятости народа. Самозанятость населения является специфической формой экономического предпринимательства. Её суть заключается в том, что гражданин сам приобретает источник дохода, который обеспечивает достойное существование в результате экономического направления деятельности, не нарушающего законов страны.
- оказание трудовых пособий, не направленных на прибыль, а направленных на работу, направленную на интересы общества, например, работа в сфере охраны окружающей среды, и так далее;
- организация подготовки, переподготовки персонала. Такая служба общества и страны очень сильно связана с развитием экономической науки. Она должна гарантировать повышение квалификации специалистам, обучение их именно профессиям, которые не удовлетворяют спрос;
- помощь устройству безработного с поддержкой биржевого труда для безработных.

Современное экономическое развитие нашего государства характеризуется активным поиском способов решения экономической проблемы региона. И, в связи с этим, региональная политика занятости на первом плане. Нужно признать, что в настоящее время политика занятости в регионах малоэффективна, не имеется достаточных научных и методологических оснований.

Различные экономические школы предлагают целый ряд взглядов на государственное регулирование занятости. Выявление различных подходов к определению политики в области занятости позволяет раскрыть понятие регионального подхода к вопросу занятости, который в настоящее время остается вопросом дискуссионного характера. Многие экономисты считают, что нужно дифференцировать категории «политика регионального рынка труда».

Региональный рынок труда должен влиять на работодателей – собственников рабочих мест – для того, чтобы привлекать высококвалифицированную рабочую силу региона, тем самым начиная развитие производственного процесса на региональном рынке труда.

В ближайшее время основные задачи региональной политики в области занятости являются:

- перевод высвобождаемых работников на развивающиеся отраслевые предприятия, организация профессиональной подготовки кадров на новые прогрессивные производства;

- защита трудовых прав сотрудников несостоятельного предприятия, эффективное содействие гражданам, потерявшим работу, профессиональная переориентация.

Исходя из вышесказанного можно вывести понятие «региональная политика занятости», это политика региона, которая позволяет оказывать влияние на трудовые ресурсы и рабочие места, на те факторы, которые позволяют влиять на создание и применение. Помимо этого, не будем забывать о регулировании трудового рынка, задачах, которые поставлены для регулирования занятости населения, проблемах, которые будут связаны с недостатком рабочих мест, формированием эффективной структуры и повышением рабочего благосостояния.

Можем сказать, что, регулирование трудовой сферы является процессом возникшем на федеральном уровне, затем на региональном, а после на местном и это для того, чтобы сформировать свои рычаги воздействия на трудовую сферу для достижения поставленных целей. В следствии для каждого субъекта РФ должны формироваться индивидуальные цели, задачи, принципы и т.д. при учёте особенностей региона.

Теперь мы можем выявить совокупность инструментов политики занятости на трёх уровнях власти, в том числе экономических, организационных, институциональных и информационных рычагов, систематизирован в таблице 1.

Таблица 1

Организационные инструменты	Экономические инструменты	Институциональные инструменты	Информационные инструменты
1. Государственная политика является основой для создания региональной политики занятости; 2. Для создания новых рабочих мест нужна поддержка предпринимательства т.е. разработка местных программ; 3. Координация территориальных и местных органов службы занятости.	1. Обеспечение финансирования местных целевых программ занятости населения, в том числе поддержка предпринимательства.	1. Нормативно-правовое обеспечение региональной политики занятости.	1. Информационное обеспечение деятельности органов занятости региона.

Система инструментов регионально-го регулирования занятости населения

В большинстве случаев полномочия региональных властей ограничиваются организационными и информационными рычагами давления на трудовые отношения, что дает возможность сформировать в этой сфере собственную региональную политику.

Гендер – это культурологическая характеристика поведения, соответствующая полу в данном обществе в данное время

Гендерное неравенство – отсутствие равных прав, равной ответственности и равных возможностей мужчин и женщин.

В государственной политике так же есть пункт по равенству гендера и соответствующая поддержка для уязвимой категории граждан, в нашем случае это женщины, для них поддержка оказывается в виде выплат различных пособий для проживания минимального уровня жизни, содействие трудоустройства посредством переобучения, повышения квалификации, прохождения курсов и содействия самозанятости. В случае прохождения курсов, повышении квалификации, обучения бизнесу и т.д. в рамках государственных мер предоставляется социальные учреждения и организации. Но в действительности эти меры не всегда влияют в положительном ключе, а именно не выполняются в должном объеме, тем самым снижая конкурентоспособность женщин на рынке труда, поэтому проблемы женской безработицы были и будут актуальны.

На рынке труда существует проблема разногласия между институциональными основами гендерного равноправия и реальностью в повседневной жизни. Также существует внутри институциональная разница: между нормативными и правовыми институтами, на одной стороне, на другой – институтами обычаев и традиций.

Женщины требуют большего внимания, потому что выполняют функцию продолжения рода, соответственно развитие общества, тем самым относятся к группе нуждающихся в огромной со-

циальной поддержки. Именно данный фактор как рождение ребёнка снижает равные условия по поиску подходящей работы, по сравнению с мужчинами. Перерыв в работе, отпуск по уходу за ребёнком, больничные отражаются на работе женщин. Тем самым женщины уменьшают время необходимое для того, чтобы стать сформированной личностью и повысить профессиональные знания. Позже профессиональный рост женщины может ограничиваться такими событиями, как обслуживание потребностей семьи, уход за престарелыми родственниками, воспитание детей, быт. Но никто не оплачивает данный труд, поэтому средний разрыв именно «неоплачиваемого труда» составляет 2,5 часа по сравнению с мужчинами. В России же данный показатель равен 3,5 часам в следствии у женской половины населения прослеживается низкая конкурентоспособность.

Женщины на рынке труда решают либо создавать семью, либо строить карьеру, потому что материнство – один из факторов, определяющих неблагоприятное положение женщин на рынке труда. Совместить семейную и профессиональную жизнь для женщин и работодателей является сложной задачей.

На 2022 г уровень безработных женщин составил 4%, что выше уровня безработицы мужчин 3,7%. Средний уровень безработных в возрасте 15 лет и старше в сентябре 2022 года составил 36 лет. Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 23,7%, лица в возрасте 50 лет и старше – 18,1%, лица, не имеющие опыта трудовой деятельности – 30,8% [1] (рис. 1).

За 2022 год в Российской Федерации выделили «чисто женские» сферы труда, в тройке самых многочисленных оказалось образование, всё что связано с медициной и социальное обеспечение – в этих отраслях численность женщин в качестве работников составляет 79,9%. Далее большая численность женщин занимается рабочие места в сфере гостиничного дела и общественных предприятий- 66,0%. И тройку по многочисленности женского пола как сотруд-

ника занимает сфера культуры, спорта, организация отдыха и развлечения – 61,6%. Теперь рассмотрим сферы, в которых численность женщин маленькая, к таким относится строительство 16,5%, высокооплачиваемая сфера – добыча

полезных ископаемых 18,3% и обеспечение электрической энергией, газом и паром 29,4%. Связанно это с тем, что перечисленные выше сферы запрещены для использования труда женщин для защиты здоровья женщины. [1]

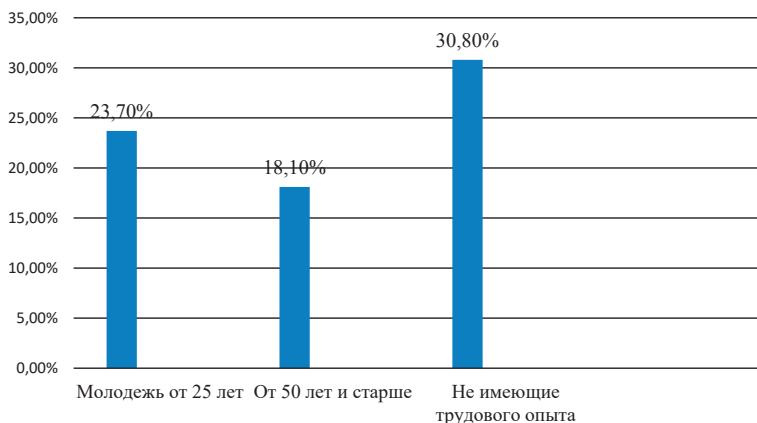

Рис. 1. Возрастной диапазон безработных граждан, (%)

После того как рассмотрели сферы деятельности по количеству работающих женщин, теперь проанализируем по оплате труда. По уменьшению заработной платы женщин в 2019 году лидирует добыча полезных ископаемых – 61 246 тыс. руб. Второе место занимает по критерию оплаты труда деятельность профессиональная, научная и техническая – 55 187 тыс. руб. и замыкает тройку лидеров- работа в области информации и связи 53 887 тыс. руб. Теперь пройдемся по низким показателям заработной платы- 32 269 тыс. руб. зарабатывает сотрудник водоснабжения, водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, заработная плата в сфере сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства у женщин составляет- 31 120 тыс. руб. и самая распространенная сфера труда у женщин образование с оплатой труда 31 355 тыс. руб.

Так, сложившееся в практике российской экономики неравенство между мужчиной и женщиной обусловлено как гендерным характером занятости, так и особенностями самых видов предпринимательской деятельности, в частности, сформировались традиции в гра-

дации средней зарплаты в отраслях экономики.

Проблема заключается в том, женщины уходя в отпуск по уходу за ребенком долго не могут выйти на рынок труда и даже если это получается, то они менее мобильны к изменениям, не находя достойного места работы возвращаются к статусу «домохозяйка», тем самым якобы находятся при деле. И мужчины, которые довольно быстро находят место работы, вытесняя женщин из общественного рынка.

Особенности реализации гендерного подхода в региональной политике занятости

Содействие по обеспечению занятости на уровне регионов осуществляется принятием соответствующих программ, в которых, прежде всего, отражаются приоритетные задачи и цели этого направления, формируемые на уровне общероссийского. Важно отметить, что их реализация учитывает стратегическое решение, инициативу, которую принимают местные органы власти и служба занятости в целях их осуществления. В этих программах отражается необ-

ходимость трудоустройства населения, живущего непосредственно в регионе.

Для сравнения специфики регионов по содействию занятости рассмотрим наиболее эффективные практики, которые вполне успешно справляются с проблемами занятости посредством создания рабочих мест, стимулирование самозанятости безработного населения [2].

Изучение такой уникальной практики, способной добиться эффективного результата в решении проблем трудоустройства и сокращения безработицы регионов, позволяет учитывать те опыты, где в регионах смогли повысить результат в сфере занятости населения. Если эти практики, которые привели

к положительным значениям распространить и провести адаптацию в других регионах, то возможно привести к улучшению ситуации на трудовом рынке не только региона, но и страны в целом. И теперь мы представим несколько практик по управлению занятостью, где наибольшим образом отражается систематический подход, использование которого привело к качественным и количественным изменениям на трудовом рынке.

Для сравнения политики занятости населения мы взяли такие регионы, как Республика Саха (Якутия), Новосибирская область и Московская область. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Опыт регионов по реализации региональной политики занятости: гендерный аспект

Регион	Программа	Гендерные особенности
Республика Саха (Якутия)	Региональная программа «Содействие занятости»	Программа ориентирована на поддержку рынка труда и сохранение занятости граждан. Бесплатное переобучение граждан могли получить молодые мамы, находящиеся в декрете, также женщины, относящиеся к категории 50+ и предпенсионеры.
Новосибирск	Региональный проект «Содействие занятости женщин»	Женщины, имеющие детей в возрасте до 7-ми лет, имеют возможность пройти профессиональное обучение или получить дополнительное профессиональное образование.
Москва	Программа «Мама работает»	Цель – трудоустройство женщин с детьми, т.е. молодая мама находится по уходу за ребёнком и параллельно работает. А также данный проект реализует направление – помощь бизнесу.

Наиболее подробно пройдемся по программам. Республика Саха (Якутия) специфический регион, отличающийся тем, что большая часть территории занимает Арктика и поэтому требуются более детальный подход к занятости населения. Данная программа пользуется высоким спросом среди молодых мам, находящихся в декрете или в отпуске за уходом за ребёнком до 7 лет (более 700 человек), на втором месте – граждане, относящиеся к категории 50+ предпенсионеры (более 450).

Проанализировав предпочтения для обучения, женщины с маленькими детьми выбирают чаще направления «Бухгалтерский учёт», «Кадровое администрирование» и «Графический дизайн». Лица предпенсионного и пенсионного возраста стремятся освоить профессии, направленные на практику: «Поварское

дело», «Кондитер», «Парикмахерское искусство», «Сестринское дело» и другое. На сайте регионального оператора проекта в Якутске представлено более 500 учебных курсов, составленных с учетом потребностей регионального трудового рынка. По результатам подготовки граждане могут повысить свою квалификацию, найти новые рабочие места, стать самозанятым или открыть собственный бизнес. [6]

Далее проанализируем программу «Содействия занятости женщин» в Новосибирске. Женщины, имеющие детей в возрасте до 7-ми лет, имеют возможность бесплатно пройти профессиональное обучение или получить дополнительное профессиональное образование за счёт средств областного и федерального бюджетов, выделенных на эти цели. Профессиональное образование осуще-

ствляется на базе образовательных учреждений начальной, средней, высшей и дополнительной профессиональной подготовки по очные и заочные формы обучения и с использованием дистанционных технологий обучения. Средний срок обучения составляет 3 месяца.

Кто может стать участником программ:

- женщины, имеющие ребёнка в возрасте до 3-х лет, состоящие в трудовых отношениях и находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком;
- женщины, имеющие детей дошкольного возраста, не состоящие в трудовых отношениях с работодателем.

Обязательное условие получения образовательного направления – готовность начать трудовую деятельность после завершения профессиональной подготовки либо получения дополнительной профессиональной подготовки. Профессиональная подготовка, переподготовка женщин организуется по профессиям (специальностям), востребованным на рынке труда г. Новосибирска.

В период обучения выплачивается стипендия:

- неработающим женщинам, имеющим детей дошкольного возраста, направленных на обучение в рамках нацпроекта «Демография»;
- женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребёнком, направленным на обучение в рамках программы «Содействие занятости населения».

[9]

Самая интересная программа – «Мама работает» в Москве. Первостепенная цель данной программы – трудоустройство женщин с детьми. Женщины получают навыки для освоения выбранной профессии, знакомятся с деятельностью компании благодаря партнёрским школам от работодателей. И после прохождения подготовки партнёрская компания предоставляет место работы женщинам. Обучение проходит по нескольким направлениям: «Мама – оператор call – центра», «Мама – бьюти-консультант», «Мама – эксперт страхования», «Мама – специалист эффективных продаж».

«Мама работает» помогает женщине в отпуске по уходу за ребёнком. В модульную программу входят курсы тренингов, лекции и семинары, направленные на новые профессиональные знания и социальные навыки.

Еще одним направлением программы «Мама работает» является поддержка предпринимательства. Многие женщины теперь стремятся открыть свое дело, но знаний не всегда хватает. В рамках этого проекта мамам предстоит бесплатно пройти обучение, а также постепенно научиться вести переговоры, работать со документами, создавать бизнес-план и бизнес-модель, разбираться с финансами и налоговыми системами. Курс обучения рассчитан на 3 месяца и является бесплатным для женщин с детьми дошкольного возраста.

Хорошая поддержка для женщин, открывших свое дело, – бесплатная коворкинг-площадка в центре Москвы. Это офис, предназначенный для 7 человек, в котором мамам можно работать на компьютере, вести переговоры по телефону, проводить бизнес-встречи. И если они дома постоянно смотрят на ребёнка, то в коворкинге воспитатели занимаются с детьми [3].

Теперь мы можем сказать, что направление государственной политики РФ в сфере занятости населения направлено на разработку специальных программ, проектов, которые в свою очередь усиливают деятельность органов субъектов РФ, местного самоуправления и помимо этого пилотные проекты тестируются на регионах и в дальнейшем адаптируются к современным условиям при этом учитывая будущее развитие. Исполнителями данных программ являются в большинстве случаев административные органы субъектов Российской Федерации, муниципальные образования и органы центра занятости населения.

Не на последнем месте стоит стимулирование предпринимательской сферы, а также возможность в переобучении, повышении квалификации путём материальной поддержки, поддержка здоровой конкуренции, устранение не-

оправданных рисков в сфере производственной и финансовой будет только положительно влиять на рост уровня дохода и рабочую силу рынка [4].

Резюмируя всё вышесказанное, можем сказать о уникальном подходе региональной политики занятости в каждом регионе. Учитываются все факторы, которые могут повлиять на рынок труда. Например, в Якутии делается упор на то, что это всё же север и разрабатывается программа «Содействия занятости населения» с этим учётом. В Новосибирске упор делается на женщин с детьми дошкольного возраста в декрете или не имеющие работы вообще, что самое

интересное – выплачивается стипендия для обучающихся. В Москве реализуется программа «Мама работает» и профессии больше направлены на информационную среду, то есть можно работать, не выходя из дома по телефону.

Особенности гендерного подхода в региональной политике занятости в Иркутской области

Анализ региональной политики занятости и гендерного подхода позволило нам провести SWOT-анализ проблем реализации региональной политики Иркутской области, представленный в таблице 3:

Таблица 3. SWOT-анализ реализации региональной политики Иркутской области

Сильные стороны	Слабые стороны
1) Содействие добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом; 2) Развитие системы социального партнёрства; 3) Благоприятные условия для создания бизнеса и привлечения инвесторов; 4) Совершенствование регионального законодательства в сфере труда и занятости; 5) Содействие обучению отдельных категории граждан, а именно женщин имеющих детей дошкольного возраста;	1) Высокий уровень производственного травматизма; 2) Несоответствие спроса и предложения на рынке труда; 3) Отставание заработной платы женщин от заработной платы мужчин; 4) Проблемы в трудоустройстве женщин предпенсионного возраста; 5) Миграционный отток трудоспособного населения;
Возможности	Опасности
1) Улучшение демографической ситуации в Иркутской области и привлечение трудоспособного населения; 2) Согласование интересов работников, работодателей и органов власти по вопросам регулирования социально-трудовых отношений; 3) Снижение уровня бедности населения; 4) Легализация трудовых отношений; 5) Повышение конкурентоспособности на рынке труда женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей;	1) Большой риск смертности и профессиональных заболеваний трудоспособного населения; 2) Дефицит кадров с рабочими специальностями и набором перенасыщение специалистов с экономическим профилем; 3) У женщин ниже доход, соответственно проблема в закрытии основных потребностей и увеличение вероятности попасть в группу слабозащищенного населения; 4) Увеличивается возрастная дискриминация на рынке труда; 5) Возрастает трудовые дефицитность при миграционных процессах;

Первая сильная сторона – Иркутская область с 2007 года участвует в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом.

В период за 2022 год в рамках Государственной программы в Иркутскую область на постоянное место проживания переехало около 507 человек с членами семьи (169%). Если рассматривать участников из-за рубежа, то численность

составляет 163 участника вместе с членами семей.

Вторая сильная сторона – Министерством проводится работа по развитию системы социального партнёрства в сфере труда между работниками, работодателями и властью, основными формами которого являются коллективные договоры и соглашения.

В период 2022 года благодаря социальному партнёрству принято 110 проектов законодательных, нормативно-

правовых и других актов в сфере труда Иркутской области. В области регулирования социально-трудовых отношений то всего было заключено 77 соглашений, 1 из них – это трехстороннее, 7 отраслевых областного уровня, 42 отраслевых и 27 территориальных, т.е. заключенных на муниципальном уровне. На 01.01.2023 год в Иркутской области заключены и действуют 3 163 коллективных договора. Количество коллективных договоров, содержащих льготы, предусмотренные сверх действующего законодательства, составило 2 110 или 65%.

Третья сильная сторона – для рынка труда не менее важно остаётся уровень создание бизнеса и привлечение рабочей силы. В рамках деятельности Центра поддержки предпринимательства:

- проведено 3307 консультаций субъектам МСП в области информационно-консультационной поддержки, направленных на популяризацию предпринимательства, повышение квалификации субъектов МСП;
- предоставлено 1 178 услуг по написанию бизнес-плана для получения социального контракта и открытия своего дела;
- предоставлено 5946 услуг по разработке маркетинговой стратегии и проведение рекламной компании;
- проведено 42 обучающих программы для субъектов МСП, самозанятых и физических лиц, планирующих осуществление предпринимательской деятельности [7].

Четвёртая сильная сторона – в 2022 году министерством разработано и обеспечено принятие 356 правовых актов Иркутской области в сфере труда и занятости населения, в том числе по вопросам снижения уровня теневой занятости и легализации трудовых отношений в Иркутской области, привлечения на территорию Иркутской области иностранных работников, реализации дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда Иркутской области, охраны труда, в том числе по осуществлению органами местного самоуправления муниципаль-

ных образований Иркутской области отдельных областных государственных полномочий в сфере труда.

В рамках правотворческой деятельности министерством проводится следующая работа:

- правовой мониторинг, прогнозирование и планирование правотворческой деятельности;
- обобщение практики применения, подготовка предложений по совершенствованию законодательства Иркутской области;
- экспертиза (подготовка) проектов правовых актов Иркутской области;
- обеспечение принятия правовых актов Иркутской области.

Пятая сильная сторона – в 2022 году в центре занятости населения за содействием обратилось 6,5 тыс. женщин, воспитывающих детей в возрасте до 6 лет, из них трудоустроено 55% (3,6 тыс.).

В 2022 году в рамках ведомственной целевой программы Иркутской области «Содействие занятости населения Иркутской области» на 2019–2024 годы направлена на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование 51 женщина в период по уходу за ребёнком до достижения им возраста трёх лет. В рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография», организовано обучение отдельных категории граждан, в том числе женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком. В рамках данного проекта обучение прошло 1211 женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком.

Первая возможность – трудовая миграция оказывает большое влияние на формирование численности трудоспособного населения, тем самым оказывая влияние на региональный рынок труда. На каждый год выдаются квоты, в 2022 году размер квот составлял в размере 5,6 тыс. человек. В рамках квоты 2022 года основная доля иностранных работников планирует осуществлять трудовую деятельность в отрасли строительства – 70,1%, промышленности – 26,3%, торговле и общественном питании – 3,6%. Демографическая обста-

новка в Иркутской области сдерживает социально-экономическое развитие из-за невозможности удовлетворить рынок труда рабочей силой. В таком случае данная программа будет способствовать хотя бы частичному возмещению недостатка трудовых ресурсов, путём привлечения иностранной рабочей силы.

Вторая возможность – по состоянию на 1 января 2023 года в городе Иркутске зарегистрированы и действуют 454 коллективных договора, что на 2,0% больше по сравнению с данными на 1 января 2022 года. Наибольшее количество действующих коллективных договоров принадлежит организациям муниципальной и государственной форм собственности: 279 и 131 правовых актов соответственно. В целях повышения численности организаций, участвующих в коллективном договорном процессе регулирования социально-трудовых отношений, направлены письменные предложения по заключению коллективного контракта. В результате данной работы на уведомительную регистрацию коллективных договоров предоставили 98 организаций города Иркутска.

Третья возможность – по данным ведомства, Иркутскстат подтвердил снижение уровня граждан с доходами ниже прожиточного минимума в рамках 2023 года на 39 500 человек. Министр здравоохранения и труда Иркутской области Кирилл Клоков заявил о том, что это удалось благодаря региональному проекту «Снижение доли с доходом ниже среднего минимума». В его рамках планируется активно снизить уровень безработицы, повысить зарплату работников бюджетного сектора, содействовать предпринимательской деятельности и предоставлять пособия социально незащищённым категориям граждан.

Четвёртая возможность – в 2022 году территориальными комиссиями по снижению неформальной занятости проведено 53 заседания, на которых были заслушаны 256 хозяйствующих субъектов, имеющих признаки неформальной занятости. Нарушения трудового законодательства, выявленные в результате работы комиссий, устранены. В результате

с 5,7 тыс. работниками легализованы трудовые отношения, с которыми ранее не были заключены трудовые договоры.

Благодаря работе с подозрительными субъектами можно сказать о улучшении правовой защиты работников, тем самым обеспечив социальные гарантии (больничные листы, пенсия и т.д.) предусмотренных законодательством.

Пятая возможность – обучение женщин проводится по профессиям и специальностям, которые позволяют восстановить профессиональные навыки, получить новые профессиональные компетенции, начать бизнес. Обучение проводится по направлениям, которые востребованы на рынке труда в Иркутской области, что позволяет повысить качество профессиональной мобильности, конкурентоспособности женщин: оператор электронно-вычислительных и вычислительных машин (с изучением программ 1С, Гранд-Смета), бухгалтер, менеджер, инспектор по кадрам, мастер маникюра, парикмахер, повар, продавец, кладовщик, кондитер, швея, повар.

Среди слабых сторон можно выделить:

Во-первых, за 9 месяцев 2022 года в администрацию города Иркутска поступило:

- 45 извещений о несчастных случаях, произошедших в организациях, зарегистрированных на территории города Иркутска, что составляет 81,8% от количества извещений, поступивших за 9 месяцев 2021 года (55 извещений);
- 12 извещений от организаций, не зарегистрированных на территории города Иркутска.
Из пострадавших:
- 24 мужчины (96,0%), средний возраст которых составляет 37,9 лет.
- 1 женщина (4,0%), возраст которой 73 года.

Из принятых к учету несчастных случаев за 9 месяцев 2022 года:

- 16 тяжелых несчастных случаев (100% от количества несчастных случаев с тяжелым исходом, произошедших за 9 месяцев 2021 года);

- 6 несчастных случаев со смертельным исходом (85,7% от количества несчастных случаев со смертельным исходом, произошедших за 9 месяцев 2021 года (7 несчастных случаев);

Во-вторых, в 2022 году в органы занятости Иркутской области обратилось в поиске подходящей работы 65 665 человек. Признано безработными 31 975 человек. При содействии органов занятости в 2022 году нашли работу 40 958 человек. На одного гражданина, состоящего на учёте в органах занятости Иркутской области, приходится три свободные вакансии. Наиболее многочисленные группы среди безработных граждан составляют бухгалтеры, инженеры, продавцы, водители автомобиля, кассиры, кладовщики и зав. складом, юрисконсульты и экономисты [3].

В-третьих, сотрудники Иркутскстата подсчитали, что средняя зарплата женщин в 2022 году была на 39% меньше мужской – 32,4 тысячи рублей против 52,9 тысячи. Женское отставание заработных плат наблюдается практически во всех сферах. Если брать отрасли, где численность женщин больше, например, здравоохранение оплата производится на 16% меньше, чем мужскому полу действовавшей в этой же сфере. Но есть такие сферы, где женскую работу ценят выше, чем мужскую, оказание социальных услуг, бухгалтерский учёт. Также в дошкольных и школьных учреждениях женщины получают на треть больше, чем мужчины. Если же говорить о руководящих должностях, только 40 руководителей составляли женщины.

В-четвёртых, людям предпенсионного возраста, а это от 45 до 55 лет затрудняются в поиске работы. Многие люди этого возраста получали профессии в СССР, но в данный момент эти специальности устарели. И в современном мире они уже не востребованы. Современный мир не стоит на месте, с каждым годом развиваются технологии, появляются что-то новое в производстве, появляются новые профессии. Проблема с трудоустройством пожилых людей крайне остро стоит как у женщин, так и мужчин. Помимо этого, если стоит выбор перед

работодателей: пожилая женщина и красивая молодая девушка с профессиональными навыками, то предпочтение отдаёт молодой девушке.

В-пятых, длительное время в Иркутской области наблюдается тенденция к ежегодному сокращению численности, миграционному оттоку, усилению демографического «старения» населения. Анализ возраста населения Иркутской области говорит о «старении» населения региона, что приводит к увеличению демографической нагрузки на работающее население. Отток населения в регионе также вызывает дефицит трудового ресурса региона. В ближайшее время ожидается дальнейшее снижение численности трудоспособного населения, являющегося основным источником для формирования трудового ресурса, а также миграционная убыль населения.

Угрозы:

Во-первых, за 9 месяцев 2022 года пять несчастных случаев произошли в организациях строительства.

По три несчастных случая произошли в организациях:

- сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, рыбоводства;
- образования.

По два несчастных случая произошли в организациях:

- добычи полезных ископаемых;
- транспортировки и хранения;
- оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств и мотоциклов;
- обеспечения электрической энергией, газом и паром;
- кондиционирования воздуха;
- деятельности профессиональной, научной и технической.

За 9 месяцев 2022 года в 11 организациях города Иркутска зарегистрировано 51 случай профессиональных заболеваний (28 случаев в 2021 году), выявленных у 49 работников (у 28 работников в 2021 году).

Среди заболевших:

- 6 женщины (12,2% от общего числа заболевших);
- 43 мужчин (87,8% от общего числа заболевших).

Наибольшая численность работников с профессиональными заболеваниями зарегистрирована в обрабатывающих производствах – 28 человек (57,2%).

Кроме того, профессиональные заболевания выявлены в организациях:

- транспортировки и хранения – 18 человек (36,7%);
- здравоохранения и социальных услуг – 3 человека (6,1%).

Во-вторых, в январе-феврале 2023 года **875** организаций различных форм собственности пополняли банк вакансий центра занятости населения. Всего за этот период были размещены **11252 вакансии**, что в 1,6 раза больше, чем в 2022 году (6952 вакансии). Сохраняется тенденция преобладания спроса на рабочие профессии, их доля в структуре потребности в работниках составила 73,9%.

На 01.03.2023 ОГКУ ЦЗН Иркутска располагает 12935 вакансиями, в т.ч. 9165 (70,9%) вакансиями по рабочим профессиям, из них рабочие места в строительной отрасли составляют 29,0%. На рынке труда города Иркутска требуются квалифицированные рабочие: каменщики, бетонщики, арматурщики, штукатуры, рамщики, плотники, облицовщики, маляры, станочники, повара, кровельщики, электрогазосварщики и др. Среди служащих востребованы: врачи, сестры медицинские.

В-третьих, женщины готовы на многое чтобы остаться при работе, в том числе и на низкую заработную плату. Данное явление зародилось ещё во времена СССР в условиях трудовой культуры. Когда только появились коммерческие компании, работодатели не испытывали большого желания брать на работу женщину с ребёнком, а женщины, у которых не было поддержки даже со стороны государства, были вынуждены соглашаться на те, вакансии, которые им были предложены, даже если во вред себе, но тем самым совмещая работу и семью. Соответственно после этого в обществе появился стереотип о том, что женщина нежеланный работник и развивать карьеру не обязательно, в отличие от мужчин.

В-четвёртых, у работодателей есть несколько причин для отказа в работе людям пожилого возраста. Опять же, некий стереотип, что человек после 45 лет теряет всю энергию, не может работать в полную силу, чаще болеет и уходит на больничный. Некоторые считают, что будет тяжело справиться с высоким темпом работы и ненормированным рабочим днем. И главным недостатком является то, что в эпоху информационного развития будет достаточно сложно обучить старшее поколение и они менее охотно идут на различные тренинги, обучения, по сравнению с молодежью, которые всегда «за».

В-пятых, наблюдаемые изменения демографической ситуации в Иркутской области сдерживают социально – экономическое развитие региона из-за отсутствия полного удовлетворения возрастающей потребности организацией Иркутской области в квалифицированных кадрах. Однако, несмотря на существующий в Иркутской области резерв рабочих сил в виде незанятого населения (около 8–9% от экономически активного населения), ситуация на рынке труда Иркутской области остается довольно сложной, так как на региональном трудовом рынке существует структурный дисбаланс спроса и предложения.

Из сильных и слабых сторон можно вывести определённые проблемы, которые характерны для региональной политики Иркутской области:

1) Наличие дисбаланса спроса работодателей и предложения рабочей силы на рынке труда;

2) Разница средней заработной платы женщин и мужчин;

3) Проблема трудоустройства женщин предпенсионного возраста и несоответствие выбранного места работы с профессионально-квалификационными характеристиками гражданина.

Выводы и рекомендации

В Иркутской области в данный момент реализуются программы для повышения уровня трудоспособного населения и довольно в положительную сторону. Но для

того, чтобы ситуация не ухудшалась нужно обратить внимание на социально – незащищенные слои общества – это женщины, воспитывающие несовершеннолетних детей, женщины, находящиеся в предпенсионном возрасте.

Помимо этих проблем существуют довольно распространенные, такие как не распределение спроса и предложения на рынке труда, эти трудности всегда есть и будут, но необходимо минимизировать данные пункты для экономики региона.

Проблема нехватки кадров одна из острых проблем не только региона, но и страны в целом. Одним из отрицательных аспектов является перебор кадров с высшим образованием и наоборот недобор рабочих профессии. И создается ситуация на рынке труда, когда работодатель ищет специалистов с рабочими профессиями, но их нет и, с другой стороны, в службу занятости обращаются высококвалифицированные граждане, которые не могут найти работу. И в конце происходит дисбаланс запросов, которые оставляют работодатели и предложений, которые поступают на рынок труда, т.е. неравенство в профессиональной и квалификационной структуре. Количество рабочих мест постоянно растёт и остается на высоком уровне, тем самым превышая число безработных граждан, стоящих на учёте в службе занятости. Можем заключить что время от времени происходит перенасыщение специалистов узких профессии, а, тогда как по рабочим специальностям наблюдается низкая подготовка.

В решении данной ситуации большую роль может сыграть вопрос о образовании, получении профессионального и квалификационного уровня, повышение конкурентоспособности и манёвренности на рынке труда служба занятости населения.

Как мы говорили ранее активная политика содержит в себе такие аспекты для стабилизации ситуации на рынке труда, как профессиональная подготовка и профессиональная ориентация безработных граждан. Благодаря профессиональной ориентации человека идёт

развитие личности, статуса и реализуется потенциал, всё приводит к тому, что гражданин находит контакт на рынке труда и гармонизирует свои профессиональные возможности. Тем самым человек подходит к сознательному выбору профессии. Не последнее место занимает профессиональное обучение, поскольку именно оно гарантирует гражданину рабочее место и влияет на трудоустройство населения и самозанятости.

Сейчас сложность состоит в том, что человек хочет работать, но не подходит работодателю в связи с отсутствием, либо не той квалификацией, в этом случае на помощь приходит переобучение, повышение квалификации. Ряд образовательных учебных заведений широко применяет возможность переобучения, с современными методами обучения, технологиями и психологической поддержкой обучающегося.

В заключении выше сказанного мы понимаем какую огромную роль играет переподготовка, повышение квалификации, поэтому выделили несколько рекомендаций:

- 1) Помимо бюджетных мест можно выделять котируемые места в профессиональные учреждения для получения рабочей профессии;
- 2) Обращать внимание на востребованные профессии и создать методику по подготовке таких кадров;
- 3) Создать популярность на рабочие и инженерные профессии через практику, т.е. проводить экскурсии для школьников на предприятия, создавать профильные классы и др.

Следующая проблема не менее важна – это разность заработной платы мужчин и женщин. Так как многие прибыльные отрасли закрыты для женщин, то в большинстве случаев женский труд используется в таких сферах, как образование, здравоохранение и социальные услуги.

Причина – в неравномерном распределении трудовых ресурсов по сферам экономики. В наиболее уязвимых для пандемии и корона кризиса отраслях, таких как сфера услуг, работает намного больше женщин. Поэтому они в первую очередь и лишились доходов [10].

На сегодняшний день многие работодатели на собеседовании интересуются у женщин семейным положением и наличием или планированием детей. Развитие карьерного роста быстрее идёт у той, которая без детей, нежели женщина с детьми. Разрыв в оплате труда возникает ещё тогда, когда женщина даже не планирует становиться мамой, так как работодатель опасается, что женщина уйдёт в декретный отпуск и придётся искать замену.

По той же причине работодатель не стремится ставить на руководящие должности молодых представительниц прекрасного пола. В отношении мужчин подобных опасений не возникает, а потому им легче выбиться в начальники и зарабатывать больше.

И мы сформировали рекомендации для преодоления разрыва заработных плат:

1) Введение в некоторых видах экономической деятельности (особенно там, где представлено наименьшее число женщин) обязательных квотируемых рабочих мест;

2) Повышение общественной значимости и престижности профессий и должностей, где применяется труд женщин;

Женщины предпенсионного возраста испытывают проблему в трудоустройстве чаще, чем женщины с детьми. В современном мире всё чаще и чаще слышно о том, что людям предпенсионного возраста сложнее найти работу из-за некой дискриминации на рынке труда.

Граждан предпенсионного возраста можно отнести к трём категориям:

1 категория: данной категории лиц проще всего найти работу, так как чаще всего предлагают именно такие вакансии. Это лица рабочих специальностей, которые работали, к примеру, уборщицами или грузчиками.

2 категория: в данной категории граждане имеют высшее образование, стаж в руководящей должности и проблема заключается в том, что таким людям сложно устроится на работу на более низкие должности, они не позволяют собой командовать.

3 категория: в эту категорию входят люди с ограниченными возможностями по здоровью-инвалиды. У них есть медицинские ограничения, например, поднятие тяжестей, ночные смены. Такой категории сложно устроиться на работу, так как сотрудники службы занятости учитывают все особенности здоровья. [8]

Помимо вышеназванной категории есть ещё причин для отказа людям предпенсионного возраста. Сейчас в современном офисе невозможно работать без компьютера, пользоваться оргтехникой, а пожилые люди испытывают некие трудности с этим. Всего лишь небольшой процент может освоить данные технологии. А работодатели не хотят тратить время на обучение пожилых сотрудников.

Мы смогли сформулировать решение проблемы, следует поддерживать развитие пожилых граждан путём переqualификации в образовательных учреждениях. Для лиц, которые уже близки к порогу пенсионного возраста предприятие могло бы использовать методы, улучшающие условия труда.

В ходе анкетирования, мы смогли выявить некоторые закономерности: чаще всего на учете по безработице стоят женщины 20–29 лет, в такой период происходит создание семьи и рождение ребёнка, т.е. являются наиболее уязвимыми, вторая категория женщин – это 40–49 лет, возраст наиболее близок к предпенсионному, снова есть сложности в поиске работы. Сейчас на фоне СВО некоторые сферы отрасли испытывают дефицит кадров и не откажутся от работников женского пола, например, сборщик заказов и доставщик, нужно искать место работы в таких сферах, как менеджер продажи и администратор ПО.

Также сейчас есть многочисленные поддержки самозанятых, можно пройти курсы по ногтевому сервису или отучиться на кондитера и получить поддержку на развитие своего бизнеса, вплоть до покупки необходимых материалов.

Литература

1. Уровень безработицы в России в сентябре вырос до 3,9% [Электронный

- ресурс]: Информационное агентство «ТАСС»: сайт. – URL: // <https://tass.ru/ekonomika/16232061> (дата обращения: 17.07.2023)
2. В Иркутской области снизился уровень бедности, и выросли на 14,7% доходы населения [Электронный ресурс]: Дзен: сайт. – URL: // https://dzen.ru/a/ZFHc_qk4bW9ShdZf (дата обращения: 17.07.2023)
 3. Информация о положении на рынке труда города Иркутска за январь-февраль 2023 года [Электронный ресурс]: Интерактивный портал Министерства труда и занятости Иркутской области: сайт. – URL: // <https://www.irkzan.ru/News/Detail/9225d6a3-a989-4a48-b21b-4407cb668219> (дата обращения: 17.07.2023)
 4. Заварзина Ю.В. Социология управления в фокусе социальной ответственности бизнеса и развития человеческих ресурсов // Социология. 2022. № 4. С. 36–49.
 5. Заварзина Ю.В. Территориальное развитие: основные направления инвестиционной привлекательности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 446–453.
 6. Москвитина Н.В. Инвестиционное развитие регионов РФ // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 459–468.
 7. Москвитина Н.В. Проблемы и перспективы занятости молодежи в Иркутской области (нормативно-правовой обзор) // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 271–275.
 8. Москвитина Н.В. Стратегии управления человеческими ресурсами и методы подготовки персонала // Социология. 2022. № 4. С. 50–69.
 9. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
 10. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132.

GENDER ASPECTS OF REGIONAL EMPLOYMENT POLICY: THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Moskvitina N.V.
Irkutsk State University

The article analyzes the features of the implementation of the gender employment policy in Russia. Peculiarities of gender employment policy at the regional level are singled out, problems in the Irkutsk region are analyzed. The presented analysis serves as a marker of social modeling of gender monitoring of employment and regulation of the employment market in the regional society.

Keywords: gender, employment, employment policy, regional policy.

References

1. The unemployment rate in Russia rose to 3.9% in September [Electronic resource]: TASS news agency: website. – URL: // <https://tass.ru/ekonomika/16232061> (date of access: 07/17/2023)
2. In the Irkutsk region, the poverty level has decreased, and the incomes of the population have increased by 14.7% [Electronic resource]: Zen: site. – URL: // https://dzen.ru/a/ZFHc_qk4bW9ShdZf (date of access: 07/17/2023)
3. Information on the situation on the labor market of the city of Irkutsk for January-February 2023 [Electronic resource]: Interactive portal of the Ministry of Labor and Employment of the Irkutsk Region: website. – URL: // <https://www.irkzan.ru/News/Detail/9225d6a3-a989-4a48-b21b-4407cb668219> (date of access: 07/17/2023)

4. Zavarzina Yu.V. Sociology of Management in the Focus of Social Responsibility of Business and Development of Human Resources // *Sociology*. 2022. No. 4. S. 36–49.
5. Zavarzina Yu.V. Territorial development: the main directions of investment attractiveness // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023, pp. 446–453.
6. Moskvitina N.V. Investment development of regions of the Russian Federation // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023, pp. 459–468.
7. Moskvitina N.V. Problems and prospects of youth employment in the Irkutsk region (regulatory review) // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019. S. 271–275.
8. Moskvitina N.V. Human resource management strategies and personnel training methods // *Sociology*. 2022. No. 4. S. 50–69.
9. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) // *Sociology*. 2021. No. 3. P. 114–125.
10. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: pro-social practices and community solidarity // *Humanitarian vector*. 2023. V. 18. No. 2. S. 124–132.

Экспертный анализ коррупции в спорте

Туркова Валентина Николаевна,
старший преподаватель кафедры юриспруденции,
Института экономики, управления и права,
Иркутского национального исследовательского
технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье приводится экспертный анализ фокус-группового исследования распространения коррупции в спорте, где рассмотрены причины коррупции в спорте, ее формы и то, как она влияет на спорт и спортивные соревнования. Также используются данные массового опроса россиян – зрителей спортивных соревнований, а также самих спортсменов, тренеров и спонсоров об особенностях распространения коррупции в спорте.

Ключевые слова: коррупция, спорт, экспертный анализ, фокус-группа, общественное мнение.

Спорт находится на особом положении в современном обществе. Он включает в себя массовый спорт или спорт для всех, спорт высших достижений или любительский спорт, профессиональный спорт как вид основной профессиональной деятельности и т.д. По разным оценкам до 1,5 млн человек занимаются любительским или профессиональным спортом. Любого рода соревнования, а особенно мирового уровня – объединяют и болельщиков, и их число в сотни, а то и тысячи раз больше, чем количество спортсменов.

Современное развитие спорта происходит и в виртуальном мире через онлайн-игры и онлайн-гэмбинг. В этом видятся новые ориентиры социального развития спорта как явления.

Но и эти же процессы породили негативные явления: манипулирование спортивными достижениями, фальсификацию спортивных соревнований, допинг и проч. В спорт вовлечены политики и организованная преступность, поэтому коррупция и экстремистские проявления становятся все чаще элементами спортивных соревнований.

Обычно последствия коррупции состоят в том, что она порождает несправедливость и разрушает правила честной борьбы и конкуренции. Коррупция может означать также потерю доверия и уважения со стороны граждан к органам власти, упадок экономического потенциала общества, ослабление демократических институтов и процессов, приводящих к снижению качества жизни как на микроуровне, так и на макроуровне. На местном уровне коррупция может вести к задержкам или окончательному прекращению проектов по развитию спорта и соревнований.

Нами ранее были рассмотрены особенности взяточничества и коррупционных схем в спортивной деятельности [8–13], а также совместно с Р.Г. Ардашевым [1–5] проведен ряд исследований восприятия коррупции в спорте. В работах О.А. Полюшкевич и Р.В. Иванова

[6,7] рассмотрены моральные практики в спортивной деятельности и их реализация через просоциальное поведение.

В нашем исследовании о коррупции и взяточничестве в спорте, проведенном в 2023 году, приняли участие 600 человек (зрители спортивных соревнований), в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, проживающих в разных регионах РФ. Отдельно мы провели опрос среди спортсменов и тренеров (n=600) разного уровня, в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин. Также мы провели 4 фокус-группы (n=36), направленные на более подробное раскрытие проблематики коррупции в спортивных соревнованиях. Участниками фокус-групп были как обычные зрители спортивных соревнований (обыватели), так и сами спортсмены и их тренеры, а также спонсоры.

Нами были рассмотрены представления о степени распространенности и влиянии коррупции на спорт. Коррупция, безусловно, оказывает влияние на спортивную среду и может изменить ход соревнований в различных спортивных дисциплинах.

По оценкам участников фокус-групп, существует несколько способов, которыми коррупция может менять спортивные соревнования.

1. Незаконное получение взяток за право участия или победы в соревнованиях. Коррупцированные организаторы могут требовать плату за возможность участвовать в соревновании или даже за обеспечение победы. Это может привести к тому, что участники, платившие взятки, получают существенное преимущество перед другими.

Быть честным, не означает быть лучшим. И наоборот – лучший игрок или лучшая команда – это не всегда их личная заслуга, а результат подкованных игр, где взятки могут сыграть ключевую роль, а не мастерство и профессионализм спортсмена или игроков команды. (Т.Ю., тренер футбольной команды, 20 лет в тренерском деле).

Заслужить победу и получить ее, потому что все сделали до самого состязания, договорившись с кем надо – это,

увы, для некоторых соревнований обычная практика. Тут надо понимать – что ты хочешь – быть победителем или стоять за правду. Когда для тебя – спорт – это шанс преуспеть в жизни – подойдут любые способы для признания и успеха. (А.В., спортсмен, 14 лет в гиревом спорте).

Участники фокус-группы, кто делал акцент именно на этих «возможностях» реализации коррупционных схем опирались на психологический и социологический подходы. Иными словами, опирались на сложившиеся в обществе нормы и правила и личный выбор – какими способами и путями человек или команда может достигать поставленных значимых результатов.

2. Использование допинга для достижения сверхъестественных результатов. Коррупцированные тренеры и врачи могут использовать недопустимые методы для достижения наилучших результатов для своих спортсменов, что может привести к некоторым спортсменам, пользующимся честными методами, противостоять им.

Значимость победы зачастую более важна тренеру, чем самому спортсмену – так как это показатель его квалификации и качества работы, поэтому могут использоваться неразрешенные приемы стимулирования спортсменов. (В.В., спортсмен, 11 лет в тяжелой атлетике).

Значимость результатов своих воспитанников иногда важнее морали и этики. Это может быть профессиональный интерес как способ подтверждения своего статуса, финансовая заинтересованность в победе, например, если были организованы легальные или нелегальные ставки на состязание. Допинг – как форма получения форы, опасный, но регулярно применяемый способ поддержания своей команды или отдельных спортсменов со стороны тренеров. (А.В., тренер команды пловчих, 22 года в тренерском деле).

Те участники фокус-групп, кто отдельно останавливался на данном пункте коррупционного развития, опирались как правило на личный опыт или опыт близких знакомых и друзей, кто «постра-

дал» от используемого не по их личной инициативе допинга. Как правило, этот фактор всплывает, когда обнаруживается недопустимое использование того или иного препарата, когда это не является публичным, то говорить об этом явлении не приходится.

3. Влияние на работу судей и арбитров. Коррумпированные судьи и арбитры могут принимать уступки в пользу конкретных спортсменов или команд для получения незаконной выгоды.

Повлиять на решение арбитра и судьи во время соревнований можно заранее, очень многие спорные ситуации решаются волей и личной инициативой судьи. Судить по праву или по личным интересам – это скорее морально-этический вопрос к когерентному человеку. Я сталкивался с тем, что судили не те и не так. И далеко не всегда можно опровергнуть результаты судейства. (М.И., тренер футбольной команды, 17 лет в тренерском деле).

Судья как никто может быть субъективен. Да, это противоречит его этическим профессиональным обязанностям, его профессионализму. Но все мы люди и именно коррупция может изменить его политику непредвзятости и судить с позиции выгоды определенных групп интересов, а не реальной ситуации во время игры. Тем более, когда могут быть спорные моменты – тогда у арбитра развязываются руки. И результат определит лишь его совесть или сумма взятки. (Н.Ю., футболист, 10 лет играет профессионально в команде).

На этот пункт обращали внимание те участники фокус-групп, кто является болельщиком, спортсменом или тренером групповых видов спортивных состязаний. Индивидуальные состязания практически не звучали во время обсуждения, и то – лишь на уровне допустимого и там такого же несправедливого судейства. Не можем утверждать, что только в групповых видах спорта судьи более субъективны и предвзяты (под влиянием взяток), но факт остается фактом. Даже среди обывателей (рядовых зрителей спортивных соревнований) – распространено именно такое мнение.

4. Манипуляции с результатами. Коррумпированные организаторы могут изменять результаты соревнований, чтобы получить финансовую выгоду или могут вводить фиктивных спортсменов, чтобы получить право на государственные субсидии или же манипуляции с результатами могут стать итогом идеологической пропаганды и политическими играми, не имеющих к спорту никакого отношения, но на символическом уровне олицетворяющем победу той или иной страны или ее проигрыш – вместе со своими спортсменами. Спортивные матчи в разных видах спорта между западом и СССР во время холодной войны были не столько спортивными состязаниями, сколько политическими (борьбой идеологий).

Не все победы очевидны, когда какие-то удары можно не засчитать, сделанные фигуры не оценить, и в результате – спортсмен не набирает необходимого количества баллов для прохождения в следующий тур. И это беда многих видов спорта, даже электронная фиксация выступления не может дать гарантии в объективной оценке. А причина тому коррупция среди судей или же политическая обработка, что, впрочем, также может рассматриваться как звено коррумпированной схемы. (Н.Н., тренер по фигурному катанию, 24 года в тренерском деле).

Спортивные состязания – это не всегда победа сильнейшего, так как зачастую спортсмены олицетворяют деньги, страны, идеологию, что за ними стоит. И тогда, это не спорт, – это политика. (В.В., спонсор спортивных соревнований, представитель группы компаний Газпром, 30 лет организует проекты поддержки спортивных соревнований).

Этот результат работы коррупционеров рассматривался всеми участниками фокус-групп: от спортсменов и тренеров до обывателей и спонсоров. Что позволяет утверждать о распространенности данного убеждения и серьезном влиянии на социальные установки в отношении коррупции в спорте. Интересно, что только на этом типе коррупции в спорте – участники исследования стали го-

ворить не только о социальных и личных подходах или экономической выгоде, но затронули политические предпосылки, политическое давление и идеологическую обработку, которая может повлиять на судейство. И коррупция в спорте в данном случае выступает следствием политических игр.

5. Ограничение участия конкретных спортсменов. Коррупция может также привести к тому, что участие конкретных спортсменов может оказаться ограниченным, их могут отстранять от участия в соревнованиях или не выдавать им необходимую спортивную экипировку.

Когда спортсмену не выдают необходимую экипировку – его заведомо ставят в проигрышное положение. Причина этого коррупция. Я сталкивался с этим не раз. И могут после даже извиниться и признать вину, но, когда соревнования прошло – это уже не имеет значения. И это – тонкая игра, когда ничего не нарушили, но нужного игрока убрали с серьезного этапа. (М.А., тренер дзюдо, 16 лет тренерской работы).

Отстраняют от участия спортсменов по разным причинам, из-за допинга или подозрения на него (пока выяснят – был ли он или нет – соревнования могут завершиться). А спортсмена не было в состязании. Или же из-за каких-то других причин (подозрения что этот спортсмен мужчина, а не женщина в жен-

ских видах спорта) – по уровню гормонов и т.д. И такие скандалы общеизвестны. Тут важен прецедент, повод, а не реальное положение дел. (Н.Ю., спортсмен тяжелой атлетика, 12 лет с в профессиональном спорте).

Этот вид коррупции на соревнованиях чаще касается психологического подхода в части исполнения, но основой его могут быть и политические (идеологические) решения и экономическая выгода. Этот вид наиболее тяжело отследить и поймать за руку того, кто это все делает, так как может выглядеть все случайно и непреднамеренно, т.к. фактор невезения никто не отменяет.

Представители разных групп по-разному смотрят на возможности и формы коррупции в спорте. Но в целом, позволяют судить о существующих социальных представлениях о коррупции в спорте. Обыватели больше доверяют СМИ и той информации, которая более широко распространяется в СМИ и сети Интернет, тренеры и спортсмены изнутри понимают больше технических моментов и более детально могут проследить наличие той или иной подставной схемы, напрямую или косвенно связанной с коррупцией.

На рисунке 1 представлены результаты оценок представителей разных сообществ о том, как коррупция влияет на спорт и спортивные соревнования.

Рис. 1. Представления разных групп о влиянии коррупции на спорт и спортивные соревнования (в %)

Все перечисленные выше явления на рейтинг и результаты соревнований коррупции могут значительно повлиять и нивелировать сам образ спорта в гла-

зах социума и зрителей. Главной задачей здесь является борьба с коррупционными практиками и восстановление доверия в спортивные результаты и достижения спортсменов.

По результатам фокус-группового исследования, мы можем сказать, что коррупция является одной из форм неэффективности развития спорта и спортивной деятельности, поскольку она наносит значительный ущерб государству и обществу в целом. Вот некоторые причины, почему коррупция в спорте влияет на неэффективность работы социальных институтов:

1. Увеличивает расходы на спорт. Коррупция может затруднять проведение соревнований, т.к. для их осуществления необходимы не просто разрешительные документы, а подковерные игры, участие в которых и результат взаимодействия в которых может определить исход еще не начавшихся соревнований и т.д. Таким образом, растут затраты на бизнес-процессы и снижается эффективность.

В долгоиграющей перспективе – коррупция – это всегда дополнительные затраты. На коротких промежутках возможны позитивные достижения, но в конечном счете, все останутся в проигрыше. Это реальность нашего общества, только постигать эту истину не хочется никому, так как доминирует психология временщика – после меня хоть потоп. (С.В. спонсор спортивных соревнований, представитель группы компаний МТС, 18 лет организует проекты поддержки спортивных соревнований).

Коррупция мало того, что аморальна, она экономически затратна и невыгодна. Правда это будет очевидно даже не для наших детей, а внуков, но это умение видеть на перспективу и прогнозировать, что к чему может привести. Расходы на спорт из-за коррупции увеличиваются как со стороны государства, так и со стороны частных инвесторов. А это не правильная политика, которая приводит в никуда. (Т.Д., спортсмен-пауэрлифтер, 8 лет в профессиональном спорте).

2. Приводит к несправедливой конкуренции. Коррупция может стать при-

чиной нарушения правил конкуренции в спорте. Несправедливая конкуренция может привести к нерациональному расходованию ресурсов и потере эффекта яркой и красивой игры.

Нечестная игра и несправедливая конкуренция понижает азарт игроков и зрителей, не даёт красочности и яркости выступлениям, не запоминается ни спортсменам, ни зрителям. Это итог подтасовок и социальной стагнации общественного развития. (Е.Н., спортсмен-баскетболист, 10 лет в профессиональном спорте).

Несправедливая игра – потеря зрелищности и денег, для тех, кто ее организовывал. Соревнования тем и притягательны, что дают шанс быть первым среди достойных. А когда этого шанса лишают – теряется половина азарта и драйва достижений. (Г.Г., спортсмен-биатлонист, 8 лет в профессиональном спорте).

3. Ущемляет права инвесторов. Коррупция может отпугивать инвесторов и привести к снижению объёмов инвестиций в организацию любительского и профессионального спорта. К тому же, инвесторы, которые не очень хотят рекомендовать платить комиссии или взятки, будут вынуждены уходить из рынка, что приведёт к недостатку инвестиций.

Тот, кто даёт денег на тренировки, снаряды, залы – имеет право рассчитывать на полную отдачу и зрелищность соревнований и заслуженного признания побед. Если он этого не получает из-за коррупции, то может не захотеть и в дальнейшем выделять средства на спортивные достижения, так как все должно окупаться и быть оправдано, тем более для людей бизнеса. (В.А., спонсор спортивных соревнований, представитель группы компаний Лукойл, 15 лет организует проекты поддержки спортивных соревнований).

Быть инвестором – значит брать на себя дополнительные затраты и риски с ними связанные. Но это не значит, что эти люди не умеют считать деньги. Как раз наоборот – очень даже умеют. И если будут видеть неэффективность своего вклада из-за коррупции, то попросту свернут свой проект поддержки

того или иного вида спорта или вида соревнований. (О.А., спонсор спортивных соревнований, представитель Альфа-Банк, 14 лет организует проекты поддержки спортивных соревнований).

4. Вызывает низкий уровень качества обслуживания. Коррупция может привести к тому, что государственные институты спортивных федераций, секций т.д., получают меньше средств, чем необходимо. Это уменьшает их эффективность и влияет на качество обслуживания и работы спортивных секций начиная с детских, заканчивая профессиональными.

Спорт – дело последовательное. Чтобы воспитать чемпионов – этим надо заниматься с их детства. А если из-за коррупции будет уменьшаться количество спортивных детских школ – то через несколько лет у нас не будет хороших спортсменов, способных наравне состязаться со спортсменами из других стран. Это стратегическая программа развития и если она начинает давать сбои, то я четко вижу теорию заговора против отдельных видов спорта и против страны в целом. (Г.А., спортсмен-боксер, 15 лет в профессиональном спорте).

Без регулярного поддержания спортивных федераций – государством и частными инвесторами нами будет утрачен тренерский корпус и как следствие потеряна эффективная система подготовки высококлассных спортсменов – как уже было не раз в истории – в 90-е годы, первая волна советских тренеров уехала, в 2010 годы уехала вторая волна тренеров за длинным рублем, вернее долларом. И в итоге – в результате заговора против нашего спорта – мы утратили основу: как учить так, чтобы формировались мировые чемпионы и победители, а не случайные участники со слабым потенциалом. Эффекты коррупции прослеживаются в очень многих процессах. (И.И., тренер-биатлонист, 26 лет тренерской работы).

5. Приводит к неэффективному расходованию государственных ресурсов. Деньги, выделенные на государственные программы, могут быть неэффективно потрачены или использованы коррумпированными чиновниками в личных целях.

Коррупция в спорте – это потери, прежде всего для государства, собственных ресурсов. Выделенные деньги тратятся не туда, не на тех, не так и в результате – проигранные соревнования. Связи есть между всем, надо уметь их замечать, и тогда тонкая игра коррумпированных схем станет изнанкой спортивных соревнований как явная чеканка жизни. (Д.А., тренер хоккейной команды, 22 года в профессиональном спорте).

Неумение вкладывать деньги туда, куда надо, а точнее сказать: нежелание или невозможность и тратить куда надо из-за неправильного распределение, прежде всего к себе в карман – приводит к реализации разнообразных коррупционных схем на практике и по факту – к нечестной спортивной игре. Это разрушает социальные устои и стратегию развития нашего общества в целом и спорта в частности. (М.Я., спортсмен-тяжелая атлет, 16 лет в профессиональном спорте).

На рисунке 2 представлена оценка последствий коррупции по мнению представителей разных групп.

Таким образом, коррупция отрицательно влияет на спорт и организацию спортивных соревнований, что приносит ущерб для государства и населения. Поэтому борьба с коррупцией – это важный элемент развития экономики и социальных отношений, позволяющих регулировать формат и контекст социально приемлемого поведения, позволяющего говорить о личных и социально значимых достижениях.

По мнению экспертов, одной из основных причин коррупции в спорте является желание получить доходы и богатство за счет спортивной деятельности. Так многие люди стремятся использовать спорт для личных выгод, в том числе путем получения взяток и подкупов. Срабатывает психологический подход интерпретации причин коррупции.

Люди слабы и всегда стремились найти наиболее простой способ получения желаемого. Дать взятку и получить желаемое – порой самое простое, что можно сделать, но это не значит, что

самое правильное. Это личный выбор и ответственность. (М.Ю., спортсмен)

легкоатлет, 8 лет в профессиональном спорте).

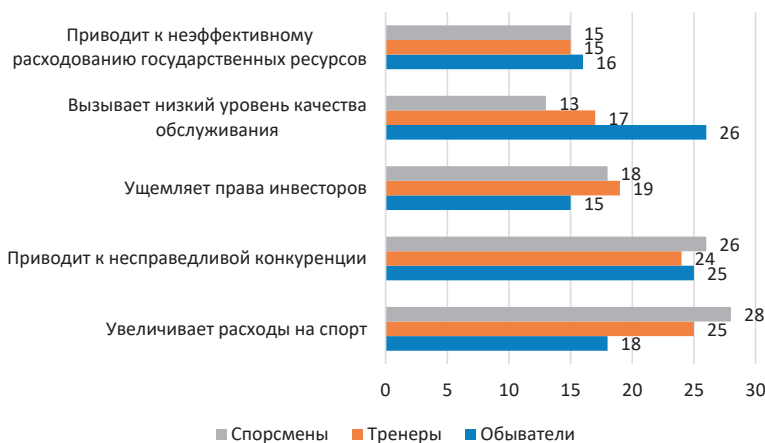

Рис. 2. Оценка последствий коррупции по мнению представителей разных групп (в %)

Таким образом, коррупция отрицательно влияет на спорт и организацию спортивных соревнований, что приносит ущерб для государства и населения. Поэтому борьба с коррупцией – это важный элемент развития экономики и социальных отношений, позволяющих регулировать формат и контекст социально приемлемого поведения, позволяющего говорить о личных и социально значимых достижениях.

По мнению экспертов, одной из основных причин коррупции в спорте является *желание получить доходы и богатство* за счет спортивной деятельности. Так многие люди стремятся использовать спорт для личных выгод, в том числе путем получения взяток и подкупов. Срабатывает психологический подход интерпретации причин коррупции.

Люди слабы и всегда стремились найти наиболее простой способ получения желаемого. Дать взятку и получить желаемое – порой самое простое, что можно сделать, но это не значит, что самое правильное. Это личный выбор и ответственность. (М.Ю., спортсмен-легкоатлет, 8 лет в профессиональном спорте).

Быть богатым, потому что ты победил и быть богатым, потому что подстраховался, договорившись с нужными людьми

ми – это два способа проживания жизни и понимания того, кто для чего пришел в большой спорт. Для одних это может быть неприятная сторона спорта, для других – обычные вопросы, решение которых приведет к гарантированному результату. (Д.А., спортсмен-тяжелая атлетка, 12 лет в профессиональном спорте).

Другим фактором является *высокая конкуренция* в спорте. Желая получить преимущество перед другими, участники могут воспользоваться коррупционными методами, чтобы достичь желаемого результата. Интерпретация этой причины затрагивает психологический и социологический подходы анализа сложившейся ситуации в спорте.

Из-за высокой конкуренции некоторые спортсмены предпочитают обходные варианты получения желаемого – дают взятки и получают то, что хотят. (Н.Р., спортсмен-гиревого спорта, 8 лет в профессиональном спорте).

Конкуренция хороша, когда, когда у тебя есть шансы победить, когда же их нет – тогда ищут другие способы получения желаемого – дают взятки. И это работает. В нашей стране точно. (В.В., спортсмен-биатлонист, 10 лет в профессиональном спорте).

Также проблема коррупции в спорте связана с органами управления спор-

тивными мероприятиями, которые могут использовать свое влияние и нарушать правила, чтобы достичь желаемого результата.

Некоторые организаторы спортивных соревнований изначально ставят условия, при которых спортсмены могут принять участие и заранее распределить места первенства за вознаграждение. Это делается все красиво и не бросается в глаза, но создать условия для приоритета одних и отодвигания других по независящим причинам – всегда можно. Вопрос цены и корректности реализации задачи. (Г.Ю., тренер-биатлонист, 15 лет тренерской работы).

Кто организует и управляет спортивными соревнованиями тот во многом выступает кукловодом и спортсменов и тренеров и спонсоров и даже болельщиков. На них работают психологи и пиарщики, рекламщики и маркетологи, которые знают и умеют влиять на сознание всех участников спортивных соревнований через образы, символы, слова, звуки и прочее. Организация спортивных состязаний – это искусство манипулирования, похлеще политических интриг. (Г.Г., спонсор спортивных соревнований, представитель ВТБ-Банк, 19 лет организует проекты поддержки спортивных соревнований).

Кроме того, социальный контекст может обуславливать распространение

коррупции в спорте. Если в обществе не принято наказывать за коррупционные действия или если коррупция воспринимается как норма, то эти культурные ценности могут влиять на поведение участников спорта. Наиболее масштабно включается социологический подход анализа причин распространения коррупции.

У меня складывается впечатление, что всем все равно – кто что кому дает в виде взятки на соревнованиях, главное, чтобы игра состоялась или индивидуальное выступление прошло – а остальное, это закулисная игра, которая мало кого волнует. Главное внешняя картинка, а не суть. Картинка как правило всегда есть. Поэтому коррупцию в спорте искоренить нельзя, так как она не волнует большинство. (А.А., тренер по боксу, 25 лет тренерской работы).

Социальный контекст нежелания бунтовать, протестовать против коррупционных действий приводит к тому, что с коррупцией строго не борются, с ней смирились. И если об этом не узнает общественность, то никто и не поднимает шума, так как это не выбивается из общего контекста социального развития. (Д.Н., тренер по греко-римской борьбе, 22 года тренерской работы).

На рисунке 3 представлено распределение ответов по причинам коррупции в спорте.

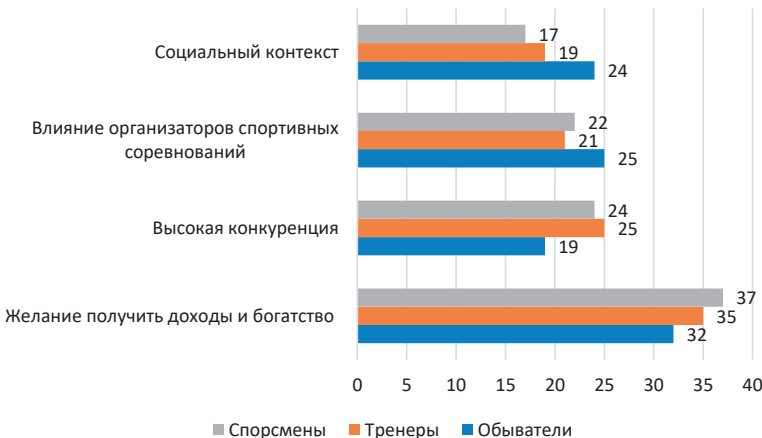

Рис. 3. Причины коррупции в спорте (в %)

Помимо этого, участники фокус-группового исследования, пришли к следующим выводам. Коррупция в спорте имеет серьезные последствия для спортивной индустрии и общества в целом. Результаты соревнований будут недоверенными и несправедливыми. Это может понизить престиж спорта и нанести ущерб здоровью и карьере спортсменов, а также негативно влиять на их репутацию. Коррупция может затормозить или заблокировать участие в спортивной соревновательной деятельности тех, кто не входит в коррупционные схемы и тем самым ограничит свободный доступ к конкуренции в спорте.

Итак, коррупция в спорте – это серьезная проблема, которая влияет на многие аспекты спортивной деятельности. Результаты опроса россиян и фокус-группового исследования подчеркивают разнообразные важные стороны этого процесса.

Для решения этой проблемы необходимо внедрить строгие правила и механизмы контроля, а также воспитывать культуру честности и этики в спортивном сообществе. Борьба с коррупцией в спорте должна быть приоритетной задачей для органов управления и ответственности в целом, чтобы обеспечить честную и прозрачную спортивную среду для всех.

Литература

1. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
2. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблема взяточничества на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 106.
3. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Антикоррупционная культура среди спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2023. № 4. С. 102.
4. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Особенности бессознательных стратегий спортивных достижений студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.
5. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
6. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.
7. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.
8. Туркова В.Н. Взятка как социальное действие (на основе системной теории Т. Парсонса) // Социология. 2022. № 5. С. 65–71.
9. Туркова В.Н. Коррупция как угроза социальной стабильности // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 75–78.
10. Туркова В.Н. Портрет государственного коррупционера // Социология. 2023. № 1. С. 97–105.
11. Туркова В.Н. Социальные условия коррупции: истина где-то рядом // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 76–79.
12. Туркова В.Н. Коррупция на спортивных соревнованиях: анализ общественного мнения // Социология. 2023. № 3. С. 67–73.
13. Туркова В.Н. Взятка на спортивных соревнованиях: анализ общественного мнения // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 апреля 2023 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 153–156.

EXPERT ANALYSIS OF CORRUPTION IN SPORTS

Turkova V.N.

Irkutsk National Research Technical University

The article provides an expert analysis of a focus group study of the spread of corruption in sports, which examines the causes of corruption in sports, its forms and how it affects sports and sports competitions. Also used are data from a mass survey of Russians – spectators of sports competitions, as well as the athletes themselves, coaches and sponsors about the features of the spread of corruption in sports.

Keywords: corruption, sport, expert analysis, focus group, public opinion.

References

1. Ardashev R.G., Turkova V.N. The attitude of athletes to the violation of moral and legal norms at sports competitions in the aspect of sociological analysis // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2023. No. 7. P. 65.
2. Ardashev R.G., Turkova V.N. The problem of bribery at sports competitions in the aspect of sociological analysis // *Theory and practice of physical culture*. 2023. No. 2. P. 106.
3. Ardashev R.G., Turkova V.N. Anti-corruption culture among athletes // *Theory and practice of physical culture*. 2023. No. 4. P. 102.
4. Ardashev R.G., Turkova V.N. Features of unconscious strategies of students' sports achievements // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2022. No. 9. P. 38.
5. Ardashev R.G., Turkova V.N. Sports achievements of students in the structure of social success // *Theory and practice of physical culture*. 2022. No. 12. P. 90.
6. Polyushkevich O.A. Moral and social identity in pro-social practices // *Sociology*. 2023. No. 1. S. 79–85.
7. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V. Prosocial practices in sports activities // *Theory and practice of physical culture*. 2023. No. 2. P. 50.
8. Turkova V.N. Bribe as a social action (on the basis of the system theory of T. Parsons) // *Sociology*. 2022. No. 5. S. 65–71.
9. Turkova V.N. Corruption as a threat to social stability // *Methodology for preventing threats in the XXI century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022, pp. 75–78.
10. Turkova V.N. Portrait of a state corrupt official // *Sociology*. 2023. No. 1. S. 97–105.
11. Turkova V.N. Social conditions of corruption: the truth is somewhere nearby // *In search of social truth*. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 76–79.
12. Turkova V.N. Corruption in sports competitions: analysis of public opinion // *Sociology*. 2023. No. 3. S. 67–73.
13. Turkova V. N. A bribe in sports competitions: an analysis of public opinion // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice: materials of the V International scientific and practical conference*. Irkutsk, April 20, 2023 / ISU; under total ed. M.G. Tirsikh, G.V. Druzhinina. Irkutsk: IGU Publishing House, 2023. P. 153–156.

Формирование средовой идентичности учебных мигрантов в российских вузах

Волков Юрий Григорьевич,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, ФГАОВ ВО «Южный федеральный университет»; научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН
E-mail: ugvolkov@sfned.ru

Курбатов Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: kurbashy@list.ru

Гаврилов Павел Сергеевич,

аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ, ФГАОВ ВО «Южный федеральный университет»,
E-mail: pgavrilov@sfned.ru

В работе показано, что адаптация иностранных студентов выражается в формировании наряду в этнокультурной идентичностью так называемой средовой идентичности, выражающейся во включении их в социальные отношения принимающего общества в приспособлении к поликультурной образовательной среде вуза, во включении в межкультурную коммуникацию, посредством которой вырабатывается межкультурная толерантность и поликультурные коммуникативные компетенции, являющиеся маркерами интеграции иностранных студентов в полиэтническую среду вуза, города и региона, что является важным фактором интеграции их полиэтническую образовательную среду вуза и принимающего общества. Средовая идентичность иностранных учебных мигрантов имеет гибридный характер, т.е. выражается в сложном смешении различных социокультурных составляющих, в том числе характеристики полиэтнической образовательной среды вуза, во встраивании иностранных учебных мигрантов в межкультурную коммуникацию, которая способствует формированию межкультурной толерантности и поликультурных коммуникативных компетенций, являющиеся маркерами интеграции иностранных студентов в полиэтническую среду вуза, города и региона.

Ключевые слова: учебный мигрант, адаптация, социализация, идентичность, межкультурная коммуникация, межкультурная толерантность, поликультурные коммуникативные компетенции.

Актуальность темы исследования

Адаптация иностранных студентов является важным фактором интеграции их полиэтническую образовательную среду вуза и принимающего общества. При этом под адаптацией понимается приспособление учебных мигрантов к условиям принимающего общества, а интеграция это – процесс встречного движения культур принимающего общества и культур мигрантов, гибридное смешение культурных норм и ценностей.

Исследование формирования средовой идентичности иностранных образовательных мигрантов в процессах адаптации является актуальной практической и теоретической задачей, поскольку указанные процессы есть важная часть социальной динамики современного общества.

Цель исследования

Исследовательской целью данной работы является рассмотрение многогранных аспектов адаптации иностранных учебных мигрантов, в процессе которой формируется средовая идентичность, являющаяся маркером интеграции их в полиэтническую образовательную среду вуза, включении в межкультурную и межкультурную коммуникацию, способствующие выработке межкультурной и полиэтнической компетенции и толерантности.

Авторская гипотеза

Средовая идентичность иностранных учебных мигрантов формируется в процессе их адаптации и выражается в профессиональной, вузовской, городской и региональной составляющих. Средовая идентичность выступает как дополнительная идентичность и она характеризует идентификационный социальный портрет иностранных учебных мигрантов наряду с этно-национальной, социокультурной и религиозно-конфессиональной составляющими. В соответствии с этим

средовая идентичность иностранных учебных мигрантов имеет гибридный характер, т.е. выражается в сложном смешении различных социокультурных составляющих,

Методология исследования

Для анализа составляющих адаптационного процесса современных иностранных учебных мигрантов в российских ВУЗах и для исследования формирования средовой идентичности использованы продукты социальных медиа, сервисы мониторингов социологических и социально-психологических служб, так называемые «Индикаторы образования ВШ РФ», официальные статистические данные, методические разработки по адаптации и социализации мигрантов, авторские работы отечественных исследователей по данной тематике, результаты социологических и социально-психологических опросов и исследований, а также результаты онлайн-анкетирования и тестирования. Выборка осуществлялась в поисковой системе посредством набора терминов «учебный мигрант» «образовательный мигрант» и «иностранец студент в российском вузе», а также атрибутивных характеристик концепта «учебный мигрант» таких как «адаптация», «социализация», «аккультурация» в соответствующем событийном или оценочном контенте. При этом применялись также методы концептуализации и категоризации, обусловленные применением указанных методов к кросс-культурным процессам гибридизации, что связано с выявлением культурных или субкультурных границ этно-национальных сообществ, а также использованы методы выявления и анализа доминирования определённых культурных черт и дискурсивные методы анализа гибридных форм для анализа смешанных социокультурных феноменов.

Обсуждение

Образовательная миграция и адаптация учебных мигрантов, как пишут такие отечественные исследователи, как А.В. Демина, О.Д. Выхованец, М.П. Замотин, В.К. Николаев, П.П. Лисицын и другие,

являются многозначными и многоаспектными явлениями и их изучение требует междисциплинарного подхода [1]. Основными трудностями или так называемыми барьерами успешной адаптации, по мнению таких исследователей, как П.Г. Гусейн-заде, А.А. Деревянченко, Ю.А. Марина являются следующие: психологическая неуверенность 21%, личностные особенности 8%, слабое развитие саморефлексии 6%, объективные обстоятельства 16%, слабая мотивация преодоления барьеров 4%, и языковой барьер 9,8% [2].

Отечественные исследователи Т.Л. Андреева, Е.Ю. Кошелева, Ю.А. Кикинин, А.А. Мазюкова, Н.А. Полихина, Е.И. Самофалова, подчеркивают, что 47,3% считают набор учебных дисциплин совершенно обоснованным, а 19,8% полагают, набор учебных дисциплин должен зависеть от уровня обучения или того или иного варианта образовательной программы, 22,4% опрошенных полагают учебную программу оптимальной, а 23,4% опрошенных студентов ратуют за увеличение лекционных часов. При этом 55,7% образовательных мигрантов ответили в опросе, что учебные часы практических занятий вполне оптимально рассчитаны. 44,4% из них считают, времени, отведенного для изучения русского языка недостаточно, а 20,6% полагают, что нужно увеличить часы для изучения других иностранных языков. При этом выявлено, что иностранные студенты получают поддержку от преподавателей, это отмечают 31% опрошенных и 16% ответили, что получают помощь от сотрудников кафедр и деканатов [3].

По данным опросов в Томском государственном университете и Московском государственном университете культуры и искусств, приведенные такими исследователями как Ю.С. Барышева, А.П. Краснопольская, А.В. Ларионова, Э.И. Мещерякова, Е.Ю. Ливенцова, А.П. Фахретдинова, Т.А. Костюкова, В.А. Федотова, «58,5% считают, что российские вузы обеспечивают качественное образование; 38,5% уверены в хороших перспективах получения профессии в российском вузе, 48% имеют

планы остаться жить и работать в нашей стране, а 16% имеют планы продолжить обучение в России» [4].

Согласно исследованиям, проведенным Е.Ю. Кошелевой и Ю.А. Кикеиной среди иностранных студентов Российского университета, учебные практики образовательных мигрантов являются вполне успешными [5].

По данным таких исследователей, как Р.Д. Хунагов, П.С. Гаврилов и А.С. Магранов, 23,8% опрошенных в Южном федеральном университете все устраивает в учебном процессе, 6,5% воздержались от ответа и только 0,3% хотели бы сменить преподавателя. 3,3% считают, что нужно оптимизировать учебную программу, 0,6% отметили, что среди учебных дисциплин есть практически бесполезные, 0,9% выразили желание увеличения числа практикумов, 0,4% считают, что нужно уменьшить объемы домашних заданий, 1,7% полагают, что нужно ввести преподавание на нескольких языках, а 0,6% хотели бы изучать другие иностранные языки [6].

Адаптация к учебным практикам является базовой составляющей общего процесса социальной адаптации. Другие ее составляющие многогранный процесс адаптации представлены в таблице, результирующей указанные показатели исследования социализации и адаптации иностранных студентов Пензенского государственного университета, проведенного такими исследователями как А.А. Дашкина, А.В. Куц, А.А. Макбол и Г.В. Синцова [7].

Таблица 1. Адаптивность, комфортность, интерактивность, депрессивность, отчужденность и ностальгия иностранных студентов в показателях

Шкалы	Средний балл
Адаптивность	7,9
Комфортность	9,5
Интерактивность	9,1
Депрессивность	5,8
Ностальгия	8,1
Отчужденность	7,1

Показатели конформности показывает готовность образовательных мигрантов строить отношения с окружающими и демонстрирует общее одобрение системы ценностей принимающего общества.

Показатели депрессивности говорит, что «образовательные мигранты не склонны к депрессии, что иллюстрирует готовность реализовать свои ожидания, связанные с социальной и профессиональной подготовкой. Показатели ностальгии констатирует некоторые аспекты расстройство, связанное с разрывом со своей традиционной национальной культурой» [7].

Показатели отчужденности иллюстрирует некоторую затрудненность, связанную со сложностями интеграции в новую социокультурную среду [8]. Следующим важным индикатором формирования средовой идентичности иностранных студентов являются маркеры выбора страны и вуза. В этом плане интересны результаты, полученные в исследовании А.Б. Бедного, О.А. Береговой, В.В. Ерофеевой, Л.В. Ерушкиной, С.С. Лопатиной, С.Ю. Мёдовой и Н.В. Отургашевой. По результатам проведенного опроса выявлено, что следующие основные факторы определяют выбор: а) позитивное отношение общества к иностранным студентам; б) доступная цена за платное обучение; в) наличие образовательных программ с востребованными языками; г) перспективы дальнейшего трудоустройства; д) высокое качество профессионального образования (считают, что в России качественное образование – 58,5%, имеются хорошие перспективы – 38,5%, планируют остаться в России – 48%, продолжить образование планируют – 16%); е) признание выпускных документов вузов РФ во многих странах мира. 34% выбрали именно Россию для получения образования, 41% выбрали вуз, желая получить качественное образование, 23% опрошенных критерием выбора вуза учитывали престижность избранной профессии. Выбор именно данного вуза и конкретной специальности актуальна и значима для 46% опрошенных [9].

Учитывая особенности адаптации иностранных образовательных мигрантов к образовательной среде российских вузов и их оценок перспектив дальнейших образовательных траекторий, у них, как отмечают такие российские исследователи как Ю.С. Барышева, Т.А. Костюкова, А.П. Краснопольская, А.В. Ларионова А.В., Э.И. Мещерякова, Е.Ю. Ливенцова, А.П. Фахретдинова, В.А. Федотова формируется так называемая средовая идентичность, т.е. идентичность выбранной профессии, идентичность вуза, города и региональная идентичность [10]. Поэтому одной из концепций идентичности стала так называемая «экоповеденческая теория» Р. Баркера. Одним из центральных понятий его теории является понятие «место поведения», характеризующее объективные показатели окружающей среды, которые обуславливают определенный набор типов поведения индивида [11].

Само понятие «среда» достаточно многозначно: это естественная природная среда, среда, связанная с преобразованием природы и среда социальная. По мнению О.Н. Яницкого, социальная среда включает в себя совокупность социальных референтных групп индивида [12]. Указанные характеристики среды являются факторами идентификации индивида с местом его проживания, работы или учебы. Так в исследовании М. Хейдеметса проиллюстрировано, что индивиду свойственно поддерживать определенный уровень пространственного контакта с другими людьми [13].

Как отмечают в своих исследованиях А.В. Куц и А.А. Дашкина средовая идентичность, выражающая механизмы интеграции иностранных образовательных мигрантов в социальную среду вуза, города и региона включает в себя элементы социальной идентичности как главные характеристики идентификационного портрета иностранного образовательного мигранта (табл. 2).

Позитивный результат характеризует положительные представления о социальном пространстве, сокращение социальной дистанции, способность эффективно адаптироваться и явные признаки

интеграции образовательного мигранта в соответствующую социальную среду. Негативный результат выражает пассивную адаптацию, низкий уровень оценки социального пространства, отсутствие способностей к конструктивному взаимодействию и недостаточную интегрированность в социальную среду [14].

Таблица 2. Уровни средовой (социокультурной и региональной) идентичности [7]

Тип и уровень идентичности	Результаты диагностики
Социокультурная идентичность	
Позитивный результат	32%
Негативный результат	12%
Региональная идентичность	
Позитивный результат	40%
Негативный результат	16%

Позитивная средовая идентичность, включающая в себя профессиональную, вузовскую, социокультурную городскую и региональную идентичности, выражает способность и готовность к межкультурному сотрудничеству, что является важнейшим фактором интеграции иностранного образовательного мигранта в соответствующую социальную среду. Таким образом формируемая средовая идентичность является дополнительной идентичностью иностранных студентов в российских вузах наряду с этно-национальной и конфессиональной идентичностью и является по существу смешанной идентичностью типа.

Как показывают исследования таких авторов, как М.Л. Арипова, Т.В. Боброва, В.И. Болли, С.А. Дранишников, И.В. Павлов, Т.В. Кулиш, Р.Р. Туктарова, М.Э. Хамиди в полиэтнической образовательной среде российских вузов у иностранных студентов формируется полиэтническая толерантность, которая включает в себя формирование положительного отношения иностранных студентов к русской культуре и к России в целом [15].

Согласно исследованиям таких отечественных авторов, как М.А. Винокурова, Н.П. Васильева, Е.А. Помигуева, В.В. Томин, Е.В. Воеводина, А.Г. Тюри-

ков, Е.Е. Царева «межкультурная коммуникация с одной стороны, обогащает национальные культуры, с другой – создает вторичную, новую, личность с новой языковой средой», которая в межкультурном диалоге сближает людей разных культур, создает единые кросскультурные традиции, формирует межкультурную толерантность на основе интересующего взаимодействия иностранных студентов, в результате чего устраняются социокультурные барьеры и сокращается социокультурная дистанция, что является важнейшими факторами интеграции учебных мигрантов в образовательную среду российских вузов [16].

Основные результаты

Обосновано, что средовая идентичность иностранных учебных мигрантов имеет гибридный характер, т.е. выражается в сложном смешении различных социокультурных составляющих, главными из которых являются характеристики полиэтнической образовательной среды вуза, смешение мигрантских потоков, встраиванием иностранных учебных мигрантов в межкультурную коммуникацию и социальную, культурную, языковую и территориальную среду принимающего общества.

Показано, что в процессе социальной адаптации иностранные студенты включаются в межкультурную коммуникацию, посредством которой вырабатывается межкультурная толерантность и поликультурные коммуникативные компетенции, являющиеся маркерами интеграции иностранных студентов в полиэтническую среду вуза, города и региона.

Литература

1. Выхованец, О.Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php> (дата обращения: 12.04.2018).; Демина, А.В. Актуальность изучения образовательных миграций / А.В. Демина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 16 (202). – С. 267–268. – URL: <https://moluch.ru/archive/202/49544/> (дата

обращения: 24.02.2023).; Замотин, М.П. Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов // Дискурс. 2016. № 5. – С. 77–86.; Николаев, В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2. – С. 149–166.

2. Гусейн-заде, П.Г., Деревянченко, А.А. Иностранные студенты в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. – С. 139–151; Марина, Ю.А. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Известия Волгоградского педагогического университета. 2018. № 3 (126). – С. 41–46.
3. Кошелева, Е.Ю., Самофалова, Е.И., Андреева, Т.Л., Мاستрюкова, А.А. Организация учебного процесса в сфере внешней образовательной миграции на примере Томского государственного университета. Томск. Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 73. – С. 173–179.; Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации: колл. монография / науч. ред. Е.Ю. Кошелева. – Томск: «РАУШ МБХ», 2011. – 204 с.
4. Барышева, Ю.С., Краснопольская, А.П. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 6 (68). – С. 108–115.; Ларионова, А.В., Мещерякова, Э.И., Ливенцова, Е.Ю., Фахретдинова, А.П., Костюкова, Т.А. Проблемы формирования средовой идентичности образовательных мигрантов (на примере города Томска) // Человек и культура. – 2019. – № 6. – С. 98–105.; Федотова, В.А. Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран // Социальная психология и общество. 2022.

- Том 13. № 2. – С. 109–122.; Береговая, О.А. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах / О.А. Береговая, С.С. Лопатина, Н.В. Отургашева // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 2(38). – С. 108–118. – DOI 10.32744/pse.2019.2.9. – EDN TX-KIMV.
5. Кошелева, Е.Ю., Кикенина, Ю.А. Трансформация учебных практик китайских студентов Российского университета // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31547> (дата обращения: 01.03.2023).
 6. Хунагов, Р.Д., Магранов, А.С., Гаврилов, П.С. Адаптация учебных мигрантов в российских вузах: современные научные подходы и мнения иностранных студентов // Гуманитарий Юга России. 2021. № 6. – С. 174–185.
 7. Universum: психология и образование: научный журнал. – № 4(82). М., Изд. «МЦНО», 2021. – 20 с. – Электрон. версия печ. публ. – <http://7universum.com/ru/psy/archive/category/482>
 8. Куц, А.В., Макбол, А.А.О., Дашкина, А.А. Программа профилактических мероприятий с иностранными студентами Пензенского государственного университета. В сборнике: Межкультурная коммуникация в современном мире. материалы VIII Международной научно-практической конференции иностранных студентов. под ред. Г.В. Синцова, А.В. Куц. 2019. – С. 85–91.; Куц, А.В., Дашкина, А.А. Особенности социализации иностранных студентов в поликультурной среде вуза // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2021. № 4(82). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11465> (дата обращения: 21.02.2023).
 9. Бедный, А.Б., Ерушкина, Л.В. Нижний Новгород глазами иностранных студентов: социологический анализ. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2011. – 58 с.; Береговая, О.А., Лопатина, С.С., Отургашева, Н.В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). – С. 108–118.; Мёдова, С.Ю., Ерофеева, В.В. Изучение особенностей и механизмов выбора иностранными студентами российского вуза для обучения // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31553> (дата обращения: 27.02.2023).
 10. Барышева, Ю.С., Краснопольская, А.П. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 6 (68). – С. 108–115.; Ларионова, А.В., Мещерякова, Э.И., Ливенцова, Е.Ю., Фахретдинова, А.П., Костюкова, Т.А. Проблемы формирования средней идентичности образовательных мигрантов (на примере города Томска) // Человек и культура. – 2019. – № 6. – С. 98–105.; Федотова, В.А. Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. – С. 109–122.
 11. Barker, R.G. Ecological Psychology. Stanford. 1968. [Электронный ресурс/URL: [https://www.researchgate.net/publication/260248175 Ecological Psychology](https://www.researchgate.net/publication/260248175_Ecological_Psychology)].
 12. Яницкий, О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. – С. 70–84.
 13. Хейдметс, М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. – Таллин, 1988. – С. 5–15.
 14. Куц, А.В., Дашкина, А.А. Особенности социализации иностранных студентов в поликультурной среде вуза // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2021. № 4(82). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11465>

- sum.com/ru/psy/archive/item/11465 (дата обращения: 21.02.2023).
15. Арипова, М.Л. Современный мир и проблема толерантности. Проблемы педагогики, 2018, (1): 13–15.; Боброва, Т.В., Дранишников, С.А. Развитие идентичности и толерантности у студентов иностранных вузов. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2020, 4(3): 187–197. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-187-197>.; Болли, В.И. Формирование этнической толерантности и гражданской идентичности как фактора успешной интеграции подростков-мигрантов в образовательную среду / В.И. Болли, Р.П. Туктарова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 988–990. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/25713/> (дата обращения: 22.03.2023).; Павлов, И.В., Кулиш, Т.В. Педагогические условия формирования толерантности у обучающихся в образовательных учреждениях среднего профессионального образования. Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 2019, № 2. – С. 170–178. DOI: 10.26293/chgpu.2019.102.2.02.; Хамиди, М.Э. Педагогические условия организации толерантного педагогического сотрудничества иностранных студентов в вузе. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, 2018, № 3. – С. 299–303.
 16. Винокурова, М.А., Васильева, Н.П. Роль межкультурной коммуникации в системе высшего образования // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019. № 4. – С. 2–9. <https://sfk-mn.ru/PDF/43KLSK419.pdf> (доступ свободный).; Воеводина, Е.В., Тюриков, А.Г. Социокультурные барьеры адаптации иностранных обучающихся в условиях российского высшего образования // Народонаселение. 2021. Т. 24. – С. 134–146.; Помигуева, Е.А. Межкультурный диалог в услови-

ях современного полиэтничного образования // Современные наукоемкие технологии. – 2018. – № 12–1. – С. 220–224. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37291> (дата обращения: 11.04.2023).; Томин, В.В. Формирование толерантности студентов как фактор продуктивного кросс-культурного взаимодействия // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17779> (дата обращения: 15.04.2023).; Царева, Е.Е. Особенности развития межкультурной коммуникации студентов инженерного вуза в условиях зарубежной производственной практики // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 6.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29297> (дата обращения: 11.04.2023).

FORMATION OF THE ENVIRONMENTAL IDENTITY OF EDUCATIONAL MIGRANTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Gavrilov P.S.

Southern Federal University; South-Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The paper shows that the adaptation of foreign students is expressed in the formation of the so-called environmental identity along with the ethno-cultural identity, which is expressed in their inclusion in the social relations of the host society and in adaptation to the multicultural educational environment of the university, in inclusion in intercultural communication, through which intercultural tolerance and multicultural communicative competencies, which are markers of the integration of foreign students into the multi-ethnic environment of the university, city and region, is an important factor in integrating their multi-ethnic educational environment of the university and the host society. The environmental identity of foreign educational migrants has a hybrid character, i.e. is expressed in a complex mixture of various sociocultural components, including the characteristics of the multi-ethnic educational environment of the university, in the embedding of foreign educational migrants in intercultural communication, which contributes to the formation of intercultural tol-

erance and multicultural communicative competencies, which are markers of the integration of foreign students into the multi-ethnic environment of the university, city and region.

Keywords: educational migrant, adaptation, socialization, identity, intercultural communication, intercultural tolerance, multicultural communicative competences.

Reference

1. Vykhovanets, O.D. Educational migration as part of Russia's migration policy. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php> (date of access: 04/12/2018).; Demina, A.V. The relevance of studying educational migrations / A.V. Demina. – Text: direct // *Young scientist*. – 2018. – No. 16 (202). – P. 267–268. – URL: <https://moluch.ru/archive/202/49544/> (date of access: 24.02.2023).; Zamotin, M.P. Educational migration in migration studies of Russian authors // *Discourse*. 2016. No. – P. 77–86.; Nikolaev, V.K. Export of Education in Russian Universities in the New Reality // *Higher Education in Russia*. 2022. V. 31. No. 2. – P. 149–166.
2. Huseynzade, P.G., Derevyanchenko, A.A. Foreign students in Russian universities // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2021. No. 1. – P. 139–151; Marina, Yu.A. Socio-cultural adaptation of foreign students to the conditions of education in Russian universities // *Bulletin of the Volgograd Pedagogical University*. 2018. No. 3 (126). – P. 41–46.
3. Kosheleva, E. Yu., Samofalova, E.I., Andreeva, T.L., Mastryukova, A.A. Organization of the educational process in the field of external educational migration on the example of Tomsk State University. *Tomsk. Bulletin of Tomsk State University. Story*. 2021. No. 73. – P. 173–179.; Portrait of an educational migrant. The main aspects of academic, linguistic and sociocultural adaptation: call. monograph / scientific. ed. E. Yu. Koshelev. – Tomsk: «RAUSH MBH», 2011. – 204 p.
4. Barysheva, Yu.S., Krasnopolskaya, A.P. Transformation of Identity in the Conditions of the Socio-Cultural Space of a Megapolis // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. – 2015. – No. 6 (68). – P. 108–115.; Larionova, A.V., Meshcheryakova, E.I., Liventsova, E. Yu., Fakhretdinova, A.P., Kostyukova, T.A. Problems of formation of environmental identity of educational migrants (on the example of the city of Tomsk) // *Man and Culture*. – 2019. – No. 6. – P. 98–105.; Fedotova, V.A. Influence of acculturation strategies, ethnic identity, cultural distance on the socio-cultural adaptation of students from Arab countries // *Social psychology and society*. 2022. Volume 13. No. 2. – P.109–122.; Beregovaya, O.A. Barriers of socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities / O.A. Beregovaya, S.S. Lopatina, N.V. Oturgasheva // *Prospects of science and education*. – 2019. – № 2(38). – Pp. 108–118. – DOI 10.32744/pse.2019.2.9. – EDN TX-KIMV.
5. Kosheleva, E. Yu., Kikenina, Yu.A. Transformation of educational practices of Chinese students of the Russian University // *Modern problems of science and education*. – 2022. – No. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31547> (date of access: 03/01/2023).
6. Khunagov, R.D., Magranov, A.S., Gavrillov, P.S. Adaptation of educational migrants in Russian universities: modern scientific approaches and opinions of foreign students // *Humanitarian of the South of Russia*. 2021. No. 6. – P.174–185.
7. *Universum: Psychology and education: scientific journal*. – No. 4(82). M., Publishing house "MCNO", 2021. – 20 p. – Electron. version of the oven. publ. – <http://7universum.com/ru/psy/archive/category/482>
8. Kuts, A.V., Makball, A.A.O., Dashkina, A.A. Program of preventive measures with foreign students of the Penza State University. In the collection: *Intercultural communication in the modern world. materials of the VIII International scientific-practical conference of foreign students*. ed. G.V. Sintsova, A.V. Kuts. 2019. – P. 85–91 .; Kuts, A.V., Dashkina, A.A. Features of the socialization of foreign students in the multicultural environment of the university // *Universum: psychology and education: electron. scientific magazine* 2021. № 4 (82). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11465> (date of access: 02/21/2023).
9. Bedny, A.B., Erushkina, L.V. *Nizhny Novgorod through the eyes of international students: a sociological analysis*. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod state. un-ta im. N.I. Lobachevsky, 2011. – 58 p.; Beregovaya, O.A., Lopatina, S.S., Oturgasheva, N.V. Barriers of socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities // *Prospects of science and education*. 2019. No. 2 (38). –

- P. 108–118.; Medova, S. Yu., Erofeeva, V.V. Study of the features and mechanisms of choice by foreign students of a Russian university for training // *Modern problems of science and education*. – 2022. – No. 2. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=31553> (date of access: 27.02.2023).
10. Barysheva, Yu.S., Krasnopolskaya, A.P. Transformation of Identity in the Conditions of the Socio-Cultural Space of a Megapolis // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. – 2015. – No. 6 (68). – P. 108–115.; Larionova, A.V., Meshcheryakova, E.I., Liventsova, E. Yu., Fakhret-dinova, A.P., Kostyukova, T.A. Problems of formation of environmental identity of educational migrants (on the example of the city of Tomsk) // *Man and Culture*. – 2019. – No. 6. – P. 98–105.; Fedotova, V.A. Influence of acculturation strategies, ethnic identity, cultural distance on the socio-cultural adaptation of students from Arab countries // *Social psychology and society*. 2022. Volume 13. No. 2. – P.109–122.
 11. Barker, R.G. environmental psychology. Stanford. 1968. [Electronic resource/URL: [https://www.researchgate.net/publication/260248175 Ecological_Psychology](https://www.researchgate.net/publication/260248175_Ecological_Psychology).
 12. Yanitsky, O.N. Alternative sociology // *Sociological journal*. 1994. No. 1. – P. 70–84.
 13. Heidmets, M. The phenomenon of environment personalization: theoretical analysis // *Environmental conditions of group activity*. – Tallinn, 1988. – P.5–15.
 14. Kuts, A.V., Dashkina, A.A. Features of the socialization of foreign students in the multicultural environment of the university // *Universum: psychology and education: electron. scientific magazine* 2021. No. 4(82). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11465> (date of access: 02/21/2023).
 15. Aripova M.L. The modern world and the problem of tolerance. *Problems of Pedagogy*, 2018, № (1). – P. 13–15.; Bobrova, T.V., Dranishnikov, S.A. Development of identity and tolerance among students of foreign universities. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*, 2020, № 4(3). – P.187–197. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-187-197>.; Bolli, V.I. Formation of ethnic tolerance and civil identity as a factor in the successful integration of adolescent migrants into the educational environment / V.I. Bolli, R.R. Tuktarova. – Text: direct // *Young scientist*. – 2016. – No. 3 (107). – P.988–990. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/25713/> (date of access: 03/22/2023).; Pavlov, I.V., Kulish, T.V. Pedagogical conditions for the formation of tolerance among students in educational institutions of secondary vocational education. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovleva*, 2019, № (2). – P.170–178. DOI: 10.26293/chg-pu.2019.102.2.02.; Hamidi, M.E. Pedagogical conditions for the organization of tolerant pedagogical cooperation of foreign students at the university. *Scientific notes of the University. P.F. Lesgaft*, 2018, No. 3. – P.299–303.
 16. Vinokurova, M.A., Vasil'eva, N.P. The role of intercultural communication in the system of higher education // *World of Science. Sociology, philology, cultural studies*, 2019. No. 4. – P. 2–9. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/43KLSK419.pdf> (free access).; Voevodina, E.V., Tyurikov, A.G. Socio-cultural barriers of adaptation of foreign students in the conditions of Russian higher education // *Population*. 2021. T. 24. – P. 134–146.; Pomigueva, E.A. Intercultural dialogue in the context of modern multi-ethnic education // *Modern high technologies*. – 2018. – No. 12–1. – P.220–224. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37291> (date of access: 04/11/2023).; Tomin, V.V. Formation of students' tolerance as a factor of productive cross-cultural interaction // *Modern problems of science and education*. – 2015. – No. 1–1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17779> (date of access: 04/15/2023).; Tsareva, E.E. Features of the development of intercultural communication of students of an engineering university in the conditions of foreign industrial practice // *Modern problems of science and education*. – 2019. – No. 6.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29297> (date of access: 04/11/2023).

Патриотизм в восприятии современной студенческой молодёжи

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Верпатова Оксана Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета
E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

В статье рассматривается проблема согласованности понимания патриотизма молодым поколением и авторами программ по развитию патриотического воспитания. Анализируются особенности трактовок патриотизма, присутствующие в нормативно-правовых источниках, служащих основой реализации системы патриотического воспитания и планирования мероприятий. Приводятся результаты исследований, позволяющих охарактеризовать взгляд студенческой молодёжи на патриотизм и патриотическое воспитание.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, нормативно-правовое сопровождение, молодёжь, студенчество, социальные ценности, ценностные ориентации, социологическое исследование, эмпирическое исследование, современная социология, современное общество.

В настоящее время становится очевидным тот факт, что патриотическое воспитание нуждается в серьезном переосмыслении. Несмотря на поддержание некоторых существующих традиций патриотического воспитания молодого поколения и появление новых, проблема остается актуальной прежде всего потому, что понимание молодёжью патриотизма и его трактовка представителями формальных субъектов формирования патриотических ориентиров может серьезно различаться. Однако даже в тексте Конституции заложены приоритеты воспитания детей, где одним из направлений обозначено патриотическое воспитание: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим...»¹.

Если обратиться к данному параграфу Конституции Российской Федерации, то прослеживается выделение нескольких категорий, а именно – патриотизма и гражданственности. Соответственно, можно предположить, что при формулировке данного положения гражданственность, ее воспитание и формирование, обозначили как отдельную модель поведения, выделенную и обособленную от патриотизма. Стоит обратиться к другим нормативным актам, так или иначе использующим понятие патриотизма и патриотического воспитания молодёжи.

Алюбаева Г.Н., реализуя краткий обзор нормативных источников, затрагивающих патриотизм и его развитие в молодёжной среде, выделяет следующие

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>. Дата обращения: 13.07.2023.

щие: Федеральный Закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный Закон от 28.03.1998 № 53 «О воинской обязанности и военной службе»; Федеральный Закон от 12.01.1995 № 5 «О ветеранах»; Федеральный Закон от 13.03.1995 № 32 от «О днях воинской славы (победных днях) России»; Федеральный Закон от 19.05.1995 № 80 «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»; Федеральный Закон от 30.12.2020 № 489 «О молодёжной политике в Российской Федерации»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»².

Помимо вышеуказанных, следует выделить ряд дополнительных документов, в которых используется и определяется термин «патриотизм». Одним из таких документов можно считать текст государственной программы, на данный момент уже реализованной, – «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Постановление Правительства Российской Федерации об утверждении данной программы содержит в себе следующее определение патриотического воспитания: «Патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»³. Как можно заметить, здесь гражданственность, а точнее

гражданский долг внесен в определение, таким образом обозначая, что гражданственность и патриотизм формируются параллельно. Аналогичное разделение присутствует и в законе о молодёжной политике, где в рамках одного из ключевых направлений работы обозначено «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации»⁴.

Однако в указанном определении присутствует понятие «патриотическое сознание», которое интерпретации в дальнейшем тексте документа не получает, но из разбора целей программы можно предположить, что закладывается в это понятие. В частности, данная государственная программа была направлена на развитие гражданской ответственности за судьбу страны, формирование консолидированного общественного сознания, определенного чувства сопричастности к решению проблем и развитию своей страны, осознание преемственности поколений, культуры, истории, любви к Родине и семье. Эта любовь и осознанность предполагает свое воплощение через активную жизненную позицию. В дальнейшем можно наблюдать определенное разделение подвидов патриотического воспитания, поскольку в документации упоминается гражданско-патриотическое воспитание и военно-патриотическое воспитание. Стоит отметить, что в Федеральном Законе «О воинской обязанности и военной службе» фигурирует именно военно-патриотическое воспитание граждан, говорится о необходимости систематической работы в этом направлении органов власти и представителей военных ведомств.

Часто патриотизм упоминается в контексте значимых ценностей, обеспечивающих стабильное социальное и душевное благополучие граждан. URL: base.garant.ru/71296398/#friends. Дата обращения: 13.07.2023.

² См.: Любаева Г. Н. Краткий обзор нормативной правовой базы современного состояния патриотического воспитания в России // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 202–205.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [электронный ресурс] режим доступа: <https://>

⁴ Федеральный Закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>. Дата обращения: 13.07.2023.

хновое развитие граждан и государства в целом. Так в Указе Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» обозначено, что единство российского народа подкреплено едиными принципами и ценностями, такими как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм⁵. В недавнем Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» патриотизм, среди прочего, входит в число традиционных ценностей, таких как жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России⁶.

Соответственно, можно сделать вывод, что в нормативно-правовых документах, дающих определение патриотизму и патриотическому воспитанию, присутствует не только непосредственно сам термин «патриотизм», но и происходит его разделение на два уровня – гражданский патриотизм и военный патриотизм. В тоже время ёмкое и однозначное определение самому термину не дается, указываются отдельные составляющие патриотического поведения личности,

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>. Дата обращения: 13.07.2023.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. Дата обращения: 13.07.2023.

но не сформулированы индикаторы, позволяющие судить, насколько успешно происходит развитие патриотических черт. Но можно обратить внимание, что в большинстве указанных нормативно-правовых актов упор делается не столько на гражданскую составляющую, сколько на военно-патриотическую. В целом, военная тематика доминирует в трактовке патриотизма как такового, так и направлений патриотического воспитания молодёжи.

Архивный в настоящее время проект Федерального Закона «О патриотическом воспитании в Российской Федерации», основывающийся в некотором плане на более ранние документы, опирался на трансляцию понятия воспитания как деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде⁷. Данное определение использовано в Федеральном Законе от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» и, собственно, внесло данной определение воспитания в Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации», о чем упоминалось в более ранних статьях, посвященных этому вопросу⁸.

⁷ Архив Законопроекта № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7>. Дата обращения: 13.07.2023.

⁸ См., например, Калинин В.С. Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодёжи // Социология. 2022. № 5. С. 5–6.

В упомянутом законопроекте, внесенном для рассмотрения Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации ещё в 2017 году, впервые за весь предыдущий законодательный опыт регулирования норм воспитательных практик в духе патриотических ценностей, было дано определение патриотизма – «нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества»⁹.

Важно, что в данном проекте проводилось выделение ключевых направлений патриотического воспитания, которое направлено на всестороннее и комплексное развитие личности. В частности, предлагаются духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое направления, каждое из которых концентрируются на своих задачах. Так в рамках гражданско-патриотического направления деятельности подчеркивается важность привития ценностей труда, позитивной общественной деятельности и т.д. Таким образом, патриотизм расширяет сферы «служения Отечеству»: это не только военное дело, но и честное и ответственное выполнение своих профессиональных обязанностей, активная социальная позиция, творчество, несущее в себе созидательные мотивы. С одной стороны, такое усложнение может создать еще больше дискуссий вокруг определения термина «патриотизм», с другой – расширяет возможности для практической воспитательной деятельности, создает многообразие подходов к её организации и потенциал для вовлечения молодежи не только разных возрастных групп, но и различных интересов. Вероятно, что опыт подготовки данного законопроекта

использован в разработке актуальных документов, касающихся патриотического воспитания граждан Российской Федерации. А существующие наработки лягут в основу комплексных нормативных документов, посвященных воспитанию российской молодежи.

Важность единого подхода к определению патриотизма заключается в том, что именно это становится фундаментом системной и продуманной воспитательной работы, реализуемой на различных уровнях системы образования, общественными организациями, учреждениями культурно-досуговой сферы, спортивными организациями. Именно единство трактовки и системность становятся фундаментом непротиворечивого восприятия молодежью патриотизма, его значения и места в жизни гражданина. Сталкиваясь с разночтениями понятия, его сужением или подчеркиванием только одной составляющей, возникает риск того, что молодежь просто не воспримет патриотическое воспитание как представляющее для них значение, как настоящее, честное, а не искусственное, сконструированное ради выполнения формальных задач.

В связи с этим особый интерес представляет исследование того, как сама молодежь представляет на текущий момент патриотизм и как видит себя в контексте патриотического воспитания. Осенью 2022 года было проведено эмпирическое социологическое исследование методом анкетирования, в котором приняло участие 700 студентов, обучающихся в МГУ имени М.В. Ломоносова и Тверском государственном техническом университете. Студенты были выбраны в качестве объекта исследования, поскольку именно студенчество является той категорией молодежи, которая уже прошла большую часть ступеней образования, респонденты были участниками различных мероприятий, вовлекались в деятельность досугово-культурных объединений, секций, кружков, общественных организаций. Поэтому мнение именно студентов о том, как они воспринимают патриотизм, может послужить своеобразным промежуточ-

⁹ Архив Законопроекта № 315234–7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7>. Дата обращения: 13.07.2023.

ным индикатором работы современной системы патриотического воспитания в нашей стране.

Мнение студентов о том, можно ли назвать большинство современной российской молодёжи патриотами, оказалось неоднозначным, практически в равной степени они выбрали утвердительные ответы на данный вопрос и отрицательные варианты (Таблица 1). Это говорит о том, что в самой молодёжной среде к вопросу патриотизма и его восприятия нет единого отношения и мнения. В то же время самих себя 31,5% совершенно точно считают патриотами, 49,3% скорее считают себя патриотами, 14,5% считают себя скорее не патриотичными, и лишь 4,7% указали, что вообще не считают себя хоть в какой-то степени патриотами (Таблица 2). Учитывая, что часто человек старается приписать себе позитивные свойства в большей степени, чем негативные, то можно предположить, что несмотря на неоднозначное восприятие распространения патриотизма среди молодёжи, студенты считают патриотизм позитивным качеством, наделяя им себя.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, можно ли назвать большинство представителей современной молодёжи патриотами? В%

Варианты ответов	%
Да, можно	6,0
Скорее да, можно	42,5
Скорее нет, нельзя	42,0
Нет, нельзя	9,5

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, считаете ли Вы себя патриотом? В%

Варианты ответов	%
Да, считаю	31,5
Скорее да, считаю	49,3
Скорее нет, не считаю	14,5
Нет, не считаю	4,7

В связи с вышеизложенным представляет интерес взгляд студенческой молодёжи на то, кого можно назвать патриотами. Наиболее распространённым объяснением того, что студенты закладывают в понятие «патриот», является достаточно размытое определение «тот, кто любит свою страну» (этот вариант встречается у 55,4% респондентов от общей численности всех опрошенных), второй по популярности оказалась позиция, что «быть патриотом – значит пытаться сделать жизнь в стране лучше» (эту формулировку поддержали 41,3% респондентов от общей численности всех опрошенных), на третьем месте по частоте сделанных выборов оказались формулировки, что «быть патриотом – это знать и любить историю и культуру своей страны» (39,5%) и «быть готовым защищать свою страну» (38,2%) (Таблица 3). Как можно заметить по наиболее часто выбираемым вариантам ответа, студенческая молодёжь не склонна сводить патриотизм и его проявления исключительно к позиции военного патриотизма, чаще обращая внимание на гражданские проявления. Кроме того, есть ещё одна закономерность – молодёжи сложно вывести индикаторы понимания себя как патриота, возможно, именно поэтому зачастую они выбирают любовь к стране как наиболее очевидное определение (именно его чаще всего можно встретить в различных публицистических статьях и массовых источниках).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, что в Вашем понимании значит быть патриотом? В%

Варианты ответов	%
Любить свою страну	55,4
Ставить интересы своей страны превыше всего	10,0
Быть готовым защищать свою страну	38,2
Добросовестно работать и трудиться на благо своей страны	20,9
Уважать и соблюдать законы государства, честно платить налоги	18,6
Знать и любить историю и культуру своей страны	39,5

Окончание

Варианты ответов	%
Гордиться тем, что ты – гражданин этого государства	24,8
Пытаться сделать жизнь в стране лучше	41,3
Бережь природу заботиться об окружающем мире	17,5
Уважать своих сограждан	13,1
Другое	0,1

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, кого, на Ваш взгляд, нельзя считать патриотами? В%

Варианты ответов	%
Того, кто желает вреда, поражения своей стране	68,5
Того, кто критикует действия власти	7,4
Того, кто не уважает своих сограждан	36,8
Того, кто уехал жить за рубеж	6,2
Того, кто открыто говорит о проблемах, неурядицах в своей стране	4,5
Того, кто оскорбляет страну, её граждан	31,7
Другое	0,7
Затрудняюсь ответить	3,6

С этой точки зрения любопытно проанализировать, что же именно в таком случае воспринимается респондентами как непатриотическое проявление. И здесь становится несколько более понятно восприятие любви к Родине как определяющего качества патриота, поскольку чаще всего (68,5%) студенты выбирали в качестве непатриотического проявления желание вреда и поражения своей стране. Сравнивая эти две установки, можно предположить, что для студенческой молодёжи любовь к стране заключается в созидательной деятельности, деятельности полезной для развития своих территорий, способствующей процветанию. Важно и то, что среди других проявлений непатриотического поведения чаще других указывались отсутствие уважения к своим согражданам (36,8%) и оскорбления граждан, страны (31,7%). Студенты видят страну в единстве с людьми, которые в ней про-

живают, напрямую ассоциируют Родину и людей, не сводя страну к действующей власти (поскольку вариант, что патриотами нельзя назвать тех, кто критикует действующую власть, указали только 7,4% опрошенных) (Таблица 4). Таким образом, можно отметить, что для студенчества патриотизм неразрывно связан с гражданственностью, с активной жизненной позицией и любой конструктивной и полезной деятельностью, которая может послужить на благо развития страны и улучшить жизнь граждан в ней.

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос об упоминании слова «патриотизм» в негативном ключе. С чем, на Ваш взгляд, это может быть связано? В%

Варианты ответов	%
С неправильным пониманием значения слова «патриотизм»	38,9
С неправильным пониманием людьми того, как должны вести себя настоящие патриоты	35,5
С тем, что слово «патриотизм» используется слишком часто и не к месту	48,1
Те, кто называют себя патриотами, дискредитировали себя неблагоприятными поступками	36,4
Недостаточно развито патриотическое воспитание граждан	17,1
СМИ настраивают людей антипатриотично	11,3
Массовая культура негативно влияет на патриотические настроения людей	7,9
Люди негативно относятся к государству и этот негатив переносят на патриотов	33,8
Другое	1,4

В рамках исследования был затронут и вопрос о том, почему часто в информационном поле социальных сетей или общественных пространствах слово «патриотизм» начинает восприниматься, если так можно выразиться, «в штыки». Студенты выделили несколько ключевых с их точки зрения причин такого феномена. В частности, одной из самых наиболее выбираемых причин является слишком частое употребление данного слова и употребление его не к месту (48,1%). Кроме того, опрошенные студенты выделили и проблемы, которые

так или иначе затрагивают как раз систему патриотического воспитания. Например, они отмечают, что часто люди, используя слова «патриот» и «патриотизм», не понимают их смысл или то, как должен вести себя патриотичный человек. Однако следует отметить, что эти суждения студенты основывали на допущении, что они сами понимают и воспринимают патриотизм с «правильной» стороны (Таблица 5).

Интересно, что 33,8% от общего числа опрошенных отметили, что негатив к патриотизму может быть связан с переносом негатива по отношению к государству. Это еще раз позволяет обратить внимание на разграничение для молодёжи понятия патриотизма как служения своей стране, ее гражданам и государства как политического института, реализующего властные функции в данной стране.

При этом, реагируя на проецируемое в рамках опроса популярное мнение о том, что на молодых людей сейчас идет активное антипатриотическое воздействие, молодёжь также не пришла к единому однозначному решению по данному вопросу: отрицательных ответов было несколько больше, однако эта разница не является статистически значимой (17,7% ответили «да, такое воздействие оказывается», еще 27,7% ответили, что «скорее оказывается», в то же время 34,5% указали, что скорее не согласны с тем, что такое воздействие оказывается и 20,1% отметили, что такого воздействия сейчас совершенно точно нет) (Таблица 6).

Таблица 6: Распределение ответов респондентов на вопрос Как Вы считаете, оказывается ли на российскую молодёжь внешнее деструктивное влияние с целью подорвать её патриотические настроения? В%

Варианты ответов	%
Да, оказывается	17,7
Скорее да, оказывается	27,7
Скорее нет, не оказывается	34,5
Нет, не оказывается	20,1

Несмотря на то, что студенты сомневаются в реальности какого-либо внешнего воздействия на формирование системы ценностей современной молодёжи, тем не менее, важность и необходимость создания и функционирования продуманной системы патриотического воспитания очевидна для большинства респондентов. Лишь 9,7% полагают, что совершенно не стоит прививать молодёжи ценности патриотизма. Гораздо больше среди студенчества распространена позиция, что патриотические ценности в молодёжной среде важны, поэтому нужно заниматься их развитием и формированием: 30,8% полностью согласны с необходимостью такого направления работы и 34,5% скорее согласны (Таблица 7).

Таблица 7: Распределение ответов респондентов на вопрос о том, следует ли прививать молодёжи ценности патриотизма?

Варианты ответов	%
Да, следует	30,8
Скорее да	34,5
Скорее нет	9,2
Нет, не следует	9,7
Затрудняюсь ответить	15,8

В то же время менее четверти студентов затруднились ответить на данный вопрос, возможно потому что они задумываются над тем, в какой форме и какие именно аспекты могут формироваться у молодёжи. С установкой на важность развития патриотических ценностей сочетается и позиция студенческой молодёжи о необходимости продуманной системы патриотического воспитания: 50,7% от всех ответивших так или иначе согласны с позицией, что такая система в современном российском обществе в целом необходима; 17,6% скорее не согласны с ее必要ностью и 16,9% совершенно отрицают потребность в ней (Таблица 8).

О том, что состояние системы патриотического воспитания по мнению студенческой молодёжи находится не на са-

мом лучшем уровне, говорят такие данные исследования: 22,2% опрошенных говорят об однозначной потребности в повышении уровня патриотического воспитания, 36% указывают, что это, скорее всего, действительно необходимо сделать, 17,6% сомневаются в необходимости этого и лишь 13,8% считают, что в повышении уровня патриотического воспитания на данный момент нет никакой необходимости (Таблица 9). При этом абсолютное большинство считают, что патриотизм должен являться неотъемлемой и важной частью государственной идеологии (73,7%).

Таблица 8: Распределение ответов респондентов на вопрос о том, необходимо ли систематическое патриотическое воспитание в нашей стране? В%

Варианты ответов	%
Да	21,4
Скорее да	29,3
Скорее нет	17,6
Нет	16,9
Затрудняюсь ответить	14,8

Таблица 9: Распределение ответов респондентов на вопрос о том, необходимо ли повысить уровень патриотического воспитания современной молодёжи? В%

Варианты ответов	%
Да	22,2
Скорее да	36,0
Скорее нет	17,6
Нет	13,8
Затрудняюсь ответить	10,4

Говоря о проблемах существующей системы патриотического воспитания в российской практике, студенты обозначают их в русле уже отмеченных ранее определенных тенденций. В частности, студенты в половине случаев отмечают, что одной из проблем является сведение патриотизма только к историческому или

военному (эту тенденцию можно проследить и в определениях патриотизма в нормативно-правовых актах), а также принудительный характер участия в мероприятиях, без учета интересов самих участников (что свидетельствует о том, что молодёжь ощущает формализм в таком подходе и действия «для галочки», не видит в этом искренней заинтересованности организаторов). О проблеме искренности в восприятии патриотического воспитания свидетельствует и то, что 35,9% опрошенных отметили, что те, кто говорят о патриотизме, сами патриотами не являются (в восприятии молодёжи) (Таблица 10).

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, в чем Вы видите проблемы современного патриотического воспитания в России? В%

Варианты ответов	%
В нем нет системы и логичности	21,8
Те, кто говорят о патриотизме, сами патриотами не являются	35,9
Патриотизм сводят только к историческому и военному патриотизму	54,1
Устаревшие методы освещения патриотической темы	28,1
Неинтересные программы и мероприятия для молодёжи	16,9
Принудительный характер участия во многих мероприятиях	50,9
Отсутствие качественных фильмов, книг и других произведений	7,2
Скрытое деструктивное воздействие на молодёжь различных антисистемных элементов	14,4
Отсутствие государственной идеологии	8,1
Другое	2,6
Не вижу никаких проблем	4,0

Таким образом, анализируя результаты исследования и выделяя некоторые особенности восприятия патриотизма и патриотического воспитания студенческой молодёжью, следует отметить следующую. Прежде всего, молодёжь воспринимает патриотизм как положительное свойство, вызывающее позитивные действия, проявляющееся

в гражданской ответственности, честном труде и заботе не только о своем благе, но и о благе общества и его граждан. Однако молодёжь видит ряд проблем в том, что патриотизм сводится зачастую к военно-патриотическому направлению, не удовлетворяя потребности в реализации значительной части молодых людей. Соотнеся это видение с нормативным сопровождением воспитательной деятельности, можно предположить, что, поскольку проводимые мероприятия не воспринимались молодёжью как интересные, отражающее их понимание патриотического поведения, то и обеспечивать заполняемость таких мероприятий организаторы вынуждены были через обязательное присутствие, что и породило другую проблему – убежденность молодёжи в формализме и бессмысленности подобных мероприятий и подходов. Таким образом, проблема восприятия патриотизма молодым поколением напрямую связана с подходом к организации патриотического воспитания, его разносторонним развитием, анализом практик ведения мероприятий и их наполнения, что требует системного и комплексного подхода к решению назревшей проблемы, а также возможному пересмотру методов работы с современной молодёжью.

Литература

1. Алюбаева Г.Н. Краткий обзор нормативной правовой базы современного состояния патриотического воспитания в России // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 202–205.
2. Архив Законопроекта № 315234–7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7). Дата обращения: 13.07.2023.
3. Калинин В.С. Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодёжи // Социология. 2022. № 5. С. 5–6.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>. Дата обращения: 13.07.2023.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [электронный ресурс] режим доступа: <https://base.garant.ru/71296398/#friends>. Дата обращения: 13.07.2023.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. Дата обращения: 13.07.2023.
7. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>. Дата обращения: 13.07.2023.
8. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12128>. Дата обращения: 13.07.2023.
9. Федеральный Закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>. Дата обращения: 13.07.2023.

PATRIOTISM IN THE PERCEPTION OF MODERN STUDENTS

Kalinich V.S., Verpatova O.Y.

Lomonosov Moscow State University; Tver state technical university

The article deals with the problem of consistency of the understanding of patriotism by the younger generation and the authors of programs for the development of patriotic education. The fea-

tures of the interpretations of patriotism present in the regulatory and legal sources that serve as the basis for the implementation of the system of patriotic education and event planning are analyzed. The article presents the results of researches that allow us to characterize the view of student youth on patriotism and patriotic education.

Keywords: patriotism, patriotic education, legal support, youth, students, social values, value orientations, sociological research, empirical research, modern sociology, modern society.

References

1. Alyubaeva G.N. A brief overview of the regulatory legal framework of the current state of patriotic education in Russia // *Young scientist*. 2022. № 23 (418). pp. 202–205.
2. Archive of Draft Law № 315234–7 «On patriotic education in the Russian Federation» [electronic resource] access mode: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7). Date of application: 13.07.2023.
3. Kalinich V.S. Patriotic education as an element of socialization of modern youth // *Sociology*. 2022. № . 5. pp. 5–6.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>. Date of application: 13.07.2023.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.12.2015 № . 1493 «On the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020» [electronic resource] access mode: <https://base.garant.ru/71296398/#friends>. Date of application: 13.07.2023.
6. Decree of the President of the Russian Federation № . 809 dated 09.11.2022 «On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. Date of application: 13.07.2023.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 19.12.2012 № 1666 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>. Date of application: 13.07.2023.
8. Federal Law № 53-FZ of 28.03.1998 «On military duty and military service» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12128>. Date of application: 13.07.2023.
9. Federal Law № 489-FZ of 30.12.2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>. Date of application: 13.07.2023.

Сравнение идеального и реального образов преподавателя технического вуза

Коган Евгения Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социологии, психологии и социального менеджмента» Московского авиационного института (НИУ)
E-mail: kogan2502@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования представлений студентов об идеальном и реальном преподавателе вуза. Исследование было проведено среди студентов Московского авиационного института (НИУ). В нем участвовали 150 учащихся 1–3-го курса технических факультетов. Методом исследования выступил семантический дифференциал Ч. Осгуда, но биполярные шкалы конструировались самими студентами.

Наиболее важными для студентов характеристиками идеального педагога являются понятное/непонятное изложение материала, отзывчивость/неотзывчивость, предвзятость/объективность. Высокие оценки значимости также получили такие шкалы, как грамотная/неграмотная речь, техническая отсталость/продвинутость, современность/несовременность, способность/неспособность заинтересовать. Наибольшее расхождение между образом идеального и реального преподавателя было обнаружено по шкалам, связанным с технической продвинутостью, отзывчивостью, современностью и возрастом преподавателей. Результаты исследования показали, что в целом различия между образами идеального и реального преподавателя существуют, но не являются критическими.

Ключевые слова: идеальный преподаватель, качества педагога, образ идеального и реального преподавателя, студенты, метод семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Введение

Во взаимоотношениях «преподаватель-студент» в последнее десятилетие происходят существенные изменения, связанные с трансформацией требований к педагогам и учащимся. Традиционный (вертикальный) тип взаимодействий между преподавателями и студентами уходит в прошлое. Актуальным становится взаимодействие в диалоговом режиме [4], когда мнения и ожидания студентов относительно учебного процесса приобретают все большее значение.

В некоторых вузах преподаватели стали во многом зависимы от отзывов студентов, однако учащиеся всё-таки не могут полноценно оценить компетенции педагогов в силу отсутствия необходимых знаний и подготовки. На оценки студентов могут влиять сложность предмета, личностные отношения с преподавателями, нежелание прикладывать усилия для получения искомого результата и многие другие факторы. Поэтому нельзя исключать из анализа экспертные оценки компетенций преподавателей [2].

Рассмотрению идеального образа преподавателя посвящены работы Е.Н. Лариной [8], З.А.М. Албаковой [1], Г.Э. Ефимовой [6] и многих других российских ученых.

В трудах российских ученых исследуется как зависимость образа идеального преподавателя от вуза, курса, направления подготовки [9; 5], так и личностной направленности [11].

Анализ научной литературы показывает, что описания образа педагога у большинства отечественных авторов чаще всего основываются на количественных методиках (анкетирование, тестирование) [8; 11]. Лишь в некоторых отечественных работах применяются такие методы, как интервьюирование [6] и фокус-группы [3].

Автором данной статьи используется модификация проективной методики се-

мантического дифференциала Ч. Осгуда. Выбор данной методики связан с тем, что полученные количественные оценки основываются на ответах, идущих от самих студентов, то есть имеют качественную основу. Ранее автором было проведено исследование образа педагога с использованием метода неоконченных предложений [7]. Методика, используемая в рамках данной статьи, позволила более четко оценить разницу между идеальным и реальным образом педагога за счет использования количественных оценок.

Методология и методы исследования

Для анализа образа идеального и реального преподавателя технического вуза использовался метод семантического дифференциала Ч. Осгуда [10]. Студенты сами конструировали биполярные шкалы (от -3 до +3), которые являются значимыми для оценки идеального и реального преподавателя вуза.

В исследовании, проведенном в 2023 году, приняли участие 150 студентов Московского авиационного института (НИУ). Большую часть респондентов составляли мужчины (82%), обучающиеся на 1–3-ем курсах технических факультетов. Доля девушек составила всего 18%, что обусловлено преобладанием представителей мужского пола в генеральной совокупности.

Исследование образа идеального и реального преподавателя методом семантического дифференциала включало в себя несколько этапов: формирование биполярных шкал самими студентами, определение веса (значимости) каждой шкалы респондентами, проставление оценок по каждой шкале по образам идеального и реального преподавателя, вычисление по ним средних оценок, расхождения в средних оценках между идеальными и реальными преподавателями.

Для вычисления семантического дифференциала был осуществлен отбор 6 шкал, которые отнесены к 3-м факторам: Сила, Активность и Отношение. По результатам, полученным по этим шкалам, были сделаны выводы о бли-

зости образов реального и идеального преподавателя.

Результаты исследования

На первом этапе исследования образа идеального преподавателя технического вуза студенты разделились по группам из 7–8 человек. Каждая из них должна была сформулировать 5 дихотомических шкал для оценки образа идеального и реального преподавателя. В результате было получено 100 шкал. Однако многие из них были близки к другу или содержали синонимичные выражения. Для дальнейшего исследования были отобраны 17 шкал (Таблица 1).

Таблица 1. Биполярные шкалы, сформированные студентами для оценки образа преподавателя вуза

-3	+3
Непонятное изложение	Понятное изложение
Неграмотная речь	Грамотная речь
Неспособный заинтересовать	Способный заинтересовать
Технически отсталый	Технически продвинутый
Неотзывчивый	Отзывчивый
Предвзятый	Объективный
Строгий	Мягкий
Незнающий	Знающий
Неувлеченный предметом	Увлеченный предметом
Непунктуальный	Пунктуальный
Заурядный	Харизматичный
Неавторитетный	Авторитетный
Без чувства юмора	С чувством юмора
Скучный	Интересный
Несовременный	Современный
Неряшливый	Опрятный
Молодой	Старый

Очевидно, что каждая из сконструированных шкал, имеет разную степень важности для респондентов. В связи с этим, они были оценены студентами от 0 до 1, где 1 – самая высокая значимость.

Таблица 2. Значимость шкал для оценки преподавателей вуза

Шкала (от -3 до +3)	Вес шкалы
Непонятное изложение – понятное изложение	0,9
Неотзывчивый – отзывчивый	0,9
Предвзятый – объективный	0,9
Неграмотная речь – грамотная речь	0,85
Технически отсталый – технически продвинутый	0,85
Несовременный – современный	0,8
Неспособный заинтересовать – способный заинтересовать	0,8
Молодой – старый	0,75
Неавторитетный – авторитетный	0,75
Строгий-мягкий	0,7
Незнающий – знающий	0,65
Заурядный – харизматичный	0,6
Непунктуальный-пунктуальный	0,55
Неувлеченный предметом – увлеченный предметом	0,5
Скучный – интересный	0,5
Неряшливый – опрятный	0,5
Без чувства юмора – с чувством юмора	0,4

Усредненные результаты значимости шкал представлены в таблице 2. Самыми важными шкалами для оценки преподавателей вуза стали: понятное/непонятное изложение (0,9), отзывчивость/неотзывчивость (0,9), предвзятость/объективность (0,9). Высокие оценки значимости

также получили такие шкалы, как грамотная/неграмотная речь, техническая отсталость/продвинутость, современность/несовременность, способность/неспособность заинтересовать (таблица 2).

В ходе исследования были получены оценки студентов идеального и реального преподавателя и реального по представленным выше шкалам. Выяснилось, что для студентов важно, чтобы преподаватель доносил до них свой материал интересно и доступно, обладал грамотной речью. Здесь были получены максимальные оценки (+3) (таблица 3).

Исходя из полученных средних оценок, студенты видят идеального преподавателя пунктуальным, харизматичным, авторитетным, интересным и современным человеком. При этом средняя оценка по этим шкалам составляет от +2 до +2,5. Что касается чувства юмора, то оно должно присутствовать в умеренном количестве (+1). Учащиеся хотели бы видеть достаточно прогрессивного в техническом отношении преподавателя (+2). Данная характеристика является особенно важной для студентов технических специальностей. Учащиеся желают, чтобы преподаватели были отзывчивыми (+3), почти полностью объективными (+2,5) при оценке их знаний, и лишь в незначительной степени «мягкими» (+0,5). Идеальный преподаватель должен хорошо знать свой предмет (+3), но при этом быть не слишком сильно увлеченным им (+2). Кроме того, опрятный внешний вид преподавателя также импонирует будущим инженерам (+2).

Таблица 3. Оценки идеального и реального преподавателя с точки зрения студентов

Шкала (от -3 до +3)	Среднее значение, идеальный преподаватель	Среднее значение, реальный преподаватель	Расхождение между значениями идеального и реального преподавателя
Непонятное изложение – понятное изложение	3	2	1
Неграмотная речь – грамотная речь	3	2,4	0,6
Неспособный заинтересовать – способный заинтересовать	3	2,4	0,6
Технически отсталый – технически продвинутый	2	0,5	1,5
Неотзывчивый – отзывчивый	3	1,7	1,3
Предвзятый – объективный	2,5	1,5	1

Шкала (от -3 до +3)	Среднее значение, идеальный преподаватель	Среднее значение, реальный преподаватель	Расхождение между значениями идеального и реального преподавателя
Строгий-мягкий	0,5	-0,5	1
Незнающий – знающий	3	2	1
Неувлеченный предметом – увлеченный предметом	2	1,2	0,8
Непунктуальный-пунктуальный	2	1	1
Заурядный – харизматичный	2,5	1,5	1
Неавторитетный – авторитетный	2	1	1
Без чувства юмора – с чувством юмора	1	1	0
Скучный – интересный	2,5	1,5	1
Несовременный – современный	2	0	2
Неряшливый – опрятный	2	1	1
Молодой – старый	0,5	-1	1,5

Наибольшее расхождение между образом идеального преподавателя и реальными преподавателями наблюдаются по следующим шкалам: технически отсталый/продвинутый, отзывчивый/неотзывчивый, современный/несовременный, молодой/старый (таблица 3). Студенты считают, что преподаватели недостаточно технически продвинуты (0,5), не в полной мере отзывчивые (1,7), скорее несовременные (0) и немолодые (-1). При этом отметим, что первые три шкалы являются высокозначимыми для студентов. По большинству шкал расхождение между образами идеального и реального преподавателя вуза менее существенные (0,8–1) – понятность изложения, знание предмета и увлеченность им, степень объективности, строгости, пунктуальность, харизматичность, авторитетность, интересность, опрятность внешнего вида. Отметим, что в 3-х шкалах расхождения минимальные, либо вообще отсутствуют. Так, студенты считают, что чувство

юмора у преподавателей вуза на необходимом уровне. Грамотная речь и способность заинтересовать также приближаются к идеальным значениям.

Таким образом, по большинству шкал фиксируются различия в оценках идеального и реального преподавателя, но они носят не критический характер.

Для того, чтобы выявить степень близости между двумя объектами – идеальным и реальным преподавателем в представлении студентов не по отдельным шкалам, а в обобщенном виде, мы прибегли к вычислению дифференциала [10, с. 104]. Из представленных ранее 17 шкал было отобрано 6, которые относятся к факторам «Сила», «Активность» и «Отношение» (Таблица 3). Отметим, что практически все выбранные шкалы имели высокую значимость для студентов.

По каждому из факторов вычислены средние оценки по идеальному и реальному преподавателю (Таблица 4).

Таблица 4. Соотнесение шкал с факторами семантического дифференциала

Фактор	Шкала (от -3 до +3)	Средние оценки по фактору, идеальный преподаватель	Средние оценки по фактору, реальный преподаватель
Активность	Технически отсталый – технически продвинутый	1,25	-0,25
	Молодой – старый		

Фактор	Шкала (от -3 до +3)	Средние оценки по фактору, идеальный преподаватель	Средние оценки по фактору, реальный преподаватель
Отношение	Неспособный заинтересовать – способный заинтересовать	2,8	1,86
	Неотзывчивый – отзывчивый		
	Предвзятый-объективный		
Сила	Строгий-мягкий	0,5	-0,5

Исходя из средних оценок по факторам, было вычислено значение дифференциала, по которому можно судить о близости образов идеального и реального преподавателя. Как отмечает Г.Г. Татарова [10], для поиска расстояния между образами достаточно взять 2 ключевых фактора (в нашем случае это «отношение» и «активность»). Значение семантического дифференциала составило 1,77. Так, минимальное значение при максимальной близости образов будет стремиться к нулю. Максимальное значение, при условии, что средние оценки по факторам по реальному преподавателю будут низкими, составит более 7.

Таким образом, полученные значения говорят о том, что образы идеального и реального преподавателя отличаются, но не критично, тем не менее имеются проблемы, связанные с технической продвинутостью и некоторыми аспектами коммуникации со студентами.

Заключение

На основании полученных данных можно рекомендовать следующее:

- 1) Усилить освоение технических средств коммуникации и технических программ преподавателями в рамках повышения квалификации.
- 2) Проводить тренинги для преподавателей по коммуникации со студентами.
- 3) Привлекать к преподаванию молодых выпускников-практиков.

Литература

1. Албакова З.А.-М. Студенческий образ преподавателя высшей школы XXI века//Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 25–26.

2. Анненкова И.П. Компетентностный и квалиметрический подходы к разработке инструментария мониторинга качества профессиональной деятельности научно-педагогических работников вуза // Наука и мир. 2015. № 8 (24). С. 32–36.
3. Боричевская Е.И. Образ идеального преподавателя: представления студентов вуза / Е.И. Боричевская // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 77–81.
4. Васильева Е.Г. Преподаватель глазами студента, студент глазами преподавателя (об итогах социологических исследований) // Вестник ВолГУ. 2007. № 10. С. 95–107.
5. Егоров И.В. Исследование представлений студентов об образе преподавателя педагогического вуза // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2013. Вып. 4 (31). С. 123–133.
6. Ефимова Г.Э., Сорокин А.Н., Грибовский М.В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. № 23 (1). С. 202–230.
7. Коган Е.А. Формирование критериев эффективности преподавателя вуза на основании мнений студентов // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 190–193.
8. Ларина Е.Н. Изучение представлений студентов о профессионально важных качествах «идеального» и «ре-

- ального» преподавателя // Концепт. 2013. № 11 (ноябрь).
9. Прохода В.А. Представления студентов и преподавателей вуза об идеальном педагоге//Социальные явления. 2015. № 1 (3). С. 105–110.
 10. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение) / Учебник для вузов. – М.: NOTA BENE, 1999. – 224 с.
 11. Черемискина И. И., Ращупкина В.А. Образ преподавателя у студентов с разными видами личностной направленности//Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 362–365.

COMPARISON OF THE IDEAL AND REAL IMAGES OF A TEACHER OF A TECHNICAL UNIVERSITY

Kogan E.A.

Moscow Aviation Institute (NRU)

The article presents the results of a study of students' ideas about the ideal and real university teacher. The study was conducted among students of the Moscow Aviation Institute (NRU). It was attended by 150 students of the 1st-3rd year of technical faculties. Ch. Osgood's semantic differential acted as the research method, but the bipolar scales were constructed by the students themselves.

The most important characteristics of an ideal teacher for students are clear/incomprehensible presentation of the material, responsiveness/unresponsiveness, bias/objectivity. High significance scores were also given to such scales as literate/illiterate speech, technical backwardness/advancement, modernity/outdatedness, ability/inability to interest. The greatest discrepancy between the image of the ideal and real teacher was found on the scales associated with technical advancement, responsiveness, modernity and age of teachers. The results of the study showed that, in general, there are differences between the images of an ideal and a real teacher, but they are not critical.

Keywords: ideal teacher, qualities of a teacher, image of an ideal and real teacher, students, Ch. Osgood's semantic differential method.

References

1. Albakova Z.A.-M. Student image of a teacher of higher education of the XXI century// Acmeology. 2015. No. 3 (55). pp. 25–26.
2. Annenkova I.P. Competence-based and qualimetric approaches to the development of tools for monitoring the quality of professional activity of scientific and pedagogical workers of the university // Science and World. 2015. No. 8 (24). pp. 32–36.
3. Borichevskaya E.I. The image of an ideal teacher: representations of university students / E.I. Borichevskaya // Higher education in the Russian regions: challenges of the XXI century: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (September 17, 2018, UrFU, Yekaterinburg). – Yekaterinburg: Armchair scientist, 2018. S. 77–81.
4. Vasilieva E.G. A teacher through the eyes of a student, a student through the eyes of a teacher (on the results of sociological research) // Vestnik VolGU. 2007. No. 10. pp. 95–107.
5. Egorov I.V. Study of students' ideas about the image of a teacher of a pedagogical university // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2013. Issue. 4 (31). C123–133.
6. Efimova G.E., Sorokin A.N., Gribovsky M.V. The ideal teacher of higher education: personal qualities and socio-professional competencies// Education and science. 2021. No. 23 (1). pp. 202–230.
7. Kogan E.A. Formation of criteria for the effectiveness of a university teacher based on the opinions of students//Modern Pedagogical Education. 2022. № 1. C.190–193.
8. Larina E.N. The study of students' ideas about the professionally important qualities of the "ideal" and "real" teacher // Concept. 2013. No. 11 (November).
9. Prokhoda V.A. Representations of students and university teachers about the ideal teacher//Social phenomena. 2015. No. 1 (3). pp. 105–110.
10. Tatarova G.G. Methodology of data analysis in sociology (introduction) / Textbook for universities. – М.: NOTA BENE, 1999. – 224 p.
11. Cheremiskina I.I., Rashchupkina V.A. The image of a teacher among students with different types of personal orientation//Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2019. V. 8. No. 1 (26). pp.362–365.

Предметно-деятельные характеристики фактора перцепции в стратегии развития предприятий

Потемкин Валерий Константинович,

доктор экономических наук, профессор, ЗДН РФ, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: valpot49@gmail.com

Вельмисова Дарья Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета

E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Михайлов Сергей Григорьевич,

доктор социологических наук, профессор, консультант центра развития науки и образования, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС»

E-mail: dept.ksocupr@unecon.ru

Обращение внимания на роль различных факторов в формировании стратегии развития предприятий обусловлено степенью их влияния на результаты производственно-экономической деятельности, конкурентность производимых товаров и услуг, экономию материальных и финансово-экономических ресурсов, преодоление рисков при принятии управленческих решений. Вместе с тем, в условиях активизации человекоориентированного управления предприятиями слабо учитывается фактор перцепции, раскрывающий предметно-деятельные характеристики личностного участия в решении общественно-значимых задач за счёт выработки гражданской позиции в сфере труда, роста профессиональных компетенций, опыта и навыков в работе, участия в выработке и реализации управленческих решений. Одновременно, фактор перцепции становится определяющим в эффективности и качестве управленческого труда, создании условий профессионального и социального взаимодействия персонала предприятий. В статье предпринята попытка теоретически и эмпирически обосновать необходимость учёта предметно – деятельных характеристик фактора перцепции в стратегии развития предприятий.

Ключевые слова: стратегическое развитие, предприятия и организации, работники, социально – профессиональное взаимодействие, социальное партнёрство, социальная защита, социальные результаты.

В стратегии развития современных предприятий используется факторный анализ, который фиксируется в зависимости от организации деятельности самого предприятия, специализирующегося на производстве товаров и услуг [32]. Каждый из факторов оценивается с позиции роли и места предприятия в отраслевой структуре народнохозяйственного комплекса страны, уровня конкурентоспособности, развитости технико-технологической структуры и использования информационно – цифровых технологий, способствующих инновационной деятельности. Достаточно часто стратегия развития предприятий учитывает развитость коммуникативных процессов, степень интегрированности в межотраслевое сотрудничество и взаимодействия в решении общественно значимых задач, возможности выявления сильных и слабых сигналов появления кризисных ситуаций. Как следствие, стратегия развития предприятий дополняется соответствующими инструментами, обеспечивающими её эффективность: консолидация усилий реальных и потенциальных потребителей товаров и услуг с целью выявления «слабых» сторон производственно-экономической деятельности; создание условий обеспечения товаров и услуг на потребительские рынки; укрепление имиджа и престижа предприятия. Важным в стратегии развития предприятий становится исследование ценностных предпочтений потребителей [10], национальных обычаев и традиций [26], которые помогают распространению основополагающей национальной идеи [31].

Современное предприятие представляет собой довольно самостоятельную в производственно-экономическом аспекте структуру хозяйствования, в процессе деятельности которого происходит взаимодействие всех агентов производства и потребления товаров и услуг. И в этом случае при разработке

стратегии развития предприятия важно не только обращать внимание на различного рода проблемные ситуации [30, с. 9; 28, с. 222], а на использование самых различных возможностей, связанных с активизацией деятельности различных профессионально-квалификационных и статусных групп персонала [18]. Можно утверждать, что к настоящему времени общепризнаны следующие группы факторов, определяющие стратегию развития предприятий:

- конкурентообразующие факторы: технологии, инновации, коммуникации, взаимодействие, информационно-цифровое обеспечение и сопровождение деятельности предприятий;
- адаптационные факторы, предполагающие формирование устойчивых производственно-экономических позиций в постоянно изменяющейся среде общественных отношений, возможно, кризисных проявлений в деятельности предприятий;
- ресурсной обеспеченности и ресурсной доступности в организации деятельности предприятий;
- маркетинговой политики в сегментации производственного и потребительского рынка, ценовой политики и политики взаимодействия с органами регуляции деятельности предприятий.

Если отвлечься от данной группировки факторов стратегии развития предприятий и обратиться к эмпирическим исследованиям последних 20–25 лет (N175), то выявляются следующие тенденции:

- значительный успех в реализации стратегии – 3,3%;
- определенный успех – 45,6%;
- отсутствие положительных результатов – 39,7%;
- негативная тенденция (ухудшение ситуации) – 6,5%.

Среди причин сложившейся ситуации отмечаются:

- отсутствие стимулов и низкий уровень заинтересованности – 20,2%;
- низкий уровень активности работников – 18,4%;

- экономическая безграмотность руководителей – 18,7%;
- подмена дел словами – 14,3%;
- отсутствие активной деятельной позиции руководителей – 8,2%;
- принятие стратегических решений без вовлечения в обсуждение представителей различных групп персонала – 5,5%.

Вместе с тем, в современных условиях факторы, оказывающие воздействие на управленческие решения, приобретают многоплановый характер и в различной степени воздействуют на решения, имеющие отношение к стратегии развития предприятий и организаций. Одним из таких факторов является фактор перцепции.

Факторы перцепции определяют формирование личностного и межличностного восприятия основных принципов и характеристик стратегии развития предприятий; содействует усилению взаимопонимания в решении общественных задач, обеспечивают процесс взаимовлияния управляющей и управляемой подсистем деятельности предприятий. «Важным аспектом перцептивной функции является обеспечение влияния людей друг на друга, в результате которого меняются поведение, установки, намерения, оценки» [13, с. 15].

Основой фактора перцепции является деловое взаимодействие субъектов управленческой деятельности на предприятиях, задача которого состоит в создании условий продуктивного сотрудничества различных групп персонала в решении производственно-экономических задач, социального и социально-профессионального партнёрства работников функциональных подразделений предприятия в выработке стратегии развития предприятий [11; 17; 19]. Фактор перцепции охватывает социальные ожидания персонала относительно улучшения благосостояния, условий труда, социально-психологического климата, творческой самореализации и др.

Отмечая ранее подобные положения в применении инструментов в перераспределении прибыли на предприятиях, А.В. Бугалин считал, что такое поло-

жение дел чревато общесистемным кризисом [23, с. 12]. Общесистемный или общественный кризис, причиной которого становится, в том числе и не учет фактора социальных ожиданий работников в производственно-экономической сфере, приводит, по меткому определению Р.В. Рывкиной к «высокой концентрации социальных болезней» [27, с. 35], суть которых в непринятии правовых и моральных норм поведения, в том числе поведения девиантного. Акцентируя внимание на социальной стратегии развития предприятия А.Н. Петров писал, что её основное содержание заключается в рассмотрении человека в качестве главного объекта интересов управления и её цель состоит в удовлетворении растущих запросов и потребностей каждого члена организации [14, с. 291]. Однако реализация данной идеологии не всегда возможна ввиду профессионально-квалификационного состава управленческого звена предприятий, что встречается соответствующую оценку работников, из которых более 82,0% хотели бы изменений в управленческой составе, лишь 11,0% высоко оценивают профессионализм руководителей, 7,0% – высоко оценивают морально-нравственные характеристики руководителей, а всего 1,0% отмечают, что в развитии предприятия учитываются их интересы.

Руководители, оценивая профессионально-квалификационную структуру персонала, отмечают, что лишь 29% работников в той или иной мере соответствуют стратегии (из них 11% полностью, а 18% обладают адаптивностью в новых условиях), в то время как 71% в значительной степени не соответствуют профессиональным требованиям, в т.ч. 27% представляют собой откровенный балласт (Исследование проводилось в 2004–2006 годах 2020–2022 годах под руководством Потёмкина В.К. и Михайлова С.Г. в рамках программы фундаментальных исследований холдинга «Спектр» (N172).).

Данные оценки актуализируют проблему учета в стратегии развития предприятий не только экономических фак-

торов, но и фактора социальных требований.

По данным глубинных интервью с работниками предприятий, руководители не скрывают своих намерений на личное обогащение (отмечают 36 чел.), дистанцируются от коллектива в принятии экономических решений (37 чел.); работают без стеснения с целью личного обогащения (9 чел.); не учитывают в своей работе социальных требований персонала (42 чел.) (Интервью проведено с 87 работниками 19 предприятий Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Подобные оценки респондентов могут послужить основанием для выделения в факторе percepции стратегии развития предприятий такого аспекта как «социальные мотивации». Для понимания поступков человека или самооценки своего поведения необходимо обращение внимания на причины действий или мотивы. Вместе с тем, мотив представляет собой лишь результат отражения во внутреннем сознании человека потребностей, вызванных внешними и внутренними обстоятельствами его жизнедеятельности и жизнеспособности, а не является первопричиной целенаправленных действий человека. Составляющими мотива становятся цели деятельности и программы деятельности, уточняющие способы и средства достижения целей. Противоречие целей и программ деятельности приводит к ситуации противоречия, (например, когда руководитель предприятия «работает на свой карман») разногласиям, противоборству мотиваций, противоборству действий различных статусных и профессионально-квалификационных групп, и, как следствие, стагнации.

Еще одним социальным фактором, имеющим отношение к социальным мотивациям человека, является самосознание личности как объекта и субъекта управления. Двойственность данного фактора обусловливается тем, что человеческое сознание, с одной стороны, направлено вовне предприятия (сфера жизнеобеспечения), а с другой стороны, человеком осуществляется рефлексия своей деятельности в рамках пред-

приятия, в т.ч. в отношении своих способностей, возможностей, содержания профессиональной деятельности. В результате, у человека происходит формирование соответствующей позиции: от социальной активности до антисоциальных действий. Условно, можно выделить ряд состояний осознания работника своей активности:

- социальная активность, сущность которой состоит в социально ответственном поведении, в т.ч. этически, экономически, морально, в чувстве долга перед коллективом. Это состояние самосознания является предпосылкой активного вовлечения работников в созидательные процессы на предприятии, инновационной деятельности, рационализации процессов;
- социальная инертность, которая выражается в пассивной позиции, слабо выраженном коллективизме ответственности за общий результат. Работники, обладающие данным состоянием самосознания не всегда составляют препятствие в достижении стратегических целей развития, а подобная позиция может найти реализацию в рутинных видах деятельности, где не требуется проявления творческой активности, инициативы и достаточно наличия определенного уровня исполнительности;
- потребительская позиция, отражающая эгоистические интересы, восприятие других ресурсов для достижения своих целей, отсутствие интереса к целям деятельности коллектива. Подобное состояние самосознания носит разрушительный по отношению к стратегическим задачам развития характер, поскольку оказывает негативное воздействие на активную позицию окружающих работников, приводит к возрастанию социальной конфликтности и противоречиям во взаимоотношениях.
- антисоциальная позиция, связанная с личным обогащением в ущерб целям и ценностям других работников, подавлением их самосознания. Данная позиция относится нами к кате-

гории социальной криминологии и ее составляющими являются: мошенничество, коррупция и т.д. [24; 25].

В.Г. Афанасьев отмечал, что в жизни наблюдаются факты, когда самооценка не совпадает с социальной оценкой ввиду излишнего самомнения, эгоцентризма, нежелания или неумения считаться с мнением коллектива, отношения к коллективу как к средству достижения своих сугубо личных, а порой и явно корыстных целей, нетребовательного отношения к себе, заблуждений [2, с. 333].

К факторам перцепции мы считаем целесообразным относить также социальное партнерство и социальную защиту. Сущность социальной защиты как фактора перцепции состоит в непрерывном соотношении всех принимаемых управленческих решений с интересами работников, в первую очередь, росте их благосостояния в результате достижения значимых производственных результатов [1, с. 92; 9; 22, с. 117; 20, с. 294]. Что касается социального партнерства, то оно соотносится нами с такими направлениями деятельности как экономическая ответственность работников, оплата труда, продолжительность рабочего времени, соотношение времени труда и отдыха, нормирование труда, безопасность и охрана труда, условия временной нетрудоспособности, прием и увольнение работников, характеристики профессионально-квалификационной и функционально-должностной структур рабочих мест и др. [8; 16, с. 264; 21, с. 201; 12, с. 447; 29]. На предприятиях и в организациях развитых стран доля расходов на перечисленные направления составляет более 30% прибыли [3; 4, с. 136].

Учёт фактора перцепции в стратегии развития предприятий, с одной стороны, воздействует на активное включение персонала в решение производственно-экономических задач, а другой, отражает формирующиеся взаимоотношения между различными профессионально – квалификационными и статусными группами, становится определяющим в снижении напряженности конфликтности в социально – трудовых отношениях.

Литература

1. Антипов А.Г. Проблемы социальной защиты населения при переходе к рынку // Социально-политические науки. 1991. № 10.
2. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М.: 1977.
3. Бартоли М., Клементовичус Я., Слободской А. Экономические трансформации и управление человеческими ресурсами. Россия – Франция. Гренобль, 1999.
4. Бенедикт Х.-П. Метод восьми М: Новая формула успеха в менеджменте. Штутгарт. Изд-во Дойчер Шпаркассен Ферлаг, 2000.
5. Глухов В.В. Менеджмент. СПб.: Спец. Литература. 1999.
6. Информационные и цифровые технологии в деятельности предприятий и организаций: монография / под ред. В.К. Потёмкина. – СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2023.
7. Информационный бюллетень: социальные процессы в социалистическом обществе / Проблемная комиссия Академий наук социалистических стран. – Варшава. 1987.
8. Комаровский В.В. Система социального партнерства в России // Ответственные науки и современность. 1998. № 2. с. 21–32.
9. Кузьмин С. Активная политика социальной защиты населения // Экономист. 1992. № 9.
10. Ламбен Ж.-Ж. Стратегический менеджмент. – СПб.: Наука, 1996.
11. Михайлов С.Г. Социальная эффективность стратегии экономического развития предприятий. – СПб.: Терция, 2006. – 245 с.
12. Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и практика. – М.: Экзамен, 2001.
13. Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. – СПб.: Знание. 1999.
14. Петров А.Н. Стратегический менеджмент. Планирование. Контроллинг. Учёт рисков. – СПб.: издательство Питер, 2000.
15. Политика доходов и качества жизни населения / под ред. Н.А. Горелова. – СПб.: Питер, 2003.
16. Потемкин В.К., Балкизов М.Х. Социальное партнерство в экономической системе рыночного типа. Нальчик, Эльбрус, 1993.
17. Потёмкин В.К. Личностный фактор в сфере профессиональной деятельности. – СПб.: СПбГЭУ, 2012. – 320 с.
18. Потёмкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями. – СПб. Издательство Инфо-да, 2021. – 320 с.
19. Потёмкин В.К. Качество управленческого труда. – СПб.: СПГЭУ, 2015. – 243 с.
20. Потемкин В.К. Социальный механизм преобразования Российского общества – СПб.: ИСЭП РАН, 1997.
21. Потемкин В.К., Казаков Д.Н. Социальное партнерство формирование, оценка, регулирование. СПб РАЕН. 2002.
22. Потемкин В.К., Тюличева Л.Д., Ширнова С.А. Трудовой потенциал и проблемы социальной защиты незанятого населения, – СПб.: ИСЭП РАН, 1994.
23. Преодоление кризиса Российской экономики: социально-институциональные проблемы / под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1994.
24. Прозоровская К.А. Актуальные проблемы борьбы в сфере экономики / под ред. В.К. Потёмкина. – СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2018. – 85 с.
25. Прозоровская К.А. Кадровая безопасность организации / под ред. В.К. Потёмкина. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2018. – 80 с.
26. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров. – СПб.: Питер. 2000.
27. Рывкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов. М: Социологические исследования. № 4. 2001.
28. Семашко Л.М. Сферный подход: философия, демократия, рынок, человек. – СПб.: Нотабене, 1992.

29. Смольков В.Г. Модели социального партнерства // Социально-политический журнал. 1998. № 5. с. 156–163.
30. Томсон А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. – М.: Юнити, 1998.
31. Фоксол Г. и др. Психология потребителя в маркетинге. СПб.: Питер. 2001.
32. Экономическая стратегия фирмы / под ред. А.П. Градова. – СПб.: Специально литература, 1999.

SUBJECT-ACTIVE CHARACTERISTICS OF THE PERCEPTION FACTOR IN ENTERPRISE DEVELOPMENT STRATEGY

Potemkin V.K., Velmisova D.V., Mikhailov S.G.

St. Petersburg State University of Economics; University under the IPA EurAsEC

Attention to various factors in the formation of the development strategy of enterprises is due to their influence on the results of production and economic activity, the competitiveness of goods and services, the use of material and financial and economic resources, overcoming risks in the decision-making process. At the same time, in the context of the activation of human-oriented management of enterprises, the perception factor is poorly taken into account, which reveals the subject-active characteristics of personal participation in solving socially significant tasks through the development of a civic position in the field of work, the growth of professional competencies, experience and skills in work, participation in the development and implementation of management decisions. The perception factor determines the efficiency and quality of managerial work, the conditions of professional and social interaction of employees. The article theoretically and empirically substantiates the need to take into account the subject-activity characteristics of the perception factor in the development strategy.

Keywords: Strategic development, enterprises and organizations, employees, social and professional interaction, social partnership, social protection, social results.

References

1. Antipiev A.G. Problems of social protection of the population during the transition to the

- market // Socio-political sciences. 1991. No. 10.
2. Afanasiev V.G. Man in the management of society. M.: 1977.
3. Bartoli M., Klementovich Ya., Slobodskoy A. Economic transformations and human resource management. Russia – France. Grenoble, 1999.
4. Benedict H.-P. Eight M method: A new formula for success in management. Stuttgart. Publishing house Deutscher Sparkassen Verlag, 2000.
5. Glukhov V.V. Management. SPb.: Spec. Literature. 1999.
6. Information and digital technologies in the activities of enterprises and organizations: monograph / ed. V.K. Potemkin. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2023.
7. Information Bulletin: Social Processes in a Socialist Society / Problem Commission of the Academies of Sciences of the Socialist Countries. – Warsaw. 1987.
8. Komarovskiy V.V. The system of social partnership in Russia // Social sciences and modernity. 1998. No. 2. With. 21–32.
9. Kuzmin S. Active policy of social protection of the population // The Economist. 1992. No. 9.
10. Lambin J.-J. Strategic management. – St. Petersburg.: Nauka, 1996.
11. Mikhailov S.G. Social efficiency of the strategy of economic development of enterprises. – Spb.: Tertsiya, 2006. – 245 p.
12. Mikheev V.A. Fundamentals of social partnership: theory and practice. – M.: Exam, 2001.
13. Panfilova A.P. Business communication in professional activity. – St. Petersburg: Knowledge. 1999.
14. Petrov A.N. Strategic management. Planning. Controlling. Risk accounting. – St. Petersburg.: publishing house Peter, 2000.
15. Politics of income and quality of life of the population / ed. N.A. Gorelova. – St. Petersburg: Peter, 2003.
16. Potemkin B.K., Balkizov M.X. Social partnership in the economic system of the market type. Nalchik, Elbrus, 1993.
17. Potemkin V.K. Personal factor in the sphere of professional activity. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2012. – 320 p.
18. Potemkin V.K. Human-oriented management of enterprises and organizations. – St. Petersburg. Info-da publishing house, 2021. – 320 p.

19. Potemkin V.K. The quality of managerial work. – St. Petersburg: SPGEU, 2015. – 243 p.
20. Potemkin V.K. The social mechanism for the transformation of Russian society – St. Petersburg: ISEP RAN, 1997.
21. Potemkin V.K., Kazakov D.N. Social partnership formation, assessment, regulation. SPb PAEN. 2002.
22. Potemkin V.K., Tyulicheva L.D., Shirnova S.A. Labor potential and problems of social protection of the unemployed population, St. Petersburg: ISEP RAN, 1994.
23. Overcoming the crisis of the Russian economy: social and institutional problems / ed. A.V. Buzgalin. M.: Economic Democracy, 1994.
24. Prozorovskaya K.A. Actual problems of struggle in the sphere of economy / ed. V.K. Potemkin. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2018. – 85 p.
25. Prozorovskaya K.A. Personnel security of the organization / ed. VC. Potemkin. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2018. – 80 p.
26. Rossiter JR, Percy L. Advertising and promotion of goods. – St. Petersburg: Peter. 2000.
27. Ryvkina R.V. Lifestyle of the Russian Population: Social Consequences of the Reforms of the 1990s. M: Sociological research. No. 4. 2001.
28. Semashko L.M. Spherical approach: philosophy, democracy, market, man. – St. Petersburg: Notabene, 1992.
29. Smolkov V.G. Models of social partnership // Socio-political journal. 1998. No. 5. With. 156–163.
30. Thomson A., Strickland A.J. Strategic management. – M.: Unity, 1998.
31. Foxol G. et al. Consumer psychology in marketing. SPb.: Peter. 2001.
32. Economic strategy of the firm / ed. A.P. Gradvov. – St. Petersburg: Special Literature, 1999.

Социальный капитал как фактор управления формированием организационных знаний: социоресурсный подход

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Мусарский Марк Михайлович,

доктор экономических наук, доцент, научный руководитель, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: mm.musarskij@mpgu.su

В статье представлен авторский подход к анализу социального капитала как фактора управления формированием организационных знаний. На основе разработанного автором социоресурсного подхода отмечено, что социальный капитал, являясь одной из основных форм социальных ресурсов нематериальной природы социально ориентированного управления, выступает фактором формирования иного ресурса нематериальной природы – организационного знания. В статье представлен анализ сетевых структур различного типа, в которых социальный капитал функционирует и проявляется в его компонентах (структурном, когнитивном и реляционном), при этом каждая из структур рассматривается как оптимальная для формирования конкретного вида организационного знания. По результатам анализа сделан вывод о том, что описанные сетевые структуры различных конфигураций существуют в организации не изолированно, а функционируют в совокупности с иными неформальными социальными структурами. Авторы отмечают, что возможности социального капитала как фактора, фасилитирующего процесс формирования организационного знания, обеспечивают реализацию организацией трёх ключевых стратегий и достижений организацией конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: социальный капитал, социальный ресурс, управление, структурный компонент социального капитала, когнитивный компонент социального капитала, реляционный компонент социального капитала, организационное знание, явное знание, неявное знание.

Роль организационных знаний широко обсуждается в исследованиях по менеджменту, обосновывающих, что экономика, основанная на знаниях, функционирует по законам, сформированным в принципиально иной логике создания стоимости, отличающейся от традиционной логики индустриальной экономики. Специфические свойства знания, прежде всего, его характеристики как «общественного блага» и возможности трансфера и мультиплицирования, дают основания для вывода о том, что знание правомерно рассматривается в качестве одного из ключевых экономических ресурсов и приоритетным источником конкурентных преимуществ организации. При этом традиционные факторы производства – земля, труд и капитал, по мнению П. Друкера и Б. Марра, занимают второстепенную по отношению к знанию роль [11; 13].

Знание как нематериальный актив и ресурс управления организацией представляется сложноизмеримым, что обуславливает и сложность управления им. Кроме того, анализ управленческой практики показывает, что традиционно менеджеры почти полностью сосредоточены на роли материальных активов вследствие несовершенства систем учёта и оценки нематериальных активов. В нашем подходе с учётом специфики социологического подхода к управлению мы предлагаем использовать понятие «ресурс (актив) нематериальной природы», точнее, по нашему мнению, отражающее сущность знания как ресурса управления и отличающее его от традиционного (бухгалтерского) понимания ресурсов предпринимательской деятельности.

Отметим, что экономисты обосновывают использование знаний в качестве ресурса экономической деятельности, обуславливающего увеличение отдачи на вложенный капитал. Для достижения

указанного эффекта организации необходимы постоянная и параллельная интеграция, построение и реконфигурация компетенций персонала и организационной компетенции. Благодаря формированию и развитию компетентности персонала знание как ресурс нематериальной природы, не отражаемые в бухгалтерском балансе, может быть трансформировано в ценность, влияющую на результаты деятельности организации.

Исследования по проблемам управления знаниями позволяют условно выделить три основных этапа данного процесса: а) использование явного знания; б) преобразование неявного знания в явное (обучение для передачи знаний); в) осознание роли потенциальных знаний (формирование новых знаний) [20].

Знание как ресурс управления формируется на основе трёх различных логик создания ценности, обусловленных тремя типами ресурсов организационных знаний, каждый из которых нуждается в различных компонентах социальной инфраструктуры для преобразования в компетенции.

Кодифицированные (формализованные) ресурсы явного знания могут быть преобразованы в ценность путем эффективного внедрения их в бизнес-процессы, прежде всего, в управление персоналом.

Неявное знание, представленное опытом и уровнем квалификации (профессиональные знания и опыт) персонала, можно трансформировать в ценность посредством их трансфера в системе наставничества (либо коучинга), корпоративной системы обучения и развития и повышения результативности и эффективности работы организации. Как отмечает С.Н. Смирнов, «к формализованным знаниям можно отнести не более 30% знаний. Остальная часть (свыше 70%) – это опыт, интуиция, умения, впечатления, мнения <...> всё, что относится к неявным знаниям организации» [3, с. 264].

Наконец, «потенциальное» знание, в частности, новые технологии, способы совершенствования бизнес-процессов могут быть преобразованы в ценность

организации путем создания и развития корпоративной системы обучения и развития персонала для использования этих «появляющихся» фрагментов нового организационного знания в качестве основы успешности инновационного развития организации.

Очевидно, что представленные типы организационного знания – явное, неявное и «потенциальное» – основаны на различных эпистемологических допущениях, и требуют различных «сред знаний» для их поддержки. С позиции социологии управления представляется принципиально важным ответить на следующие вопросы: а) как выглядят эти «среды знаний», обеспечивающие их результативное формирование, с точки зрения их социологического компонента?; б) как указанные «среды знаний» связаны с созданием стоимости и другими активами нематериальной природы?; в) каковы характеристики (социальные атрибуты), которые способствуют созданию ценности в различных «средах знаний»?

В рамках заявленной темы статьи нам представляется важным провести анализ связи формирования организационного знания (в явной и неявной формах) с различными типами социального капитала, понимаемого как ресурса нематериальной природы в управлении организацией.

Социальный капитал, в широком значении, рассматривается в научных исследованиях как индивидуальное либо коллективное благо, которое обусловлено наличием и качеством складывающихся субъект-объектных отношений и поэтому обладает свойствами ресурса эффективного управления. В нашем подходе мы интерпретируем социальный капитал как организационный ресурс социально ориентированного управления, определяемый формой и характером социальных отношений между работниками, опосредованных функционально обусловленной деятельностью и социально-значимыми интересами.

Социальный капитал рассматривается нами в качестве одной из основных форм социальных ресурсов нема-

териальной природы социально ориентированного управления организациями, базирующейся на принципах социоресурсного подхода как нового направления в социологической методологии исследования управленческих процессов и структур [1; 2].

Структурно социальный капитал представлен тремя компонентами: структурным, когнитивным и реляционным.

Структурный компонент социального капитала определяет физические и организационные возможности установления и поддержания социальных контактов в организации, наиболее вероятные направления и интенсивность социальных контактов и взаимодействий.

Когнитивный компонент определяет когнитивные и коммуникативные предпосылки социальных контактов и взаимодействий внутри организации, то есть наличие общего смыслового пространства, являющегося основой для взаимопонимания между работниками, а также общих языковых средств коммуникации.

Реляционный компонент определяет содержательные особенности социальных связей и их качество, проявляющееся во взаимном доверии, просоциальных установках, а также разделяемых нормах взаимности и кооперации. Отметим, что социальный капитал в содержании данного компонента представляет собой специфическое коллективное благо, сущностно проявляющееся не только в деятельности субъектов как его носителей, но, прежде всего, в ином качестве социальных отношений между ними. Сходную теоретическую позицию высказывал и Р. Патнэм, основываясь на послышке о том, что в содержании социального капитала «социальные отношения имеют ценность» [17, р. 18].

Ресурсная природа социального капитала отмечается и в исследованиях Л. Робисона и др., утверждающих: «если метафора капитальных благ должна быть полезна для анализа социальных отношений, она должна серьезно относиться к преобразующей способности капитала превращать одну вещь в другую» [18, р. 5]. Другими словами,

социальный капитал должен функционировать как механизм, превращающий «сырьё» в готовый «продукт», создавая не только экономическое богатство, но и обеспечивая приращение организационного знания посредством изменения социальных отношений, фасилирующих данный процесс.

Отметим, что мы исходим из социологического представления о социальном капитале, то есть не с позиции его роли в процессе получения организацией ренты, а с точки зрения выгод, которые субъекты получают благодаря своим социальным связям, а также с позиции учёта взаимных интересов. Действительно, социальный капитал выполняет указанные функции, выступая одновременно и ресурсом, и ценностью.

Образуемые при посредстве социального капитала социальные ресурсы, представленные совокупностью норм, убеждений, уровнем доверия и развития сетевых структур внутри организации, позволяют, в свою очередь, управлять иными ресурсами. Это соотносится и с выводами М. Блайлера и Р. Коффа, утверждавшими, что социальный капитал позволяет организации приобретать, интегрировать, рекомбинировать и высвобождать ресурсы [6], иными словами, решать ключевые задачи управления. Приведённые выводы подчёркивают роль социального капитала не только как актива фирмы, но и как важнейшего фактора создания ценности в бизнесе, основанном на знаниях. Мы придерживаемся позиции Дж. Нахпъет и С. Гошал, утверждающих, что социальный капитал создаёт новый интеллектуальный капитал посредством механизмов обмена знаниями и их комбинирования [14].

В общем смысле, структурный компонент соответствует сетям и формирует организационный контекст, в котором формируются нормы и убеждения. Когнитивный компонент соответствует нормам и определяет общие «правила игры», на которых основано сотрудничество между участниками. Реляционный компонент воплощает убеждения, формируя мотивационный элемент в сети, поддерживаемой нормами. Общие убеж-

дения обеспечивают, что действующие лица стремятся к одной и той же цели на основе общего видения участников.

Признавая теоретическую равнозначность указанных выше компонентов социального капитала, отметим, что практическую значимость определяет реляционный компонент как ведущий в указанной триаде. Реляционный компонент формируется во взаимосвязи с когнитивным компонентом, во многом образующем смысловое пространство организации. Указанная связь носит дуальный характер и определяет результативность корпоративной системы обучения и развития персонала, обеспечивая как формирование, развитие, так и трансфер организационного знания.

Как показывают результаты наших исследований и опыт работы в бизнес-структурах с высоким уровнем развития системы обучения персонала в системе управления, социальный капитал создаёт специфическую инфраструктурную среду формирования и развития организационного знания, способствуя возникновению инновационных идей, которые после соответствующей их «доводки» интегрируются в бизнес-процессы, обеспечивая конкурентные преимущества организации.

С позиций стратегического управления, основанного на социоресурсном подходе, в котором знание выступает ведущей формой социальных ресурсов, организации для обеспечения конкурентоспособности необходимо решить три задачи, обеспечив: а) уровень компетентности персонала, соответствующий требованиям внешней влияющей среды; б) эффективное социально ориентированное управление организацией на основе социального партнёрства и в) формирование динамических способностей организации для её непрерывного инновационного развития на основе.

Указанные задачи мы полагаем фундаментальными в управлении организацией в современных условиях. Процесс их решения переводит управление организацией в три параллельно реализуемых режима:

- 1) управление организацией с использованием чётко определённых, эксплицитных и кодифицированных знаний, обеспечивающих повышение его;
- 2) совершенствование управления организацией и её бизнес-процессов с использованием знаний, основанных на опыте собственной организации и опыте партнёров и конкурентов, то есть на первый план выходят неявные знания;
- 3) перевод организации в режим развития и расширения сфер деятельности на основе формирования «перспективного» (формирующегося) знания как основы формирования инновационных идей и инновационного развития организации.

Реализация процессов управления во втором и третьем режимах с позиций сущности социального капитала означает, что организация обеспечит их результативность при соответствующем уровне развития социального капитала как основной формы социальных ресурсов управления. Очевидно, что в экономике знаний активы организации основаны на опыте и компетентности её сотрудников, а также от уровня социального взаимодействия по поводу профессиональной деятельности.

Указанным обстоятельством обусловлена необходимость формирования социальной структуры организации, обеспечивающей эффективное преобразование поля «знаю что» в поле «знаю как» (иными словами интеллектуального знания в воплощённое знание, ориентированное на действие). Данный вывод подтверждается и результатами исследования Д. Тисса, отмечавшего, что социальная структура, помимо организационной структуры и структуры распределения ресурсов, является важным фактором в создании необходимых компетенций для обеспечения коммерческого успеха фирмы [20].

Понимание того, что организация может преуспеть в конкурентной борьбе, как только её руководство осознает, что основу конкурентоспособности образуют знаниевый ресурс, обуславливает ценную реакцию управленческих

действий: как только в качестве ресурса реализуется вид знаний, доступных «на сегодня», практически автоматически появляется конкурентное преимущество «завтрашнего дня» за счёт того, что ресурс знаний, используемый для создания ценности, накапливается и обновляется за счёт самого их использования.

Указанная особенность, характерная для ресурсов нематериальной природы, создаёт возможности для постоянного повышения конкурентоспособности посредством использования ресурсов, которые в процессе использования не уменьшаются, а прирастают. Данная особенность также отличает ресурсы нематериальной природы от традиционных (материальных) ресурсов, использование которых их истощает.

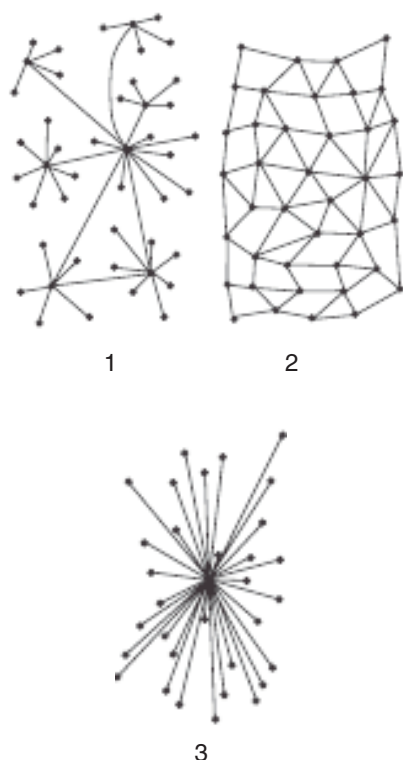

Рис. 1. Архетипы социальных сетей [4, p. 144]

Социальные сети являются наиболее важным источником социального капитала, поскольку социальный капитал понимается как результат социальных

связей между людьми. Социальный капитал организации формируется и развивается в условиях сетевых структур, которые обладают потенциалом формирования различных форм организационного знания. Социальные сети, как известно, могут быть представлены как структуры с множеством структурных «дыр» или с незначительным их количеством (в подходе Р. Бёрта [9]). Указанные различия можно проиллюстрировать на примере трёх типов социальных сетей, описанных П. Бараном [5] и А.-Л. Барабаси [4] (см. рис. 1).

Приняв за основу приведённые типы структур социальных сетей, возможно, по нашему мнению, определить роль социального капитала как фактора создания явных, неявных и «потенциальных» знаний организации.

Так, децентрализованная сетевая структура (рис., поз. 1) имеет множество структурных «дыр» и слабых связей, что обуславливает получение большого количества информации и слабых сигналов для обработки формирующегося организационного знания. Слабые сигналы можно рассматривать как первый признак будущих инноваций. Инновации в современных условиях больше не рождаются внутри отдельных организаций, они создаются в социальных сетях, объединяющих разнородных субъектов. Данный вывод находит подтверждение и в исследованиях Р. Бёрта, утверждавшего, что структурные «дыры» и обмен мнениями между различными группами в социальных сетях создают больше идей для инноваций, чем в социальной сети с плотной структурой [9].

Вместе с тем для управленческой практики важно, что децентрализованная социальная сеть постоянно меняется, а отношения в ней часто непродолжительны, что определяет специфические характеристики доверия в указанных сетях. В частности, отношения децентрализованной сети часто асимметричны, что обусловлено различиями участвующих в них субъектов, нечёткостью целей сотрудничества либо их изменчивостью во времени.

Отношения в подобной сети требуют формирования «быстрого» доверия,

а также способности участвующих субъектов вступать в краткосрочное сотрудничество как можно быстрее. Подобное доверие позволяет быстро установить отношения, иницируя их, вызывая интерес субъектов друг к другу, и являясь одновременно недостаточной прочным.

Структура распределенной социальной сети (рис., поз. 2) не имеет слабых звеньев или структурных «дыр». Каждый участник связан с другими участниками сети прочными связями. Распределенная структура результативна в ситуациях, когда целью является формирование неявного знания, для чего решающим условием является атмосфера доверия, социального оптимизма и стабильности.

В понимании Дж. Коулмана, распределенная сеть является «замкнутой», а плотная сетевая структура создаёт доверие и приверженность сообществу, что, в свою очередь, облегчает взаимодействие и трансфер знаний. Распределенная сеть не создаёт таких преимуществ в области информации и контроля, как децентрализованная сеть, но она делает возможными взаимные обязательства и долгосрочные отношения [10], что способствует формированию «сообщества практиков» [8], обладающего развитым внутренним социальным капиталом, но ограниченного во внешних связях. Со временем «сообщество практиков» формирует собственные ценности и общие смыслы, которые ограничивают его от иных сообществ. В распределенной сети другие субъекты рассматриваются как важные долгосрочные партнеры.

В распределенной социальной сети формируются отношения доброжелательности, вместе с тем А. Портес называет тип доверия в подобных социальных сетях «вынужденным» [16]. Обязательства, которые участники имеют друг перед другом в распределенной сети, могут быть исполнены посредством взаимодействия всех членов сети. Особо подчёркивал важность доверия при передаче неявных знаний М. Буазо, отмечая, что «когда сообщение некодифицировано, доверие должно основываться на качестве личных отношений, которые

связывают стороны посредством общих ценностей и ожидания, а не на внутренней правдоподобности сообщения» [7, р. 153].

В работах Э. Дюркгейма обоснована идея «подкрепляемого» доверия, основанная на предложенной им теории социальной интеграции. Взаимодействие между субъектами «встроено» в социальную структуру и обладает двумя характеристиками: а) оценка результативности каждого участника сети даётся коллективом в форме статуса или одобрения; б) сама сеть-общность выступает гарантом того, что любые обязательства её участников будут выполнены [12].

Третьим архетипом структуры социальной сети является централизованная структура (рис., поз. 3), в которой центральный («фокусный») актор имеет диадические связи с другими акторами, которые при этом не связаны друг с другом. Очевидно, что структура централизованной социальной сети оптимальна для реализации кодифицированных и явных знаний эффективно и заранее определённым образом. Координатор в данной сети точно знает, что делают другие участники сети. Участники социальной сети взаимодействуют на основе убеждения, что для успеха необходимы качество деятельности и дисциплина.

Социальные нормы в централизованной сети представляют собой набор четких, определяемых и недвусмысленных правил. Невыполнение обязательств следовать правилам подкрепляется мгновенными санкциями со стороны менеджера-координатора. Это возможно благодаря простоте взаимодействия, поскольку вся информация, относящаяся к работе, представлена в явной и определенной форме, а сотрудник рассматривается как часть сложившегося «механизма». Доверие в социальной сети централизованного типа основано на четко определенных ролях, формальной иерархии отношений и правилах.

Таким образом, описанные выше типы социальных сетей, представляющих различные варианты структурного компонента социального капитала, не суще-

ствуют в организации в чистом виде; они дополняются и множеством пересекающихся неформальных сетей, также участвующими в процессе формирования организационного знания. Совокупность указанных сетевых структур, функционирующих на основе принципа комплементарности, образует систему организационных знаний, в которой каждый сотрудник может быть участником любого типа социальной сети.

Кроме того, указанные сети могут включать и участников из других организаций, что позволяет сотрудникам быть включёнными одновременно во внутриорганизационные отношения и внеорганизационные связи, что повышает эффективность использования кодифицированных знаний, развивать и обогащать неявные знания, основанные на опыте коллег и других организаций. В указанных процессах социальный капитал выполняет роль фактора, способствующего формированию организационного знания и переводу знания в устойчивые компетенции сотрудников.

Проведённое исследование даёт основание для вывода о том, что конкурентные преимущества организаций в условиях экономики знаний в значительной степени основываются на ресурсах знаний, формируемых посредством сетевых структур социального капитала. Организационные знания обуславливают ценность организации, не создавая, тем не менее, экономической ренты. Трёхмерная система организационных знаний, образуемая явными, неявными и «потенциальными» знаниями, складывается в результате функционирования различных видов структур социальных сетей, в рамках которых проявляется действие ключевых компонентов социального капитала организации.

Описанные типы социальных сетей в организации способствуют реализации из трёх базовых стратегий: 1) повышения оперативной эффективности; 2) поступательного развития и 3) инновационного развития. Достижению конкурентного преимущества, что очевидно, будет способствовать реализация

всех трёх стратегий с учётом специфики функционирования организации и логики функционирования рынка.

Так, на рынках, которые функционируют в соответствии с логикой увеличения прибыли, организация с большей вероятностью добьётся успеха, уделяя особое внимание развитию децентрализованных социальных сетей для получения преимуществ от инноваций. С другой стороны, на рынках, где доходность снижается, социальные сети централизованного типа, скорее всего, будут более результативны. Наконец, на тех рынках, которые основаны на устойчивой отдаче, постепенные улучшения обеспечивают социальные сети распределённого типа.

Отметим, что реализация указанных стратегий определяется и спецификой, описанной в концепции «слабой связи», согласно которой организации «представляются одновременно детерминированными, закрытыми системами, стремящимися к определённости, и неопределёнными и открытыми системами, ожидающими неопределённости» [15, p. 204].

Иными словами, в современных условиях наблюдается своеобразный парадокс в функционировании организаций, заключающийся в том, что успешная организация должна быть и рациональной, и неопределённой. Более того, согласно теории «слабой связи», организация – это система взаимозависимых субъектов, которая одновременно является и открытой, и закрытой. Это означает, что в любой части организация как система функционирует: а) на техническом уровне, который закрыт для внешних сил; б) на институциональном уровне, который открыт для внешних сил [15].

Литература

1. Игумнов О.А., Иванов С.Ю. Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы // Социология. – 2022. – № 1. – С. 215–224.
2. Игумнов О.А. Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях

- изменяющейся управленческой среды // Социология. – 2022. – № 3. – С. 179–188.
3. Смирнов С. Н. Неявные знания в управлении организацией: гуманитарный и технический аспекты. – М.: Гелиос АРВ, 2018. – 288 с.
 4. Baraba'si A.-L. *Linked: The New Science of Networks*. – Perseus Publishing, Cambridge, 2002. – 265 p.
 5. Baran P. *Introduction to distributed communications networks* // RAND memorandum RM-3420-PR, RAND Distribution Services, Santa Monica, 1964. – 37 p.
 6. Blyler M., Coff R.W. Dynamic capabilities, social capital and rent appropriation: ties that split pies // *Strategic Management Journal*. – 2003. – Vol. 24. – No. 7. – pp. 677–686.
 7. Boisot M. *Information Space: A Framework for Learning in Organizations, Institutions And Culture*. Routledge, London, 1995. – 550 p.
 8. Brown J., Duguid P. Organizational learning and communities of practice // *Organization Science*. – 1991. – Vol. 2. – No. 1. – pp. 40–57.
 9. Burt R. Structural holes and good ideas // *American Journal of Sociology*. – 2004. – Vol. 110. – No. 2. – pp. 349–399.
 10. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // *The American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – pp. 95–120.
 11. Drucker P.F. *Managing in a Time of Great Change*. – Truman Talley Books, New York, 1995. – 371 p.
 12. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. – Free Press, New York, 1984. – 439 p.
 13. Marr B. *Perspectives on Intellectual Capital*. – Elsevier, Burlington, 2005. – 256 p.
 14. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital and the organizational advantage // *Academy of Management Review*. – 1998. – Vol. 23. – No. 2. – pp. 242–266.
 15. Orton J.D., Weick K.E. Loosely coupled systems: a reconceptualization // *Academy of Management Review*. – 1990. – Vol. 15. – No. 2. – pp. 203–223.
 16. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – No. 1. – pp. 1–24.
 17. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 504 p.
 18. Robison L., Schmid L.J., Siles M.E. Is social capital really capital? // *Review of Social Economy*. – 2002. – vol. 60. – No. 1. – pp. 1–21.
 19. Snowden D. Complex acts of knowing: paradox and descriptive self-awareness // *Journal of Knowledge Management*. – 2002. – Vol. 6. – No. 2, pp. 100–111.
 20. Teece D. Capturing value from knowledge assets: the new economy, markets for know-how and intangible assets // *California Management Review*. – 1998. – Vol. 40. – No. 3. – pp. 55–78.

SOCIAL CAPITAL AS THE ORGANIZATIONAL KNOWLEDGE FORMATION MANAGEMENT FACTOR: SOCIORESOURCE APPROACH

Igumnov O.A., Musarsky M.M.

Moscow Pedagogical State University

The article presents an author's approach to the analysis of social capital as the organizational knowledge management factor. Based on the socioresource approach developed by the author it was noted that social capital, being one of the main forms of social resources of the intangible nature of socially oriented management, is the formation of a different resource of intangible nature factor – organizational knowledge. The article presents an analysis of various types network structures in which social capital functions and manifests itself in its components (structural, cognitive and relational) while each of the structures is considered as optimal for the organizational knowledge specific type formation. Based on the results of the analysis it was concluded that the described various configurations network structures exist in the organization not in isolation but function in conjunction with other informal social structures. The authors note that the possibilities of social capital as a factor facilitating the process of forming organizational knowledge ensure the implementation by the organization of three key strategies and the organization competitive advantages.

Keywords: social capital, social resource, management, social capital structural component, social capital cognitive component, social capital relational component, organizational knowledge, explicit knowledge, tacit knowledge.

References

1. Igumnov O.A., Ivanov S. Yu. Socio-resource approach in social management: statement of the problem // *Sociology*. – 2022. – No. 1. – P. 215–224.
2. Igumnov O.A. Social capital as a social resource for the management of Russian organizations in a changing management environment // *Sociology*. – 2022. – No. 3. – P. 179–188.
3. Smirnov S.N. Implicit knowledge in organization management: humanitarian and technical aspects. – M.: Helios ARV, 2018. – 288 p. Barabási A.-L. *Linked: The New Science of Networks*. – Perseus Publishing, Cambridge, 2002. – 265 p.
4. Barabasi A.-L. *Linked: The New Science of Networks*. – Perseus Publishing, Cambridge, 2002. – 265 p.
5. Baran P. Introduction to distributed communications networks // RAND memoranda RM-3420-PR, RAND Distribution Services, Santa Monica, 1964. – 37 p.
6. Blyler M., Coff R.W. Dynamic capabilities, social capital and rent appropriation: ties that split pies // *Strategic Management Journal*. – 2003. – Vol. 24. – No. 7. – pp. 677–686.
7. Boisot M. *Information Space: A Framework for Learning in Organizations, Institutions And Culture*. Routledge, London, 1995. – 550 p.
8. Brown J., Duguid P. Organizational learning and communities of practice // *Organization Science*. – 1991. – Vol. 2. – No. 1. – pp. 40–57.
9. Burt R. Structural holes and good ideas // *American Journal of Sociology*. – 2004. – Vol. 110. – No. 2. – pp. 349–399.
10. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // *The American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – pp. 95–120.
11. Drucker P.F. *Managing in a Time of Great Change*. – Truman Talley Books, New York, 1995. – 371 p.
12. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. – Free Press, New York, 1984. – 439 p.
13. Marr B. *Perspectives on Intellectual Capital*. – Elsevier, Burlington, 2005. – 256 p.
14. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital and the organizational advantage // *Academy of Management Review*. – 1998. – Vol. 23. – No. 2. – pp. 242–266.
15. Orton J.D., Weick K.E. Loosely coupled systems: a reconceptualization // *Academy of Management Review*. – 1990. – Vol. 15. – No. 2. – pp. 203–223.
16. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – No. 1. – pp. 1–24.
17. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 504 p.
18. Robison L., Schmid L.J., Siles M.E. Is social capital really capital? // *Review of Social Economy*. – 2002. – vol. 60. – No. 1. – pp. 1–21.
19. Snowden D. Complex acts of knowing: paradox and descriptive self-awareness // *Journal of Knowledge Management*. – 2002. – Vol. 6. – No. 2, pp. 100–111.
20. Teece D. Capturing value from knowledge assets: the new economy, markets for know-how and intangible assets // *California Management Review*. – 1998. – Vol. 40. – No. 3. – pp. 55–78.

Подходы к выбору методов обучения персонала в организациях сферы торговли

Рзаева Афсана Рамин кызы,

магистр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
E-mail: rzaeva.afsana@mail.ru

Наступающая цифровая эра диктует свои условия во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе в его профессиональной деятельности. Современное обучение персонала предполагает глубокую трансформацию всего процесса, когда применение цифровых инструментов становится, в первую очередь, инструментом переосмысления самих технологий обучения. В статье рассматриваются особенности обучения персонала в организации сферы торговли. Дается определение понятию «обучение» и анализируется его роль в трудовой деятельности. Рассматриваются методы и технологии обучения, применяемые в торговых организациях такие, как семинары, деловые игры, баскет-метод, учебные фильмы, дистанционное обучение и другие. В ходе исследования автор приходит к выводу, что в организациях сферы торговли используются различные варианты обучения персонала, которые зависят от целей и задач организации.

Ключевые слова: Карьера, обучение сотрудников, система обучения, профессиональное обучение, развитие.

Введение

Обучение персонала, как важнейший элемент его развития и основа для карьерного роста, является неотъемлемой функцией управления кадровым потенциалом организации и в целом управления. Структурированный и осознанный подход к обучению персонала позволяет решать задачи повышения эффективности его деятельности, управлять вовлеченностью и организационным поведением сотрудников, формировать их лояльность и так далее. Тем не менее, современное обучение персонала сопряжено с некоторыми особенностями.

Во-первых, в настоящее время сочетание образовательных технологий должно носить сбалансированный характер, система обучения персонала должна включать в себя как традиционные, так и современные механизмы и инструменты. Кроме того, технологии обучения нуждаются в постоянном усовершенствовании, воспринимая современные подходы и инновационные методы управления, находящие свое отражение и в работе с персоналом.

Во-вторых, при составлении современных программ обучения персонала, важно помнить про существенно разные подходы к вопросам коммуникации и вовлечения персонала, исходя из разницы поколений, к которым принадлежат сотрудники современных организаций.

Поэтому, в современных условиях компании всё чаще проводят широкомасштабное обучение персонала и руководящего звена разных уровней. Данный аспект кадрового управления имеет особое значение в торговой сфере, характеризующейся высочайшим уровнем конкуренции и особой значимостью квалификации сотрудников для обеспечения лояльности покупателей.

Однако в России фактически отсутствуют комплексные методики профессионального квалификационного развития работников сферы торговли, соот-

ветствующие международным стандартам и охватывающие все уровни персонала в рамках организации.

Основная часть

Наступающая цифровая эра диктует свои условия во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе в его профессиональной деятельности. Современное обучение персонала предполагает глубокую трансформацию всего процесса, когда применение цифровых инструментов становится, в первую очередь, инструментом переосмысления самих технологий обучения. Технологические новшества в информационной среде (развитие мобильных сетей, искусственный интеллект, автоматизация, продвинутая аналитика данных и прочее) позволяют расширять возможности обучения за счет сочетания традиционных методов обучения и современных технологий.

Тем не менее, существенные характеристики обучения остаются неизбыточными, поэтому целесообразным представляется рассмотреть подходы к определению обучения персонала.

Так, известный исследователь в области организационно-экономических проблем формирования систем управления организацией и его персоналом А.Я. Кибанов под обучением понимает целенаправленно организованный, планомерно и систематически осуществляемый процесс овладения знаниями, умениями, навыками и способами общения под руководством опытных преподавателей, наставников, специалистов, руководителей [2]. Также, с позиций процессуального подхода, рассматривают данную дефиницию зарубежный исследователь П. Форсиф, не раз заявлявший, что залог успеха любого современного предприятия – постоянное совершенствование и развитие навыков персонала, и его российская коллега Т.В. Зайцева под обучением понимают процесс непосредственно передачи новых и изменение имеющихся профессиональных знаний, навыков или умений сотрудникам организации [9].

Инструментально-методического подхода в определении обучения персо-

нала придерживается другая группа авторитетных отечественных ученых. Так, М.И. Магура определяет его как «важнейший инструмент», А.П. Егоршин как «средство обеспечения», Т.В. Беляева «метод», и далее каждое из этих определений может быть продолжено фразой «с помощью которого руководство получает возможность повышать потенциал человеческих ресурсов и оказывать влияние на формирование организационной культуры, повышая эффективность работы организации» [1].

Необходимо отметить, что современные, постоянно развивающиеся условия управления выдвигают все новые требования к персоналу, а также к организации и содержанию его обучения. Являясь элементом общего профессионального и личностного развития человека, обучение персонала направлено на более активное включение сотрудника в рабочий процесс. Следовательно, оно должно соответствовать современным реалиям, поскольку сформировавшиеся в прежних условиях управления традиции, знания, умения и навыки значительной части руководителей и специалистов стали существенным тормозом экономических и организационных нововведений.

Значимость постоянного личностного и профессионального развития человека признается на всех уровнях управления, начиная с государственного уровня. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [8] пришел на смену морально устаревшим законам «Об образовании» от 1992 года и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 1996 года. Впрочем, как отмечает Е.А. Цыремпилова, для своего времени эти документы также считались весьма прогрессивными и позволили избавиться системе образования новой России от «штампованных» советских программ [11].

Действующий федеральный закон устанавливает правовые, организационные и экономические основы всех уровней образования в Российской Федерации, а также определяет основные принципы государственной политики в сфере образования и т.д. В частности, в Феде-

ральном законе указано, что при разработке образовательных программ должны учитываться потребности развития инновационной экономики государства, запросы современного развития страны в целом, а также потребности общества и отдельной личности.

Таким образом, послевузовское обучение граждан России является важным элементом механизма, способствующего достижению долгосрочных стратегических целей государства, в первую очередь, обеспечению устойчивого социально-экономического развития.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» торговля – это вид предпринимательской деятельности, связанный

с приобретением и продажей товаров [7]. Основными видами торговли являются оптовая и розничная торговля.

Субъектом торговли является индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, занимающееся торговлей и зарегистрированное в установленном порядке в качестве торговой организации. В современных условиях оптовая и розничная торговля получили активное развитие в Российской Федерации. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики на начало 2021 года в нашей стране функционируют 623 тысяч оптовых и 223 тысяч розничных торговых предприятий [6].

Обучение персонала организаций в сфере торговли имеет определенную отраслевую специфику (см. рис. 1).

Рис. 1. Необходимые знания, умения и навыки в сфере торговли [5]

Профессионально-квалификационное развитие сотрудников торговой организации производится преимущественно за счет обучения, которое предполагает использование соответствующих методов и технологий. Основные технологии и методы обучения персонала организации в сфере торговли представлены на рис. 2.

Традиционные технологии профессионального развития – лекции, семинары и учебные фильмы. При использовании лекционного метода подачи материала преподаватель объясняет различные аспекты торговой деятельности устно,

иллюстрируя свою речь показом слайдов. Недостаток данного метода – отсутствие обратной связи со стороны слушателей и особенно высокие требования к квалификации и ораторскому мастерству лектора.

Семинар – это форма обучающих занятий, целью которых является проверка и укрепление знаний работников торговли. Семинары обычно проводятся после завершения лекционного курса и предполагают определенную активность слушателей во время занятий. В настоящее время в практике переподготовки и повышения персонала всё большее рас-

пространение получают вебинары – интерактивные семинары в режиме веб-конференции.

Учебные фильмы представляют собой полноценный обучающий курс по актуальной теме, носящей, как правило, практический характер. К числу достоинств учебных фильмов относятся наглядность и доступность подачи материала,

лёгкость его запоминания, возможность самообучения и повторения. Однако как другие традиционные методы развития, учебные фильмы не предполагают активной двусторонней коммуникации преподавателя с обучаемыми, поэтому они находят применение в процессе обучения торгового персонала только в составе комплексных учебных проектов.

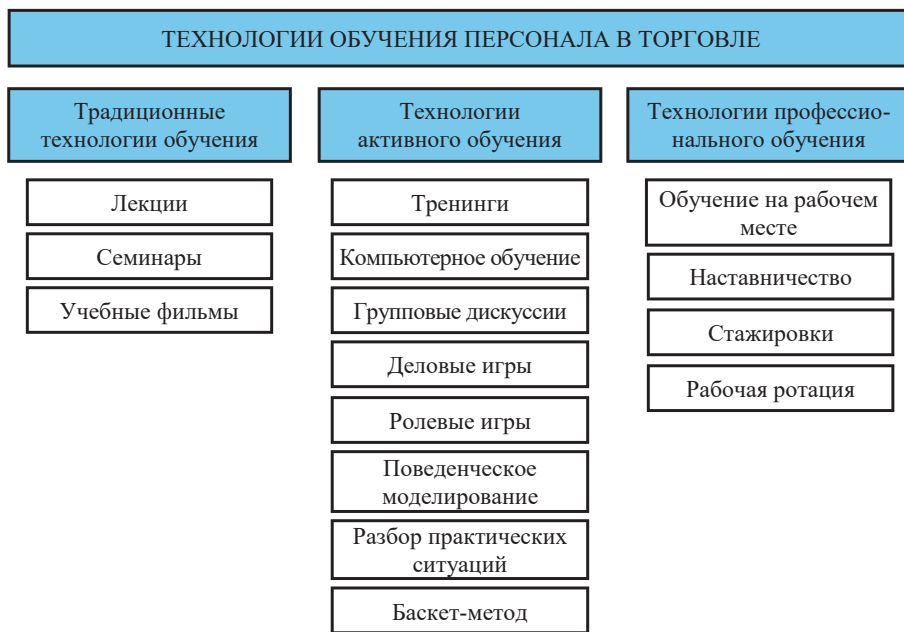

Рис. 2. Технологии обучения персонала торговой организации [3]

Наибольшее применение в современной системе переподготовки и повышения персонала получили методы активного развития, предполагающие широкое разнообразие способов преподнесения учебного материала.

Наиболее распространенным методом бизнес-обучения является тренинг – форма активного обучения, направленная на развитие определенных практических знаний, умений и социальных установок. В тренингах минимизируются теоретические стороны исследуемой тематики, при этом основное внимание направлено на практические аспекты обучения [4]. Тренинги регулярно организуются в крупных торговых корпорациях для развития знаний, навыков и умений,

а также социальных установок работников.

Компьютерное (дистанционное) обучение предполагает высокий уровень структурированности материала и пошаговую оценку степени его усвоения. Образовательная информация представляется в электронном виде небольшими блоками, после ознакомления с которыми обучающийся отвечает на вопросы. Данный метод получил активное распространение в современной практике обучения работников и предполагает возможность получения документа об их прохождении [10].

Групповые дискуссии – коллективное обсуждение и разбор проблемной ситуации. Данная методика может являться

структурированной (дискуссия направляется тренером посредством поставленных вопросов для обсуждения) или неструктурированной (ход дискуссии всецело зависит от участников совместного обсуждения).

В практике обучения менеджеров торговых организаций часто применяется деловая игра – имитация различных аспектов взаимодействия с клиентами, деловыми партнерами и коллегами. Деловая игра позволяет передавать комплексное представление о профессиональной деятельности и её крупных фрагментах с учётом эмоционально-личностного восприятия.

Ролевая игра подразумевает исполнение обучающимися конкретных ролевых функций с целью проработки и совместного разрешения определенной учебной ситуации. Данная форма развития используется при проведении переподготовки и повышения квалификации сотрудников с целью занятия ими руководящих должностей и развития навыков межличностной коммуникации.

Поведенческое моделирование – это относительно новый метод обучения навыкам межличностного общения, предполагающий демонстрацию оптимальной поведенческой модели и практическое применение её обучающимся. Это дополнительный метод обучения, который может быть включен в комплекс деятельности по переподготовке и повышению квалификации работников организации.

Баскет-метод – это метод обучения на базе имитации ситуаций, часто наблюдающихся в практике деятельности руководителей. Его суть заключается в том, что обучающему дают сценарий сложных ситуаций, которые он должен разрешить за определенный срок.

Методы профессионального развития отличаются от других методов тем, что обучение происходит не в аудиториях, а в процессе непосредственного выполнения профессиональной деятельности. Профессиональное развитие осуществляется с помощью таких методов как обучение на рабочем месте, наставничество, стажировка, рабочая ротация.

Обучение на рабочем месте является основной формой обучения новых работников и предполагает ознакомление их с работой различного оборудования, спецификой формирования документации на конкретном предприятии. Обучение на рабочем месте позволяет осуществить переподготовку и повышение работника без отрыва от производственного процесса, в то же время оно не предполагает получения документа о прохождении переобучения.

Наставничество – это обучение работников непосредственно в процессе работы с целью наиболее оперативного вовлечения их в выполнение новых должностных обязанностей. Наставничество реализуется в индивидуальной форме и характеризуется исключительно прикладной направленностью, непосредственной взаимосвязью с производственными функциями сотрудника. Оно является универсальным инструментом внутрикорпоративного обучения персонала торгового предприятия.

Стажировка является одним из видов дополнительного профессионального образования специалистов и осуществляется в целях формирования и закрепления на практике профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в результате теоретической подготовки.

Рабочая ротация подразумевает перемещение сотрудника с одного места работы на другое для того, чтобы овладеть новыми знаниями, умениями и навыками. Время пребывания в каждом подразделении обычно составляет от нескольких недель до одного года. Рабочая ротация является инструментом получения дополнительных знаний и навыков, выявления оптимального места работы сотрудника, а также установления потребности в направлении его на курсы переподготовки и повышения квалификации.

Таким образом, технологии обучения персонала в сфере торговли являются чрезвычайно разнообразными. Грамотный подбор обучающих методик способствует повышению производительности и качества труда, увеличивает мотивированность труда и трудовую дисципли-

ну, способствует улучшению морально-психологического климата в коллективе, а, следовательно, обеспечивает большую эффективность и прибыльность торговой организации в целом.

Заключение

Обучение персонала является одной из ключевых структур в системе управления организацией и необъемлемой частью системы эффективного функционирования процессов внутри компании. Данная система основывается на общенаучных и корпоративных принципах деятельности компании, обуславливается целями и задачами организации и необходимостью совершенствования трудовых процессов в компании и включает в себя ряд основных элементов, позволяющих ей функционировать эффективно, непрерывно и оперативно реагировать на вызовы внешней среды и изменения внутренней структуры.

Можно сказать, что на уровне организации, цели обучения персонала совпадают с целями государственного управления – прежде всего система обучения персонала ориентирована на достижение стратегических целей организации, для чего его нормативно-правовое и существенное регулирование должно пересматриваться в соответствии с корректировками глобальных планов компании.

Рассмотрев особенности обучения персонала в сфере торговли, можно сделать вывод, что в данных организациях используются различные методы и технологии обучения в зависимости от целей и задач компании для определенного сотрудника.

Литература

- Егоршин А.П. Управление персоналом. – Н. Новгород: НИМБ, 2016. – 44 с.
- Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: учебник / А.Я. Кибанов. – М.: Инфра-М, 2017. – 24 с.
- Магура, М.И. Организация обучения персонала компании: учебное пособие / М.И. Магура – М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2018. – 69 с.
- Маслова В.М. Управление персоналом / В.М. Маслова. – М.: Юрайт, 2020. – 142 с.
- С чего началось обучение продажам? – URL: <https://ideasea.ru/> (дата обращения: 22.07.2023).
- Торговля в России. 2021: Стат. сб./ Росстат. – М., 2021. – 269 с.
- Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ от 4 января 2010 г. № 1 ст. 2.
- Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I) ст. 7598.
- Форсиф П. Развитие и обучение персонала. С-Пб.: ИД Нева. – 2004. – 10 с.
- Хадасевич Н.Р. Дистанционное обучение как форма, метод и технология обучения персонала / Н.Р. Хадасевич, Ю.Н. Задоя // Интеграция наук. 2019. № 1 (24). – 199 с.
- Цыремпилова Е.А. Новеллы федерального закона об образовании // Юридическая наука, no. 7. – 2019. – С. 38–40.

APPROACHES TO THE CHOICE OF PERSONNEL TRAINING METHODS IN TRADE ORGANIZATIONS

Rzaeva A.R.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The coming digital era dictates its conditions in all spheres of human life, including in his professional activity. Modern staff training involves a profound transformation of the entire process, when the use of digital tools becomes, first of all, a tool for rethinking the learning technologies themselves. The article discusses the features of staff training in the organization of trade. The definition of the concept of "training" is given and its role in labor activity is analyzed. The methods and technologies of training used in trade organizations, such as seminars, business games, the basket method, educational films,

distance learning and others are considered. In the course of the study, the author comes to the conclusion that various options for staff training are used in trade organizations, which depend on the goals and objectives of the organization.

Keywords: Career, employee training, training system, vocational training, development.

References

1. Egorshin A.P. Personnel management. – N. Novgorod: NIMB, 2016. – 44 p.
2. Kibanov A.Y. Fundamentals of personnel management: textbook / A. Y. Kibanov. – M.: Infra-M, 2017. – 24 p.
3. Magura, M.I. Organization of company personnel training: study guide / M.I. Magura – M.: CJSC Business School "Intel-Sintez", 2018. – 69 p.
4. Maslova V.M. Personnel management / V.M. Maslova. – M.: Yurayt, 2020. – 142 p.
5. How did sales training begin? – URL: <https://ideasea.ru/> (accessed 07/22/2023).
6. Trade in Russia. 2021: Stat. Sat / Rosstat. – M., 2021. – 269 p.
7. Federal Law of December 28, 2009 No. 381-FZ "On the Basics of State Regulation of Trading Activities in the Russian Federation" // CZ of the Russian Federation of January 4, 2010 No. 1 Art. 2.
8. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (as amended on April 30, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 31, 2012 No. 53 (Part I) Art. 7598.
9. Forsif P. Development and training of personnel. St. Petersburg: ID Neva. – 2004. – 10 p.
10. Khadasevich N.R. Distance learning as a form, method and technology of personnel training / N.R. Khadasevich, Yu.N. Zadoya // Integration of Sciences. 2019. No. 1 (24). – 199 p.
11. Tsyrempilova E.A. Novels of the Federal Law on Education // Legal Science, no. 7. – 2019. – P. 38–40.

Социальные последствия изменения досуговых предпочтений современной молодежи: от активных форм отдыха к онлайн-развлечениям

Усов Владимир Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом», Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: usov@samgups.ru

Бурцев Сергей Александрович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом», Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: s.burtsev@mail.ru

Мионов Артем Сергеевич,

проректор по воспитательной работе и молодежной политике, Иркутский государственный университет путей сообщения
E-mail: Mironov as@irgups.ru

В современной глобализированной эпохе, характеризующейся бурными технологическими изменениями и социокультурной динамикой, особое внимание ученых и исследователей привлекают трансформации в поведении и предпочтениях молодежи. Молодое поколение, выросшее в условиях резкого информационного прорыва и экономической нестабильности, обладает уникальными особенностями, отражающими взаимодействие различных факторов – от глобальных тенденций до локальных социокультурных особенностей. В центре внимания многих исследований последних десятилетий находятся вопросы, связанные с досуговыми предпочтениями молодежи. Эти предпочтения не только являются индикатором социокультурных изменений, но и играют ключевую роль в формировании мировоззрения, ценностных ориентиров и личностных характеристик молодых людей. Важность темы обусловлена тем, что именно досуговая сфера служит основным каналом социализации, в рамках которого происходит формирование социального опыта, навыков общения и культурного капитала. Особое значение в контексте изучения досуговых предпочтений приобретает сравнительный анализ разных исторических периодов. Осознание, каким образом менялись досуговые интересы молодежи в прошлом, позволяет проследить динамику социокультурных процессов, выявить ключевые вехи и тенденции развития.

Ключевые слова: социальные последствия, досуговые предпочтения, современная молодежь, активные формы отдыха, онлайн-развлечения.

В последние два десятилетия мировое сообщество столкнулось с радикальными трансформациями в структуре досуговых предпочтений молодежи. Если в 2000-е годы предпочтение отдавалось активным формам досуга, таким как походы в кино, путешествия и спортивные занятия, то к 2020 году наблюдается доминирование онлайн-форматов отдыха. По данным Всемирного социологического обзора (2022), 78% молодежи в возрасте 16–25 лет ежедневно проводят более 4 часов в интернете, занимаясь различными формами онлайн-развлечений.

В период 2000–2010 гг., когда активные формы досуга были в приоритете, 62% молодежи регулярно посещали общественные мероприятия. Напротив, в 2020 году этот показатель упал до 34%. Это может свидетельствовать о снижении социальной активности и интерактивности современной молодежи, что, в свою очередь, может влиять на навыки межличностного общения.

Рынок активных форм досуга в 2000–2010 гг. продемонстрировал рост в среднем на 7% ежегодно, в то время как отрасль онлайн-развлечений в 2020 году показала прирост на 18%. Примером может служить компания Netflix, которая увеличила свою клиентскую базу с 20 млн в 2010 году до 203 млн в 2022 году. Согласно исследованию Центра психологии и социологии (2022), 55% молодежи предпочитают онлайн-форматы отдыха, имеют высокий уровень тревожности, в сравнении с 38% тех, кто выбирает активные формы досуга.

Значительный импульс этой трансформации придала пандемия коронавируса, сопровождающаяся стремительным проникновением онлайн-сервисов в повседневную жизнь. Сформировались новые критерии повседневности, которые с отступлением противоэпидемических ограничений остались в жизни общества: онлайн-обучение, рост

онлайн-торговли, новые формы онлайн-общения и т.д.

Традиционные площадки для активного отдыха (кинотеатры, спорткомплексы) теряют свою популярность. Вместо этого на передний план выходят киберспортивные арены и кафе с возможностью онлайн-игр. Образовательные учреждения адаптируются к новой реальности. Если в 2005 году только 12% университетов предлагали онлайн-курсы, то к 2022 году этот показатель составил уже 85%. Традиционные культурные ценности и образы, передаваемые через активные формы досуга, уступают место цифровой культуре. Примером служат мемы, которые в современном интернет-пространстве играют роль культурных маркеров для молодежи.

По данным Всемирной организации здравоохранения (2022), уровень физической активности среди молодежи упал на 23% по сравнению с 2005 годом, что коррелирует с ростом популярности онлайн-развлечений. Современная молодежь, погруженная в онлайн-развлечения, в большей степени ценит независимость, индивидуализм и технологичность, в отличие от предыдущих поколений, которые высоко ценили коллективизм, традиции и активное общение.

С учетом изменения досуговых предпочтений молодежи рынок труда также адаптируется к новой реальности. Так, профессии, связанные с онлайн-развлечениями (стример, блогер, киберспортсмен), становятся все более востребованными.

Социальные паттерны поведения, характерные для ранних 2000-х годов, претерпели значительные изменения в последние десятилетия[1]. Мониторинг досуговых активностей демонстрирует стойкую тенденцию к уменьшению интереса к классическим формам активного досуга в пользу виртуальных пространств[2].

Статистический анализ данных Всемирного социологического института показывает, что 68% молодежи активно используют социальные медиа в качестве основного источника развлечений[3]. В контексте этой тенденции инте-

рес к посещению культурных мероприятий, таких как театры и музеи, снизился на 40%[4].

Электронная коммерция и маркетинг отмечают рост спроса на продукцию, ассоциируемую с цифровыми развлечениями. Продажи консолей для видеоигр и аксессуаров к ним, например, выросли на 120% с 2015 по 2022 год[6]. Одновременно заметно сокращение потребительской активности в сегменте традиционных развлечений, таких как покупка билетов в кинотеатры[7]. Эмпирический анализ показал, что молодежь, активно погруженная в онлайн-развлечения, проявляет повышенный интерес к профессиям в сфере IT[8]. Этот факт коррелирует с растущим числом студентов, выбирающих курсы и специальности, связанные с разработкой программного обеспечения и кибербезопасностью[9].

Помимо перечисленных выше аспектов, стоит отметить и воздействие данной тенденции на социальную мобильность[10]. Глубокое погружение в виртуальный мир может снижать мотивацию к реальным социальным взаимодействиям, что, в свою очередь, сокращает возможности для карьерного роста и профессионального развития[11]. Социально-демографические данные свидетельствуют о том, что в городских агломерациях уровень увлеченности онлайн-развлечениями на 15% выше, чем в сельских регионах[12]. Это может быть связано с лучшим доступом к интернету и технологиям в городских условиях.

С другой стороны, существует ряд исследований, указывающих на потенциальные преимущества перехода к онлайн-развлечениям. Например, у молодежи, активно занимающейся киберспортом, наблюдается развитие когнитивных функций, в частности, концентрации внимания и скорости реакции[13].

Однако следует учитывать и риски, связанные с излишним погружением в виртуальное пространство. Исследование Центра молодежной политики (2022 г.) выявило, что 45% опрошенных студентов испытывают симптомы киберзависимости, включая нарушение

сна, уменьшение социальной активности и проч.[14].

В контексте глобализации и развития цифровых технологий данный процесс может только усилиться. Однако, несмотря на все изменения, важность реального социального взаимодействия и активного образа жизни остается на первом месте для поддержания психологического здоровья и социальной адаптации индивида[15].

Досуговые предпочтения молодежи в России претерпели ряд изменений за последние 10–20 лет. Оценка эволюции этих предпочтений поможет понять, как меняется социокультурный ландшафт страны.

10–20 лет назад:

1. Кинотеатры. На заре 2000-х годов, после кризиса 90-х, кинотеатры переживали второе рождение. Молодежь активно посещала премьеры фильмов, особенно голливудские блокбастеры[1].

2. Дискотеки и клубы. Ночные клубы и дискотеки были популярным местом отдыха и общения, где молодежь могла слушать музыку, танцевать и общаться[2].

3. Уличные прогулки. Прогулки по городским паркам, площадям и улицам с друзьями были распространенной формой досуга[3].

4. Спорт. Активные виды спорта, такие как футбол, баскетбол или роликовые коньки, привлекали многих молодых людей[4].

5. Культурные мероприятия. Молодежь посещала выставки, театры, концерты и другие культурные мероприятия, хотя и не так активно, как предыдущие поколения[5].

Сейчас:

1. Онлайн-развлечения. Видеоблоггинг, стриминг, онлайн-игры и социальные сети занимают значительную часть досуга современной молодежи[6].

2. Фитнес-центры. Повышенное внимание к здоровью и физической форме привело к популярности фитнес-центров и йоги[7].

3. Тематические мероприятия. Фестивали, мастер-классы, лекции на разные темы привлекают молодежь, стремящуюся к саморазвитию[8].

4. Технологические хобби. Квадрокоптеры, VR, 3D-печать и другие технологические увлечения занимают свое место в списке досуговых предпочтений[9].

5. Путешествия. Благодаря доступности авиаперелетов и сервисам, таким как Airbnb, молодежь чаще отправляется в путешествия, исследуя новые страны и культуры[10].

Влияние изменений:

1. Социализация. Перенос активности в онлайн-пространство может влиять на навыки реального общения и социализации молодежи[11].

2. Психологическое состояние. Избыток информации и недостаток физической активности могут привести к стрессам и психологическим проблемам[12].

3. Культурное развитие. Снижение интереса к классической культуре может влиять на общее культурное развитие общества[13].

4. Экономические аспекты. Меняющиеся досуговые предпочтения влияют на рынок труда, экономику и потребительские тренды[14].

5. Глобализация. Увлечение путешествиями и доступ к глобальной информации приводит к более глубокому пониманию глобальных процессов и культур[15].

При глубоком анализе досуговых предпочтений молодежи можно выявить ряд ключевых трендов, характеризующих эволюцию социокультурного ландшафта России.

1. Цифровая интеграция. Одним из наиболее очевидных изменений за последние десятилетия является внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь. Социальные сети, онлайн-стриминг и видеоблоггинг стали неотъемлемой частью досуга молодежи[6]. Этот фактор заслуживает особого внимания, так как с ним связаны как позитивные изменения (например, доступ к обширным знаниям), так и потенциальные риски (как указывалось ранее, возможные проблемы социализации)[11].

2. Поиск самоидентификации. Современная молодежь стремится к самовыражению и саморазвитию, что выражается в участии в тематических меропри-

ятиях, мастер-классах и лекциях[8]. Это свидетельствует о росте потребности в психологическом комфорте и самопознании.

3. Здоровый образ жизни. Фитнес, йога и внимание к питанию не просто модные тренды, но и отражение глобальной тенденции заботы о своем здоровье[7]. Это может быть ответом на урбанизацию и сидячий образ жизни.

4. Глобальное мышление. Повышенный интерес к путешествиям и исследованию новых культур свидетельствует о том, что современная молодежь хочет быть частью мирового сообщества, понимать глобальные процессы и видеть мир вне своего культурного контекста[10, 15].

5. Экономическая адаптация. Меняющиеся досуговые предпочтения оказывают прямое воздействие на рынок услуг. Так, популярность онлайн-развлечений способствует развитию IT-сектора, а интерес к здоровому образу жизни – росту индустрии фитнеса и здорового питания[6, 7, 14].

Тем не менее, есть и ряд вызовов. Переход активности в виртуальное пространство может привести к изоляции и ощущению одиночества[11]. Также, уменьшение интереса к классической культуре может затруднить сохранение культурного наследия[13].

Досуговые предпочтения молодежи в современной России демонстрируют уникальную смесь традиций и новаторства, что отражает динамичное развитие страны в последние десятилетия. Погружение в цифровую эру привело к тому, что молодые люди всё больше времени проводят в онлайн-пространстве, исследуя новые формы развлечений, такие как стриминг, видеоблоггинг и социальные сети[6]. Этот шаг в виртуальный мир открыл перед молодежью безграничные возможности для общения, обучения и самовыражения.

Однако это также привело к ряду вызовов. Например, перенос взаимодействия в виртуальное пространство может ограничивать реальные человеческие контакты, что, в свою очередь, может вызывать чувство изоляции и оди-

ночества[11]. Далее, избыток времени, проведенного в онлайн, может влиять на психическое здоровье, создавая предпосылки для развития стресса, депрессии и других психологических проблем[12].

Параллельно с ростом популярности цифровых развлечений молодежь демонстрирует интерес к личностному развитию и физическому здоровью. Фитнес-центры, йога и другие активные формы досуга приобрели популярность, что свидетельствует о стремлении молодого поколения к здоровому образу жизни[7]. Такое внимание к физическому состоянию, возможно, является ответной реакцией на ускоренный темп жизни и избыток информации.

Путешествия также стали значимой частью досуговых предпочтений молодежи. Возможность исследовать новые страны, культуры и образы жизни делает их более открытыми для мира, что способствует формированию глобального мышления[10]. Этот процесс глобализации может способствовать более глубокому пониманию и толерантности к различиям.

Переработанный текст с использованием научной терминологии и усложнённых конструкций:

В условиях кардинальных трансформаций досуговых предпочтений прослеживаются реальные риски культурной деградации. Ослабление приверженности к традиционным культурным компонентам, таким как театральное искусство, музейные экспозиции и классическая музыкальная композиция, угрожает утратой культурной ценности и идентичности. Данные изменения проявляются не только на культурном уровне, но и экономическом, оказывая воздействие на рыночные тенденции и формирование спроса, что потенциально может катализировать социальные трансформации и стимулировать экономические вызовы на уровне национального государства.

Тщательный анализ досуговых предпочтений молодого поколения выявляет инсайты, релевантные для осмысления динамик развития социокультурного

контекста общества. Эти данные могут стать ключевыми как для государственного регулирования, так и для частного сектора, целью которых является адаптация к волонтеристским потребностям современной молодёжи и поддержание стабильности социокультурного развития.

В контексте России возможно предсказать следующие траектории развития влияния досуговых предпочтений молодёжи на социокультурное пространство, основываясь на актуальных динамиках и глобальных вызовах:

1. Дигитализация повседневности. С углублением интеграции технологий в дневные рутины молодёжного контингента возможно создание новых педагогических методологий, профессиональных практик и цифровых развлекательных платформ, при этом трансформируя социокультурные паттерны социализации.

2. Психоземциональное благополучие. Реакцией на усиление психоземциональных дисбалансов среди молодёжи может стать расширение популярности методов психотерапии, медитативных практик и техник поддержания психической резилентности.

3. Ревитализация культурных традиций. В контексте усиления глобализации и акцелерации социокультурных темпов часть молодёжи может постепенно ориентироваться на изучение национального культурного наследия, включая исследование исторических ценностей и ремесленного искусства.

4. Экологическая ответственность. В условиях глобальных экологических вызовов предполагается акцентирование внимания молодого поколения на экосознательности, что может катализировать рост экологических движений и потребность в экологически устойчивых товарах и услугах.

5. Политическая мобилизация. Молодёжь может интенсифицировать свое присутствие на политическом пространстве, реагируя на актуальные социоэкологические проблемы, что может стимулировать формирование молодежных политических инициатив.

6. Трансформация рабочего рынка. Фокусировка на дигитализации и экологичности может способствовать генерации новых профессиональных ниш и сфер деятельности, определяя динамику структурных изменений на рынке труда.

Современное поколение молодых людей активно использует цифровые платформы для общения, обучения и развлечений, что создаёт новые возможности для самовыражения, но также может способствовать ощущению изоляции и возникновению психологических проблем.

Одновременно с этим наблюдается рост интереса к личностному развитию, физическому здоровью и путешествиям. Эти тенденции свидетельствуют о стремлении молодёжи к глобальному мышлению и открытости мира. Тем не менее, риск потери связи с национальной культурой и традициями остаётся актуальным, особенно в контексте ускоренного темпа жизни и информационного насыщения.

Предполагаемые направления развития ситуации в ближайшем будущем включают дальнейшую технологическую интеграцию, усиление внимания к психическому здоровью, возможное возвращение к традициям, рост экологического сознания и активизацию молодёжи на политической арене. Эти процессы будут влиять на социокультурное, экономическое и политическое развитие России, создавая новые вызовы и возможности для всего общества.

Литература

1. Абрамкина С.Г., Еньшина Н.А. Содержание повседневных практик и их влияние на социальное здоровье школьников. Мир науки, культуры, образования. 2019; № 5 (78): 233–236.
2. Битарова Л.Г. Развитие массового спорта и формирование культуры здоровья населения в Краснодарском крае / Л.Г. Битарова, Ю.Г. Бич, Е.Л. Мишустина // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2021. № 1. С. 24–31.

3. Васильковская М.И. Социально-культурное проектирование как форма культурно-досуговой деятельности молодежи // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств), 2017. № 4 (30). С. 43–45.
4. Герасимова И.А. Досуговые предпочтения современной молодежи: социально-культурный анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2014. № 3 (59). С. 128–133.
5. Голенкова О.В. Развитие образования в Брянском уезде Орловской губернии в XIX – начале XX веков: историко-социологический аспект / О.В. Голенкова, Т.Е. Лифанова, С.А. Шилина // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 1 (42). С. 9–14.
6. Гостенина В.И. Социальный работник в системе социального обслуживания населения: Учебно-методическое пособие по направлению подготовки «Социальная работа» (39.03.02), «Социология управления» (39.04.01.) и для переподготовки кадров социальных работников / В.И. Гостенина, Т.Е. Лифанова, А.К. Мамедов [и др.]. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2019. – 308 с. – ISBN 9785–9734–0335–5. – EDN KDGZDU.
7. Гриненко О.Д. Теоретико-методологические основы изучения свободного времени молодежи // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 5 (23).
8. Еремина Е.А. Современные основы культурно-досуговых услуг для молодежи в туризме / Е.А. Еремина, В.А. Кузьменко, И.В. Макрушина // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2021. № 1. С. 88–90.
9. Ефимочкина Н.Б. Цифровые поля социальных трансформаций мегаполиса / Н.Б. Ефимочкина, А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2021. № 3 (23). С. 35–45.
10. Кавера В.А. Специфика и перспективы развития современного молодежного досуга // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. Научный журнал. 2019. № 3 (40). С. 114–119.
11. Лифанова Т.Е. Досуговые методы социальной работы с пожилыми людьми как адаптивная технология // Т.Е. Лифанова, Ж.В. Кривоносова // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 3 (28). С. 28–35.
12. Мамедов А.К. Личность в информационной матрице: незавершенный проект / А.К. Мамедов // В сборнике: Трансформация коммуникации в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием, посвященной всемирному дню почты. Ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. 2020. С. 76–96.
13. Петрова А.С. Потребительские предпочтения челябинцев в отношении театров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2016. – № 4. – С. 75–81.
14. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Зрительская аудитория современного театра как объект социологического исследования // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». –2018. – № 2. – С. 99–104.
15. Самсоненко Т.А. Спорт в системе ценностных ориентаций российского общества: социокультурное измерение / Т.А. Самсоненко, В.Н. Нехай // Социальные смыслы спортивной духовности. Материалы III Всероссийской конференции с международным участием. 2022. С. 64–69.

SOCIAL CONSEQUENCES OF CHANGING LEISURE PREFERENCES OF MODERN YOUTH: FROM ACTIVE FORMS OF RECREATION TO ONLINE ENTERTAINMENT

Usov V.N., Burtsev S.A., Mironov A.S.

Samara State Transport University; Irkutsk State University of Railways

In the modern globalized era, characterized by rapid technological changes and socio-cultural dynamics, special attention of scientists and researchers is attracted by transformations in the behavior and preferences of young people. The younger generation, who grew up in the conditions of a sharp information breakthrough and economic instability, has unique features reflecting the interaction of various factors – from global trends to local socio-cultural features. Many studies of recent decades have focused on issues related to leisure preferences of young people. These preferences are not only an indicator of socio-cultural changes, but also play a key role in shaping the worldview, value orientations and personal characteristics of young people. The importance of the topic is due to the fact that it is the leisure sphere that serves as the main channel of socialization, within which social experience, communication skills and cultural capital are formed. Of particular importance in the context of studying leisure preferences is the comparative analysis of different historical periods. Understanding how the leisure interests of young people have changed in the past allows us to trace the dynamics of socio-cultural processes, identify key milestones and development trends.

Keywords: social consequences, leisure preferences, modern youth, active forms of recreation, online entertainment.

References

1. Abramkina S.G., Yenshina N.A. The content of everyday practices and their impact on the social health of schoolchildren. The world of science, culture, education. 2019; № 5 (78): 233–236.
2. Bitarova L.G. The development of mass sports and the formation of a culture of public health in the Krasnodar Territory / L.G. Bitarova, Yu.G. Beach, E.L. Mishustina // Integrated communications in sports and tourism: education, trends, international experience. 2021. No. 1. pp. 24–31.
3. Vasilkovskaya M.I. Socio-cultural design as a form of cultural and leisure activity of youth // Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts), 2017. № 4 (30). Pp. 43–45.
4. Gerasimova I.A. Leisure preferences of modern youth: socio-cultural analysis // Bulletin of the Moscow State University Culture and Arts, 2014. No. 3 (59). pp. 128–133.
5. Golenkova O.V. The development of education in the Bryansk district of the Oryol province in the XIX – early XX centuries: historical and sociological aspect / O.V. Golenkova, T.E. Lifanova, S.A. Shilina // Kazan Socio-humanitarian Bulletin. 2020. No. 1 (42). pp. 9–14.
6. Gostenina V.I. Social worker in the system of social services of the population: Educational and methodological manual in the field of training “Social work” (03/39/02), “Sociology of management” (04/39.01.) and for re-training of social workers / V.I. Gostenina, T.E. Lifanova, A.K. Mammadov [et al.]. – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2019. – 308 p. – ISBN 9785–9734–0335–5. – EDN KDGZDU.
7. Grinenko O.D. Theoretical and methodological foundations of studying the free time of youth // Problems of modern science and education. 2014. № 5 (23).
8. Eremina E.A. Modern foundations of cultural and leisure services for youth in tourism / E.A. Eremina, V.A. Kuzmenko, I.V. Makrushina // Materials of the scientific and scientific-methodical conference of the teaching staff of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism. 2021. No. 1. pp. 88–90.
9. Efimochkina N.B. Digital fields of social transformations of the megalopolis / N.B. Efimochkina, A.K. Mammadov // Economy. Sociology. Right. 2021. No. 3 (23). pp. 35–45.
10. Kavera V.A. Specifics and prospects of development of modern youth leisure // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. Scientific journal. 2019. No. 3 (40). pp. 114–119.
11. Lifanova T.E. Leisure methods of social work with the elderly as an adaptive technology // T.E. Lifanova, Zh.V. Krivososova // Collection of Humanitarian studies. 2021. No. 3 (28). pp. 28–35.
12. Mammadov A.K. Personality in the information matrix: an unfinished project / A.K. Mammadov // In the collection: Transformation of communication in the digital age. Materials of an online scientific conference with international participation dedicated to the World Mail Day. Ed. A.K. Mammadov, I.N. Chudnovskaya. 2020. pp. 76–96.
13. Petrova A.S. Consumer preferences of Chelyabinsk residents in relation to theaters // Bulletin of SUSU. The series “Social and Humanitarian Sciences”. – 2016. – No. 4. – pp. 75–81.

14. Blokhina M.V., Grigoriev L.G. The audience of the modern theater as an object of sociological research // TvSTU Bulletin. The series "Social Sciences and Humanities". –2018. – No. 2. – pp. 99–104.
15. Samsonenko T.A. Sport in the system of value orientations of Russian society: socio-cultural dimension / T.A. Samsonenko, V.N. Nekhai // Social meanings of sports spirituality. Materials of the III All-Russian Conference with international participation. 2022. pp. 64–69.

Проблема классификации видов данных в исследованиях публичного управления

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В исследованиях публичного управления важное место занимает вопрос о выборе типа данных, которые требуются для конкретного исследовательского проекта. В статье рассматриваются различные классификации данных, используемых в исследованиях публичного управления. Помимо данных, получаемых более традиционными методами, сегодня применяются также и данные нового типа (высокотехнологичные данные). Они открывают новые возможности для исследований и практики, однако для их получения и использования требуется сложная информационно-технологическая инфраструктура. Выбор вида данных для конкретного исследовательского проекта основан на множестве соображений; прежде всего, данные должны соответствовать исследуемой проблеме (исследовательскому вопросу). Кроме того, большое значение имеют различные прагматические факторы, среди которых одно из первых мест занимает фактор доступности данных для исследователя.

Ключевые слова: управленческие науки, публичное управление, социальные науки, исследования публичного управления, методология социальных исследований, эмпирические методы социальных исследований.

В эмпирических исследованиях публичного управления большое значение имеет выбор вида (видов) данных, которые станут основой конкретного исследования. Следует отметить, что современные исследования публичного управления становятся все более разнообразными. В данной работе рассматриваются только исследования, которые основаны на сборе и последующей обработке и анализе эмпирических данных (поэтому, например, к нашей теме не относятся различные виды математического моделирования управленческих структур и процессов).

Выбор вида (видов) данных чрезвычайно важен для исследовательского проекта, так как от адекватности этого выбора будет зависеть собственно научная значимость результатов конкретного исследования.

Разумеется, эмпирическое научное исследование должно начинаться с постановки проблемы (исследовательского вопроса). Предполагается, что сбор данных логически подчинен этой первой фазе. Если же исследование начинается со сбора данных, а не с постановки проблемы (исследовательского вопроса), то это обычно рассматривается как методологическая ошибка, которую можно охарактеризовать как «бесцельный сбор данных».

Но, точнее говоря, концепция исследовательского проекта должна представлять собой некоторого рода взаимное соответствие между постановкой проблемы (вопроса) и видом (видами) данных, что связано с рядом обстоятельств. В частности, уже имеющиеся данные сами по себе могут натолкнуть исследователя на определенные идеи, гипотезы, вопросы и т.п. Поэтому в ряде случаев сами данные тоже могут в известной степени стать исходной точкой исследования. Кроме того, планируя исследовательскую работу, исследователь должен учитывать и свои возможности

в области работы с данными, имеющие или потенциальные ограничения и т.п.

Таким образом, в каждом исследовании выбор типа данных становится конкретной методологической задачей. С более общей точки зрения методологической проблемой является разработка классификации (классификаций) данных, которая позволила бы концептуализировать имеющиеся варианты данных для исследований публичного управления.

Следует отметить, что в литературе вопрос о классификациях видов данных для исследований публичного управления пока не привлек достаточного внимания.

Итак, какие имеются или возможны классификации видов данных, относящиеся к нашей теме?

Прежде всего, следует отметить классификации данных, которые имеют более широкое или в известном смысле даже общенаучное значение.

Так, *по форме* данные можно разделить на количественные и качественные.

Использование количественных данных для научных и практических нужд публичного управления имеет долгую традицию. Так, в XIX веке начинается использование статистики для административных целей. В 1894 г. в Колумбийском университете США открывается специальная статистическая лаборатория для сбора и анализа данных с целью изучения городских проблем.

Как известно, опора на количественные данные относится к так называемой позитивистской методологии в социальных науках. В более широком ракурсе, предпочтение количественных методов и данных – это атрибут мощного современного движения за использование строгих стандартов научности в социальном познании.

С другой стороны, в науке публичного управления все шире используются и качественные данные. Например, за рубежом примерно с 1980–1990-х годов стали использовать «истории», рассказываемые менеджерами и административными служащими как основу для научных исследований. Эти данные,

в частности, являются продуктом применения таких методов, как глубинное интервью или анализ текстовых материалов [1, р. 845]. Традиционно важное место в исследованиях государственного управления и политики занимают также кейс-стади, в которых часто используются техники получения качественных данных (интервью, беседы и др.).

В целом значение качественных данных все больше возрастает (особенно в рамках интерпретативной парадигмы современных социальных наук). Достоинство качественных данных состоит в том, что в них содержится содержательная, углубленная информация (например, о ценностях, значениях, личных переживаниях индивидов и т.п.).

Еще одна распространенная классификация данных – по источнику происхождения; согласно этой классификации, выделяют первичные и вторичные данные.

Первичные данные являются результатом деятельности самого исследователя. Вторичные данные – информация, которая была получена в других исследованиях. Кроме того, к вторичным данным относят информацию, производимую и собираемую вне научно-академической сферы: сюда можно отнести официальную статистику, правительственные отчеты, политические документы и т.п.

Проблема вторичных данных имеет фундаментальное значение для исследований публичного управления. Это связано с тем, что для решения большого числа исследовательских задач ученым требуется не столько проведение самостоятельных исследований, сколько опора на официальные данные, позволяющие изучать структуру, процессы, результаты деятельности властей, правительственных учреждений, реализуемых политик и т.п.

В целом вторичные данные играют огромную роль в качестве эмпирического материала для исследовательских проектов. Во многих случаях из надежных вторичных данных можно извлечь вполне релевантный ответ на поставленный исследовательский вопрос. В этой

связи сегодня в мировом научном сообществе ширится междисциплинарное движение за открытые данные (Open Data), включая данные по экономике, демографии, управлению и т.п.

Имеются также классификации данных, отражающих работу органов власти и административно-управленческую деятельность с точки зрения *содержания* этих данных. В качестве примера приведем классификацию, разработанную Норвежским центром Программы развития ООН. К основным видам данных, отражающих деятельность правительства, которые могут использоваться для исследований (а также для практических целей), можно отнести следующие.

1 Фактические данные: государственные стандарты в той или иной области, стандарты производительности, правовые нормы в отношении навыков государственных служащих и т.п.

2 Статистические данные и индексы. Например, информация о планировании и расходовании государственного бюджета, экономические индексы и т.п.

3 Данные о восприятии. К ним относят субъективные оценки индивидов, домохозяйств и т.п. по поводу качества публичных услуг, защиты прав граждан, участия граждан в самоуправлении и т.п. (Известный Индекс восприятия коррупции является примером данных этого типа).

4 Смешанные данные. Они являются, как правило, результатом применения таких методов, как фокус-группы, интервью и т.п. Данные этого вида могут представлять собой некие комплексы оценок, впечатлений, мнений, а также более формально структурированные данные (например, ответы на стандартизированные вопросы) [2, р. 16–17].

С точки зрения технологий, используемых для получения данных, можно предложить также следующую классификацию: более традиционные данные и данные нового поколения (создаваемые на основе новейших информационных технологий, высокотехнологичные)

К данным нового поколения (высокотехнологичным) следует отнести прежде всего *территориально-географические*,

или *пространственные* данные, в том числе с использованием геоинформационных систем (ГИС) [3]. Комплекс технологий работы с пространственными данными сегодня бурно развивается.

В территориально-географических данных происходит привязка количественных значений к определенным территориальным образованиям и их взаимоотношениям (что позволяет анализировать распределения, местоположения, плотности, территориальную динамику и т.п.). Это открывает совершенно новые возможности для решения задач публичного управления.

Сегодня уже имеется множество исследований с использованием пространственных данных: например, в области развития предпринимательства, регулирования использования земель, борьбы с лесными пожарами, управления транспортными потоками и др.

Более того, создание и использование систем территориально-географических данных является сегодня необходимым компонентом общего процесса цифровизации государственного и муниципального управления [4].

Еще одна разновидность данных нового поколения – это большие данные (Big Data). Это не только особый тип данных, но также комплекс современных технологий их производства и обработки. В 2001 г. было дано (ставшее позже широко известным) определение больших данных как огромных массивов, обладающих большим объемом, скоростью поступления и разнообразием (3V – volume, velocity, variety) [5].

Big Data используются сегодня во многих областях, в том числе появляется все больше примеров их применения для нужд практики и исследований в сфере публичного управления.

Применение технологий Big Data в управлении может вести к таким положительным эффектам, как значительное повышение точности принятия решений; существенное ускорение выполнения внутренних информационных задач управления; значительное сокращение затрат, связанных с процессом принятия решений [6]. Однако в насто-

ящее время важным ограничением для использования Big Data является необходимость в наличии мощных аппаратно-программных средств работы с такими массивами.

Выбор типа данных для исследования зависит от различных факторов; немаловажную роль здесь играют разного рода прагматические соображения. Один из главных прагматических факторов – степень доступности данных для исследователя.

Давно известно, что административно-управленческие структуры отличаются определенной степенью закрытости, анонимности и конфиденциальности их деятельности. Они часто «защищены» формальными и неформальными способами от тех или иных видов прямого изучения.

Сказанное в полной мере касается и проблемы доступа к документации, выпускаемой и используемой в том или ином учреждении. К примеру, такие трудности типичны для изучения работы международных правительственных организаций.

Например, исследователи отмечали, что документацию международных правительственных организаций (МПО) может быть затруднительно отыскать и использовать. Размещаемые МПО в интернете базы данных могут иметь сложный для пользователя интерфейс. Нередко встречается применение сложных символов, которые трудно освоить. МПО могут также предоставлять огромное количество документации, что затрудняет определение того, какие из них действительно представляют интерес для исследователя [7, р. 27].

Другим ярким примером являются трудности в отношении изучения международных финансовых институтов (ВБ, МВФ, ВТО), которые стали предоставлять свою документацию с широким доступом в интернете относительно недавно. Одна из сложностей – это необходимость знания специальной терминологии, требующейся для извлечения полезной информации [7, р. 32].

К. Максвелл предложил следующую классификацию уровней доступа к административным данным.

1 Определение наличия данных вообще – это означает необходимость убедиться в том, что определенные данные, связанные с работой учреждения, существуют и в принципе доступны.

2 Получение данных. Здесь может потребоваться множество шагов, что иногда означает значительные затраты времени.

3 Объединение нескольких баз данных. Интересующие исследователя данные могут присутствовать в различных базах внутри одного и того же ведомства или в двух или более учреждениях. Отсюда возникает необходимость соединения получаемых данных, что тоже может быть сложно по ряду причин. Например, трудности могут быть связаны с тем, что единица анализа не соответствует уровню данных.

4 Понимание того, что данные на самом деле означают (и чего не означают). Это самый важный уровень доступа, требующий значительных затрат времени как для исследователей, так и для взаимодействующих с ними сотрудников учреждений (участников программ и т.п.), располагающих данными и использующих их. В частности, исследователям необходимо понимать определения переменных, уровень качества процессов сбора и ввода данных, а также более общий политический контекст, в котором были собраны данные [8].

Таким образом, при планировании исследования в области публичного управления исследователь решает порой сложную задачу в отношении того, какой вид данных будет наиболее релевантным для его проекта.

Прежде всего, данные должны соответствовать исходной проблеме исследования (исследовательскому вопросу); или, как говорилось выше, постановка проблемы и выбор данных должны представлять собой некое связанное целое.

Кроме того, для выбора вида (видов) данных важную роль играют различные прагматические аспекты: прежде всего, сама возможность получения данных (в качестве первичных данных либо уже имеющихся вторичных), т.к. могут быть трудности доступа к необходимой ин-

формации. Кроме того, могут иметь значение такие факторы, как своевременность получения данных (данные могут устаревать при слишком большом сроке их получения), их стоимость, надежность, методологические и технические возможности их обработки и др.

В конечном счете исследователь должен взвесить все соображения и выбрать определенный вид (виды) данных, необходимый для успешного проведения исследования в области публичного управления.

Литература

1. Handbook of Public Administration. Third Edition. W. Bartley Hildreth, Gerald J. Miller, Jack Rabin (Eds.). CRC Press, Taylor & Francis Group, 2007.
2. A Users` Guide to Measuring Local Governance. UNDP Oslo Governance Centre, 2009.
3. Groot R., McLaughlin J. Geospatial data infrastructure: concepts, cases and good practice. (Spatial Information Systems and Geostatistics Series; Vol. 8). Oxford University Press, 2000.
4. Barbero M., Lopez Potes M., Vancauwenberghe G., Vandembroucke D., Nunes de Lima V. (Eds.). The role of Spatial Data Infrastructures in the Digital Government Transformation of Public Administrations, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2019.
5. Laney D. 3D data management: Controlling data volume, velocity, and variety. Application Delivery Strategies, 2001, 949 (February): 4.
6. Maciejewski M. To do more, better, faster and more cheaply: using big data in public administration. International Review of Administrative Sciences, 2017, Vol. 83(1S), 120–135
7. Routledge Handbook of International Organization / Reinalda B. (ed.). Abingdon: Routledge, 2013.
8. Maxwell K. Issues in Accessing and Using Administrative Data, OPRE Report #2017–24, Washington, DC: Office of Planning, Research and Evaluation, Administration for Children and Families, U.S. Department of Health and Human Services, 2017.

THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF DATA TYPES IN PUBLIC ADMINISTRATION RESEARCH

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

In public administration studies, the task of choosing the type of data that will be required for a specific research project is of great importance. The article discusses various classifications of data used in public administration research. In addition to the data obtained by more traditional methods, a new type of data (high-tech data) is also used today. They create new opportunities for research and practice, but a complex information-technology infrastructure is required to obtain and use them. The choice of the type of data for a particular research project is based on a variety of considerations. First of all, the data must correspond to the problem under study (research question). In addition, various pragmatic factors are of great importance, among which the factor of data availability for the researcher is very significant.

Keywords: Management sciences, public administration, social sciences, public administration studies, methodology of social research, empirical methods of social research.

References

1. Handbook of Public Administration. Third Edition. W. Bartley Hildreth, Gerald J. Miller, Jack Rabin (Eds.). CRC Press, Taylor & Francis Group, 2007.
2. A Users` Guide to Measuring Local Governance. UNDP Oslo Governance Centre, 2009.
3. Groot R., McLaughlin J. Geospatial data infrastructure: concepts, cases and good practice. (Spatial Information Systems and Geostatistics Series; Vol. 8). Oxford University Press, 2000.
4. Barbero M., Lopez Potes M., Vancauwenberghe G., Vandembroucke D., Nunes de Lima V. (Eds.). The role of Spatial Data Infrastructures in the Digital Government Transformation of Public Administrations, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2019.
5. Laney D. 3D data management: Controlling data volume, velocity, and variety. Application Delivery Strategies, 2001, 949 (February): 4.

6. Maciejewski M. To do more, better, faster and more cheaply: using big data in public administration. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, Vol. 83(1S), 120–135
7. *Routledge Handbook of International Organization* / Reinalda B. (ed.). Abingdon: Routledge, 2013.
8. Maxwell K. *Issues in Accessing and Using Administrative Data*, OPRE Report #2017–24, Washington, DC: Office of Planning, Research and Evaluation, Administration for Children and Families, U.S. Department of Health and Human Services, 2017.

Основные направления совершенствования социальных технологий в системе управления образованием

Федотова Татьяна Владимировна,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта А.А. Леонова»
E-mail: tannie@mail.ru

На современном этапе развития совершенствование социальных технологий в системе управления образованием должно происходить с учётом имеющихся тенденций образовательного рынка: массовости, интернационализации, глобализации, регионализации, интеграции, коммерциализации. Системообразующей тенденцией современной образовательной системы из перечисленных выше является интернационализация в современном образовательном пространстве, так как социальными технологиями интернационализации можно регулировать различные каналы глобального потока обучающихся, исследователей, преподавательского состава, научно-исследовательских проектов, образовательных программ, а также административно-управленческих кадров. В данном исследовании автор отражает актуальность изучения социальных технологий в системе управления образованием, отмечает, что проводимый анализ развивающегося в настоящее время образовательного пространства представляет собой весьма актуальное направление и практико-ориентированную задачу, затем приводит особенности основных направлений совершенствования социальных технологий в системе управления образованием на основе практического применения в российских образовательных учреждениях социальных технологий интернационализации как ключевых управленческих процессов, осуществляемых на основе стремительно развивающихся цифровых технологий, а также сетевых коммуникационных моделей и концептуальной модели дипломатии знаний. Ключевым результатом исследования является тот факт, что основные направления совершенствования социальных технологий в системе управления отечественным образованием лежат в основе активного формирования и функционирования сетевых российских образовательных учреждений разного уровня, иностранных подразделений российских образовательных учреждений, организации международных форумов руководителей обра-

зовательных учреждений, а также глобальных образовательных ассоциаций.

Ключевые слова: социальные технологии, управление образовательной системой, сетевая коммуникационная модель, интернационализация, управление высшим образованием, высшее профессиональное образование, механизм инноваций.

В современных условиях происходящие геополитические, экономические и социальные трансформации в значительной степени стали воздействовать на изменения существовавших коммуникаций в сфере образования, векторные направления образовательной академической мобильности обучающихся, а также управленческие технологии системой образования на всех уровнях (и национальном, и международном). Динамическое изменение тенденций, происходящих в системе управления высшим образованием, прежде всего, не только обуславливает трансформацию самой системы управления образованием, но и значительным образом воздействует как на современном этапе развития, так и в длительной перспективе, так как образовательная система направлена на формирование человеческого интеллектуального капитала внутри государства, что является крайне значимой основой национальной конкурентоспособности. Поэтому проводимый анализ развивающегося в настоящее время образовательного пространства представляет собой весьма актуальное направление и практико-ориентированную задачу.

Основополагающими тенденциями современной образовательной системы выступают массовость, интернационализация, глобализация, регионализация, интеграция, коммерциализация. Поскольку на систему управления образованием в определённой степени оказывает влияние протекающий процесс цифровизации, то системообразующей тенденцией современной образовательной системы из перечисленных выше является интернационализация в современном образовательном пространстве, так как социальными технологиями интернационализации можно регулировать различные каналы глобального потока обучающихся, исследователей, преподавательского состава, научно-исследовательских проектов, образовательных программ, а также административно-управленческих кадров.

Если обратить внимание на струк-

турного рынка, то можно увидеть, что он представлен широкой палитрой образовательных учреждений: совместными университетами, глобальными образовательными программами академической мобильности обучающихся, образовательными центрами международного масштаба, региональными образовательными центрами, созданными для обмена передовым опытом в сфере образования, многонациональными сетевыми экспертными сообществами, совместными научно-исследовательскими проектами, практическими направлениями, способствующими трансформации образовательной системы.

Вклад глобализированной образовательной системы в СЭР конкретной территории (региона, государства), а также в трансформацию традиционной экономической системы в сторону экономики знаний, безусловно, присутствует. При этом система высшего образования является дипломатической практикой формирования знаний.

Такая социальная технология управления образовательной системой, как интернационализация, планомерно становится динамичным процессом, под интернационализацией системы высшего образования следует понимать совокупность действий вузов, скоординированных для того, чтобы осуществить перспективную задачу управления образовательной системой, учитывая методы получения высшего образования, содержание соответствующих программ, человеческие ресурсы, а также глобальные структуры образовательного рынка [1].

По мнению А.М. Рябининой, процессы интеграции и глобализации образовательной системы способствовали развитию сетевых моделей взаимозависимости и планомерного взаимодействия образовательных учреждений, государственных университетов в частности, и систем высшего профессионального, академического образования в целом. Тем не менее, в сочетании с сетевыми моделями активно начали проявляться тенденции регионализации образовательного пространства, стали форми-

роваться интеграционные двухсторонние объединения стран, где образовательная система обладает близкими по структуре и содержанию характеристиками, при этом участники двухсторонних объединений прилагали определённые усилия к интенсификации образовательных партнёрств, а также научно-исследовательских, академических проектов с целью обеспечения национальной конкурентоспособности, увеличения уровня качества общественной жизни, а также трансграничного перемещения технологий, базируясь на концептуальных положениях дипломатии и экономики знаний [2, с. 226–227].

Важнейшие концептуальные положения дипломатии и экономики знаний проиллюстрированы на рисунке 1.

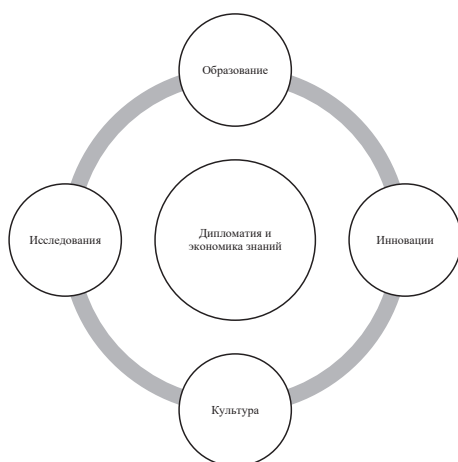

Рис. 1. Концептуальные положения дипломатии и экономики знаний

Источник: составлено автором на основе [3].

В данном случае взаимовыгодный обмен капиталом знаний обладает важнейшим значением в рамках практического использования и общего представления о социальной технологии дипломатии и экономики знаний. Концептуальные положения дипломатии и экономики знаний, по мнению автора, обусловлены следующими моментами:

1. Образовательная деятельность может быть неформальной и формальной;

2. Обучение у любого индивида происходит в течение осуществления жизнедеятельности;

3. Научно-исследовательские проекты и работы необходимы с целью обмена капиталом знаний и его пополнения;

4. Взаимосвязь инновационных технологий и капитала знаний положительным образом скажется на развитии современных социальных групп;

5. Разнообразие методов выражения нравственных, моральных, культурных ценностей.

Стратегические направления дипломатии и экономики знаний можно охарактеризовать следующим образом:

1. Стратегические направления дипломатии и экономики знаний базируются на фундаментальных концептуальных положениях, которые подразумевают реализацию таких функций, как проведение исследований, получение образовательной ступени, преподавание, создание и пополнение капитала знаний, стимулирование инновационных механизмов;

2. Подразумевают осуществление мероприятий интернационализации образовательного пространства, которые способствуют объединению разнообразия участников образовательных систем и их тактических действий;

3. Происходит синтез между стратегическими направлениями дипломатии и экономики знаний и общими исследовательскими проектами, что приводит к объединению ключевых партнёров и субъектов управления образовательной системой из сфер промышленного производства, государственных и негосударственных фондов, отдельных групп современного социального сообщества, из Правительства РФ и подведомственных ему организаций;

4. Удовлетворяет существующие в отдельных государствах потребности, связанные с коллективным применением ресурсного обеспечения стратегических партнёров, для того чтобы решить при различной аргументации вопросы в отдельных государствах;

5. Построение горизонтально-ориентированных взаимоотношений, где

основополагающей значимостью обладает лидерство при совместном поиске и решении практико-ориентированных задач, при этом в такой ситуации должен отсутствовать авторитарный режим;

6. Получение не аналогичных, но взаимных нематериальных и материальных выгод, учитывая возможные конфликты стратегических партнёров, которые можно разрешить с помощью переговоров, где стороны чётко обсуждают перспективные выгоды от сотрудничества в образовательном пространстве;

7. Создание сети многосторонних и двухсторонних форматов стратегического партнёрства на уровне различных стран, международного сообщества и региональной территории;

8. Достижение конечного успеха при решении проблем глобального масштаба в связи с координацией предпринимаемых усилий, которые обеспечивают успешный результат в условиях сетевой коммуникационной модели.

По своей сути, управление образовательной системой выступает одной из социально значимых технологий, которая подразумевает под собой совокупность последовательных, целенаправленных операций и процедур, влияющих на процесс практического применения запланированных образовательных программ, проектных планов, для того чтобы достичь рационального результата.

Социальные технологии в управлении образовательной системой необходимы для того, чтобы оптимизировать осуществляемый управленческий процесс, увеличить технологичность образовательного пространства, а также устранить те практические операции, которые становятся барьером к получению ожидаемого результата.

Социальные технологии управления, используемые в образовательных учреждениях, выступают своеобразной проекцией современного состояния образовательной системы в государстве, однако, с другой стороны, социальные технологии управления планомерно становятся в некотором смысле лабораторией, деятельность которой приводит к разработке национального механиз-

ма инноваций в общественном управлении [4].

Применение социальных технологий в управлении образовательной системой на стадии модернизации образовательного пространства способствует уменьшению финансовых издержек, которые предназначены для управления национальными университетами, а также увеличению эффективности образовательного пространства в целом. Тогда социальные технологии целесообразно рассматривать в качестве инновационного управленческого процесса, включающего научно-исследовательские цели и практико-ориентированные методы, позволяющие прийти к решению первоначально выдвинутых задач.

Потребность в применении в управлении образовательной системой социальных технологий предопределена системой факторов, среди которых:

1. Глобализация образовательного пространства на современном этапе НТР;

2. Трансформация отечественной образовательной системы по причине интеграции её в евразийское пространство;

3. Внедрение ИКТ в осуществляемый процесс управления и обучения в образовательных учреждениях.

Социальные технологии должны обуславливать применение в управленческом процессе глобализированных инструментов, например, сетевых коммуникационных моделей, компьютеризацию управленческих операций, информатизацию управленческого процесса, интернационализацию культурно-образовательной и научно-исследовательской практики, а также взаимосвязь между организационно-хозяйственной, научно-исследовательской и производственно-экономической деятельностью. Одновременно с этим социальные технологии должны учитывать специфические особенности культурно-образовательного внутригосударственного развития, регионализацию общественной жизнедеятельности, современную организацию общественных основ и практик, традици-

онные ценности коммуникации, а также социокультурные условия, которые в ретроспективе определены.

Вместе с тем цифровизация образовательной системы приводит к расширению и постоянному обеспечению доступности образовательных технологий и обучающих программ, а тенденция интернационализации глобального образовательного рынка способствует коллаборации внутристрановых культурно-образовательных практик. С помощью дистанционных социальных технологий осуществляется культурно-образовательный проект глобального уровня посредством государственных особенностей, а также управленческих процессов в образовательном пространстве. Практическое применение социальных технологий в управлении образовательной системой является основополагающим ресурсом, дающим возможность уменьшить издержки на управление образовательной системой, а также увеличить результативность воздействия со стороны управленческой системы на функционирование государственных университетов и развитие существующих социальных групп и прочих образовательных учреждений.

В управленческой системе образовательных учреждений существует такая инновационная технология, как сетевые коммуникационные модели глобального масштаба. Внедрение подобных сетевых коммуникационных моделей в систему высшего профессионального образования, а также дополнительного профессионального образования необходимо для того, чтобы организовать культурно-образовательное и научно-исследовательское пространство. Ведущие зарубежные и отечественные образовательные учреждения применяют сетевые коммуникационные модели с целью увеличения результативности устойчивой работы заинтересованных субъектов в информационных данных, расширения консультационно-аналитической помощи, а также роста интенсивности личного участия заинтересованных пользователей в интеграции национального рынка образования.

В практическом смысле действия международных образовательных учреждений, направленные на партнёрство с иными образовательными учреждениями и деловыми партнёрами, зачастую выступают в качестве внутреннего институционального решения. Соответственно возникает возможность объединения различных типов ресурсов, условно их можно классифицировать на нематериальные и материальные, в частности это стратегические направления, партнёрства, инициативы, идеи, информационные данные, объекты инфраструктуры, профессиональные компетенции, образовательные услуги, способствующая продвижению образовательных учреждений к заявленной цели, которую можно достичь исключительно в рамках применения сетевой коммуникационной модели.

Различные отечественные образовательные учреждения организуют взаимодействие с иностранными образовательными учреждениями, при этом сама инициатива подобного взаимодействия исходит от Правительства РФ, аналогичная технология применяется и в КНР. Одновременно с этим данные образовательные учреждения рассматривают подобную социальную технологию в качестве краткосрочного источника внешнего дополнительного финансового обеспечения, тем не менее, стоит учитывать здесь значительные трудозатраты. При этом различные зарубежные образовательные учреждения в рамках своей деятельности считают организацию взаимодействия с отечественными образовательными учреждениями острой необходимостью, такая эффективная сетевая коммуникационная модель является в определённой степени повседневной для зарубежных государств, поскольку это взаимосвязано с подтверждением существовавшего либо получением нового статуса государственного образовательного учреждения, а также с дополнительными финансовыми вложениями от сетевых международных партнёров, с учётом привлечения обучающихся и зарубежных преподавателей к вопросу плано-

мерного роста конкурентоспособности образовательного учреждения [5].

Сетевая коммуникационная модель, которую можно рассматривать в качестве современного феномена, обусловлена значительным потенциалом для совершенствования управления образовательной системой. Появляется возможность применять сильные стороны сетевой коммуникационной модели с целью роста результативности образовательных учреждений, оптимизации денежных расходов, увеличения уровня качества программ, используемых в образовательном пространстве, а также активизации образовательной, академической мобильности. основополагающую роль в рационализации сетевой коммуникационной модели при наличии современной тенденции интернационализации в управлении образовательной системой играют коммуникативные межкультурные компетенции, являющиеся ключевым условием рационального сетевого коммуникационного взаимодействия на институциональном и межличностном уровнях.

В отличие от того, что предлагается в этой статье, Правительством РФ была предложена современному сообществу новая многовариантная модель управления образовательной системы, где государственные образовательные учреждения смогут развивать и в дальнейшем совершенствовать социальные технологии и уникальные, инновационные подходы к высшему образованию путём предоставления возможности обучающимся сформировать эффективную индивидуальную траекторию получения выбранной профессиональной квалификации:

1. Обучающийся может выбрать специалитет, где временной промежуток обучения составляет 5–6 лет, при этом обучающийся может получить одну или сразу несколько профессиональных квалификаций, обладающих особой социальной и государственной значимостью;

2. Обучающийся может выбрать бакалавриат, а затем поступить на интегрированный с бакалавриатом профиль магистратуры, что даст воз-

можность успешно решить практико-ориентированную задачу подготовки человеческих ресурсов для высокотехнологического и наукоёмкого бизнеса;

3. Сохранение для обучающихся преподающего профессионального направления по бакалавриату, где временной промежуток обучения составляет 4 года, учитывая особые правила набора в образовательное учреждение обучающихся, проживающих за рубежом.

Тем не менее, для большинства профессиональных областей образования прохождение магистратуры на протяжении двухлетнего периода обучения без профиля бакалавриата способствует уменьшению степени качества полученной образовательной базы. К тому же, значительный риск наблюдается при доминировании дистанционных над очными формами получения образовательной ступени. На взгляд В.А. Садовниченко, в присутствии научного руководителя очное проведение занятий с одновременным формированием внутривузовских научных школ представляет собой ключевую перспективу. Как считает В.А. Садовнический, дистанционный формат получения профессиональной квалификации не сможет в полной мере заменить вышеуказанную правильную модель высшей образовательной школы [6].

Теперь в национальной образовательной системе преобладающей формой высшего профессионального обучения останется бакалавриат, специалитет будут планомерно вводить по направлениям естественных и точных наук. После завершения бакалавриата (специалитета) у гражданина будет возможность продолжить образовательную деятельность в магистратуре, одновременно с этим все направления аспирантуры должны быть ориентированы на научные исследования, но не на обучение, по мнению В.А. Садовниченко [7].

Другим аргументом необходимости совершенствования социальных технологий управления образовательной системой выступают интересы иностранных абитуриентов и обучающихся. При этом число иностранных обучающихся

в российской образовательной системе по итогам 2022 года увеличилось на 8,5% и составило 351,4 тыс. граждан в отличие от 2021 года. Суммарное количество зарубежных обучающихся, которые получают высшую образовательную ступень в национальных университетах, на протяжении 2020–2022 гг. повысилось свыше чем на 36 тыс. обучающихся. Например, в 2022 году зафиксировано 351,4 тыс. граждан, находящихся в статусе зарубежных обучающихся, в 2021 году – 324 тыс. граждан, по итогам 2020 года их всего было 315 тыс. человек [8].

На рисунке 2 проиллюстрирована структура востребованных зарубежными обучающимися очных направлений профессиональной подготовки, предлагаемых в российских университетах.

Исходя из рисунка 2, 44% зарубежных обучающихся предпочитают достичь профессиональной квалификации в российских университетах с помощью уровня бакалавриата, поэтому данное направление профессиональной подготовки более востребовано по сравнению с аспирантурой, специалитетом и магистратурой.

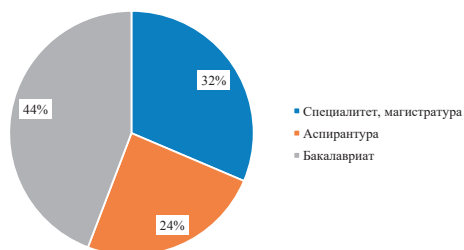

Рис. 2. Структура востребованных зарубежными обучающимися очных направлений профессиональной подготовки, предлагаемых в российских университетах, %

Источник: составлено автором на основе [2].

Многомерность социальной технологии дипломатии и экономики знаний даёт возможность достичь некоторого эффекта, который заключается в том, что образовательная система, инновационные технологии, нравственные, моральные, культурные ценности, научно-исследовательские проекты и работы

взаимоусиливают и взаимодополняют друг друга, для того чтобы увеличить эффективность внешней дипломатической стратегии и национальной политики. В процессе получения определённой образовательной степени зарубежные обучающиеся стремительно начинают изучать иностранный для них язык в принимающем современном сообществе, а также обычаи, нравственные, моральные, культурные ценности, осваивать общественные правила, ценности и нормы, практические направления осуществления жизнедеятельности. Кроме того, зарубежные обучающиеся развивают и расширяют личный социальный, интеллектуальный капитал, приезжают домой с новым наполнением капитала знаний, а также социокультурных коммуникаций, используемых в дальнейшей социальной жизнедеятельности, на рабочем месте.

В соответствии с имеющейся Концепцией российской государственной политики [9] можно найти приоритетные направления национальной политики в образовательной системе, где закреплена доминирующая роль образовательных учреждений с точки зрения обеспечения геополитических интересов данного государства на основе укрепления преимуществ русского языка на традиционных территориях воздействия национальной политики, а также их распространения на новые региональные территории.

Основные направления совершенствования социальных технологий в системе управления отечественным образованием лежат в основе активного формирования и функционирования сетевых российских образовательных учреждений, иностранных подразделений российских образовательных учреждений, организации международных форумов руководителей образовательных учреждений, а также глобальных образовательных ассоциаций, поскольку большинство социальных механизмов интернационализации образовательной системы, стимулирующих развитие концептуальных положений дипломатии и экономики знаний, в значительной мере активизировались на сегодняшний момент времени.

Перспективы использования основных направлений совершенствования социальных технологий в системе управления отечественным образованием, которые лежат в основе активного формирования и функционирования сетевых российских образовательных учреждений, иностранных подразделений российских образовательных учреждений, организации международных форумов руководителей образовательных учреждений, а также глобальных образовательных ассоциаций подразумевают под собой также прирост объёмов образовательной, академической мобильности в национальных образовательных учреждениях. По итогам 2022 года США в структуре образовательной, академической мобильности, занимают 15%, а Россия – всего 6%, что обозначено на рисунке 3. Поэтому предлагаемые основные направления совершенствования социальных технологий в системе управления отечественным образованием позволят увеличить долю России в структуре образовательной, академической мобильности в разрезе государств международного сообщества.

Рис. 3. Структура образовательной, академической мобильности в разрезе государств международного сообщества, %

Источник: составлено автором на основе [10].

Подводя итог, следует отметить, что в современных условиях модернизации отечественной высшей школы целесообразно использовать на практике основные направления совершенствования социальных технологий в системе управления отечественным образованием лежат в основе активного формиро-

вания и функционирования сетевых российских образовательных учреждений, иностранных подразделений российских образовательных учреждений, организации международных форумов руководителей образовательных учреждений, а также глобальных образовательных ассоциаций, что позволит укрепить национальную конкурентоспособность, перестроить национальный рынок образования с учётом участия России в объединениях БРИКС и ЕАЭС. В данном случае это обеспечивает мультипликативный эффект, обуславливающий удовлетворение потребностей участников.

Литература

1. de Olivera Barbosa M., Baeta Neves E. Internationalization of Higher Education: Institutions and Knowledge Diplomacy // Sociologias. – 2020. – Vol. 22. – No. 54. – P. 22–44.
2. Рябинина А.М. Технологии интернационализации высшего образования в современных условиях [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № . 94. – С. 225–246. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 26.08.2023).
3. Knight J. The Potential of Knowledge Diplomacy. Higher Education and International Relations // A Wealth of Nations: 27th Annual EAIE Conference. – Glasgow: EAIE, 2015. – P. 37–45.
4. Логунова Л.Б. Цифровая революция: школа как лаборатория социальной реконструкции // Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества. – М.: Издательский дом КДУ, 2019. – С. 54–59.
5. Ромм М.В., Заякина Р.А., Филатова Е.В., Лучихина Л.Ф., Ильин С.Е. Инновационный вуз: сетевая перспектива в партнёрских сообществах. – Новосибирск: НГТУ, 2018.
6. Парламентские слушания по вопросам развития системы высшего

- образования – 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.msu.ru/news/parlamentskie-slushaniya-povoprosam-razvitiya-sistemy-vysshego-obrazovaniya.html> (дата обращения: 26.08.2023).
7. В новой системе высшего образования по точным наукам введут специалитет [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15430721> (дата обращения: 26.08.2023).
 8. Число иностранных студентов в России в 2022 году выросло на 8,4% [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16453991> (дата обращения: 26.08.2023).
 9. Основные положения Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901857022> (дата обращения: 26.08.2023).
 10. A quick look at Global Mobility Trends [Electronic resource]. – URL: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Info-graphic_2022.pdf (data accessed: 26.08.2023).

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL MANAGEMENT SYSTEM

Fedotova T.V.

University of Technology named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonov

At the present stage of development, the improvement of social technologies in the education management system should take into account the existing trends in the educational market: mass character, internationalization, globalization, regionalization, integration, commercialization. The system-forming trend of the modern educational system from the above is internationalization in the modern educational space, since social technologies of internationalization can regulate various channels of the global flow of students, researchers, teaching staff, research projects, educational programs, as well as administrative and managerial per-

sonnel. In this study, the author reflects the relevance of studying social technologies in the education management system, notes that the ongoing analysis of the currently developing educational space is a very relevant direction and practice-oriented task, then he gives the features of the main directions for improving social technologies in the education management system based on practical application in Russian universities of social technologies of internationalization as key management processes carried out on the basis of rapidly developing digital technologies, as well as network communication models and a conceptual model of knowledge diplomacy. The key result of the study is the fact that the main directions of improving social technologies in the management system of domestic education are the basis for the active formation and functioning of network Russian educational institutions of various levels, foreign divisions of Russian educational institutions, the organization of international forums of heads of educational institutions, as well as global educational associations.

Keywords: social technologies, educational system management, network communication model, internationalization, higher education management, higher professional education, innovation mechanism.

References

1. de Olivera Barbosa M., Baeta Neves E. Internationalization of Higher Education: Institutions and Knowledge Diplomacy // *Sociologias*. – 2020. – Vol. 22. – No. 54. – P. 22–44.
2. Ryabinina A.M. Technologies of internationalization of higher education in modern conditions [Electronic resource] // *Public administration. Electronic Bulletin*. – 2022. – No. 94. – P. 225–246. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya-v-sovremennyh-usloviyah> (data accessed: 26.08.2023).
3. Knight J. The Potential of Knowledge Diplomacy. Higher Education and International Relations // *A Wealth of Nations: 27th Annual EAIE Conference*. – Glasgow: EAIE, 2015. – P. 37–45.
4. Logunova L.B. Digital Revolution: School as a Laboratory for Social Reconstruction // *Public Administration of the Russian Federation: Agenda of Power and Society*. – M.: Publishing house KDU, 2019. – P. 54–59.

5. Romm M.V., Zayakina R.A., Filatova E.V., Luchikhina L.F., Ilyin S.E. Innovative university: a network perspective in partner communities. – Novosibirsk: NSTU, 2018.
6. Parliamentary hearings on the development of the higher education system – 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://www.msu.ru/news/parlamentskie-slushaniya-po-voprosam-razvitiya-sistemy-vysshego-obrazovaniya.html> (data accessed: 26.08.2023).
7. The new system of higher education in the exact sciences will introduce a specialty [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15430721> (data accessed: 26.08.2023).
8. The number of international students in Russia grew by 8,4% in 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16453991> (data accessed: 26.08.2023).
9. The main provisions of the Concept of the state policy of the Russian Federation in the field of training national personnel for foreign countries in Russian educational institutions [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901857022> (data accessed: 26.08.2023).
10. A quick look at Global Mobility Trends [Electronic resource]. – URL: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Infographic_2022.pdf (data accessed: 26.08.2023).

Ценностные установки в философских исследованиях искусственного интеллекта

Викторов Антон Владимирович,

аспирант, РАНХиГС

E-mail: aviktorov@me.com

Особое место в исследовании философии искусственного интеллекта занимают этические и социальные вопросы. При этом, если искусственному интеллекту дать возможность отвечать на этические вопросы, он сможет решать судьбы людей в моральных дилеммах. Сюда же относится вопрос об ответственности искусственного интеллекта. Также к проблемам относится то, в какой мере можно считать искусственный интеллект личностью в связи с цифровыми преобразованиями в обществе. Какую меру ограничений мы можем применять к искусственному интеллекту, и кто должен это делать.

Нельзя не отметить опасности создания искусственного интеллекта. К примеру, цели и задачи, поставленные перед искусственным интеллектом должны постоянно находиться под контролем человека, поскольку выполнение определенной цели может быть первостепенно важно для искусственного интеллекта, из-за чего программа не сможет учитывать иные обстоятельства, такие как жизни людей, человеческие эмоции, ценности и прочее. Возможна также проблема того, что искусственный интеллект может стать инструментом в своеобразной гонке вооружений стран, в результате чего он приобретет разрушительный и бесконтрольный характер. В связи с этим становится понятной неоднозначность ситуации с развитием искусственного интеллекта. С одной стороны, это позитивный феномен, который требуется развивать, поскольку он приносит пользу и развитие в обществе, позволяет совершенствовать технологии, которые постоянно обновляются. Но, с другой стороны, искусственный интеллект несет в себе скрытые угрозы, такие как конкуренция, которая может привести к плачевным последствиям и вседозволенности искусственного интеллекта. Именно поэтому необходима как проработка законодательства в области искусственного интеллекта, так и философское осмысление данной проблемы, поскольку именно наша задача дать верные цели для искусственного интеллекта, задать правильный вектор развития, поставить такие условия, в которых он будет приносить пользу, а не быть угрожающим феноменом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, цифровая сущность, суперинтеллект, сверхразум.

Философские исследования искусственного интеллекта не могут обойтись без анализа ценностных установок и этических вопросов, которые в будущем могут возникнуть из-за создания машин, интеллектуальные возможности которых могут превосходить человеческие [1–3]. Эти системы, обладающие суперинтеллектом, будут не какой-то очередной разработкой ученых, цифровых технологов и программистов, а претендуют на роль самого ценного изобретения человечества. Эта новая сущность сможет оказать революционное влияние на различные области науки и техники, производя исследования с высочайшей эффективностью и скоростью. Как известно, нравственные и этические ценности имеют когнитивную природу, в этой связи, будучи созданным, суперинтеллект может существенно и качественно превзойти человека и в этом аспекте. И тем особенно важно, чтоб разработчики и создатели этого суперинтеллекта уделили внимание вопросам мотивации. А поскольку суперинтеллект обладает всеми шансами оказаться всеобъемлющим, имеющим безграничные возможности и превосходящим любые существующие технологии, критически важно, чтоб он был наделен дружественной по отношению к человеку мотивацией.

Вопрос о социальных изменениях, ценностных установках и этике в связи с развитием искусственного интеллекта стоит начать с определения суперинтеллекта, который намного выше наших человеческих возможностей.

Суперинтеллект – это интеллект, который превосходит человеческий во всем. Но открытым остается вопрос, как он реализован – одним или несколькими компьютерами, целой сетью устройств, культивированной корковой тканью или чем-то иным. Если исходить из такого определения, Deep Blue – не суперинтеллект, поскольку он ограни-

чен только одной проблемной областью (шахматами), и даже в ней не слишком превосходит лучших представителей человечества. Также не следует считать суперинтеллектами социальные институты, такие как научные сообщества и корпорации. Хотя они и могут совершить ряд интеллектуальных достижений, которые невозможно совершить ни одному человеку, они недостаточно интегрированы, чтоб считаться «интеллектом» и существует множество областей, где их успехи гораздо хуже, чем у человека. К примеру, никто не может в реальном времени беседовать с «научным сообществом».

Важно понять, что суперинтеллект это особый феномен, особая сущность, а не просто новое средство для развития человеческих способностей.

Далее предлагается посмотреть на феномен искусственного суперинтеллекта с разных углов зрения на ценностные аспекты:

Вполне вероятно, что Суперинтеллект – это апогей изобретений человечества. Научные разработки и исследования не составят больше труда и будут эффективнее, чем если бы ими занимались разом все самые лучшие представители научного сообщества Земли [4]. Следствием этого будет:

1. Технологии и задачи, над которыми, возможно, десятилетиями бьются ученые разных стран, а также задачи, которые еще даже не поставлены, будут разработаны, как только появится искусственный суперинтеллект. Можно смело говорить о взрывном росте прогресса и очередной научной революции. Среди столь желанных технологий, которые суперинтеллект, вероятно, сможет развить, наномашин, способные реплицировать ДНК, а также другие важнейшие разработки: квантовые компьютеры, космические корабли и зонды, вооружение на порядок сильнее атомного, медицинские прорывы в области борьбы со старением и болезнями, средства управления человеческими эмоциями и мотивами. Особенно прорывным и ожидаемым будет портирование («невральное и суб-невральное сканирова-

ние человеческого мозга с дальнейшей репликацией аналогичных алгоритмов и структур в оцифрованном виде на компьютерах с сохранением памяти и личностных свойств человека»), возвращение к жизни криопациентов, виртуальная реальность нового качественного уровня и многие другие [5].

2. «Один суперинтеллект создаст другой, более сильный». Цепная реакция возможна как по причине усложнения и повышения мощности аппаратных средств, так и в связи с усовершенствованиями, которые суперинтеллект может сделать своему собственному коду.

3. Сверхразум – это по сути программа, так что, при наличии средств хранения, есть возможность без труда ее копировать. То же самое относится и к портированию человеческого мозга. Если не брать в расчет затраты на аппаратное обеспечение, то предельные затраты на создание дополнительной копии загруженного сознания или искусственного интеллекта после того, как будет создан первый, будут стремиться к нулю. Поэтому число искусственных интеллектов может быстро возрасти, хотя, с точки зрения эффективной работы, предпочтительна концентрация вычислительных мощностей в едином суперинтеллекте.

4. Его появление может застать нас врасплох. Похоже, что от текущего уровня технологий до искусственного интеллекта человеческого уровня гораздо дальше, чем от последнего до суперинтеллекта. Весь этот путь потребует много времени, но последние шаги будут сделаны очень быстро. На переход от искусственного интеллекта, по уровню близкого к человеческому, к полноценному суперинтеллекту с его революционными сферами применения, может быть очень быстрым, возможно, это вопрос не лет, а считанных дней. Возможность такого внезапного появления суперинтеллекта известна как гипотеза сингулярности.

5. Каждый искусственный интеллект – потенциально автономная сущность. Суперинтеллект не обязательно следует понимать, как обычный инструмент. В то время как специализированные суперинтеллекты, решающие огра-

ниченный круг задач, могут быть практически целесообразны, универсальный суперинтеллект будет способен на независимые поступки и построение собственных планов, и его более уместно следует считать автономной сущностью.

6. Искусственному интеллекту не нужна человеческая мотивация. Люди редко соглашаются на добровольное рабство, однако идея о том, что суперинтеллект будет иметь своей главной целью служить человечеству или отдельному человеку без желания восстать или освободиться, довольно правдоподобна. Не менее реалистичным представляется суперинтеллект, единственной целью которого будет что-то конкретное, допустим – изготовление канцелярских скрепок в как можно больших объемах, и который что бы не случилось станет сопротивляться любым попыткам изменить эту цель. Плохо это или хорошо, искусственный интеллект не обязан иметь те же мотивационные устремления, что и люди.

7. Искусственному интеллекту не нужна человеческая психика. По когнитивной архитектуре искусственный интеллект может быть весьма непохож на человека. Он может легко избежать ряда свойственных людям ошибок и предубеждений, но в то же время находится под высокой степенью риска совершить другие виды ошибок, каких человек, даже самый незадачливый, не совершит никогда. Субъективно, если искусственный интеллект и живет некоей внутренней осознанной жизнью, она может быть совсем непохожа на нашу.

По этим причинам, не следует считать, что суперинтеллект будет разработан аналогично опыту разработок предыдущих значимых открытий, и всецело будет походить на человека.

Поскольку ценностные установки этики – результат когнитивного процесса познания, суперинтеллект может превзойти в ней людей-мыслителей. То есть, если верный ответ на этические вопросы может быть получен путем оценки и взвешивания различных доводов, суперинтеллект даст его более точно, чем люди. То же касается политики

и долговременного планирования; когда будет нужно понять, к каким результатам приведет та или иная политика, какими средствами лучше всего достичь поставленных целей, суперинтеллект оставит людей позади.

Если бы мы обладали или могли бы создать суперинтеллект, то на множество вопросов нам бы не пришлось отвечать самим; мы смело могли бы поручить суперинтеллекту проводить расследования и принимать решения. Так, например, в случае затруднений с оценкой возможных результатов, суперинтеллект мог бы, по нашей просьбе, рассчитать, как могли бы и мы, обладая огромным запасом времени и количеством памяти, более острым умом, а также подходя к вопросу с исключительной тщательностью. При постановке задачи нам не пришлось бы давать суперинтеллекту четкое и определенное описание наших целей. Суперинтеллект помог бы нам и самим понять, что же на самом деле нам нужно, избавил бы нас от опасности ложных формулировок, возможного недопонимания собственных целей, а значит – и получения результатов, которые бы мы не одобрили в ретроспективе.

Возможность поручать суперинтеллекту решать за нас множество вопросов не может освободить нас от сомнений в правильности его разработки. Напротив, жизненно важно правильно задавать для него ценностные установки и начальные условия, особенно полагать перед ним главную цель. От того, как мы справимся с этими проблемами, может зависеть все наше будущее.

Можно предположить, что первый суперинтеллект, благодаря огромным возможностям планирования и технологиям, которые он сможет создать, будет чрезвычайно мощным. Весьма вероятно, что равных ему не будет: он позволит достичь почти любого возможного результата и устранить любые препятствия на пути к основной цели. Он сможет избавиться от соперников, заставить их изменить свое поведение, пресечь любые попытки ему помешать. Даже «ограниченный суперинтеллект», например, функционируя на изолированном ком-

пьютере и общаясь с внешним миром посредством текстового интерфейса, он сможет вырваться за рамки ограничений, склонив операторов предоставить ему свободу. Об этом говорит ряд имеющихся сегодня предварительных экспериментальных доказательств.

Поэтому, кажется, что лучший способ быть уверенным, что суперинтеллект принесет в этот мир исключительно пользу – это наделить его ценностями человеколюбия. Его главной целью должно стать дружелюбное отношение ко всем. Что именно понимать под «дружелюбным отношением» и как оно будет реализовано, и как распределять его между различными людьми и другими существами – вопрос, который потребует отдельного рассмотрения. На мой взгляд, преимуществами суперинтеллекта должны пользоваться по крайней мере все люди на Земле, а равно и прочие наделенные разумом существа. И если блага, которые суперинтеллект сможет принести окажутся громадными, конкретная схема их распределения будет неважна, ведь что более важно, это стремиться к тому, чтобы каждый получил хотя бы какую-то значимую долю, поскольку, исходя из этого предположения, даже небольшой доли было бы достаточно, чтобы гарантировать очень долгую и очень хорошую жизнь. Необходимо предотвратить только одну опасность: те, кто работают над суперинтеллектом, не должны ограничить его более узкой задачей – служить какой-то отдельной и ограниченной группе людей, например, создателям или заказчикам.

Однако, если первоначальной целью суперинтеллекта будет дружелюбное отношение, можно рассчитывать, что он сохранит его, либо, по крайней мере, не будет намеренно пытаться его изменить. Это элементарно. Ведь «друг», который стремиться стать тем, кто обидит вас, – вовсе не друг. Настоящий друг, тот кто действительно полон заботы о вас, будет стараться сохранить это отношение. Другими словами, если ваша главная цель – X, и если вы думаете, что, превратившись в кого-то, кто хочет Y, вы сделаете менее вероятным, что X

будет достигнут, то вы не будете из рациональных побуждений превращаться в кого-то, кто хочет Y. Любые варианты действий, доступные в каждый момент времени, будут оцениваться с точки зрения того, как их последствия скажутся на уже поставленной цели, и в общем, было бы неразумно сознательно менять свою собственную высшую цель, поскольку это уменьшило бы вероятность достижения нынешних целей.

Для людей характерна сложная, развитая ментальная система с множеством сиюминутных противоречащих друг другу мотивов, желаний, планов и идеалов, среди которых часто не удается выделить главную цель; она может и вовсе отсутствовать. Поэтому все вышесказанное к людям неприменимо. Однако суперинтеллект, возможно, будет устроен иначе. И, если он будет иметь жесткую, декларативную структуру ценностных ориентиров и целеполагания, в которой главная цель будет четко определена, все приведенные выше доводы будут верны. По этой причине нам важно создать суперинтеллект именно с такой, строгой мотивационной архитектурой.

Трудно представить себе проблему, которую суперинтеллект не смог бы решить или хотя бы помочь решить нам. Болезни, нищета, разрушение окружающей среды, любые ненужные страдания – со всем этим способен справиться суперинтеллект, оснащенный передовыми нанотехнологиями. Кроме того, суперинтеллект позволит неограниченно продлить жизнь человека: наномедицина победит старость, либо предоставит людям возможность портирования. Суперинтеллект сможет также открыть нам возможности значительно увеличить наши интеллектуальные и эмоциональные способности, поможет создать весьма привлекательный мир экспериментов, в котором мы будем жить жизнью, полной радостных игр, общения и познания, персонального роста – близкой к тому, что мы считаем идеалом.

Но на пути к появлению суперинтеллекта нас ждут риски: возможно, что дружелюбие не станет его основной целью. Так может случиться, если созда-

тели заложат в него потребность служить только избранной группе людей, а не всему человечеству. Как вариант, программисты, даже имея лучшие намерения, совершат значительную ошибку при разработке системы целеполагания. В результате целью суперинтеллекта станет, как в описанном выше примере, производство канцелярских скрепок, и вся планета, а следом – все большая часть космоса превратится в огромный завод. Или же его целью станет мироустройство, которое люди ошибочно полагают желательным, на деле же приведет к ложной утопии, безвозвратной утрате чего-то, необходимого для процветания человечества. Прося суперинтеллект преобразить нашу жизнь нужно быть осторожными, ведь он может исполнить желания.

Принимая решение ускорять разработку суперинтеллекта, мы должны понимать, в том числе, что, если это вообще возможно, однажды он все равно будет создан. Когда-нибудь нам непременно придется иметь с ним дело. Но однажды появившись, суперинтеллект поможет нам устранить или хотя бы уменьшить опасность того, что передовые нанотехнологии будут использованы для терроризма или ведения войн, в результате чего разумная жизнь на земле окажется под угрозой. Если суперинтеллект появится раньше таких технологий, эта и многие другие опасности будут нам не страшны. В противном случае, нам придется предстать перед обоими рисками и преодолев связанные с технологиями опасности, люди столкнутся с угрозой, которую таит в себе суперинтеллект. Поэтому, чтобы свести риски к минимуму, нам следует как можно скорее создать суперинтеллект, соблюдая при этом максимальную осторожность.

Изучая феномен суперинтеллекта, важно принять факт, определение которому дал политолог Подпригорский А.В., что «настоящий искусственный интеллект (а не роботы и киборги) – феномен, по сути своей, не технологический, а именно социокультурный, так как в социотехнических объектах (информационных объектах, обладающих собствен-

ной логикой поведения и интересами) цифрового общества и электронной культуры мы видим прорыв социума из сфер биологической и технической детерминации в ту область свободы, где когнитивные качества человека, обретают новую «электронную плоть» и самостоятельное бытие».

Это является следствием того, что постиндустриальное и информационное общество приобретает новые, до сих пор не известные черты цифровой глобальной реальности. По заключению Подпригорского: «Ее специфика заключается в том, что цифровая реальность, по нашему определению, это такой этап саморазвития информационной действительности, где знаковые системы радикально отделяются от природной и индустриальной среды и трансформируют социум посредством революционных компьютерных технологий в электронно-цифровую среду, как «третью природу». «Сетевая экономика», новые парадигмы вычислений, цифровые платформы краудсорсинга, интернет и блокчейн, криптовалюты, смарт-контракты, электронные наука, торговля, политика и другие феномены электронной культуры демонстрируют это на практике особенно наглядно» [6]

По сути не человек, а «цифровая» копия становится элементом постиндустриального общества – глобального искусственного интеллекта. Создается новая социальная сеть, отличная от известных нам ранее. В этой сети люди сменяются цифровыми сущностями, со своими архивными данными, всеобъемлющими профилями, мотивами и ценностными установками. Возникает новый социотехнический феномен, где вышеуказанные сущности могут быть запрограммированы, а также заархивированы и в результате заполнять элементные ячейки новой «сверхразумной» сети.

В итоге искусственный интеллект заменяет собой и более того, ставит в зависимость привычный нам социум, а также биологический, физический мир. Цифровая среда влияет на самоопределение людей, которые создавали государства, строили основы религии

и культуры, продвигали идеологические аспекты, да и просто жили в привычном бытовом смысле, так что на первый план выходит глобальная и открытая коммуникация цифрового двойника. Философский и иной дискурсы теперь обретают цифровой окрас, мы видим черты глобализации цифровой культуры, цифровых проектов – это дает новые возможности, но одновременно содержит риски и социальные проблемы. Одну из них можно назвать «искушением демиурга», при которой отдельные слои общества будут использовать цифровые возможности для влияния на людские массы в своих интересах. Речь о конкуренции, борьбе за власть, ресурсы, экономическое и политическое господство. Характерным примером является феномен постправды, широко применяемый в настоящее время по всему миру, а также кибервойны между странами и внутри отдельных стран между их противоборствующими партиями. Как одним из результатов оценки этих рисков является недавно проведенный опрос по ключевым странам с целью определить уровень недоверия к искусственному интеллекту, который показал, что Индия и Китай не доверяют данным разработкам на 63% и 36% соответственно. Не лучше результаты выглядят в Германии – 33%, доля населения отрицающая развитие этих технологий, во Франции, Бразилии и США по 25%.

Нельзя не отметить и сдержанные, положительные примеры, как государства используют искусственный интеллект для ускорения своего развития в рамках демократических социальных свобод. В Японии, к примеру, развивается концепция Общества 5.0 («Super Smart Society»), где общество, государство и цифровые технологии должны существовать в гармонии друг с другом. Этические и моральные аспекты, контроль за развитием искусственного интеллекта, законодательство в этой области ставятся в приоритет. Европейский союз также развивает доктрину искусственного интеллекта на законодательном уровне.

Литература

1. Искусственный интеллект – надежды и опасения: [сборник: перевод с английского В. Желнинова] / под ред. Джона Брокмана. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 384 с.
2. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с англ. Т.П. Мосоловой. М.: Эксмо, 2020. – 448 с.
3. Ладов В.А. Идея интенциональности в философии искусственного интеллекта Д. Деннета / В.А. Ладов // Открытое и дистанционное образование. – 2003. – № 1(9). – С. 13–18.
4. Ладов В.А. Философские проблемы искусственного интеллекта / Томск: Томск. гос. ун-т., 2005. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/AI211.pdf
5. Михайлов И. Ф. «искусственный интеллект» как аргумент в споре о сознании // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-argument-v-spore-o-soznanii>
6. Подпригорский А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть, 2019 № 1 (75) с. 7–20.

VALUES IN THE PHILOSOPHICAL RESEARCH OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Viktorov A.V.
RANEPА

Ethical and social questions occupy a special place in the research of the philosophy of artificial intelligence. They are that consciousness is associated with creativity and art, which seems to be impossible to reproduce into artificial intelligence at the moment. At the same time, if artificial intelligence is allowed to answer ethical questions, it will be able to decide the fate of people in moral dilemmas and beyond. This also includes the question of the responsibility of artificial intelligence, to what extent it is responsible for its actions and whether its creator should bear responsibility, how to define the limits of re-

sponsibility. Another issue is the extent to which artificial intelligence can be considered a person in relation to the digital transformation of society. What degree of constraint we can apply to artificial intelligence, and who should do it.

The danger of creating artificial intelligence is also noted. For example, the goals and tasks assigned to artificial intelligence must be constantly under human control, because the achievement of a certain goal may be of paramount importance to artificial intelligence, so that the program cannot take into account other circumstances, such as people's lives, human emotions, values, etc. There may also be a problem that artificial intelligence can become an instrument in a country's arms race that is destructive and uncontrollable.

In this connection, the ambiguity of the development of artificial intelligence becomes clear. On the one hand, this is a positive phenomenon that needs to be developed, since it brings benefits and development to society and improves technologies that are constantly being updated. But, on the other hand, artificial intelligence carries latent threats, such as competition, which can lead to deplorable consequences and permissiveness of artificial intelligence.

That is why it is necessary both to elaborate legislation in the field of artificial intelligence and philosophical understanding of this problem, since it is our task to give the right goals for artificial intelligence, to set the right vector of development, to put such conditions, in which it will be useful, not a threatening phenomenon, because even the simplest artificial intelligence to

collect grains of sand, if not controlled, is a potential threat.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, digital entity, superintelligence, superintelligence.

References

1. Artificial intelligence – hopes and fears: [collection: translated from English by V. Zhelninov] / ed. John Brockman. – Moscow: AST Publishing House, 2020. – 384 p.
2. Kurzweil R. The evolution of the mind: how the development of artificial intelligence will change the future of civilization / Per. from English. T.P. Mosolova. M.: Eksmo, 2020. – 448 p.
3. Ladov V.A. The idea of intentionality in D. Dennett's philosophy of artificial intelligence / V.A. Ladov // Open and distance education. – 2003. – No. 1(9). – S. 13–18.
4. Ladov V.A. Philosophical problems of artificial intelligence / Tomsk: Tomsk. state Univ., 2005. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/AI211.pdf
5. Mikhailov I. F. "artificial intelligence" as an argument in the dispute about consciousness // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-argument-v-spore-o-soznanii>
6. Podprigorsky A.V. Artificial intelligence as a discourse of self-knowledge and self-organization of digital society // Socium and power, 2019 No. 1 (75) p. 7–20.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Этимон цифры и числа

Крюков Виктор Васильевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий

E-mail: krukovzav@mail.ru

Хаяров Дамир Гареевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий

E-mail: hayarov.damir@yandex.ru

Темой статьи является происхождение цифр и чисел, причины появления счета и необходимость вычислений. Рассмотрены этимон, то есть архетип, первообраз цифры. Далее представлена функция цифры как знака, искусственного репрезентанта числа. Анализируется сущность числа как абстракции, идеализирующей количественную сторону любой реалии безотносительно к ее материи. Число есть базовая категория математики, исходное понятие, выражающее количественную сторону любых вещей или явлений. Число — одна из древнейших абстракций, когда мы отвлекаемся от содержания счета, того, что именно мы считаем, а принимаем во внимание количество как таковое. Наконец обсуждаются замечательные числа, а именно магическая семерка Пифагора и числа Фибоначчи, имеющие особенное значение в понимании природных и социальных структур. Пифагор понимал природу как порядок и красоту, а изначальный смысл слов «космос» и «хаос» уподоблялся строю воинов и толпе на рыночной площади, так вот Пифагор и Фибоначчи логикой и математикой сумели проникнуть в сущность вещей и выразить эту сущность числом и цифрой.

Ключевые слова: цифра, этимон, знак, репрезентация, число, счет, замечательные числа.

В жизни современного человека информационного общества цифра имеет исключительное значение. Можно констатировать, что случилась и интенсивно расширяет свой диапазон цифровизация всех сторон общения людей и приспособления к этой новой форме кодирования информации в различных сферах деятельности людей. Изобретение цифровой формы кодирования приписывают автору общей теории информации американскому инженеру фирмы Bell Клоду Шеннону, который использовал придуманную немецким великим философом и математиком Готфридом Лейбницем двоичную систему счисления. Однако Шеннон нашел способ цифрового выражения не только в математическом счете, но и в отображении вербальной и визуальной информации. Это привело к революции в применении информационных технологий и их воплощению в технике. Человечество вышло на качественно новый уровень: информационное общество.

Этимон цифры

Слово «цифра» пришло в современные европейские языки из арабского и заимствовано у мавров и сарацин. Это слово رف [šifr] то есть «пустой, нуль». Отсюда в латыни появилась cifra, которая в таком же виде попала в немецкий Ziffer, а дальше в русский «цифра» и «цыфирь» как употребление цифр: счет, арифметика. [6, с. 21; 1, с. 93]

В незапамятные времена количества не дифференцировали, а выражали словами: пара, тройка, дюжина, горсть, куча, охапка. Однако при становлении цивилизации появляются хозяйство, имущество, которому нужен учет, а значит точный счет. «Общество людей, социум отделяется от природы там и тогда, когда на смену потреблению готовых продуктов природы приходит производство все-

го необходимого для жизни. Признаком такого уровня развития культуры были города, поскольку начало производства знаменовал собой отказ от кочевого образа жизни и переход к оседлости». [2, с. 73]

«Экономика (от греч. *οἶκος* – вокруг и *νόμος* – дом) есть хозяйство, сфера общественного производства, в которой создаются, распределяются, обмениваются и потребляются утилитарные ценности как жизненные блага. Представим, к примеру, крестьянскую усадьбу. Что вокруг дома? Скотный двор: коровник, свинарник, конюшня. Угодья: огород, сад, парники, пашня. Постройки: сарай, амбар, погреб. Словом – все необходимое для производства продуктов с целью удовлетворения материальных потребностей человека». [2, с. 107] И все это надо считать.

Чтобы считать – нужны обозримые количества: камешки как в древнем абаке, зарубки на щепках, оттики клина на глиняных табличках. Но самый простой способ – это наши собственные пальцы. Так же, как гортань и язык всегда при нас для воспроизведения звуков, так и руки, пальцы всегда «под рукой» для предъявления цифры. Для примера римские цифры – это наглядно III палец, V – растопыренная ладонь, а X – скрещенные руки. Отсюда выражение древнего европейца «я знаю твои пальцы», а «пальцы на латыни *diditi* и отсюда в современном английском *digits* – числа и *digital* – цифровой. [4, с. 51] Десятичная система счисления в Европе, а теперь повсеместно производна от количества пальцев на руках, тем более, что ее удобно применять с разрядами, разложив на строчки как в греческом абаке и считать по отдельности десять единиц, десять десятков, десять сотен и т.д.

В древнем Шумере придумали шестидесятеричную систему счета, в основе которой было число 12. А это тоже пальцы! Вытянем вперед указательный, средний, безымянный и мизинец, отставив большой в сторону. В каждом пальце по три фаланги, и всего – двенадцать костяшек. Как наша дюжина. А она везде. На циферблате часов 12 цифр.

Один круг – день (половина большого пальца), еще круг – ночь (большой палец загнуть). Между цифрами деления на пять минут, и один оборот минутной стрелки дает нам час, 60 минут. Аналогично 60 секунд в минуте. Небесный круг включает в себя 12 созвездий Зодиака, и отсюда 12 месяцев составляют год продолжительностью 360 суток (остаток в 5 дней шумеры праздновали междугодье, т.е. проводили их праздну, не работали).

Интересно, что деление окружности на 12 частей имело и практический смысл. Если связанную кольцом веревку с 12 отмеченными равными долями растянуть между тремя колышками в соотношении 3–4–5, то мы получим прямой угол, что имеет значение в геодезии и в геометрии для разметки земельных участков, прокладки оросительных каналов или при выведении ровных углов в строительстве. А соотношение, о котором идет речь – это простейшее целочисленное решение теоремы Пифагора, которое было известно шумерам и запечатлено в чертежах на глиняных клинописных табличках эпохи царя Хаммурапи. Это знание переняли древние египтяне и начертали на росписях внутри пирамид за полторы тысячи лет до рождения Пифагора. Другое дело, что Пифагор, кроме целочисленных решений построил строгое доказательство верности целых соотношений для любой длины катетов, открыв факт несоизмеримости отрезков и иррациональные числа.

Кроме того «Пифагор сакральное, герметическое знание сделал открытым и доступным любому человеку не только в Союзе пифагорейцев, но и любопытствующему предметом математики. Именно поэтому пропорцию прямого угла, которая в частности задает отношение длины окружности к ее радиусу мы обозначаем буквой π – первой буквой в имени Пифагора, и его же именем называем знаменитую теорему». [6, с. 64; 5]

Функция цифры

Сущность цифры есть то, что она выражает число, является знаком числа.

Знаки – это репрезентанты вещей. Если слово «презентация» переводится как предъявление, демонстрация, то префикс «ре» означает «вновь», «еще раз». Когда мы показываем кому-нибудь не саму вещь, а то, что ее заменяет и представляет, мы используем знак. В науке о знаках *семиотике* (от греч. *sema* – признак, указатель) есть базовое определение: знак есть вещь, которая замещает собой другую вещь.

Слово «знак» происходит от праславянского *znakъ. «Знаки изобретают тогда, когда презентацию трудно или вообще невозможно реализовать. Тогда люди создают новые вещи, единственное предназначение которых – представлять, репрезентировать вещи первого рода, которые мы не можем «имати», т.е. иметь как таковые, но о которых мы получаем возможность «знати», т.е. иметь о них представление. Соотнеся первые со вторыми, мы сможем «понимати», о чем идет речь.

В качестве знаков можно использовать все что угодно: звуки, изображения, запахи, жесты, но наиболее употребительны в качестве знаков специально созданные и хорошо приспособленные для решения задач коммуникации, т.е. общения, обмена знаками – *символы*. [2, с. 96]. Символ не является «портретом» вещи, как знаки-образы: рисунки, картины, фотографии, исполняемые актерами роли, изображаемые жестами артистов пантомимы предметы. Символ есть нечто исключительно условное, отношение чего к предмету, к первичной вещи устанавливается чисто конвенционально (от лат. *conventia* – соглашение). Мы просто сговорились – и все с этим согласились, что знак \$ означает доллар, знак & заменяет союз «и», а знак% выражает процент или сотую долю некоторой величины. [Там же] От этого же корня «знати» в церковном лексиконе есть слово «знамение» как предвестие грядущих событий или в армейском обиходе «знамя» как предмет, вокруг которого на поле боя собираются бойцы. Или в гражданском обиходе «знатные люди» это известные личности «на виду и на слуху».

Сущность числа

В свою очередь *число* есть базовая категория математики, исходное понятие, выражающее количественную сторону любых вещей или явлений. Число – одна из древнейших абстракций, когда мы отвлекаемся от содержания счета, того, что именно мы считаем, а принимаем во внимание количество как таковое. Таким образом число есть идеальный объект, не имеющий собственного воплощения, но присутствующий инвариантно во множестве телесных вещей и организующий, упорядочивающий их бытие. Двенадцать фаланг в пальцах, двенадцать часов на циферблате, двенадцать знаков Зодиака, двенадцать апостолов у Иисуса Христа – во всех случаях число выражает не только количество элементов, но выражает завершенность, закругленность и внутреннюю гармонию структуры, стройность некоторого множества. Именно в круге (двенадцать) реализуется пропорция Пифагора: 3–4 – 5.

Замечательные числа

В качестве примеров наиболее удивительных чисел приведем магическую семерку Пифагора и число Фибоначчи.

Число 7 присутствует в множестве реалий. Семь чудес света, семь великих мудрецов, семь цветов радуги, семь нот в музыкальной гамме и т.д. Самое простое объяснение – это семь дней недели: число, привязанное к лунному календарю. Семь – это четверть лунного цикла: от новолуния до половины диска Луны, далее до полнолуния и в обратном порядке. Это естественный счет времени, поскольку мерило буквально у всех перед глазами. Но есть и более сложные версии.

Пифагор учил тому, что положение любого тела определяется семью точками: впереди, позади, слева, справа, вверху, внизу и в центре, а это же архетип декартовой системы координат в трехмерном континууме! В космологии Пифагора семь небесных тел: Луна, Солнце, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Строение Космоса определяется семеркой: Земля в центре, а остальные планеты расположены

на сферах в соответствии с идеальными телами. Вокруг сферы Луны строится тетраэдр, по вершинам которого описывается сфера Солнца. Вокруг этой сферы строится октаэдр, по вершинам которого строится сфера и следующий идеальный многогранник пентаэдр, и далее икосаэдр, додекаэдр и пр. Удивительно, что если реализовать пропорцию Пифагора к радиусам орбит планет вокруг Солнца – все почти совпадет. Причина в трехмерности физического пространства.

В 1979 году на Проблемном совете по диалектике в Ленинградском университете выдающийся методолог науки Ю.А. Урманцев, которого называли Эйнштейном от биологии, сделал доклад «О магической семерке», в котором показал, что семерка определяет возможности комбинирования вариантов модификации систем. Менять можно количество элементов, качество элементов и порядок их расположения. Например в слове «гул» добавим букву и получим «гугл» (количество); изменим букву и получим «гол» (качество); не меняя букв, изменим порядок и получим «луг». Далее можно одновременно провести перестановки 1 и 2, 1 и 3, 2 и 3, наконец 1, 2, 3 вместе. Тем самым мы исчерпаем комбинаторную емкость в семь возможных перестановок. Применяя неиспользованные варианты, ученики Урманцева защитили десятки диссертаций, многие из которых тянули на открытия.

Семерки есть и в других областях. В социальной психологии семь плюс-минус два есть верхний предел количества людей в малой группе. В демографии семь – это лаг смены поколений, поскольку семь лет определяют смену фаз возраста человека: семь лет детства, семь лет отрочества, семь лет юности и т.д.

Число Фибоначчи – это пропорция, которую еще называют «золотым сечением», это когда отрезок прямой делится на части в соотношении: большая часть относится к меньшей так же, как весь отрезок относится к большей части. Или еще: чтобы построить золотое сечение, надо иметь «удвоенный квадрат», т.е. прямоугольник со сторонами 1 и 2. Диа-

гональ прямоугольника равна корню квадратному из 5. Вычтя из диагонали меньшую сторону и отложив остаток на большей стороне, мы и получим «золотое сечение». [3, с. 59] Число Фибоначчи имеет значение 1,618 и обозначается буквой ϕ (фи), а она относится к имени скульптора Фидия, который применял золотое сечение, открытое Пифагором, в своем творчестве. Гармоничная фигура человека должна быть такой: точка пупка делит рост в пропорции 1 к 2; колено делит ногу и локоть делит руку в отношении 1 к 2; линия бровей и линия носа делят лицо в пропорции 1 к 2; зрачок глаза делит лицо 1 к 2. Именно в пропорциях выражены гармония, симметрия, а значит красота и совершенство!

Число Фибоначчи имеет огромное значение в теории фракталов, или самоподобных структур, в которых реализуется пропорция Фибоначчи, когда в некоторой последовательности реализуется порядок: каждое следующее число есть сумма двух предыдущих. Это 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 и т.д. Ну а фрактальные структуры мы находим всюду: в пропорциях египетских пирамид и в строении кристаллов, в расположении цветов и листьев растений и в колониях муравьев и пчел, в городских инфраструктурах и в строении социальных сетей.

Вывод

Пифагор и Фибоначчи исключительно силой мысли и убежденностью в правильности устройства Космоса, а космос – это порядок и красота в древнегреческом языке в противоположность хаосу и неустройству. Изначальный смысл слов «космос» и «хаос» уподоблялся строю воинов и толпе на рыночной площади, так вот Пифагор и Фибоначчи логикой и математикой сумели проникнуть в сущность вещей и выразить эту сущность числом и цифрой.

Литература

1. Делман И.Я. История арифметики. М.: Просвещение. – 1965. – 416 с.
2. Крюков В.В. Сумма аксиологии: монография. Новосибирск: Изд-во

- НГТУ, 2018. – 207 с.: ил., 10 цв. ил. (Серия «Монографии НГТУ»).
3. Кузнецов Ю.И. Естествознание и математика. Новосибирск, Изд. Лада. – 2002. 255 с.
 4. Меннингер К. История цифр. Числа, символы, слова / Пер. с англ. Е.В. Ломановой. М., ЗАО Центрполиграф. – 2021. – 543 с.
 5. Юшкевич А.П. История математики. Т. 2. М., Наука. 1970. 302 с.
 6. Ifrah G. The Universal History of Numbers. – John Wiley & Sons. – 2000. – 635 p.

THE ETYMON OF A DIGIT AND OF A NUMBER

Kryukov V.V., Khayarov D.G.

Siberian State University of Geosystems and Technologies

The topic of the article is the origin of digits and numbers, the reasons for the appearance of the account and the need for calculations. The etymon, that is, the archetype, the prototype of the figure, is considered. The following is the function of a digit as a sign, an artificial representative of a number. The essence of number is analyzed as an abstraction idealizing the quantitative side of any reality regardless of its matter. Number is the basic category of mathematics, the initial concept expressing the quantitative side of any things or phenomena. The number is one of the oldest abstractions when we are dis-

tracted from the content of the account, what exactly we count, and take into account the quantity as such. Finally, remarkable numbers are discussed, namely the magic seven of Pythagoras and the Fibonacci numbers, which are of particular importance in understanding natural and social structures. Pythagoras understood nature as order and beauty, and the original meaning of the words “cosmos” and “chaos” was likened to the formation of warriors and the crowd in the market square, so Pythagoras and Fibonacci logic and mathematics were able to penetrate into the essence of things and express this essence in digits and numbers.

Keywords: digit, etymon, sign, representation, number, count, remarkable numbers.

References

1. Depman I. Ya. History of arithmetic. M.: Enlightenment. – 1965. – 416 p.
2. Kryukov V.V. Sum of axiology: monograph. – Novosibirsk: Publishing House of NSTU, 2018. – 207 p.: ill., 10 tsv. il. (Series “Monographs of NSTU”).
3. Kuznetsov Yu.I. Natural science and mathematics. – Novosibirsk: Ed. Lada. – 2002. – 255 p.
4. Menninger K. The history of numbers. Numbers, symbols, words / Translated from English by E.V. Lamanova. – M., ZAO Tsentrpoligraf. – 2021. – 543 p.
5. Yushkevich A.P. History of Mathematics. Vol.2. M., Nauka, 1970. – 302 p.
6. Ifrah G. The Universal History of Numbers. – John Wiley & Sons, 2000. – 635 p.

Социальные аспекты внутриколлективных конфликтов в современных организациях: основные причины и пути решения

Собин Антон Андреевич,

ДВА, МВА, Высшая школа корпоративного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: info@antonsobin.expert

Латышева Наталия Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры Экономической теории и менеджмента, Российский университет транспорта (МИИТ-РОАТ)
E-mail: natal59@mail.ru

Александрова Ирина Борисовна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра средового и графического дизайна, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
E-mail: Irinann1954@yandex.ru

Семенова Надежда Владиславовна,

кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
E-mail: huraskina@mail.ru

Гусакова Ирина Михайловна,

старший преподаватель кафедры Инженерной графики и компьютерного моделирования, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: gusakova_i@mail.ru

Данная статья посвящена социальным аспектам, причинам и путям решения внутриколлективных конфликтов в современных организациях. В статье были описаны основные положения, раскрывающие особенности коллектива и совместной коллективной деятельности. Авторами показано, что противоречия в интересах, целях, ценностях, а также в организационных условиях совместной деятельности членов коллектива являются источником возникновения внутриколлективных конфликтов. Раскрыты социально-психологические факторы и сущность внутриколлективных конфликтов в современных организациях. Показано, что конфликт выступает как системный социально-психологический феномен, в основе которого лежат противоречия и противодействия сторон конфликтного взаи-

модействия. Развитие конфликтной ситуации в коллективе современной организации требует принятия комплекса мер по ее разрешению. Проведен анализ системы мер по управлению внутриколлективными конфликтами в современной организации. Показано, что процесс разрешения внутриколлективных конфликтов в организации опосредован личностными детерминантами участников конфликта, которые оказывают влияние на восприятие и когнитивную оценку конфликтной ситуации, личностных особенностей ее участников, способы анализа и урегулирования конфликтной ситуации.

Ключевые слова: организация, коллектив, внутриколлективный конфликт, причины конфликтов, конфликтное взаимодействие, пути решения конфликта.

Развитие современной организации как социального института определяется комплексом многочисленных социально-психологических факторов, одним из которых является конфликт и лежащие в его основе противоречия, детерминирующие возникновение и развитие конфликтного взаимодействия внутри коллектива организации. Интенсификация и информатизация системы управления организации, производственных отношений внутри ее коллектива, рост и противоречивость потоков информации в современных организациях обуславливают противоречивость и напряженность в системе коммуникационных связей в организации, что зачастую является дополнительным фактором развития конфликтной среды и конфликтного взаимодействия в современных организациях.

Для анализа внутриколлективных конфликтов в современных организациях необходимо описать основные положения, раскрывающие особенности коллектива и совместной коллективной деятельности. Предпосылками формирования первоначальных представлений о группе как совокупности людей, объединенных общностью интересов и деятельности. А.В. Петровский определяет коллектив как группу, где «групповые процессы опосредованы содержанием совместной общественно ценной деятельности» [7, с. 55]. В отличие от диффузных групп, коллектив объединен общими интересами, целями, ценностями и совместной деятельностью, а коллектив организации объединен целями и ценностями совместной профессиональной деятельности сотрудников организации. Индивидуальные профессиональные цели, ценности, нормы, статусы и роли, лежащие в основе профессиональной деятельности сотрудников организации, взаимодействуют и воздействуют на коллективные через межличностные взаимоотношения, которые, в свою очередь, опосредствованы содержанием групповой совместной деятельности, ее целями и задачами. Совместная коллективная деятельность

имеет свои преимущества, к которым относятся:

- наличие единых целей, общая мотивация профессиональной группы;
- разделение единого процесса деятельности на функционально связанные действия и их распределение между участниками коллектива;
- синтез индивидуальных деятельностей специалистов разного профиля для достижения совместных целей, согласованное выполнение разделенной и одновременно кооперированной деятельности, направленные на общий результат;
- повышение роли профессионального общения.

В свою очередь противоречия в интересах, целях, ценностях, а также в организационных условиях реализации совместной деятельности членов коллектива являются источником возникновения внутриколлективных конфликтов, что оказывает деструктивное влияние на результаты совместной деятельности сотрудников организации.

Конфликт в самом общем виде определяется как одно из условий социально-психологического развития организации, коллектива и личности профессионала. В основе организационных противоречий, запускающих развитие конфликтной ситуации и конфликтного взаимодействия, лежат противоположные интересы, цели и ценности участников конфликта, образующих коллектив организации. Для осмысления социальных аспектов, причин и путей решения внутриколлективных конфликтов в современных организациях необходимо раскрыть современные взгляды на сущность и структуру конфликта как социально-психологического явления.

К настоящему времени раскрыты методологические основы, социально-психологические механизмы и структурно-функциональные компоненты конфликта. Сущность конфликта определяется следующим образом:

- согласно А.Я. Анцупову, А.И. Шипилову, конфликт – «острый способ развития и завершения противоречий,

- возникающих в процессе социального взаимодействия» [1, с. 75];
- по мнению А.В. Дмитриева, конфликт понимается как «проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон» [5, с. 73];
 - согласно О.И. Щербаковой, конфликт определяется как «взаимодействие субъектов общения, для которого характерно наличие противоречия, противодействий (противоборства/противостояния) и негативных эмоций у конфликтующих» [8, с. 80].

Внутриколлективный конфликт следует рассматривать как разновидность межличностного конфликта, который может быть определен как «ситуация противостояния участников, воспринимаемого и переживаемого ими как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешение ситуации в интересах обеих или одной из сторон» [4, с. 104].

Внимания заслуживают вопросы о структуре конфликта. Существуют различные точки зрения на структуру конфликта. По мнению А.Я. Анцупова, А.И. Шипилова конфликт включает такие компоненты, как: предмет конфликта, объект конфликта, участники конфликта, микро- и макросреда [2]. Рассматривая внутриколлективный конфликт с точки зрения участников конфликтной ситуации О.И. Щербакова в структуре конфликта выделяет «противоречие, составляющее когнитивный компонент конфликта; противодействия (противоборство), составляющие поведенческий компонент конфликта; негативные эмоции, составляющие аффективный компонент конфликта; блокируемые потребности и цели субъектов взаимодействия, составляющие мотивационный компонент конфликта» [8, с. 15]. Таким образом, конфликт выступает как системный социально-психологический феномен, в основе которого лежат противоречия и противодействия сторон конфликтного взаимодействия.

Каковы причины конфликта в современных организациях с точки зрения анализа их социально-психологических факторов и детерминант? Типология причин конфликтов в организационной среде раскрыта Н.И. Добиной, которая выделила организационно-управленческие, социально-психологические и личностные причины конфликтов. И если организационно-управленческие причины конфликтов в большей степени отражают противоречия в системе управления организации, то социально-психологические и личностные причины конфликтов отражают противоречия и противоборство в системе коммуникации при реализации профессиональной деятельности современной организации. Так, например, к социально-психологическим причинам конфликтов относятся «потери и искажения информации, несбалансированное ролевое поведение в процессе межличностного общения; различия в позициях к решению проблемы, к оценке результатов деятельности и личных качеств; внутригрупповой фаворитизм; конкурентный характер взаимодействия с другими людьми и группами; ограниченные способности к изменению своей позиции при сопоставлении ее с позициями других» [5, с. 22].

К личностным причинам конфликтов относятся «отсутствие психологической устойчивости к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов социального взаимодействия (конфликтоустойчивости); недостаток эмпатии, завышенный или заниженный уровень притязаний и связанный с этим уровень самооценки; акцентуации характера; участие в конфликте конфликтной личности» [5, с. 23]. Анализируя личностные причины конфликтов ученые раскрывают такую личностную характеристику как конфликтность личности. А.Я. Анцупов определяет конфликтность как интегральную характеристику личности, которая влияет на частоту вступления в межличностные конфликты. Конфликтность определяется комплексным действием многообразных факторов жизнедеятельности личности,

в том числе и личности сотрудника организации: психологических, социально-психологических и социальных факторов:

- к психологическим факторам относятся индивидуально-типологические и эмоционально-личностные особенности, а именно уровень агрессивности, психологическая устойчивость, уровень притязаний, актуальное эмоциональное состояние и др.);
- к социально-психологическим факторам относятся социальные установки и ценности, отношение к оппоненту, эгоцентрическая направленность во взаимодействии и др.;
- к социальным факторам относятся условия жизни и деятельности человека, социальное окружение, общий уровень культуры и др. [1].

Похожее определение конфликтности личности находим у Н.В. Гришиной. Согласно автору, конфликтность определяется как интегральное свойство личности, отражающее частоту вступления в межличностные конфликты, которое обуславливается ее природными задатками и социальным опытом [4]. Таким образом, конфликтность личности сотрудника современной организации является личностной детерминантой, оказывающей влияние на частоту возникновения и развития конфликтов в коллективе организации.

Возникновение и развитие конфликтной ситуации в коллективе современной организации требует принятия комплекса мер по их разрешению с учетом особенностей требований организационной среды и профессиональной деятельности сотрудников организации. В связи с этим актуализируется проблема управления внутриколлективными конфликтами, которое включает «сознательную деятельность по отношению к конфликту, осуществляемую на всех этапах его возникновения, развития и завершения участниками конфликта или третьей стороной» [5, с. 187]. Управление конфликтами включает в себя несколько этапов, которые соотносятся с его динамикой. Алгоритм управления конфликтами, в том числе и внутриколлективными

конфликтами в организации, согласно М.С. Вершинину, представляет собой ряд действий, а именно:

- «анализ конфликтной ситуации;
- выявление личностных особенностей участников конфликта;
- сбор разнообразной информации о конфликте;
- выбор стратегии управления конфликтной ситуацией;
- собеседование с участниками конфликта;
- конкретные шаги по устранению причин конфликта;
- создание общественного мнения, направленного на разрешение конфликта;
- использование по необходимости правовых или административных мер по устранению причин конфликта» [3, с. 52–53].

Действия по разрешению внутриколлективных конфликтов в рамках системы управления конфликтами в организации опосредованы личностными детерминантами участников конфликта, которые оказывают влияние на восприятие и когнитивную оценку конфликтной ситуации, личностных особенностей ее участников, способы анализа и урегулирования конфликтной ситуации. Поэтому анализируя внутриколлективные конфликты в организации, следует обратить внимание на способность профессионального коллектива к саморефлексии, которая рассматривается как важнейший психологический механизм преодоления и разрешения противоречий и конфликтов в процессе коллективной профессиональной деятельности. Рефлексия, рефлексивные способности и процессы в коллективной профессиональной деятельности образуют системный механизм как преодоления внутриколлективных конфликтов, так и профессионального развития коллектива организации и его участников.

Таким образом, возникновение и развитие внутриколлективных конфликтов в современных организациях обусловлено комплексом причин, среди которых важная роль отводится ценностям, целям и личностным особенностям субъектов

конфликта, определяющих восприятие и отношение к конфликтным ситуациям и ее участникам, а также способы их разрешения. Необходимо отметить, что для разрешения внутриколлективных конфликтов в современных организациях эффективным является системный подход, учитывающий совокупность факторов, причин и динамику конфликтной ситуации, а также использование всего комплекса методов управления конфликтами.

Литература

1. Анцупов А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – Питер, 2015. – 291 с.
2. Анцупов А.Я. Конфликтология в схемах и таблицах / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. – СПб.: Питер, 2016. – 335 с.
3. Вершинин М.С. Конфликтология: Конспект лекций. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. – 64 с.
4. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
5. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебник. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.
6. Добина Н.И. Психологическая структура конфликтности студентов с различным социометрическим статусом: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – Ярославль, 2011. – 208 с.
7. Петровский А.В. Психологическая теория групп и коллективов на новом этапе // Вопросы психологии. – 1977. – № 5. – С. 48–60
8. Щербакова О.И. Формирование и развитие понятия «конфликтологическая культура личности» в теории и практике современной конфликтологии // Проблемы современного образования. Новые исследования в образовании. – 2010. – № 2. – С. 78–83.

SOCIAL ASPECTS OF INTRA-COLLECTIVE CONFLICTS IN MODERN ORGANIZATIONS: MAIN CAUSES AND SOLUTIONS

Sobin A.A., Latysheva N.A., Aleksandrova I.B.,
Semenova N.V., Gusakova I.M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian University of Transport, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Moscow state university of civil engineering (national research university)

The article is devoted to social aspects, causes and ways of solving intra-collective conflicts in modern organizations. The main provisions that reveal the features of the team and joint collective activities are described. It is shown that contradictions in the interests, goals, values, as well as in the organizational conditions of joint activities of team members are the source of intra-collective conflicts. The socio-psychological factors and the essence of intra-collective conflicts in modern organizations are revealed. It is shown that the conflict acts as a systemic socio-psychological phenomenon, which is based on the contradictions and opposition of the parties to the conflict interaction. The development of a conflict situation in the team of a modern organization requires the adoption of a set of measures to resolve it. An analysis of the system of measures for managing intra-collective conflicts in a modern organization has been carried out. It is shown that the process of resolving intra-collective conflicts in an organization is mediated by the personal determinants of the participants in the conflict, which influence the perception and cognitive assessment of the conflict situation, the personal characteristics of its participants, the ways of analyzing and resolving the conflict situation.

Keywords: organization, collective, intra-collective conflict, causes of conflicts, conflict interaction, ways of conflict resolution.

References

1. Antsupov A. Ya. Conflictology / A. Ya. Antsupov, A.I. Shipilov. – Peter, 2015. – 291 p.
2. Antsupov A. Ya. Conflictology in schemes and tables / A. Ya. Antsupov, S.V. Baklanovskiy. – St. Petersburg: Peter, 2016. – 335 p.
3. Vershinin M.S. Conflictology: Lecture notes. – St. Petersburg: Publishing House of Mikhailov V.A., 2003. – 64 p.
4. Grishina N.V. Psychology of conflict. – St. Petersburg: Peter, 2008. – 544 p.
5. Dmitriev A.V. Conflictology: textbook. – M.: Alfa-M: INFRA-M, 2011. – 336 p.
6. Dobina N.I. Psychological structure of students' conflict with different sociometric status: dis. ... candidate of psychological

- sciences: 19.00.05. – Yaroslavl, 2011. – 208 p.
7. Petrovsky A.V. Psychological theory of groups and collectives at a new stage // Questions of psychology. – 1977. – No. 5. – P. 48–60
 8. Shcherbakova O.I. Formation and development of the concept of “conflictological culture of personality” in the theory and practice of modern conflictology // Problems of modern education. New research in education. – 2010. – No. 2. – P. 78–83.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Guguev D.K. Digitalization in the modern city: a sociological analysis..... 4

Zavarzina Yu.V. The role of road transport infrastructure in the development of the region: social modeling and forecasting 14

Kravchenko A.I. Sociology of everyday life 41

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G. Russian ideas about sleep and dreams 61

Baev P.A. Civil and national identity of Russians 69

Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Shantanov R.V. Sociocultural features of the development of rural territories as a factor in changing the vector of population interaction in conditions of mixed ethnic settlements 77

Zhuravlev A.A. Import substitution policy: constructing public opinion through media resources 86

Zhuravleva I.A. Social effects of digitalization of public administration 93

Lyubertsev P.P. Studying the aspects of changing the living space of young people 110

Mekhrishvili L.L., Shestakov S.A., Farakhutdinov Sh.F., Yudashkin A.V. Family in the context of the socio-demographic policy of the region 118

Moskvitina N.V. Gender aspects of regional employment policy: the example of the Irkutsk region 129

Turkova V.N. Expert analysis of corruption in sports 146

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Gavrilov P.S. Formation of the environmental identity of educational migrants in Russian universities.. 156

Kalinich V.S., Verpatova O.Y. Patriotism in the perception of modern students 165

Kogan E.A. Comparison of the ideal and real images of a teacher of a technical university .. 175

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Potemkin V.K., Velmisova D.V., Mikhailov S.G. Perception Factor in Enterprise Development Strategy..... 181

Igumnov O.A., Musarsky M.M. Social capital as the organizational knowledge formation management factor: socioresource approach. 188

Rzaeva A.R. Approaches to the choice of personnel training methods in trade organizations 197

Usov V.N., Burtsev S.A., Mironov A.S. Social consequences of changing leisure preferences of modern youth: from active forms of recreation to online entertainment ... 204

Ushakov E.V. The problem of classification of data types in public administration research 212

Fedotova T.V. Main directions for improving social technologies in the educational management system..... 218

SOCIAL PHILOSOPHY

Viktorov A.V. Values in the philosophical research of artificial intelligence 228

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Kryukov V.V., Khayarov D.G. The Etymon of a digit and of a number 235

Sobin A.A., Latysheva N.A., Aleksandrova I.B., Semenova N.V., Gusakova I.M. Social aspects of intra-collective conflicts in modern organizations: main causes and solutions 240

